И. А. Ильинъ.

ФИЛОСОФІЯ ГЕГЕЛЯ

КАКЪ УЧЕНІЕ

о конкретности Бога и человѣка.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Ученіе о Богѣ.

10711

Изд Г. А. Лемана и С. И. Сахарова.

МОСКВА.
1918 г.

Пров. 1966
ПФ

2947

627
38

Типо литографія бывш Рихтеръ. Тверская, Мамоновскій пер., д 2.

Посвящается

Наталіи Николаевнѣ

Ильиной.

Предисловіе.

Въ преддверіи новыхъ исканій и достиженій, въ борьбѣ за духовную чистоту, за подлинность опыта и предметность познанія, — философіи естественно обращаться къ своему прошлому, для того, чтобы находить въ его лучшихъ созданіяхъ вдохновеніе и напутствіе. Истинно великое и значительное всегда остается очагомъ духа, способнымъ зажечь новые огни и дающимъ вѣрный знакъ о новыхъ, грядущихъ побѣдахъ. Геніальное созданіе служитъ какъ бы дверью для всякаго, отыскивающаго доступъ къ самому предмету, но надо сумѣть не загородиться этою дверью отъ предмета, а открыть ее для себя и для другихъ: открыть для того, чтобы начать борьбу за самостоятельный, подлинный опытъ и за истинное, предметное знаніе. Въ этомъ—высшая и основная задача исторіи философіи.

Страннымъ и непонятнымъ можетъ показаться „возрожденіе“ гегеліанства на первый взглядъ, особенно тому, кто не слѣдилъ за судьбою нѣмецкаго идеализма. Да и освѣдомленному уму могло бы показаться, что послѣ разрушительной работы Бахмана, Тренделенбурга, Гайма, Гартманна и Макъ-Таггарта, послѣ того глубокаго охлажденія къ ученію Гегеля, которое постепенно установилось въ Германіи во второй половинѣ девятнадцатаго вѣка, послѣ состоявшагося возвращенія къ Канту и въ виду явной тенденціи къ раздѣленію единой философіи на цѣлый рядъ самостоятельныхъ и спеціальныхъ наукъ,—трудно было бы ожидать „возрожденія“ гегеліанства. А, между тѣмъ, оно возрождается, и притомъ именно не во Франціи, гдѣ ему предстоитъ еще только „зародиться“, и не въ Италіи или Англіи, гдѣ интересъ къ Гегелю все возрасталъ и укрѣплялся, начиная съ пятидесятыхъ-шестидесятыхъ годовъ,

а именно въ Германіи, изжившей до конца свое философское наслѣдіе и нынѣ ищущей творческаго выхода изъ предметной пустоты

Четверть вѣка тому назадъ покойный князь С. Н. Трубецкой, глубоко цѣнившій ученіе Гегеля, посѣтивъ Германію, указывалъ на то, что Гегеля тамъ мало изучаютъ и плохо знаютъ; и трудно не признать, что и теперь еще немногое въ этомъ отношеніи измѣнилось къ лучшему. Не говоря уже о множествѣ извѣстныхъ, работающихъ въ философіи, ученыхъ, которымъ Гегель остается совсѣмъ чуждымъ (таковы психологи, кантіанцы, фихтеанцы, фрисіанцы, эмпирики, релятивисты и другіе), но и среди тѣхъ, которые пишутъ о Гегелѣ, а еще болѣе говорятъ о немъ,— очень немного такихъ, которые дѣйствительно углублялись въ историко-философское изученіе его системы. Старшее поколѣніе не обращалось къ нему сознательно, хотя и восприняло многое изъ философской атмосферы его времени; а молодое поколѣніе не сумѣло еще найти самостоятельный подходъ къ его философіи и вработаться въ строй его идей. Вотъ почему „возрождающееся“ гегеліанство застаетъ всѣхъ какъ бы въ нѣкоторой безпомощности: глубокому и внутренно-мотивированному тяготѣнію не соотвѣтствуетъ достаточное знаніе того, къ чему влечется духъ и мысль. О Гегелѣ говорятъ и пишутъ, но не знаютъ точно, чему же именно онъ училъ и чего хотѣлъ; литература о немъ изобилуетъ самыми курьезными сужденіями и недоразумѣніями; повидимому, никто не замѣчаетъ, что здѣсь что то упущено, что утраченъ нѣкоторый заповѣдный входъ, который непремѣнно долженъ быть вновь отысканъ. И только Виндельбандъ, со свойственнымъ ему глубокимъ взглядомъ и идейной честностью, указалъ на то, что новое поколѣніе должно еще дорости до пониманія этой философіи

Утрачено *непосредственное чувствованіе* гегелевой мысли, живое ви́дѣніе съ нимъ вмѣстѣ, *его* міра и въ *его* спекулятивныхъ категоріяхъ и терминахъ. А внѣ этого чувствованія и ви́дѣнія трудно говорить о его идеяхъ и воззрѣніяхъ. Ибо такова одна изъ основныхъ особенностей всякой геніальной мысли, что она *не можетъ быть понята одною мыслью*. А въ отношеніи къ Гегелю это обнаруживается съ особенною силою. Гегель, какъ выразился Розмини, влагаетъ во всѣ содержанія какъ бы „нѣкото-

рое безуміе“: онъ говоритъ обо всемъ и, даже, о самомъ обычномъ такъ, что оно повертывается къ зрителю какою то новою, невиданною, какъ бы внутренно-противорѣчивою и едва улавливаемою въ пониманіи стороною: въ знакомомъ раскрывается небывалое, въ простотѣ—сложность, въ неподвижномъ спокойствіи—смятеніе и хаосъ, въ доступности—неодолимая трудность; сдвигаются непривычно всѣ обыденныя понятія; мысль чувствуетъ себя какъ бы перемѣщенною въ новое измѣреніе и дивится, не довѣряя себѣ и своимъ содержаніямъ. Гегель видитъ предметъ по своему: онъ какъ бы *видитъ* его *мыслью* и *мыслитъ* его какъ бы *воочію*, приближаясь въ этомъ къ Пармениду и Платону.

Тотъ, кто говоритъ о „возрожденіи“ Гегеля, долженъ научиться видѣть съ нимъ вмѣстѣ: онъ можетъ потомъ отказаться отъ этого способа ви́дѣнія, но онъ долженъ предварительно овладѣть имъ, чтобы знать, *что* же именно Гегель имѣлъ въ виду, *отъ чего* изъ этого, имѣвшагося въ виду, слѣдуетъ теперь отказаться, и *почему* именно. Всякой критикѣ и всякому ученію необходимо предшествуетъ—*пониманіе* отвергаемаго и пріемлемаго: историкъ философіи является прежде всего *историкомъ*, изучающимъ данную систему опыта и идей, и лишь затѣмъ становится *философомъ*, самостоятельно созерцающимъ предметъ и критически сопоставляющимъ изслѣдованное ученіе съ предметнымъ содержаніемъ. Или, точнѣе: историкъ философіи, оставаясь все время философомъ, созерцаетъ предметъ сначала черезъ опытъ и черезъ идеи изучаемаго философа, а потомъ уже самостоятельно и критически.

Это означаетъ, что ему надлежитъ овладѣть изучаемой системой *изнутри:* принять ее въ себя, потерять себя въ ней и усвоить ее такъ, какъ если бы она была его собственнымъ созданіемъ,—усвоить ея стиль, ея актъ и ея содержаніе.

Всякое философское ученіе дано изучающему, прежде всего, въ видѣ ряда словесныхъ формулъ, въ большинствѣ случаевъ записанныхъ самимъ мыслителемъ и преданныхъ тисненію. Въ этой первой, словесной видимости скрывается нѣкое содержаніе, подразумѣваемое за каждымъ высказаннымъ словомъ. Для того, чтобы произведеніе могло быть признано аутентическимъ, связь между означивающимъ словомъ и означеннымъ содержаніемъ должна быть обрѣтена и установлена самимъ мыслителемъ. Актъ

„облеченія въ слово“ доступенъ только тому, кто пережилъ содержаніе *непосредственно*; и только на второмъ планѣ могутъ быть приняты во вниманіе *не* непосредственныя формулы, проистекающія изъ другого сознанія Одиночество творящей души,—въ испытаніи и въ мысли, въ созерцаніи и въ словѣ,—не устранимо и ненарушимо ничѣмъ; и казалось бы, что, при такомъ положеніи вещей, утвержденіе Горгія о невозможности передать другимъ познанное (*οὐ δηλωτὸν ἄλλοις*), должно было бы получить полное признаніе. И, тѣмъ не менѣе, путь усвоенія чужого познающаго опыта возможенъ, необходимъ и реаленъ. Это есть путь *художественнаго отождествленія* исторически изучающаго духа—съ духомъ, творчески созерцавшимъ предметъ; осуществимость этого пути гарантируется природою *мысли*, придающей своимъ содержаніямъ характеръ *тождественности* и *повторяемости*; а критеріемъ или признакомъ того, что это отождествленіе состоялось, будетъ тотъ свѣтъ пониманія, которымъ освѣтится и сущность ученія и глубина самого объективнаго обстоянія: утвержденія и слова, свиду искажавшія природу единаго для всѣхъ философскаго предмета, раскрываются и пріемлются, какъ *имъ* порожденныя, какъ насыщенныя *его* присутствіемъ и отражающія *его* черты, даже въ своей неточности или ошибочности. Историку философіи задано осуществить *тайну художественнаго перевоплощенія*: *принять чужое предметo-созерцаніе* и усвоить его съ тѣмъ, чтобы раскрыть воочію его силу и его ограниченность.

Понять чужое ученіе не значитъ вложить *свое* содержаніе въ чужія слова; но значитъ обрѣсти то самое содержаніе, которое испытывалъ изучаемый мыслитель. Для этого необходима, прежде всего, готовность временно и условно отказаться отъ „собственнаго“, устойчиваго и негибкаго словоразумѣнія, или, вѣрнѣе, какъ бы „отложить его въ сторону“. Необходимо придать „своимъ“ „категоріямъ“, своимъ терминамъ, своему стилю — нѣкоторую мягкую уступчивость, нѣкую улавливающую впечатлительность и приспособляемость: весь аппаратъ и механизмъ „личнаго“ словоупотребленія долженъ быть приведенъ въ состояніе чуткой готовности слѣдовать за указаніями и за непосредственными проявленіями изучаемаго философа. Уловленное и замѣченное словообозначеніе должно быть многократно провѣрено и затѣмъ усвоено силою напряжен-

наго вниманія: необходимо выработать себѣ какъ бы второй стиль, второе словоупотребленіе, второе словоразумѣніе. и, притомъ, адэкватное философскому разумѣнію даннаго мыслителя.

Вся эта работа является, однако, лишь подсобнымъ пріемомъ для разрѣшенія главной задачи. Художественное пріятіе *стиля* служитъ средствомъ для художественнаго воспроизведенія философскаго *акта*.

Проникнуть черезъ слово къ явленному и, въ то же время, скрытому въ немъ содержанію и адэкватно воспринять его силами *своего* духа, возможно только черезъ воспроизведеніе того *акта*, которымъ осуществлялось философствованіе *изучаемаго мыслителя*. Каждый философъ творитъ свое познаніе *мыслью*; но при этомъ онъ своеобразно сочетаетъ или, даже, сплетаетъ ее съ другими душевными функціями,—внѣшняго ощущенія, воображенія, чувствованія и воленія. Сознательно или безсознательно, онъ выковываетъ себѣ изъ сочетанія этихъ функцій—и первоначальный опытъ, если онъ вообще отдѣляется у него отъ мышленія. и, далѣе, самое мысленное „по-ятіе“ испытаннаго содержанія. Такимъ образомъ возникаетъ болѣе или менѣе сложный и дифференцированный, цѣлостный и гибкій актъ, допускающій и принимающій въ свой составъ каждую изъ способностей-компонентъ въ извѣстномъ индивидуально-своеобразномъ размѣрѣ и въ извѣстной субъективно-творческой интенсивности. Обращаясь къ единому, основному предмету, философъ созерцаетъ его, внемлетъ ему и „беретъ“ его именно этимъ *актомъ*; и, въ результатѣ этого, онъ видитъ и познаетъ именно то и только то, что соотвѣтствуетъ *его* специфической структурѣ и природѣ. Тотъ, кто воспроизводитъ этотъ актъ, тотъ овладѣваетъ непосредственно имманентнымъ ему содержаніемъ, и. естественно, начинаетъ видѣть предметъ очами изучаемаго философа. *Силу* геніальнаго видѣнія повторить нельзя, — здѣсь возможна только бо́льшая или меньшая природная „конгеніальность“; но художественно воспроизвести духовное *строеніе* акта— возможно, а для историка философіи—прямо обязательно. Только такое воспроизведеніе можетъ открыть дѣйствительный доступъ къ узрѣнному содержанію, и, въ то же время, подтвердить изучающему историку, что онъ движется по стопамъ изучаемаго философа. И, если усвоеніе стиля облегчаетъ усвоеніе акта, то воспроизведеніе акта откры-

ваетъ предметные корни стиля. Такъ именно обстоитъ всегда у геніальнаго предмето-созерцателя: ритмъ предмета становится живымъ ритмомъ внемлющаго духа и находитъ себѣ адэкватное явленіе въ ритмическихъ сверканіяхъ стиля.

Согласно этимъ требованіямъ, моя многолѣтняя работа надъ философіей Гегеля была посвящена именно посильному художественному воспроизведенію его философскаго акта и попыткѣ увидѣть тотъ предметъ, который *онъ* видѣлъ и которымъ *онъ* жилъ. Это заданіе является, по существу, историческимъ; ибо дескриптивное воспроизведеніе „бывшаго“ и аналитическое познаніе его, въ имманентной ему закономѣрности,—составляетъ задачу историка. Однако это заданіе имѣетъ и философскую сторону; ибо раскрытіе сверхчувственнаго предмета, подлинно пережитого во внутреннемъ опытѣ и узрѣннаго силою сознательно-усвоеннаго философскаго акта,—всегда было и будетъ дѣломъ философіи. Эта философская задача самостоятельнаго испытанія и формулированія получила для меня историческій предѣлъ; ибо актъ, которымъ я сознательно ограничилъ въ данной работѣ мое созерцаніе предмета, былъ актъ, описанный Гегелемъ и посильно воспроизведенный мною, согласно его указаніямъ. Но именно поэтому я тщательно различаю между тѣмъ, что Гегель видѣлъ въ предметѣ и что вижу я самъ; и, умалчивая о послѣднемъ, я вижу себя вынужденнымъ ограничиться одною только внутреннею, „имманентною“ критикою его ученія: я касаюсь предмета лишь постольку, поскольку его касался Гегель, и поскольку его философія, познавая и ошибаясь, находила свою судьбу въ этихъ открытіяхъ и ошибкахъ. Постольку внутренняя „критика“ органически входитъ въ *историческое* изслѣдованіе и сливается съ аналитическимъ описаніемъ; тогда какъ внѣшняя критика, основанная на самостоятельномъ созерцаніи предмета, потребовала бы особаго *догматическаго* изслѣдованія, и, при отсутствіи его, превратилась бы въ своего рода petitio principii.

Предпринимая такую историческую работу, я исходилъ отъ убѣжденія, что она должна представлять не только *историческій* интересъ, но и *философско-пропедевтическій*, и *предметно-догматическій*.

Возстановить природу философскаго акта, осуществленнаго Гегелемъ, значитъ не только развернуть страницу „прошлаго“, но и вскрыть нѣкій классическій способъ фи-

лософствованія. Необходимо перевести этотъ способъ, не упрощая и не искажая его, на языкъ современныхъ понятій,— какъ бы разобрать и снова собрать его, открывая тѣмъ для каждаго возможность усвоить вйдѣніе Гегеля. Это значитъ показать, какъ возникаетъ и выростаетъ настоящая, классическая философія; въ какомъ отношеніи она стоитъ къ предмету; какъ слагается ея методъ; и, наконецъ, какой характеръ, въ смыслѣ духовной чистоты, объема заданій и глубины проникновенія, имѣютъ ея лучшія созданія. Имѣя это въ виду, я задумалъ мою работу, о Гегелѣ, какъ своего рода „введеніе въ спекулятивную философію".

Но показать систему Гегеля въ томъ видѣ, какъ она вырастаетъ изъ его философскаго акта, направленнаго на предметъ, значитъ дать матеріалъ для *предметно-догматической критики*. Для того, чтобы выдѣлить въ этомъ ученіи „живое" отъ „мертваго", какъ это предпринялъ, Кроче, необходимо уже имѣть за собою эту работу. Нельзя „возрождать" ученіе, неясное и проблематическое въ своемъ методѣ и содержаніи; не стоитъ подвергать критикѣ систему воззрѣній, не оправданную въ подлинномъ, личномъ опытѣ. Наконецъ, только интуитивное углубленіе въ духовную атмосферу философіи Гегеля можетъ застраховать это „возрожденіе",—съ одной стороны, отъ томительнаго и безплоднаго эпигонства, безсильно повторяющаго сказанное съ незначительными измѣненіями („Modifikationchen", по выраженію Гегеля) и этимъ заполняющаго антракты между истинно-философскими совершеніями, съ другой стороны,— отъ случайнаго, внѣшняго заимствованія, отъ разламыванія ученія на недопонятые кусочки для болѣе или менѣе посторонняго и произвольнаго использованія. Возрожденіе гегеліанства или совсѣмъ не нужно, или должно быть чѣмъ то несравненно большимъ, нежели простое „возрожденіе гегеліанства". Философія нуждается не въ повтореніи старыхъ ошибокъ и не въ подражаніи былымъ пріемамъ, но въ *самостоятельномъ духовномъ творчествѣ,—основанномъ на непосредственномъ и подлинномъ предметномъ опытѣ*.

Проходитъ, повидимому, время того нерѣшительнаго и какъ бы запуганнаго философствованія, которое отправлялось отъ условно допущенныхъ и, въ сущности, произвольно взбранныхъ предпосылокъ, или подвигалось впередъ исключительно *вмѣстѣ* съ кѣмъ нибудь, — опираясь или на

Канта, или на Фихте, или даже на тѣхъ, которые сами, въ свою очередь, только и могутъ существовать въ качествѣ „опирающихся". Эта философія шла не отъ самого предмета, а отъ *чужой философіи:* эта чужая философія становилась сама „предметомъ" и, притомъ, единственнымъ предметомъ Характерная для всякаго эпигонства черта— утрата непосредственнаго познавательнаго соприкосновенія и единенія съ самимъ предметомъ, господствовала въ философіи, и мысль привыкала двигаться только за искусственными перегородками, создававшимися повышенной научной мнительностью. Писались трактаты о методѣ, а о предметѣ царило молчаніе. Люди, по превосходному выраженію Зиммеля, все только разсматривали очки, вмѣсто того, чтобы смотрѣть *въ нихъ*, все только чистили оружіе вмѣсто того, чтобы сражаться имъ.

И вотъ, теперь слагается и крѣпнетъ обратное стремленіе Тамъ и сямъ обнаруживается рѣшеніе прорваться за предѣлы предпосылокъ, методологическихъ допущеній, авторитетныхъ формулъ,—къ самому предмету: подойти къ нему непосредственно и самостоятельно, на свой рискъ и страхъ, безъ посредниковъ, „опоръ" и другихъ помѣхъ, отнюдь не порывая съ наукой и научностью, но и не трепеща за сохраненіе традиціонныхъ и якобы единственно состоятельныхъ формъ этой послѣдней. Философія должна вступить на этотъ путь въ спокойной увѣренности, но съ живымъ чувствомъ познавательной и духовной отвѣтственности. Она должна возродить и возстановить свой *методъ*,— не въ смыслѣ системы болѣе или менѣе отчетливо расчлененныхъ „понятій" или „правилъ", а въ смыслѣ творческой, систематически осуществляемой интуиціи, направленной на самый предметъ. И тогда она, быть можетъ, вновь осмѣлится признать себя особымъ, *универсальнымъ* способомъ познанія, *опытнымъ* по существу и *метафизическимъ* по предмету; тогда она перестанетъ страшиться „послѣднихъ" проблемъ, но признаетъ и утвердитъ свое призваніе именно въ ихъ разрѣшеніи.

При этомъ систематическая форма ученія не можетъ и не должна быть предметомъ нарочитыхъ поисковъ. Философія должна быть точнымъ выраженіемъ или адэкватнымъ явленіемъ самого предмета; а, между тѣмъ, *до* изученія его никто не можетъ знать, имѣется въ немъ систематическое единство, или нѣтъ. Не можетъ быть такого зада-

нія: изобразить предметъ иначе, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ; напримѣръ, установить закономѣрность тамъ, гдѣ ея нѣтъ, или изобразить множество, мятущееся въ хаосѣ, какъ цѣлостное, органическое единство. Философъ долженъ заботиться только о *вѣрности предмету*, а „единство“ — или останется единствомъ *воззрѣнія*, или вольется въ ученіе отъ самаго предмета, снизойдетъ, какъ даръ, какъ счастье, такъ, что познавшій его будетъ увѣренъ, что оно не *отъ* него, а лишь *черезъ* него.

Можетъ быть, ни одно философское ученіе не можетъ такъ содѣйствовать этому творческому подъему, какъ ученіе Гегеля. Одинъ изъ величайшихъ интуитивистовъ въ философіи, онъ настаивалъ на необходимости созерцательнаго погруженія въ предметъ, доведеннаго не только до полнаго самозабвенія, но до забвенія о томъ, что̀ это самозабвеніе вообще состоялось: разсказъ о томъ, что было узрѣно въ этомъ погруженіи, будетъ уже не внѣшнимъ описательнымъ сообщеніемъ, но какъ бы рѣчью самого предмета о себѣ, за себя и отъ себя. И при такой энергіи вниманія и ви́дѣнія, онъ не зналъ ни одного вопроса, который не стоялъ бы для него въ самой живой и непосредственной связи съ *послѣдними* вопросами. Трудность пониманія, которую представляетъ его ученіе, объясняется отчасти той содержательной переобремененностью, въ которой все предстаетъ у него для непривычнаго глаза. Въ каждомъ познаніи у него свѣтится послѣдняя глубина; въ каждомъ опредѣленіи видится вся сложность его интуитивно-мыслящаго подхода. Можно было бы сказать, что для Гегеля нѣтъ не-послѣднихъ вопросовъ. И, передъ этой энергіей и глубиной, меркнетъ и отходитъ на второй планъ все его дедуктивно-діалектическое искусство.

Одно тяготѣніе современной мысли къ его ученію является, само по себѣ, показаніемъ того, что ей необходимо что то большее, чѣмъ то, что питало ее доселѣ. Та особливая осторожность, воздержность и мнительность, которыми характеризуется философствованіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, должна смѣниться въ недалекомъ будущемъ бо́льшей увѣренностью въ своихъ силахъ, умѣніемъ и желаніемъ брать на себя „вину“ и отвѣтственность самостоятельнаго и непосредственнаго познанія. Бѣды и страданія, пережитыя человѣчествомъ за по́слѣдніе годы, пробудятъ въ душахъ неискоренимую потребность въ творческомъ,

предметномъ пересмотрѣ всѣхъ духовныхъ основъ современной культуры, и философія должна будетъ удовлетворить этому духовному голоду. Она должна будетъ вновь найти доступъ къ *научному знанію о сущности Бога и человѣка*. И въ этомъ отношеніи вліяніе Гегеля, съ такою силою и настойчивостью противопоставлявшаго объективизмъ и очевидность философскаго знанія — субъективной увѣренности, произволу и усмотрѣнію, можетъ оказаться воспитывающимъ сразу и въ сторону большаго, интуитивно-мыслящаго дерзанія, и въ сторону большаго познавательнаго отреченія субъекта отъ себя, отъ своего эмпирическаго самочувствія, своихъ расплывчатыхъ субъективныхъ настроеній и мнимыхъ „откровеній“, не поддающихся предметному оправданію

Философское значеніе гегельянства не въ томъ, чтобы ученичествовать, но въ томъ, чтобы учиться самостоятельному и предметному знанію о самомъ главномъ, что есть въ жизни человѣка.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Ученіе о сущности Божества.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Конкретное-эмпирическое.

Первое и основное, что надлежитъ совершить каждому, стремящемуся адэкватно понять и созерцательно усвоить философское ученіе Гегеля, это—уяснить себѣ его отношеніе къ конкретному эмпирическому міру. Ученіе о конкретномъ-эмпирическомъ опредѣляетъ сразу всю силу его спекулятивной мысли, все геніальное своеобразіе его философскаго вйдѣнія, всю непомѣрность его основного заданія. Эта проблема стоитъ въ преддверіи его положительныхъ воззрѣній; сама по себѣ она служитъ лишь отрицательнымъ введеніемъ къ нимъ. Но если современное философствованіе должно возстановить непосредственное чувствованіе Гегелевой мысли, если оно стремится феноменологически жить вмѣстѣ съ творцомъ Феноменологіи Духа, если оно ищетъ той объективной, предметной логической интуиціи, которую онъ осуществилъ субъективно и научно, если, наконецъ, оно хочетъ установить свое преемство и найти поученіе въ прошломъ, то оно должно постигнуть прежде всего негативный пафосъ спекулятивной философіи. Въ ученіи Гегеля этотъ пафосъ отрицанія опредѣляется прежде всего и главнѣе всего—черезъ его отношеніе къ конкретному-эмпирическому.

Идея о конкретномъ-эмпирическомъ мірѣ есть, можетъ быть, самое мало-осознанное, самое привычное и, потому, самое устойчивое изо всего научнаго и обыденнаго содержанія, наслѣдуемаго философіей. Представленіе объ этомъ реальномъ мірѣ единичныхъ, конечныхъ вещей, окружающихъ людей и включающихъ ихъ, до извѣст-

ной степени, въ свой составъ, столь незамѣтно укореняется въ нихъ, до такой степени присуще имъ, настолько практически нужно и полезно имъ, что разстаться съ этимъ представленіемъ имъ кажется невозможнымъ. Съ этимъ представленіемъ они просыпаются и засыпаютъ, въ вѣрности его они ежеминутно убѣждаются, съ нимъ они приступаютъ къ построенію эмпирической науки, при его помощи они успѣшно живутъ и пытаются вообразить себѣ свою смерть. Трудно измѣнить его въ чемъ-нибудь существенномъ; несостоятельность его не представляется имъ сколько-нибудь вѣроятной; коренная ломка его можетъ быть для большинства совсѣмъ не осуществима. То, что люди знаютъ—они знаютъ, повидимому, именно объ этомъ мірѣ нашего эмпирическаго представленія; ихъ наука—есть наука о немъ; ихъ „умъ“—есть умъ этого міра. Уйти отъ этого способа представленія, сойти съ этого ума, означало бы, кажется, сойти съ ума вообще. Эмпирическій міръ имѣетъ, повидимому, свои объективныя особенности, и въ приспособленіи къ этимъ особенностямъ слагается человѣческое представленіе о немъ, человѣческій способъ переживать его, познавать его, видѣть вещи и подходить къ нимъ.

Отъ этого-то способа философски видѣть вещи и понимать міръ Гегель, въ естественномъ и незамѣтномъ развитіи души своей, ушелъ навсегда, перестроивъ его радикально и органически. Послѣдствіемъ этого явилось то, что вмѣстѣ со способомъ пониманія измѣнился и самъ понимаемый предметъ; съ виду и для посторонняго взгляда все осталось тѣмъ же, но философское умозрѣніе отодвинуло эту постороннюю дѣлу видимость на подобающее ей мѣсто, утвердившись само, и при томъ не во исправленіе его, а въ полную философскую отмѣну его, какъ невѣрнаго, не подходящаго, искажающаго и вводящаго въ заблужденіе. Конкретное эмпирическое было, такъ сказать, „отмѣнено“ Гегелемъ не только какъ своеобразный способъ сознанія, познанія и объясненія вещей, но и какъ своего рода объективная реальность, соотвѣтствующая этому способу сознанія. Это дѣло является отрицательнымъ, но чрезвычайно существеннымъ этапомъ его философскаго пути.

Вступая на этотъ первый этапъ спекулятивнаго пути, необходимо

имѣть въ виду, что словесный терминъ стоитъ у Гегеля всегда въ органической связи съ тѣмъ смысловымъ содержаніемъ, которое этимъ терминомъ закрѣпляется и передается. Гегель не только имѣетъ въ виду нѣчто, адэкватно соотвѣтствующее термину; онъ какъ бы мысленно созерцаетъ нѣкоторое реальное бытіе, событіе или отношеніе, которое обозначено этимъ словомъ; онъ точно выговариваетъ то самое, что видитъ въ предметѣ его зрячая мысль.

Терминъ „конкретный“ происходитъ отъ латинскаго слова „concrescere“. „Crescere“ означаетъ „расти“; „concrescere“—срастаться, возникать черезъ сращеніе. Согласно этому „конкретный“ означаетъ у Гегеля прежде всего „сращенный“ [1]). Конкретное неизмѣнно предносится ему, какъ нѣчто по самому существу своему не простое, не единообразное, не однотонное, не примитивное, не состоящее цѣликомъ изъ нѣкотораго единаго первоначальнаго элемента, словомъ—не элементарно-первичное; но какъ нѣчто, образовавшееся изъ нѣкотораго множества элементовъ, или во всякомъ случаѣ изъ нѣкоторой двойственности. Для того, чтобы состоялось „сращеніе“, необходима наличность по крайней мѣрѣ двухъ срастающихся началъ. Поэтому конкретное всегда мыслится Гегелемъ, какъ нѣчто сложно-сращенное, составное, возникшее изъ сочетанія нѣсколькихъ величинъ, началъ или элементовъ [2]). Конкретное потому и „конкретно“, что въ немъ соединилось, сочеталось, смѣшалось, срослось множество составныхъ частей. Поэтому конкретное имѣетъ въ себѣ всегда много сторонъ; оно многосторонне, многообразно, многоразлично [3]); въ себѣ самомъ, въ своихъ предѣлахъ, внутри себя—оно сложно; сочетающіеся въ немъ, множественные элементы вступаютъ другъ съ другомъ въ различныя отношенія, относятся другъ къ другу, сочетаются другъ съ другомъ [4]). Конкретность есть, слѣдовательно, начало синтеза, начало синтетическое; конкретное содержитъ въ

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ и Кантъ говоритъ иногда о „Concretion“; срв. напр. Kritik der Urtheilskraft. Akad. Ausg. 1913. B. V. S. 377. — [2]) Phän. 473. Niet. 337. 346. Log II. 79. Log. III. 61. 78. 129. Enc. I. 331. 360. Enc. II. 301. Enc. III. 346. 394. Recht. 321—322 428—429. — [3]) Log I 69. 114. 401. Log. II. 101. 102. 103. Log. III. 127. 282. 293. 306. Enc. III. 145. Recht. 161. 192. 382. — [4]) Log I. 70. 114.

себѣ многое, синтетически сочетавшееся [1]). Поэтому оно не безсодержательно, но содержательно; конкретное есть нѣчто, наполненное опредѣленнымъ содержаніемъ [2]), и притомъ, можетъ быть, своимъ, особымъ содержаніемъ, специально, специфически опредѣленнымъ [3]); именно это послѣднее свойство его и даетъ основаніе говорить въ обычной логикѣ о бо̀льшей конкретности видового понятія по сравненію съ родовымъ, и, далѣе, сближать конкретное съ индивидуальнымъ, говоря о низшей ступени въ классификаціи понятій [4]).

Понятно, наконецъ, что конкретное, какъ составное, сложное, синтетически содержательное, есть нѣчто, могущее быть разложеннымъ на свои составные элементы; нѣчто, поддающееся анализу и расчлененію, хотя бы уже въ процессѣ познанія [5]). Синтезу противостоитъ анализъ, сочетанію—разложеніе, сращенію—разъединеніе. На ряду съ терминомъ „concret“ Гегель пользуется выраженіями „die Concretion“ [6]), „concresciren“ [7]), „ein Convolut“ [8]) (convolvere—сваливать, скатывать, смѣшивать), и, соотвѣтственно, противопоставляетъ имъ по смыслу то, что „дискретно“ [9]).

Итакъ, конкретно то, что представляетъ изъ себя единство, сложившееся, сросшееся изъ множества.

Понятно, что эти основные признаки конкретности должны обнаружиться и въ конкретномъ-эмпирическомъ. Однако въ такомъ значеніи и съ такими чертами, которыя дѣлаютъ его философски непріемлемой средою.

Конкретное эмпирическое есть нѣчто въ своемъ родѣ сущее (Sein), нѣкая реальность (Realität). дѣйствительность (Wirklichkeit),

---

[1]) Log. I. 69. Log. III. 161. Enc. III 296 318. Recht. 207. 256 — [2]) Phan. 22. 24 45 Log I 33. 130. 192. Log. II. 99. Log III. 18 26 27 40. 68. 170 279 Enc. I. XII. 169. Enc III. 333. Ph. G. 20 Görr. 275 — [3]) Log. I. 274. 401. — [4]) Это послѣднее пониманіе ведетъ свое начало, повидимому, еще отъ Дунса Скотта и въ особенности отъ его учениковъ; однако для Гегеля оно не характерно, хотя и у него всплываетъ иногда но не существеннымъ поводамъ, въ ориентирующихъ замѣчаніяхъ и разъясненіяхъ. — [5]) Log. III. 281 Enc. II. 137. Recht. 256. — [6]) См напр. Phan. 473. Log. I. 8. Log. III. 40. 126. 127. 170. 261. Enc. II. 149. — [7]) Срв. напр. Lass. 33 — [8]) Срв. напр. W. Beh. 375. Enc. III. 145. — [9]) Срв. напр. Log III. 282.

нѣчто существующее (Existenz), нѣкоторое бываніе (Dasein) [1]). Въ своемъ цѣломъ эта реальность образуетъ нѣкій міръ, цѣлый міръ вещей (Dinge, Sachen), существованій (Existenzen), реальностей, — „объективный“ міръ, царство „объективности“ [2]). Этотъ реальный, объективный міръ есть даже конкретный міръ, но только эмпирически-конкретный.

Въ качествѣ конкретнаго этотъ міръ представляетъ изъ себя нѣкоторое множество, многочисленность (Menge [3]), Vielheit [4]), своего рода совокупность, или массу [5]). И сама по себѣ, и въ своихъ элементахъ эта совокупность многообразна (mannigfaltig), многосложна (vielfach) и многораздѣльна; каждая часть ея имѣетъ много свойствъ, много особливыхъ сторонъ, особенныхъ опредѣленій; каждый элементъ ея стоитъ въ многообразныхъ связяхъ съ другими элементами, окруженъ многообразными фактическими обстоятельствами, создающими для него множество послѣдствій и возможностей [6]). Всѣ эти стороны, части и обстоятельства, сложно переплетенныя и взаимодѣйствующія, образуютъ безконечно раздѣляющуюся и раздробляющуюся массу событій, какое-то неопредѣленное, не имѣющее конца и границъ, безмѣрное, непомѣрно огромное множество существованій и бываній [7]). Это есть съ виду безграничное, хотя и хаотическое,

---

[1]) Срв W. Beh. 333. 336. 344 Phän. 27. 82 241 256, Glaub 8. 10 11. 125. 126. 127. W. Beh. 373. 375 Phän. 82. Log. I. 30. 115. Log III. 50. 267, Glaub. 5. 84 99 111. 113. 119. Phan. 189 256 335. 423. 432. 524. Log II. 208. Enc. I 24, Log. I. 31. 103. Log. II. 155 Recht. 60. 80; Diff. 198. Glaub. 7. 8. Phan. 27. Log. I. 15 115. 149. 150. 171. Log. II. 125. Log. III. 19. Recht. 76 153 159. Необходимо имѣть въ виду, что всѣ эти опредѣленія конкретнаго-эмпирическаго произносятся Гегелемъ обычно съ тайной иронеи, а иногда и съ явнымъ пренебреженіемъ. Срв. напр. Glaub. 101. — [2]) См. Phan. 82 83. 422 Log. II 208. Enc. I. 111; Glaub. 98. 104. Log. III. 323. Recht 60. 62. 153 — [3]) Krug. 64. Glaub. 139. 152. W. Beh. 336. Log. I. 15 Log. III. 126—127. Enc. II. 37. Enc. III. 460. Beweise. 359. — [4]) W. Beh. 345. 377. 379. Phan. 332 484. 501. Log. II. 208. Enc. III. 260. 459. 460. — [5]) „Sammlung“, „Masse“. Glaub. 125. Log. II. 138. — [6]) Diff. 224. 262 Glaub 9. 11. 47. 124 128. 129. 135. 139. 149. W. Beh. 333. 336. 344. 373. Phän. 484. Log. I. 335. Log. II. 3—4. 72. 113. 125 208. Log III. 19. 21. 29. 38—39. 45. 49. 78. 178. 323. 332. Enc. I. 230. 324 398. Enc III. 150. 263. 387. Recht. 156—157. 157. 159. 226 — [7]) Diff. 162. Krug. 64. Glaub 139. 152. 377. 377. Phän 240. 484. Log. I. 15. Log. III. 126—127. 129. 136. Enc. III. 458 459. 460 460. Recht. 161. 263. 275. 280.

изобиліе реальности и, соотвѣтственно, необъятное, непредставимое богатство познавательнаго матеріала [1]).

Таково конкретное эмпирическое съ виду. Но только съ виду. На самомъ же дѣлѣ конкретность этого міра есть мнимая, а эмпирическій характеръ ея оказывается для нея роковымъ. Напрасно было бы увлекаться этой реальностью и ея богатствомъ: анализъ показываетъ съ убѣдительной ясностью, что̀ это за конкретность, какова ея судьба и въ чемъ ея конецъ.

Если конкретное по существу есть „единство во множествѣ“, то конкретное-эмпирическое есть множество, лишенное единства. Это множество вещей, ихъ сторонъ и свойствъ есть не болѣе, какъ простое собраніе, скопленіе, безсвязно накопившійся избытокъ, «das Auch der Materien» [2]). Здѣсь нѣтъ ничего кромѣ простого многообразія („nur eine Mannigfaltigkeit“) [3]), лишеннаго всякой объединенности („einheitslos“) [4]); это настоящее царство разъединенія и безсвязности, элементы котораго стоятъ въ отношеніи равнодушной совмѣстности, въ отношеніи внѣшняго, безразличнаго, чисто количественнаго соприсутствія [5]). Здѣсь все расщеплено, разсыпано, разсѣяно („zerstreut“, „zersplittert“) [6]); все другъ другу чуждо, внѣшне; все застыло въ неподвижной мертвости и холодной чопорности [7]). Эту разъединенность эмпирически-конкретныхъ вещей Гегель и характеризуетъ, какъ „дис-кретность“ и „абс-трактность“ [8]). Каждая изъ нихъ утверждаетъ свое бытіе самостоятельно, про себя, въ отрывѣ отъ другихъ [9]). Міръ этотъ подобенъ міру атомовъ; ихъ безконечное множество образуетъ какъ бы песчаное море, отданное на волю играющаго вѣтра [10]): здѣсь жизнь—мертва, а движеніе,—хотя бы и неустанное,—слѣпо и хаотично.

Поэтому сфера конкретнаго-эмпирическаго есть міръ самъ себѣ

---

[1]) Diff. 162. Phän. 73. 85. 185—186. Enc. I 11—12. 18. — [2]) Log. II. 138. — [3]) Glaub. 139 — [4]) Glaub. 128 Log. II. 113 Log. III. 49. — [5]) Phan 189. Log. I. 335. Log. II. 72. 138. Log III. 49 86. 257. Enc. I. 324. Enc. II. 37. Enc. III. 119. Recht 161. — [6]) W. Beh 349 Phan. 186. — [7]) Phän. 162. 446. Log II. 113. Log III. 178. 313 Enc. I. 18 Enc. III 123. 150. 259. — [8]) т. е. „разъединенность, разлученность“; см. Phän. 446. 507. Enc III 317; Phan. 71. 507. Log. III 86. 129. — [9]) Glaub. 103. Log. III. 103. — [10]) Glaub 114 152. Enc. I. 35. 36.

внутренно противоположный; его вещи не только отличны другъ отъ друга, но и „безконечно“ различны [1]); онѣ вполнѣ не одинаковы, онѣ расходятся, противостоятъ и противорѣчатъ одна другой [2]). Каждая изъ этихъ вещей, имѣя на ряду съ собой и въ противопоставленіи себѣ безконечное множество другихъ,—оказывается чѣмъ-то во всѣхъ отношеніяхъ, „ограниченнымъ“ [3]), обусловленнымъ [4]) и конечнымъ [5]). Конкретное-эмпирическое есть царство конечнаго существованія [6]), „собраніе конечныхъ дѣйствительностей“ [7]); это худшая изъ разновидностей конечнаго, эмпирически-конечное бытіе, «die endliche Endlichkeit» [8]).

Вся эта сфера состоитъ изъ эмпирическихъ единичностей [9]) „только“ единичныхъ, „абсолютно единичныхъ“ вещей [10]); онѣ чужды всеобщему [11]) и тяготѣютъ къ абстрактному состоянію, къ крайнему предѣлу отъединенія [12]), къ „сингулярности“ [13]). И всѣ эти „вполнѣ“ индивидуальныя вещи [14]) отличаются безконечнымъ своеобразіемъ [15]) и неповторяемой особливостью свойствъ.

Это море конечно-единичныхъ вещей, ихъ свойствъ и составныхъ частей—есть не что иное, какъ внѣшній пространственно-временный міръ, цѣлесообразное и умѣлое оріентированіе въ которомъ многіе принимаютъ за самую сущность жизни. Вещи, входящія въ составъ этого міра внѣшней реальности, внѣшней дѣйствительности, внѣшняго бытія [16]), стоятъ равнодушно другъ внѣ друга, одна возлѣ другой [17]), въ пространствѣ, составляющемъ форму

---

[1]) W. Beh. 377 Phan. 501 — [2]) Diff 224. W. Beh 328. Log. II. 72. 125 — [3]) Diff. 198. Glaub. 49. 125. Krug. 64. Log. I. 102. 139. Enc. I 113. — [4]) Log III. 120 — [5]) Glaub 9. 9 11. 49. 57. 103. 104. 133 Phän. 432. Log. I. 137. 139. 149 150 171. Log. III. 120. Enc I. 138 Enc. III. 117. 460 Himr. 286. — [6]) Glaub 138. — [7]) Glaub. 113 — [8]) Срв. Glaub. 109, а также Glaub 10 126 Rel. I. 106—116. Himr. 285 — [9]) W. Beh. 404 Phän. 74. 85. 86. 97. 241. 260. 261. 335. 507. Gymn. 154. Log I. 15 171. Log. III. 20 112 113. 126. 136. 150 154—155 297. 332. Enc. I. 24 260. 355. Enc. III. 258. 261—262. 460 Recht. 43. 90. 159. 161. 289 Bha. 421—422. — [10]) Phän. 83. Log. III. 21. Recht. 290. — [11]) Enc. I. 355 и др. — [12]) Log. III. 129. — [13]) Log. III. 95. — [14]) Glaub. 81. Phan. 83. — [15]) Phän. 83. Log. I 17 Recht. 224—225. — [16]) Phan 82. 83. 256. 435 524. Log. I. 15. Log. II 125 Log. III 50. 50. 257. Enc. I 113. Enc. III. 424. Recht. 44. 60. 80. 153. 157. Bha. 388. — [17]) W. Beh. 349. Log. I. 248. Log. III. 49. Срв. 267. 257. Enc. I. 35. 36. Enc III. 150. Beweise. 395 396

ихъ существованія и предопредѣляющемъ ихъ философскую судьбу: ибо то, что внѣшне другъ другу,—есть тѣмъ самымъ нѣчто только эмпирическое [1]), не болѣе, чѣмъ внѣшняя конкретность [2]), т.-е. безконечное множество дискретныхъ единичностей. Однако конкретно-эмпирическій міръ существуетъ не только въ пространствѣ, но и во времени; и временность его можетъ быть еще пагубнѣе вліяетъ на его судьбу, чѣмъ пространственность. Если вещи, какъ пространственныя, стоятъ въ сосуществованіи (nebeneinander), другъ возлѣ друга, то, въ качествѣ временныхъ, онѣ стоятъ въ порядкѣ послѣдовательности (nacheinander, aufeinander folgend) [3]). слѣдуютъ одна за другой. Временное — подвержено эмпирическому процессу; это есть преходящая вещь [4]), не болѣе, чѣмъ временная и конечная матерія [5]). Пространство и время, эти необходимыя формы конкретнаго-эмпирическаго, суть нѣчто совершенно дискретное и совершенно непрерывное [6]). Но непрерывность эта отнюдь не спасаетъ ихъ отъ количественной дѣлимости, дробимости, раздробленности. Наоборотъ: и отсюда ихъ истинная природа не въ конкретности, а въ дискретности. Какъ пространственный, этотъ міръ безконечно дробится; какъ временный, онъ непрестанно мѣняется и, исчезая, гибнетъ. Это есть сфера измѣнчиваго [7]), неустойчиваго [8]), преходящаго и смертнаго [9]); здѣсь всякая вещь надломлена [10]); она несетъ въ себѣ зерно своей гибели и часъ ея рожденія—есть часъ ея смерти [11]). Эфемерность есть законъ этого міра и, если есть въ этихъ предѣлахъ что-нибудь неизмѣнное и вѣчное, то это обреченность его элементовъ на гибель и конецъ [12]).

Такова онтологическая сущность конкретно-эмпирическаго. Въ тѣснѣйшей связи съ его реальнымъ опредѣленіемъ стоитъ, далѣе, и его гносеологическій характеръ.

Проще всего было бы обозначить сферу этой низшей конкретности, какъ эмпирически воспринимаемую и изучаемую „природу“.

---

[1]) Log. I. 418. — [2]) Log. I. 8. Enc. I. 287. Срв. Enc. III 329. — [3]) W. Beh 349. — [4]) Log III. 175. — [5]) Himr. 286 — [6]) Enc. III. 317. — [7]) Log II. 138. Enc. I. 24. — [8]) Phän 78 79. 80. — [9]) Log. I. 88. 139. Log. III. 78. 175. Enc. I. 113 144. Enc. III. 180. 461. Recht. 17. 22. — [10]) Log II. 72. — [11]) Log I 137—138. — [12]) Срв Log. I 137 138. 138.

Гегель знаетъ между прочимъ и это опредѣленіе. Единичные [1]). преходящіе [2]), многообразные факты внѣшней природы [3]); естественное, природное существованіе [4]); преднаходимая, преднайденная (vorgefunden) природа [5])—такъ характеризуетъ онъ иногда этотъ міръ эмпирическаго [6]) бытія и эмпирическаго знанія [7]), а тѣмъ самымъ и подходъ человѣческаго сознанія къ этому міру.

Конкретное эмпирическое дается [8]) человѣческому сознанію a posteriori и непосредственно. Мы какъ бы „находимъ“ этотъ міръ вещей въ готовомъ видѣ, уже состоявшимся, „преднаходимъ“ его [9]); наивному „естественному“ познанію онъ дается, какъ первое [10]), какъ начальная основа [11]), какъ „абсолютная апостеріорность“ [12]); онъ вступаетъ непосредственно въ нашу душу на подобіе того, какъ это происходитъ съ душою ребенка [13]).

Непосредственность, созерцаемость и чувственность— суть три основныя черты, характеризующія отношеніе человѣческаго сознанія къ міру конкретной эмпиріи.

Отношеніе является непосредственнымъ тогда, когда относящіяся стороны состоятъ въ единствѣ [14]), не суть взаимно другъ для друга нѣчто „иное“, „чуждое“, отдѣльное, нѣкое отличающееся инобытіе [15]). Въ „непосредственномъ отношеніи“, собственно говоря, нѣтъ даже вовсе отношенія, ибо нѣтъ двухъ сторонъ, а есть единое, хотя можетъ быть и сложное, образованіе. Такое единство предмета и сознанія обнаруживается по Гегелю и на низшей ступени жизни духа, и на высшей; въ первомъ случаѣ это есть эмпирическая непосредственность, во второмъ случаѣ—спекулятивная. Эмпирическая непосредственность есть наивное состояніе души, не сознавшей еще, что предметъ есть инобытіе, не обнаружившей еще, что между

---

[1]) Enc. III. 361—362. — [2]) Enc. III. 461. — [3]) Enc I. 398 [4]) Recht. 80. 95. — [5]) Recht. 76. Срв. Rel. II. 23 — [6]) Glaub. 7. 8. 9 10. 13. 17. 32. 84. 98. 99. 107—108. 124. 126. 128. 128—129 136. 143. 149. W. Beh. 328. 333. 336. 342. 343. 377 Log. I. 61. 93. 102. 103. 115. 335. 418. Log. III 25. Enc. I. 24. 355. Enc. III. 458. 459. 460. 460. Bha 414. 421—422. Ohl. 237. — [7]) Срв. Gösch 13. — [8]) Diff. 195. 262. Log. III 308. Enc I. 398. 403. Recht 290. — [9]) Log. I. 171. Enc. I. 18. Recht 72 76. — [10]) Log. III. 297 — [11]) Enc III. 294 — [12]) Diff. 162. — [13]) Срв Gymn. 140. — [14]) Phan. 494. — [15]) Срв. Phan. 79. 494. Log. I 63. 200. 235 Enc I. 19.

предметомъ и сознаніемъ лежитъ зіяющій провалъ, условно выражаемый счисленіемъ „разъ-два“. При такой непосредственности „я“ еще не нашло себя и живетъ въ „не-я“ такъ, какъ если бы ничего и не могло быть кромѣ этого „не-я“. Сознаніе утрачено въ предметѣ и еще не нашло себя—ни въ себѣ, ни въ предметѣ: строго говоря, оно даже еще не имѣетъ „не-я“, ибо не имѣетъ и себя, не имѣетъ „я“. Въ противоположность спекулятивной непосредственности, вырастающей уже послѣ раскола и въ результатѣ его исцѣленія, проходящей черезъ опосредствованіе и включающей его въ себя [1]),—эмпирическая непосредственность сознанія живетъ всецѣло „до“ опосредствованія и безъ него [2]); поэтому она и образуетъ сферу первоначальной простоты [3]), „безсознательнаго покоя природы“ [4]) и наивности.

Въ такомъ непосредственномъ отношеніи эмпирическое сознаніе стоитъ къ воспринимаемымъ душою многообразнымъ, единичнымъ вещамъ [5]) пространственно-временной природы [6]), такъ, какъ если бы вся реальность принадлежала имъ, и кромѣ нихъ ничего не было. Эмпирическое сознаніе живетъ въ нихъ и ими, какъ высшей и несомнѣнной достовѣрностью [7]), и вслѣдствіе этого приковываетъ свою судьбу къ ихъ судьбѣ и выпиваетъ вмѣстѣ съ ними до дна чашу ничтожества и небытія. Вся сфера непосредственнаго существованія [8]) и непосредственныхъ представленій [9]) оказывается по существу своему лишь примитивной несущественностью [10]), задача которой состоитъ въ томъ, чтобы уступить свое мѣсто высшей реальности и высшей формѣ сознанія.

Это непосредственное отношеніе сознанія къ эмпирическимъ вещамъ есть созерцаніе [11]); однако созерцаніе не въ лучшемъ и

---

[1]) Напр. Phän. 17. 26 и мн. др. — [2]) Срв. напр. Phan. 74. 79 Log I. 61. 62. 74 92. Особенно Enc. III. 319. — [3]) Phän. 15. 17. 73. 74. 579. Log. I. 74. 112. — [4]) Phän. 359. — [5]) Log. I 171. Log. II. 113. Log. III. 103. 126—127. 136. 154—155. 178. Enc. I. 350. 355. 410. Enc III. 361—362 Recht. 43. 81. 82. 85. 90. 289. — [6]) Log. I. 8. Enc. II. 9. Enc. III. 117. 461. Recht. 44. 60. Особ. 76. 80 95 153 Ph. G. 41 — [7]) Срв напр. Phän. 73—84. 131 133. 417. 421. — [8]) Log. II. 4. 69. Log. III. 103. 178 Enc. I. 410. Enc. III. 117. Recht. 44. 60 62. 85. 94. 95. 153. — [9]) Напр. Glaub. 98. — [10]) Enc I. 287. — [11]) Log. II. 155.

высшемъ, спекулятивномъ смыслѣ, а въ низшемъ, банальномъ (gemein) [1]) значеніи, которое имѣлъ въ виду Кантъ, говоря о томъ, что предметъ дается черезъ эмпирическое созерцаніе [2]). Гегель, повидимому, наслѣдуетъ отъ Канта идею о томъ, что „опытъ“ имѣетъ двойной составъ: непосредственно-созерцательный и интеллектуально-мыслительный. Эта-то опытная созерцательность, чуждая мысли [3]), непосредственно-безсознательная [4]), слѣпо-довѣрчивая, безмысленно погруженная въ „распадающуюся на многообразныя стороны единичность объекта“ [5]), и характеризуетъ „познаніе“ конкретнаго эмпирическаго. Многообразное бытіе воспринимается „безконечнымъ множествомъ безконечно-разнообразно оформленныхъ созерцаній“ [6]), по характеру своему всегда и неизмѣнно чувственныхъ [7]).

Эмпирическое бытіе въ отличіе отъ духовно-спекулятивнаго познается именно чувственнымъ путемъ. Это настолько существенно и характерно, что весь познаваемый объектъ—пространственно-временный міръ—оказывается чувственной реальностью, „чувственнымъ міромъ“ [8]). „Существующій міръ, какъ чувственный... (существуетъ) для созерцанія“ [9]). Чувственному предмету соотвѣтствуетъ и чувственное состояніе души, чувственное сознаніе [10]), исполненное чувственныхъ представленій [11]). Міръ единичныхъ вещей внѣ насъ воспринимается [12]) пятью чувствами; онъ ощущается (Empfindung) [13]), осязается (handgreiflich, mit der Hand begriffen) [14]), зрится внѣшнимъ, отнюдь не внутреннимъ окомъ [15]); вещи этого міра могутъ быть указаны, показаны (monstriren) [16]): „вотъ здѣсь“, „вотъ это“,

---

[1]) Phan. 39. — [2]) Kant. Kritik der reinen Vernunft. Ausg. B. Erdmann. 55 65. 66 и др. — [3]) W. Beh 404. Log. I. 103. — [4]) Diff. 195. [5]) Enc. III. 318. Срв. Beweise. 336. — [6]) W. Beh. 377. Log. III. 29. — [7]) Срв. Phan. 34. 39. Log. II 155. Log. III. 49. 332. Enc. I. 404. Enc. III 258. Recht. 290. Hmr 302 и др. — [8]) Diff. 225. Glaub. 125. 137. 137. 138. 140. 144. Phan. 27. 189. 423. 423. Log. I. 30. 31. Log. III. 19 267. 308. Enc. I. 113. 138. Enc. II. 271. Enc. III. 445. Bha. 421—422. Ohl. 236. — [9]) Log. II. 155. Срв. Aesth I. 48 — [10]) Срв Phan. 22. Log. I. 61. Enc. III. 257. — [11]) Срв. Phan 39. Log. I. 45 — [12]) Срв. Glaub. 104. Phan. 332. Enc. I. 108. 410. Срв. Enc. II 9 — [13]) Срв. Phan 520. Log. III. 314. Enc. I 107. Enc. II. 117. 143 Recht. 181. Bha. 414. — [14]) Log. III. 19. 175. — [15]) Log. III 175, срв Phan. 261. — [16]) Log. III. 64. 95

„вотъ теперь“ [1]). Эмпирическія воспріятія и созерцанія, направленныя на эти безконечныя „здѣсь“ и „теперь“, слагаются въ лучшемъ случаѣ лишь въ субъективныя [2]), чувственно-представляемыя [3]) явленія [4]), поверхностныя и мимолетныя [5]). Бѣда, если духъ, соблазнившись иллюзіей этого, якобы строго опредѣленнаго, „показыванія“, признаетъ въ чувственномъ воспріятіи корень познавательной достовѣрности: „здѣсь“ и „это“ можно сказать про все, что въ пространствѣ; „теперь“, произнесенное, уже унеслось въ потокѣ времени и на его мѣстѣ утвердилась на мигъ обманчивая личина новаго, тоже неуловимаго. „теперь“ [6]). Конкретное-эмпирическое, какъ предметъ познанія, непрестанно распыляется— и въ объектѣ, и въ субъектѣ (и онтологически, и гносеологически)— на многое множество ускользающихъ единичностей; каждая изъ этихъ чувственныхъ единичностей [7]) при первомъ же прикосновеніи сознанія дробится на новую серію индивидуальныхъ мелочей и процессъ этотъ не имѣетъ конца [8]). Напрасно было бы пытаться описать этотъ вихрь, непрестанно перемѣшивающій всѣ атомы конечнаго бытія и чувственнаго сознанія: вещь, начатая описаніемъ, истлѣетъ (vermodert) прежде, чѣмъ описаніе будетъ закончено [9]); процессъ описанія будетъ неминуемо растягиваться въ безконечность: какъ бы далеко онъ ни продвинулся, достигнутое будетъ все не тѣмъ, что нужно. Конкретное эмпирическое, какъ предметъ познанія, обнаруживаетъ въ себѣ нѣкое безконечное разсѣяніе (Zerstreuung) [10]), дѣлающее его неисчерпаемымъ и необозримымъ [11]). Всѣ элементы его непрозрачны [12]); здѣсь все глухо, смутно и перепутано [13]). Конкретное эмпирическое ирраціонально· оно не

---

[1]) Срв. Phan. 73. 74. 75. 82 185. Log III. 64. 95. Enc I 37. Enc. III. 258. Recht. 112 — [2]) Log III. 238. Enc. III. 361—362. Recht. 290. — [3]) Срв. Glaub. 81. 98. Особ. Phän. 39; Gymn. 154. Log. I. 45. Log. III. 19. 292. Recht. 43. — [4]) Glaub. 11. 133. W. Beh. 379. Gymn 154. Log. III. 20 21 238 326. 326. Recht. 22. Hmr. 293. — [5]) Log III. 20. — [6]) Срв. Phan. A. Bewusstsein. I. Die Sinnliche Gewissheit oder das Dieses und das Meinen, Phan. 73—84 Recht. 290. 290. Beweise 426. — [7]) Phan. 85. 86 97. 335 Gymn. 154. Log. I. 171 Log. III. 21 — [8]) Срв Recht. 161. 275. 280. — [9]) Срв. Phan. 83. — [10]) Срв. Phan. 186. — [11]) Phan. 185—186 Ohl 236. — [12]) Phän. 162. — [13]) Срв. Phan 8. Recht. 275.

поддается раціонализаціи; оно, по самой сущности своей, чуждо мысли,—и въ этомъ корень его философской гибели.

Конкретное эмпирическое гибнетъ передъ лицомъ философіи именно потому, что оно всѣмъ своимъ существомъ инородно, гетерогенно мысли. Ибо философія, думаетъ Гегель, есть прежде всего мысль, и притомъ знающая мысль, и то, что непознаваемо и немыслимо, и само не есть ни знаніе, ни мысль,—то безразлично, индифферентно для философіи. Безразлично, конечно, лишь до тѣхъ поръ, пока это инородное не становится на пути философской мысли, не посягаетъ, не узурпируетъ ея званіе и ея дѣло, не провозглашаетъ себя вершиной знанія и достовѣрности. Тогда философія раскрываетъ съ очевидностью познавательное убожество пришлеца и видитъ въ этомъ отрицательномъ совершеніи дѣло высокой и серьезной важности: дѣло подготовляющаго катарсиса.

Но мысль требуетъ прежде всего законченной ясности и всеобщности. И въ этомъ она неукоснительна и не знаетъ компромиссовъ. Она не допускаетъ хаотической и случайной измѣнчивости, не терпитъ ссылокъ на безконечный регрессъ, не имѣетъ дѣла съ неизслѣдимымъ и неисчерпаемымъ. Въ своемъ предметѣ она видитъ нѣчто опредѣленное и въ своемъ устремленіи она движется завершающе и оформляюще. Въ этомъ ея сущность.

Но сущность конкретнаго-эмпирическаго состоитъ именно въ обратномъ. Безконечно разсѣянное, необозримое, неисчерпаемое и даже неописуемое, и, при всемъ томъ, непрестанно мѣняющееся и хаотически перепутанное, оно не поддается законченно ясному формированію и потому не поддается мысли. Оно и не мыслится, а только чувственно-созерцается. Его нельзя ни дедуцировать, ни конструировать [1]), ни вообще понять, т.-е. объять духомъ [2]). Мысль мыслитъ лишь зачерпнутое, „поятое“; [3]), а въ составъ конкретнаго эмпирическаго входитъ не только то, что̀ осталось незачерпнутымъ, но и вообще незачерпаемое и неисчерпаемое. Мысль не знаетъ без-

[1]) Krug. 58. Phän. 78. — [2]) Glaub 119. 127. Log. III. 175. — [3]) Математика въ ученіи о „безконечно-малыхъ“ не могла бы составить исключенія, ибо она мыслитъ не самое безконечное, а сущность своего, незаканчивающаго предметъ, метода.

донной шахты, изъ коей нѣтъ возврата; указаніе на безконечную сложность можетъ смутить и затруднить мыслителя, но не измѣнить природу мысли. Однако мысль требуетъ кромѣ того всеобщности; а въ мірѣ дискретной эмпиріи все единично. И это дѣлаетъ его, такъ сказать, качественно недоступнымъ мысли. Если мысль и ухватитъ что-либо изъ чувственно-даннаго, то она ухватитъ это въ своей формѣ, которая ей присуща и имманентна: въ формѣ всеобщности. И это будетъ уже не то, что имѣлось налицо въ эмпирической данности. Помыслить „здѣсь“ и „теперь“ значитъ помыслить „здѣсь вообще“ и „теперь вообще“, а чувственное созерцаніе воспринимало „здѣсь въ частности“ и „теперь въ частности“ [1]). (Напр. „сегодня, сейчасъ, восемь часовъ вечера“).

Поэтому понятіе и чувственная единичность—гетерогенны; конкретное эмпирическое не можетъ быть выражено въ функціи мысли и понятія, и эта невозможность является въ его судьбѣ рѣшающей. Можно безъ конца опредѣлять его гранями мысли [2]), безъ конца воспринимать его въ понятіе [3]), непрестанно (perennirend) приближаясь [4]), и не приходя ни къ чему: эмпирическое „все“ (Allheit)—недостижимо [5]); прочная абстрактная опредѣленность мысли затеривается въ чувственной единичности [6]); и, въ довершеніе всего, помысленное не имѣетъ эмпирической реальности, а эмпирически-реальное остается не помысленнымъ: ибо безконечно сложный матеріалъ [7]) данной реальности—„редуцируется“ разсудкомъ къ нѣкой существенной, но уже не реальной простотѣ [8]).

Вслѣдствіе этого чувственное знаніе—ощущеніе, созерцаніе, чувствованіе [9])—есть совершенно ненаучное знаніе [10]). Предметъ его есть міръ эмпирической случайности и произвола [11]); та внѣшняя, эмпирическая, банальная необходимость [12]), которая, повидимому, въ

---

[1]) Срв. Phän. 73—84 и слѣдующ. главы. Prop. 81—82. — [2]) Срв. Glaub 151. Recht. 279. — [3]) W. Beh. 376. — [4]) Recht. 280. — [5]) Log. III. 98. — [6]) Срв. Phän. 240. — [7]) Срв. Phän. 423. Gymn. 140. Log. III. 19. 20. 49. — [8]) Срв. Log. III. 20. Enc. I. 230. — [9]) Recht. 181. Hinr. 302; срв. также Log. III. 21. Enc. I. 37. — [10]) Phän. 39. срв. Enc. III. 157 (Z.). — [11]) Срв. Glaub. 8. 109. Phän. 520. Log. III. 238. Enc. I. 18. 24. 111. 144. 287. Enc. III. 361—362. 424. Recht. 22. 126. 171. 172. Hinr. 298. — [12]) Glaub. 127. 128. 129. Recht. 159. 159.

этомъ мірѣ обнаруживается, не имѣетъ никакой научной устойчивости и значенія· чувственный міръ—„противостоитъ всякой закономѣрности“ [1]). Чувственная субъективная достовѣрность лишена всякой философской цѣнности; она ведетъ только къ ошибкамъ, иллюзіи и отчаянію [2]). Здѣсь нѣтъ истины [3]), ибо чувственный элементъ только омрачаетъ и заслоняетъ истину [4]), выдавая за нее свои безцвѣтныя, выдыхающіяся (schal) утвержденія [5]). Поэтому конкретное-эмпирическое можетъ быть предметомъ не знанія, а только мнѣнія: это есть нѣчто мнимое, мнимое знаніе, мнимое бытіе [6]). Однако это мнѣніе и это мнимое настолько далеки отъ всякаго разумнаго подобія, что не могутъ быть даже выражены и формулированы въ словахъ. Гегель твердо убѣжденъ, что языкъ есть орудіе и продуктъ разсудка, мышленія, мысли, и что слово, при закономѣрномъ (не произвольномъ, какъ въ названіяхъ единичныхъ предметовъ) использованіи, „выговариваетъ только всеобщее“ [7]). Но такъ какъ конкретное-эмпирическое, и онтологически, и „въ познаніи“, есть только единичное и не можетъ стать всеобщимъ [8]),—то оно неизрѣченно (unaussprechlich, unsagbar) [9]). Неизрѣченное же пребываетъ въ состояніи смутнаго броженія, ибо ясность дается лишь словомъ [10]). Таковъ предѣльный пунктъ гносеологической несостоятельности конкретнаго эмпирическаго.

Теперь, можетъ быть, будетъ понятна та рѣзкость, съ которой Гегель произноситъ свой окончательный приговоръ надо всею сферою эмпирическаго бытія и чувственнаго познанія: этотъ приговоръ устанавливаетъ метафизическое ничтожество конкретнаго-эмпирическаго.

Вся эта сфера, весь этотъ своеобразный. чувственный, пространственно-временный міръ единичныхъ, случайныхъ вещей—есть съ виду грандіозная, но по существу и по результатамъ жалкая и несостоятельная попытка отпасть отъ единственно-подлиннаго божествен-

---

[1]) Phan. 207. — [2]) Срв. Phan. 82. Enc. I. 144. Recht. 22. — [3]) Log. III. 175 238. Enc. I. 37. Enc III. 295. 424. Recht. 22. Hinr 298. — [4]) Log I. 250. — [5]) Phan. 75. — [6]) Срв. Phan. 83. 84. 85. 86. 241. 242. Recht. 22. — [7]) Log. I. 123. Срв. Enc. I. 36. 37. — [8]) Срв. Enc. I. 355. Enc. III. 390. — [9]) Срв. Phan. 83. 83. 241. 242. Enc. I. 37. 172. Enc. III. 390. — [10]) Enc. III. 349 (Z).

наго средоточія всѣхъ элементовъ: начала чистой духовной спекулятивной мысли; отпасть и предпринять самоутвержденіе въ отрывѣ [1])—„выступить на периферію“ (Баадеръ); „оторваться отъ свѣта или вселенской воли“ (Шеллингъ); „объявить своеволіе“ (Достоевскій). Но этотъ отрывъ и отпаденіе лишаютъ отпавшее разумности, духа и смысла. По выраженію Баадера: „⊙ превращается въ O“. Въ противопоставленіи разуму возможна только безразумность; въ отрывѣ отъ спекулятивной мысли возможно только слѣпое противоразуміе [2]). Поэтому конкретное эмпирическое лишено Разума и Духа: оно не соразмѣрно Духу, покинуто имъ [3]), и вслѣдствіе этого чуждо всего того, что характеризуетъ спекулятивную реальность (свободы, органичности, спекулятивнаго движенія и т. д.) [4]). Это міръ, остающійся по сю сторону (Diesseits) [5]), низменно-банальный [6]), дурной [7]), лишенный всего прекраснаго [8]). Мало того: лишенный единой, реальнѣйшей сущности, оторванный отъ субстанціи [9]) и потому несущественный (wesenlos, unwesentlich) [10]).

Съ виду объективный и самостоятельный—онъ на самомъ дѣлѣ не объективенъ [11]) и не самостоятеленъ [12]). Съ виду—единственный источникъ бытія, отъ котораго только и можетъ получить реальность отвлеченная мысль [13]), этотъ міръ на самомъ дѣлѣ въ корнѣ своемъ оторванъ отъ всякаго истиннаго бытія. Конкретное-эмпирическое не есть ни истинная, ни послѣдняя, ни абсолютная реальность [14]). Это есть нецѣнное (werthlos) [15]), „неистинное бытіе“ [16]), лишенное подлиннаго существованія. Конкретное-эмпирическое есть въ высшемъ смыслѣ слова—небытіе [17]).

Что же можетъ быть незначительнѣе и ничтожнѣе [18]) этого не-

---

[1]) Срв. Glaub. 103 Log. III 103. Enc. I. 138. — [2]) Срв. Glaub 133. 137. 140. 144. W. Beh. 375. Phan. 226. 422. Log. III 45. 50. 179. 238. 257 Enc. I. 138. 144. — [3]) Срв. Phan. 22. 432 520. Recht. 85. — [4]) Bha. 388. Glaub. 144. Phän. 74. — [5]) Phän. 8 139—140 Hinr. 293. — [6]) Glaub. 5. 8 13. 98. 99. 99. 107—108. 112. 119. 125 127. 143. Phän 39. 417 Ohl. 237. — [7]) Phän. 181. — [8]) Enc. III. 446 — [9]) Recht. 99. — [10]) Phan. 432. Log. III 257. Enc. I 144. 287. 287. Recht. 22. — [11]) Enc III. 290. — [12]) Bha. 424. — [13]) Срв. Log. I 93. — [14]) Log. I. 171. — [15]) Log. I 115. Log. III. 50. — [16]) Log III. 237—238. — [17]) Срв. Log. I. 137. Log III. 175. Enc. I. 228. 386. Enc. III. 150. Recht. 81—82. — [18]) Срв. Phän 82. Log. III. 178. 179. 325 326 326. Enc. I. 37. Enc. III. 340

бытія? Все мнимое богатство его—не въ прокъ ему: это тотъ „панцырь тяжелый“, который его „утопилъ“. И чѣмъ непомѣрнѣе претензіи чувственнаго „міра“, тѣмъ очевиднѣе становится его бѣдность [1]), безсодержательность [2]) и его суетная тщета (eitel) [3]). И каждый разъ, какъ мысль пытается удержать и познать любой изъ элементовъ его, она видитъ передъ собой призракъ, иллюзію (Schein) [4]) и убѣждается, что сущность этой красочной видимости [5]) — есть ничто [6]).

Вотъ почему первая задача философіи состоитъ въ томъ, чтобы вскрыть и преодолѣть сущность этой низменной точки зрѣнія [7]); освободиться отъ нея значитъ выйти изъ „царства мрака“ [8]), сложить цѣпи конечности и обреченности [9]), вступить на путь очищенія огнемъ мысли.

Можно принять безъ сомнѣнія, что, если бы нѣмецкій языкъ имѣлъ въ своемъ составѣ терминъ, соотвѣтствующій русскому слову „пошлость“, то Гегель обозначилъ бы этотъ путь, какъ путь „катарсиса духа отъ пошлости“. Въ этомъ восхожденіи отъ эмпирическаго безмыслія къ спекулятивной мысли, отъ мнѣнія—къ знанію, отъ единичнаго—ко всеобщему, отъ дискретнаго—къ конкретности, отъ души—къ Духу, отъ животнаго стостоянія [10]) —къ божественному,—конкретное-эмпирическое свершаетъ свою судьбу: оно преодолѣвается во имя высшаго и исчезаетъ совершенно [11]), возвращаясь по слову Анаксимандра и Гегеля въ свою основу и сущность, единую и непреходящую.

Однако путь этотъ не легокъ и не простъ. Сознанію предстоятъ горы сосредоточеннаго, страдальческаго, терпѣливаго труда надъ понятіемъ и въ понятіи [12]); ему предстоитъ воспринять послѣднія сомнѣнія, усомниться во всемъ своемъ содержаніи, пережить истин-

---

[1]) Phan. 73. — [2]) Enc. III 424. Срв. Glaub. 136. Phän. 73 — 84. Enc. I. 113 — [3]) Hinr. 293. — [4]) Enc. I. 144. Recht 17. — [5]) Phän. 139—140. — [6]) Glaub. 57. 133. W. Beh. 336. Log. III. 238. — [7]) Log III. 314. — [8]) Log III. 323. — [9]) Срв. Glaub. 108—109. — [10]) Срв. Enc. I. 107. — [11]) Log. II. 72. — [12]) „der Ernst, der Schmerz, die Geduld und Arbeit des Negativen“ Phän. 15.

ную вакханалію сомнѣнія [1]). И только изъ такого философскаго землетрясенія можетъ произойти возрожденіе и обновленіе сознанія... И первое, что предстоитъ ему—это пройти черезъ формально-логическое чистилище.

---

[1]) Срв. Phän 37.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Абстрактное-формальное.

Конкретное-эмпирическое по своимъ основнымъ свойствамъ не можетъ быть предметомъ познанія вообще и предметомъ философскаго познанія въ особенности. Ему предстоитъ глубокое, все отвергающее и обновляющее перерожденіе. Его хаотичность должна встрѣтиться съ началомъ строгой мѣры и коснаго порядка; его неудержимая процессуальность должна или отпасть, или угаснуть съ водвореніемъ новой формы; его непосредственность увидитъ расколъ и осложненіе; чувственности его предстоитъ отмереть; единичности — претвориться во всеобщность. Однако самой философіи невозможно взяться за это дѣло: философія есть система совершеннаго знанія, замкнутый кругъ полноцѣнныхъ идей, она не имѣетъ дѣла съ несовершеннымъ матеріаломъ и не подготовляетъ его; она не знаетъ полу-истинъ и не включаетъ въ себя незрѣлое. Поэтому между философіей и чувственнымъ созерцаніемъ эмпирическихъ вещей оказывается нѣкоторая промежуточная сфера, очищающая и подготовляющая сознаніе и его предметъ; эта сфера составляется изъ эмпирическихъ наукъ, эмпирической философіи и обычной, т. наз. „формальной“ логики, объединенныхъ одинаковымъ методологическимъ пріемомъ построенія и пониманія своего предмета. Пріемъ этотъ, или способъ обращенія съ познаваемымъ содержаніемъ, и есть „формальная абстракція“.

Вся эта группа низшихъ наукъ, или полу-наукъ, отнюдь не знаетъ, или не признаетъ своего промежуточнаго, или опосредствующаго по-

ложенія. Эмпирическіе изслѣдователи и формально-логическіе мыслители считаютъ свою задачу единственно-научной, свои методологическіе пріемы—окончательно-вѣрными, свой предѣлъ—достигнутою вершиною. Но это совсѣмъ не значитъ, думаетъ Гегель, что таково объективное значеніе ихъ построеній и ихъ пріемовъ. Наоборотъ: ихъ самооцѣнка есть не болѣе какъ посягательство; ихъ притязаніе есть претензія; ихъ дѣло измѣряется масштабомъ пригодности, но не истинности. Философское знаніе начинается именно тамъ, гдѣ они кончаютъ; свѣтъ загорается именно тамъ, гдѣ они слѣпнутъ; истина открывается именно тамъ, куда они загородили себѣ доступъ своими предразсудками.

Значеніе этихъ низшихъ наукъ, сущность ихъ познавательнаго подхода къ предмету и философскую непріемлемость всего умонаправленія Гегель формулируетъ съ удивительною зрѣлостью и глубиною. Все это объединяется и сосредоточивается вокругъ ученія объ абстрактномъ-разсудочномъ или формальномъ.

Самымъ глубокимъ, кореннымъ порокомъ конкретнаго-эмпирическаго была его неспособность стать предметомъ мысли, мыслимымъ объектомъ, и, слѣдовательно, предметомъ философскаго познанія. Что же, въ самомъ дѣлѣ, остается дѣлать мысли и знанію съ тѣмъ, что не мыслится и не знается? Таково это, съ виду гносеологическое, затрудненіе. Отсюда первая задача абстрактной среды—внести мыслимость въ низшую сферу эмпиріи.

Абстрактное-формальное есть прежде всего мысль [1]): субъективно—процессъ мышленія; предметно—мыслимое „нѣчто“. Можно было бы сказать, что здѣсь мѣняется самый органъ духа, служащій для обхожденія съ предметомъ; и, подобно тому, какъ слухъ живетъ звукомъ и не слышитъ цвѣта, такъ мысль не созерцаетъ чувственно данность внѣшняго міра, но дѣлаетъ свое особое специфическое дѣло.

Мысль есть вообще нѣчто абстрактное [2]). Нужно, чтобы у того, кто начинаетъ мыслить, „померкли сначала зрѣніе и слухъ“; чтобы

---

[1]) Ср. Lass. 496. Glaub. 68. W. Beh. 334. Phän 26 606. Niet. 345 346. Log. III. 175 и мн. др. — [2]) Niet. 346.

онъ былъ „отвлеченъ отъ конкретнаго представленія и вовлеченъ во внутренній мракъ душевной ночи“; и чтобы онъ „въ этой средѣ научился видѣть, удерживать опредѣленія и различать“ [1]). Абстрактное мышленіе есть уже внутренній процессъ, движеніе души въ самой себѣ и притомъ именно интеллектуальный процессъ, направленный на нѣчто интеллектуальное, мыслимое [2]); если угодно, на нѣчто „идеальное“ [3])

Въ этомъ состояніи душа отказывается отъ непосредственнаго сліянія съ непрерывнымъ потокомъ эмпирическихъ явленій, отъ созерцательнаго растворенія въ сложности и слитности конкретнаго-эмпирическаго. Обнаруживается своеобразное тяготѣніе сознанія къ своему центру; оно отъединяется, собираетъ свои силы и противопоставляетъ себя чувственному непосредственному бытію [4]). Теперь оно уже не „въ немъ“, а „внѣ его“; оно не живетъ „имъ“, а вопрошаетъ „о немъ“. Оно хочетъ отчета и опредѣленности; оно ищетъ простоты и устойчивости. Сознаніе видитъ „себя“, свое „я“, и противостоящій, данный ему предметъ. Эта „данность“ есть не что иное, какъ конкретное-эмпирическое [5]). Оно есть первое, начальная основа, историческое начало всего дальнѣйшаго знанія [6]). Но въ этой данности все сплошно и перепутано. Охватить ее цѣликомъ нѣтъ возможности—ни въ глубину, ни въ ширину; она сама до крайности измѣнчива и непостоянна. И вотъ, сознаніе вступаетъ на путь отрыва и задерживающей фиксаціи. Таково рожденіе абстрактной мысли.

Въ этомъ и состоитъ основной смыслъ „абстрактнаго“ („abstraho“—„от-влекаю“): сознаніе разрываетъ живое, непосредственное цѣлое на части, куски, стороны, элементы или опредѣленія, и оперируетъ, какъ съ объектомъ, съ этими, уже вполнѣ новыми, предметными образованіями. Установивъ въ матеріалѣ какое-нибудь различіе [7]), сознаніе останавливается на немъ, и это есть первый актъ

---

[1]) Срв. Niet. 345. — [2]) Срв. Glaub. 36. — [3]) Срв напр. W. Beh 336. 416 Enc. II. 222: „nur ideelle Idealität“. — [4]) Срв. напр. Phän. 142. — [5]) Срв. Phän. 185. Log III. 20. 21. 308. Enc. III 294—295 Enc. I. 403. — [6]) Ibidem.— [7]) Срв. особ Glaub 65. Phan. 434 Niet. 345, а также W. Beh. 357 Phan. 132. 329 Recht 256.

его—анализъ [1]). Въ результатѣ анализа получается (классическій случай) нѣкоторая двоица [2]), два отдѣльныхъ и взаимно различныхъ элемента, роль и участь которыхъ также различна.

Для того, чтобы получить нѣчто, поддающееся мышленію, сознаніе должно силою (gewaltsam) удержать [3]) одну изъ различенныхъ сторонъ, сосредоточивая на ней свое вниманіе: только при этомъ условіи получится необходимая опредѣленность въ мышленіи. Другая же часть подвергается своеобразному „забвенію“ [4]); душа дѣлаетъ усилie, чтобы „затемнить и удалить“ [5]) то, отъ чего отвлекается мыслимое; сознаніе не смотритъ на него [6]), вычеркиваетъ [7]), опускаетъ [8]), отрицаетъ [9]), негируетъ [10]), „отмысливаетъ“ [11]), ибо считаетъ, что можетъ обойтись безъ него [12]). Все это, конечно, съ тѣмъ, чтобы при первой же надобности „возобновить“ вычеркнутое и найти въ немъ матеріалъ для новыхъ абстракцій [13]). Но въ моментъ отвлеченія сознаніе смотритъ только на одну сторону [14]) и именно ее то, какъ отвлеченную, абстрагированную, абстрактную и удерживаетъ [15])

Въ противоположность опускаемой сторонѣ, удерживаемая часть извлекается [16]), изолируется отъ связи съ другими элементами [17]) и полагается [18]) въ качествѣ содержанія абстракціи [19]). Въ результатѣ этого абстрактное оказывается всегда оторваннымъ, отдѣленнымъ, изолированнымъ и противопоставленнымъ [20]). Сознаніе цѣною неполноты, лишенія [21]) и ограниченія покупаетъ опредѣленность и мыслимость. Однако, нѣтъ сомнѣнія, что именно въ этомъ обмѣнѣ оно, вмѣстѣ съ полнотою предмета, теряетъ и самую конкретно-эмпи-

---

[1]) Срв. Glaub 92 Phan. 329. Log II. 31 и др. — [2]) Phan 127. — [3]) Срв. Enc. I. 178. — [4]) „Vergessen“ Diff 256 — [5]) „verdunkeln und entfernen“ Enc. I. 178. — [6]) „Wegsehen“ Phan. 163 — [7]) „abstreifen“. Niet. 345—346. — [8]) „weglassen“ Log. III. 19 38. 38 Prop. 92. Enc. II 385.— [9]) „läugnen“ Diff. 215. — [10]) „negiren“ срв Glaub 65 123. 125—126 137. W. Beh. 370. Log. III. 38. и др. — [11]) „hinwegdenken“ срв. напр. W Beh. 334 — [12]) W. Beh. 408 — [13]) Срв. Glaub. 126 Log. II 31 — [14]) Diff 214. Abs 405. 405. — [15]) Срв. напр. Enc I 178. — [16]) „herausziehen“, „herausheben“, „herausnehmen“ Glaub. 131. Phan. 185. Log. III. 21. Enc I. 230. Recht 161. — [17]) Срв. Log. I 68, а также Diff 209. Glaub. 87. Log. I 45. 124. Log III. 32. 40. Recht 27 161. — [18]) Срв напр. W. Beh. 413 — [19]) Log. III 38 — [20]) Срв. напр. Diff. 209. 213. Glaub 19 35. 131. W. Beh. 413 Log. I. 24. Log III. 65. — [21]) Glaub. 17. 122.

ническую данность. Такого, изолированнаго отъ всѣхъ связей и взаимодѣйствій, содержанія, которое препарировано абстрактною мыслью—нигдѣ въ пространствѣ и во времени не существуетъ [1]). „Абстракція“ отдѣльной „стороны“, какъ таковая, не имѣетъ существованія“ [2]); она „реальна“, „дѣйствительна“ только въ общей связи своей съ тѣмъ множествомъ эмпирическихъ обстоятельствъ и свойствъ [3]), отъ которыхъ она была отвлечена напряженіемъ сознанія. Уже въ самомъ первомъ приступѣ къ мысли и знанію конкретное-эмпирическое разлагается на абстрактные элементы и гибнетъ; наука его не познаётъ и познать не можетъ [4]).

Поэтому „абстрагирующее мышленіе не слѣдуетъ разсматривать, какъ простое отодвиганіе въ сторону чувственнаго матеріала, который отъ этого“ (будто бы) „не терпитъ ущерба въ своей реальности“ [5]). Нѣтъ. „Подъ воздѣйствіемъ вторгающейся мысли бѣднѣетъ богатсво безконечно многообразной природы; замираетъ ея весна, угасаютъ ея цвѣтныя игры. Все, что шумѣло въ ней жизнью, нѣмѣетъ и смолкаетъ въ тишинѣ мысли; напоенная теплотою полнота природы, слагающаяся въ тысячу разнообразно притягательныхъ чудесъ, превращается въ сухія формы и безóбразныя всеобщности, подобныя тусклому сѣверному туману“ [6]). Мысль деформируетъ и дереализуетъ конкретное-эмпирическое; она ликвидируетъ не только поэтическую слитную сложность его, но и его видимое безразличіе къ существенному и несущественному. Мысль ищетъ сущность и видитъ ее въ томъ, что устойчиво. Къ этой-то устóйчивой сущности она и стремится свести (Reduktion) многообразную эмпирическую данность [7]) путемъ опущенія одной ея части и сведенія въ единство другой [8]). Сходное, отвлеченное отъ несходнаго, при сравненіи совпадаетъ и мыслится, какъ единство [9]). Получается множество абстрактныхъ понятій, имѣющихъ, по закону формальной логики, содержаніе и объемъ, и стоящихъ другъ къ другу въ отношеніи рода, вида, подчиненія и соподчиненія.

---

[1]) Срв. Phän. 25. — [2]) Phän. 217. — [3]) Срв. Phan. 26. 287. Log. I. 93 228. — [4]) Срв. Log. III. 298—300. Skept. 76. — [5]) Log. III. 20. — [6]) Enc. II. 12—13. (Z.). — [7]) Log III. 20. — [8]) Гегель ставитъ здѣсь вмѣсто „и“—небрежное „или“ см. Enc. I. 230. Niet. 345—346. — [9]) Срв. Enc. III. 230. 330.

Содержаніе этихъ абстрактныхъ понятій разсудочное мышленіе принимаетъ за искомую аристократическую сущность эмпирическихъ явленій [1]), а самимъ явленіямъ предоставляетъ толпиться въ нижнемъ этажѣ объема.

Основное свойство этихъ „понятій“ въ томъ, что они—всеобщи. „Мыслить эмпирическій міръ, значитъ... существенно измѣнять его эмпирическую форму и превращать его въ нѣчто всеобщее“ [2]); всеобщность же эта, далекая отъ того, что́ Гегель называетъ истинной, спекулятивной всеобщностью, состоитъ лишь въ томъ, что выдѣленное мыслью свойство присуще (или „обще“) многимъ (или всѣмъ) вещамъ эмпирическаго міра и можетъ быть поэтому придано имъ въ качествѣ предиката [3]). Однако, этотъ родовой признакъ, присутствуя во многихъ (или во всѣхъ) элементахъ объема, въ то же время мыслится отдѣльно отъ подчиненной сферы; онъ свободенъ отъ нея [4]); онъ самъ по себѣ [5]); онъ образуетъ самостоятельное [6]) мыслимое нѣчто, абстрактное единство [7]), нѣчто абсолютное [8]) (отъ absolvo т.-е. отвязанное, отрѣшенное). Абстрактное-формальное отнюдь не сливается съ множественнымъ-единичнымъ и не тождественно ему [9]). Оно привносится къ нему извнѣ, какъ „инобытіе“ къ „инобытію“ [10]). Оно примѣняется къ нему, относится къ нему, налагается на него [11]), субсумируетъ его подъ себя [12]) и, въ лучшемъ случаѣ, погружается, нисходитъ въ него [13]), чтобы убѣдится въ томъ, что оно ему несоизмѣримо [14]); оно не можетъ ни исчерпать его, ни выразить.

Оторванное такимъ образомъ отъ конкретнаго, единичнаго, и предоставленное себѣ и своей специфической природѣ, абстрактное

---

[1]) Срв. напр. Log. III 292. Enc III. 356. — [2]) Enc. I. 108. — [3]) Срв. Log III 96. Phän. 307. 308.; а также Log. III. 64. Enc. I. 79. — [4]) Срв. напр. Phän. 307. 308. 313 и др. — [5]) Срв. Glaub. 71. Phän 253. — [6]) Срв. Log. I. 192 Log. III 200. Recht. 352. — [7]) Diff. 193. 287. Glaub. 44. W. Beh. 378. Log. I. 90. Enc. I. 386. — [8]) Срв. Glaub. 36. Log. I. 63. 276. Enc. I. 230: срв. Glaub. 128. 129. Beweise 402. — [9]) Срв. Glaub. 11. 39. 64—65 92 135—136 W. Beh 345. 346. 357. Phän. 26. 97. 153. 163. Log III. 60. 60—61 Enc. III. 257 Bha. 414. и др. — [10]) Срв. Phän. 96—97. Log. III. 21. 61. Enc. I. 14. — [11]) Срв Phän. 362. Recht. 46 W. Beh. 357. Log. III 310.— [12]) Срв напр. Log. III. 73. Enc III. 412 Abs. 404. — [13]) Phän. 6. — [14]) Срв. Glaub. 151. Skept. 76. W Beh. 337 375. 377. Phän. 240.

разсудочное мышленіе развертываетъ свой особый строй, свой порядокъ и свои особенности. Оно стремится къ тому, чтобы утвердить независимость своихъ понятій отъ объема, отъ единичнаго, отъ случайнаго эмпирическаго матеріала. Мало того, что оно „вычеркиваетъ несходные, выдающіеся кусочки данности“ [1]), оно влечется всегда кверху: сбросить еще что-нибудь изъ балласта своего содержанія, отвлечься еще отъ какого-либо опредѣленія, подняться еще на одну ступень абстракціи. Сущность разсудочной абстракціи въ томъ, что она тяготѣетъ всегда къ возможно большему объему и возможно меньшему содержанію; ибо, если эмпирически данный матеріалъ рѣшаетъ вопросъ объ устойчивости, а устойчивость (дурная всеобщность) [2]) опредѣляется, какъ индуктивная всюду-найденность, всѣмъ-подтвержденность; и, если именно такая всеобщность и устойчивость есть критерій сущности и существенности (какъ въ этомъ убѣждена разсудочная наука), — то понятно, что основную сущность всѣхъ вещей разсудочная мысль будетъ искать въ томъ, что всего абстрактнѣе, — въ самомъ абстрактномъ, самомъ безсодержательномъ [3]), но за то и самомъ „устойчивомъ“ и „существенномъ“. Это и есть то „нѣчто“, „Etwas“, на которое указываетъ Кантъ [4]), говоря о высшей абстракціи, и которому молится индійскій йоги, взывая къ Брамѣ [5]). Это есть — „формальная индифференція“ [6]).

Имѣя въ виду такое тяготѣніе разсудочной мысли, Гегель и характеризуетъ создаваемую ею абстракцію, какъ нѣчто оторванное отъ содержанія, и потому неопредѣленное [7]) и формальное [8]). Добытое разложеніемъ, анализомъ, это есть своеобразное аналитическое единство [9]), знающее степени большей и меньшей абстракт-

[1]) Niet. 345 — 346. — [2]) Срв. Phän. 190. Log. III. 96 — 98. 149 — 150. 292 — 293. 330 — [3]) Срв. Glaub. 11 W. Beh. 340. Log. I. 165. Enc. III. 251. — [4]) Kant. Logik. Ausg Kirchmann. 1869. S. 103. — [5]) Срв Bha. 392. 412. 413 — 426 — [6]) W. Beh 377. см. также другія ранніе статьи Гегеля, — [7]) „unbestimmt“, „bestimmungslos“, „inhaltslos“: срв. Glaub. 34. 120. W. Beh. 350. 351. Phän. 217. 295—296. 563 Log I 270. Log. II. 4. Log. III 60 — 61 92 120. 140 200 282 Enc. I. XXX. 73. 330. Enc. III 208. 306. 460. Recht. 177 178 193. 207. Bha. 418. 419 и др. — [8]) Срв. Glaub. 157. W. Beh. 409. 416 422. Niet. 346. Log. III. 25. 32. 140. 143. Enc. I 20. 157. 386. Enc. III. 251 Recht. 75. 150. — [9]) Срв. Glaub. 92. Phän. 329. Log I. 339. Log. II. 31 Log. III 281. 281.

ности [1]), но не знающее предѣла въ отвлеченіи своемъ отъ содержанія [2]), въ бѣгствѣ отъ него, какъ отъ стѣсняющаго и ограничивающаго [3]). Развѣ только одна смерть была бы высшимъ, послѣднимъ отвлеченіемъ и отрѣшеніемъ [4]). Въ то же время, какъ бы ни было отвлеченно понятіе, к а к о е н и б у д ь содержаніе оно все же имѣетъ [5]). И въ этомъ-то, хотя бы и убогомъ, содержаніи своемъ оно по основному закону формальной логики тождественно само себѣ, „равно само себѣ“ [6]); оно есть абстрактное и формальное тождество [7]), само себѣ внутренно не противорѣчащее [8]), неизмѣнное и потому ad libitum повторяемое [9]). Это мыслимое тождество не имѣетъ въ себѣ различій и многообразія [10]); оно—отвлечено отъ многообразія и п р о с т о [11]). И какъ таковое,—оно не реально, не имѣетъ дѣйствительности и существованія [12]), но, какъ уже сказано, пріобщается реальности только черезъ единичныя эмпирическія вещи [13]); абстрактное-формальное есть—„nur überhaupt seiend“ [14]).

Вотъ изъ этихъ-то абстрактныхъ, формальныхъ понятій, нереальныхъ, тождественныхъ, мыслимыхъ единицъ и слагается корпусъ э м п и р и ч е с к о й н а у к и, интересующейся ими въ ихъ с о д е р ж а н і и, и ф о р м а л ь н о й л о г и к и, изслѣдующей ихъ ф о р м у. Построить понятія, отвлеченныя отъ эмпирической данности, въ классифицирующую систему по схемѣ genus proximum et differentia specifica [15]) такъ, чтобы содержаніе ихъ охватило и исчерпало эту данность—такова регулятивная (хотя „безконечная“ и потому неосуществимая) идея эмпирической науки. Установить всеобщіе и неизмѣнные, а потому „абсолютные“ законы, владѣющіе элементами этой абстрактной системы—понятіями, ихъ сущностью и взаимными

---

[1]) Срв. Diss. 19. Krit. 44. Skept. 73. 109. 115. Glaub. 8 11. 17. 38. W. Beh 343 360. Phän. 73. 451. Enc. III 406. — [2]) W. Beh. 370. Aphor. I. 542 — [3]) Recht. 38 42. — [4]) Срв. W. Beh. 392. Aphor. 1. 543. — [5]) Recht 41 — [6]) Phän. 86. 96. 185. — [7]) Срв. haup. Diff. 225 Glaub. 118. 131. Log II. 69. Log. III. 281. 306 313 Enc. I 230. Enc. II. 138 и др.— [8]) Срв. Enc. I. 228. — [9]) Срв Diff. 193. Phän. 162 — [10]) Срв. Log III. 281. 306. Enc. I. 230. Enc. III. 264. — [11]) Phan. 86 86. 246. 446. Gymn. 144. Niet. 346. Log. I. 246. 249. Log. III. 298. — [12]) Срв. W. Beh. 367. 367. 397. 409. Phän. 25. 26. 36. 108. — [13]) Срв W Beh. 372. Log. I. 93. — [14]) Phan. 26.—[15]) Log III. 308.

отношеніями—такова задача формальной логики, осознанная и (по традиціонному воззрѣнію) чуть ли не разъ навсегда разрѣшенная еще Аристотелемъ. Если учесть еще „всеобщіе" и „необходимые" „законы природы", о которыхъ Гегель не любитъ говорить съ почтеніемъ и признаніемъ—то не стоитъ ли здѣсь мысль, въ самомъ дѣлѣ, предъ послѣдними, доступными человѣку, вершинами знанія? При надлежаще-широкомъ пониманіи „эмпирической данности"—можетъ возникнуть вопросъ: въ чемъ же еще можетъ заключаться идеалъ научнаго знанія? Не все ли этимъ сказано?

По убѣжденію Гегеля, лежащему въ самомъ основаніи всѣхъ остальныхъ его убѣжденій и всей его философской доктрины,—истинная наука и истинная философія здѣсь еще не начинались. Ни о предметѣ ихъ, ни о задачѣ, ни о методѣ, ни объ идеалѣ познанія—здѣсь не сказано еще ни слова. Мало того, тотъ, кто отказывается представить себѣ иной предметъ и иной методъ научнаго познанія, тотъ вообще къ истинной научной философіи не причастенъ; онъ чуждъ ей настолько, насколько слѣпецъ чуждъ зрительнымъ воспріятіямъ, или, выражаясь въ терминахъ Критики Чистаго Разума, насколько дискурсивный разсудокъ чуждъ способностямъ интуитивнаго разсудка. Между чувственнымъ созерцаніемъ, абстрактно-эмпирической обработкой его данности и абстрактно-формальнымъ трактованіемъ добытыхъ понятій, съ одной стороны, и спекулятивной философіей Гегеля, съ другой,—лежитъ глубокое, существенное, качественное различіе: это разные способы познавательной жизни, различныя душевно-духовныя устремленія, въ корнѣ отличающіеся другъ отъ друга подходы къ вещамъ и къ знанію. Наука и философія Гегеля говорятъ не о томъ и не такъ, о чемъ и какъ говоритъ эмпирическая и формальная наука, а также выращенная ими философія.

Все это не значитъ, однако, чтобы Гегель отрицалъ за обычной наукой и логикой всякое значеніе; это должно быть уже понятно изъ предшествующаго. Но значеніе ихъ въ высшей степени ограничено, а дефекты ихъ научнаго метода настолько серьезны, что создаютъ въ философствованіи великія уклоненія и опасности.

Конкретное-эмпирическое противостоитъ философіи, какъ сре-

да тупого безмыслія, какъ чуждый мысленной культуры хаосъ случайныхъ обстоятельствъ. Абстрактное-формальное вноситъ въ эту сферу первую и элементарную культуру мысли. Эмпирическія науки, вработывая въ чувственный матеріалъ „всеобщія опредѣленія, родовыя понятія и законы", приготовляютъ его для философіи [1]). Онѣ очищаютъ его постепенно отъ данности и непосредственности [2]), поднимаютъ его къ абстрактной всеобщности [3]) и этимъ освобождаютъ отъ грубаго и варварскаго состоянія [4]). Въ этомъ разложеніи на элементы и въ выращиваніи мыслительной всеобщности лежитъ „абсолютная цѣнность" образованія [5]). Такое пріобщеніе чувственнаго матеріала абстрактному, съ одной стороны,—ведетъ къ его упрощенію, къ претворенію его во что-то удобопонятное, понимаемое [6]), мыслимое, съ другой стороны, – оно является подготовительнымъ приближеніемъ содержанія къ спекулятивному, къ Духу, своеобразнымъ одухотвореніемъ его [7]), огненнымъ крещеніемъ [8]). Сосредоточенная энергія понятія [9]) выковываетъ въ этомъ дѣлѣ основное философское орудіе. абстрактное мышленіе, т.е. искусство удерживать чистыя мысли и, двигаясь въ нихъ [10]), измѣрять всю глубину ихъ различія [11]). Упражняясь въ этомъ дѣлѣ, душа человѣка отрывается отъ чувственной конкретности и научается жить въ понятіи и познавать черезъ понятіе [12]); она отучается отъ „безсмысленнаго представленія" [13]) и привыкаетъ къ созерцанію „чистыхъ пространствъ прозрачной мысли" [14]). На протяженіи этого педагогическаго и пропедевтическаго искуса въ ней дѣйствуетъ и ею владѣетъ „изумительнѣйшая и величайшая, или даже абсолютная сила"—разсудокъ или негативная энергія мысли [15]). Разорвать слитную сопринадлежность матеріала, негативно отбросить бо̀льшую часть его, убить его жизнь, создать неживое, но уже мертвое абстрактное „нѣчто", удержать это мертвое и превратить его

---

[1]) Enc. I. 20. — [2]) Enc. I. 20. — [3]) Срв Glaub. 103 Log. I 87. Log III. 61. — [4]) Recht 55 — [5]) Срв. Recht. 55. 257. — [6]) Niet. 346 Log III. 298. Enc. II. 39 (Z.), срв. также Enc. III. 406. — [7]) Срв Enc. III. 294—295 316 (Z). — [8]) „befeuern" Enc. II 166. (Z). — [9]) „der Ernst des Begriffs" Phän 6. — [10]) Enc I. 7 — [11]) Срв Log. III. 49 — [12]) Срв. Log I. 45. — [13]) Phän. 115. — [14]) Log III. 323 — [15]) Срв. Phän 25 26. 26 Log. III 49. Срв. также Aphor. I. 546.

во что-то самостоятельное, независимое [1]) и тождественно-устойчивое,—для этого нужна поистинѣ колоссальная творческая сила; и дѣла ея говорятъ за себя сами.

Выполнить этотъ катарсисъ, окрестить и очистить душу огнемъ абстрактной мысли, было задачей древняго міра [2]): Греціи—въ сферѣ философіи, и Рима—въ области права. Но уже величайшій изъ греческихъ философовъ, Аристотель, видѣлъ болѣе высокую задачу и зналъ лучшее, истинное, спекулятивное философствованіе [3]). Идея новаго времени и состоитъ въ томъ, чтобы покончить съ разсудочной и прочной абстрактной мыслью, оживить эту долину смерти и покоя, привести ее въ подвижность и теченіе [4]), и раскрыть сущность истинной спекулятивной абстрактности и истинной спекулятивной конкретности. Въ этомъ—высшая задача новой философіи и разрѣшеніе ея беретъ на себя самъ Гегель. Для этого онъ и разоблачаетъ прежде всего основные пороки формальной абстракціи.

Истинная философія конкретна, и по предмету своему, и по методу. Это означаетъ, что элементы ея предмета не остаются разрозненнымъ множествомъ, но вступаютъ въ нѣкоторую особливую живую синтетическую связь, объединяющую ихъ въ новое, своеобразное живое единство. Эта конкретная связь не есть только познавательный синтезъ, мысленно-идеальный, человѣческимъ субъективнымъ мышленіемъ построяемый, но подлинный, живой синтезъ самихъ элементовъ самого предмета. Конечно, эмпирически мыслящему уму неясно еще, что это за синтезъ и какъ онъ возможенъ; однако, уже очевидно, что къ такому синтезу формально-абстрактныя понятія могутъ оказаться и не приспособленными.

По Гегелю они неспособны къ нему совершенно.

Каждое абстрактное понятіе само по себѣ тождественно и неизмѣнно [5]). Оно или „А“, или „не-А“. Оно одноформно [6]), однотонно [7]), одноцвѣтно [8]). Содержаніе его не можетъ измѣниться, ибо иное

---

[1]) Ibidem. Срв также Beweise. 338. — [2]) Phän. 27. — [3]) Enc. I. XXVIII. Gesch. Ph. II. 299. — [4]) Срв. Phän. 27. Срв. также Briefe. I. 172. 329. — [5]) „unwandelbar“ Phän. 162. — [6]) „gleichförmig“ Enc. II. 87. 87 Anm. — [7]) „eintönig“ Phän. 13. 394 — [8]) „einfärbig“ Phän. 13.

содержаніе есть содержаніе иного понятія. Поэтому абстрактное-формальное прочно [1]), фиксировано [2]), неподвижно [3]) и недвижимо [4]). Оно какъ бы засохло [5]) и закостенѣло [6]) въ своемъ внутреннемъ естествѣ. Лишенное всякой гибкости [7]), холодное [8]) и безцвѣтное [9]), оно безжизненно [10]) и мертво [11]) вѣчной и безнадежной мертвостью никогда не жившаго существа. Это есть своего рода caput mortuum абстракціи [12]). Между этими понятіями есть даже извѣстная связь—связь родового и видового характера; но эта связь такъ же прочна [13]), мертва и неподвижна, какъ и внутренняя природа самихъ понятій. Она оставляетъ всѣ связуемые элементы въ неизмѣнномъ видѣ и въ разрозненномъ состояніи подчиненности, но не сочиненности; она есть связь чисто негативная, ибо родовое понятіе добывается простой „негаціей“ видового признака [14]); она, можетъ быть даже, совсѣмъ не связь, а только „присутствіе“ родовыхъ элементовъ во всѣхъ видовыхъ образованіяхъ...

Во всякомъ случаѣ въ этомъ мертвомъ строѣ классификаціи всѣ абстрактныя образованія остаются отъединенными и замкнутыми [15]). Разъ обязанныя своимъ происхожденіемъ разрыву и разлученію, предпринятому сознаніемъ надъ матеріаломъ,—разсудочныя понятія всегда сохраняютъ на себѣ печать оторванности и распаденія [16]). Каждое каждому есть sui generis „инобытіе“, нѣчто „другое“, внѣшнее, стоящее къ нему, слѣдовательно, во внѣшнемъ

---

[1]) „fest“. W. Beh. 374. Phän. 27. 27. 240. 252. 253. 257. 258. Log. I. 39. 183. Log. III. 32. 67. 120. Enc. I. 147. — [2]) „fix“ „fixirt“. Glaub. 36. W. Beh. 329. 340. 342. 367. 409. Jac. 14. — [3]) „unbewegt“ Phän. 13. Log. I. 50. — [4]) „unverrückt“ Log. I. 39. — [5]) „trocken“ Phän. 252. 253. Log. I. 45. Würt. 240. — [6]) „knöchern“ Phän. 252. 253. — [7]) „unbiegsam“ Phän. 446. — [8]) „kalt“ Phän. 446. — [9]) „farblos“ Log. III. 60—61. — [10]) „unlebendig“, „Leblosigkeit“ Phän. 36. 590. Log. III. 60—61. Enc. I. XXXIII. — [11]) „todt“. Nohl. 7. Phän. 26. 522. Log I. 50. Log. II. 4. — [12]) Enc. I. 224. — [13]) Срв. Phän. 274, а также Niet. 345. Enc. I. 147. — [14]) Срв. всѣ тѣ мѣста, гдѣ Гегель настаиваетъ на негативной сущности абстрактнаго-формальнаго, называя послѣднее „положительно выраженной негаціей“ W. Beh. 341; особ. Glaub. 65. 123. 126. 137. W. Beh. 370. 397. Phän. 578. 600. Log. I. 101. Log. II. 4. 84. Enc. I. 223. Enc. III. 348—349. — [15]) „verschlossen“ Log. III. 200. — [16]) „getheilt“, „zerrissen“, „geschieden“, „getrennt“, „abgeschnitten“, „dirimirt“, „aufgelöst“, „zerlegt“.

отношеніи [1]). Абстрактное неизмѣнно обременено этимъ отдѣльнымъ отъ него [2]), несливающимся съ нимъ и не растворяющимся въ немъ „другимъ абстрактнымъ", — будь то оторванное отъ него всеобщее-мыслимое, или противостоящее ему единичное-чувственное [3]). Именно поэтому оно, согласно глубокомысленному опредѣленію абсолютнаго, данному Спинозой [4]), отнюдь не есть нѣчто безусловное или абсолютное [5]); напротивъ, оно обусловлено этимъ отрывомъ [6]), оно есть нѣчто относительное [7]), ограниченное [8]), недостаточное [9]). Оно составляетъ только одну сторону, вырванную изъ дѣйствительной полноты предмета, и потому оно односторонне [10]). Напрасно разсудочное знаніе хвалится тѣмъ, что оно доходитъ до познанія безконечнаго; „безконечность" его есть безконечность уходящаго вдаль регресса, неосуществимаго заданія, недостижимой полноты; это то безконечное, которымъ Фихте закончилъ свое первое „Наукоученіе" — дурная, мнимая, вѣчно блуждающая безконечность безкрылаго разсудка. Абстрактное формальное само по себѣ конечно [11]) и не ему посягать на подлинное достояніе спекулятивной философіи.

Теперь должно быть понятно, въ какомъ смыслѣ Гегель настаиваетъ на единичности формальной абстракціи: выдѣляя и вознося изо всей сложной данности только одну, единичную сторону предмета, понятіе остается прикованнымъ къ ней, и эта прикованность опредѣляетъ навсегда его содержаніе; оно безсильно исправить въ этомъ что-либо; выдавая выдѣленную единичность

etc.; срв. Diff. 252. W. Beh. 413. Phän. 25 252. 288. 377. 446. Log. I. 86. Log III. 122. 205. Enc. II. 501. Enc III. 354. Recht. 226. Ph. G. 50. и др.

[1]) Срв Diff. 243. W. Beh. 368. 371. Log. I. 39. 90. 101. 127. 246. 249. Log. II. 4. 4. Log. III 32. 46. 380. Enc. III. 400. — [2]) Срв. Log. I. 129. — [3]) Срв. напр. Glaub 11. W. Beh. 345. — [4]) См. Spinoza. Ethica. Pars prima. Definit. II „Ea res dicitur in suo genere finita, quae alia ejusdem naturae terminari potest". И далѣе: „Si cogitatio alia cogitatione terminatur", Opera Ed Paulus. 1802. Vol. I. pag. 35. — [5]) Срв. W. Beh. 353 367. Phän. 13. — [6]) „bedingt" срв Diff. 193. 210. Glaub. 120 Enc. III. 44. — [7]) „relativ" W Beh. 378 Enc. III 44. — [8]) „beschränkt" Diff. 233. W. Beh 340 367. Enc. I. 147. Recht. 150 207. 352. — [9]) „mangelhaft" Recht 41. Bha 415. — [10]) „einseitig". Diff. 191. Phän. 101. 590. Log I. 65. 90. 101. 148. Log. II. 33. Log. III. 129. 175. 334 Enc I. XV. XXI. 175 354—355. Enc. III 362. Recht. 41. — [11]) „endlich." Glaub. 22. 156. Enc. I. XV. Recht. 41. 207.

за что-то всеобщее, оторванное отъ другихъ содержаній и другихъ понятій,— оно является само лишь единичнымъ понятіемъ, прилѣпившимся къ единичному содержанію. Поэтому черезъ единичное разсудочное понятіе можетъ быть познано только единичное свойство чувственнаго міра, разсудочно обобщенное, но не пріобрѣвшее истинной спекулятивной всеобщности [1]).

Такимъ образомъ, оторванныя одна отъ другой, равнодушно [2]) сопоставленныя, формальныя абстракціи отчужденно [3]) и чопорно [4]) противостоятъ одна другой, нисколько не лучше, чѣмъ конкретныя эмпирическія вещи. „Абстрактное“ означаетъ всегда то же самое, что „противоположное“ [5]). Элементы, оторванные другъ отъ друга, взаимно-абстрактные [6]), относятся другъ къ другу негативно [7]), исключаютъ другъ друга, стоятъ взаимно въ отношеніи „идеальной“ и „безусловной“ противоположности [8]). Несоединяемый разрывъ [9]), обнаружившійся между ними, превращаетъ ихъ неминуемо въ непримиримыя полярныя крайности [10]). Вся великая армія абстрактныхъ понятій оказывается раздробленнымъ, разбросаннымъ [11]), дискретнымъ [12]) множествомъ логическихъ атомовъ [13]). Все преимущество ихъ передъ атомами эмпиріи—въ ихъ мыслительно-всеобщей формѣ, и только.

Естественно, что такое множество атомизированныхъ абстракцій, съ мертвымъ содержаніемъ и въ мертвомъ порядкѣ, оказывается неспособнымъ къ тому высшему спекулятивно-живому синтезу, котораго искалъ Гегель. Формальное понятіе не подходяще для спекулятивнаго строя отношеній, который покоится, во-первыхъ, на содержательности, а во-вторыхъ, на конкретности своихъ элементовъ. Между тѣмъ формальная абстракція, во-первыхъ — безсодержательна, во-вторыхъ—дискретна. Это разсудочное понятіе, только

---

[1]) Срв. Phän. 185. Log III. 61. 74. Recht. 161. 256. — [2]) „gleichgültig“ Phän. 77. 86. 86 253. Log. I. 86. 87. 90 — [3]) „Entfremdung“ Phän. 451; „Gemeinschaft.... zurückstossen“ Log. I. 174. — [4]) „Sprödigkeit“ Log. I. 185. — [5]) Срв. Diff. 193. 194. 233. 243. 289. Glaub. 19. 138. Phän. 96. 504. Log. I. 264. Log. III. 65. и др. — [6]) Glaub. 11. 135 — [7]) Срв. Glaub. 123. W. Beh. 353. Log. I. 129. Recht. 352. — [8]) Diff. 255. W. Beh. 336 — [9]) Срв Glaub. 97. Log. I. 29—30. — [10]) „Extrem“. Срв. Phän. 258. 446. Log. III. 120. 129. Recht. 395—396. Bha. 414. — [11]) „diffus“ Enc. III. 303.— [12]) Log III. 282 — [13]) W. Beh. 334. Enc. I. 35.

абстрактное, не болѣе чѣмъ абстрактное [1]) есть чистая [2]) и пустая [3]) безсодержательная мыслимость. Заимствуя все содержаніе свое изъ матеріала конкретной эмпиріи [4]), не будучи въ силахъ обогатить его чѣмъ-нибудь творчески, отъ себя, формальная абстракція и не заботится объ этомъ, но, какъ обнаружилось, стремится въ бездну безсодержательности [5]), въ ту злосчастную пустоту [6]), въ которой ничего уже не можетъ быть познано [7]), кромѣ формальнаго [8]) и поверхностнаго [9]). Разсудочное субъективное мышленіе [10]), произвольно [11]) и насильственно [12]) составляя свои абстракціи, и взбираясь по нимъ все выше, становится тѣмъ хуже, чѣмъ болѣе въ нихъ чистоты и пустоты [13]). И, наконецъ, когда понятія оказываются способными къ любому содержанію и безразличными ко всякому [14]); когда не остается въ сущности никакого содержанія, ибо исчезаетъ всякая различимость [15]); когда начинаетъ грозить полное безсмыслiе [16]) и аморфность [17]) — тогда только разсудокъ замѣчаетъ, что онъ былъ похищенъ своими созданіями, абстракціями, и закруженъ до потери сознанія въ ихъ вертящемся хороводѣ [18]); и можетъ быть слишкомъ поздно онъ вспоминаетъ, что лучше ужъ мечтанія и грезы, чѣмъ отвлеченная пустота [19]).

Можетъ ли спекулятивная философія удовлетвориться такимъ

---

[1]) „nur", „erst", „bloss", срв. Phän. 273. 287. 481. Log. I. 47. Enc. I. 157. Enc. II. 222. Enc. III. 44. Recht. 22. 42—43. 177. — [2]) „Rein". Пониманіе этого термина двоится у Гегеля: иногда подъ „reiner Begriff" онъ разумѣетъ спекулятивное понятіе, напр. Log. III. 60—61 и др.; однако нерѣдко онъ именуетъ „чистымъ понятіемъ" порицаемую имъ разсудочную абстракцію; такъ напр. Phan. 257. 567. 586; а также Glaub. 129. W. Beh. 377. Phan. 258. 480. 485. 504. 563. 579. 586. 600. Log. II. 84. Enc. I. 146 и др. — [3]) „leer", „arm", срв: Glaub. 34. 68 90. 109. 131. 135. W. Beh. 327 377. 422 Phan. 73. 77. 98. 180. 226. 257. 273. 274. 291. 295—296. 480. 495. 577. Niet. 346. Log. I. 20. 127. 190. 270. Log. II. 64. Enc. I. 73. Enc. III. 44 (Z). 101 (Z). 114 (Z). 460. Jac. 16. Recht. 38. 39. 200. Hinr. 283. Bha. 414. — [4]) Срв. Phan. 153. 423. Log. I. 86. Enc. III. 379. Recht. 414. — [5]) „leerer Abgrund" Phän. 65. — [6]) „unseelige Leere" Phan. 258. — [7]) „im Leeren wird nichts erkannt" Phan. 111 — [8]) „formale Erkenntniss", срв. Diff. 281. Glaub. 120. W. Beh. 375. Enc III 294. — [9]) „oberflächlich". срв. Phän. 185. Log. III. 60–61. Enc. III. 406. 433. Recht. 401. — [10]) Срв. Log. III. 32. 323. Enc. III 251. — [11]) Срв. Log. II. 31. Log. III. 302. Enc. III. 387. — [12]) „gewaltthatig" Glaub 17. — [13]) Phan. 257. — [14]) Phan. 485. 486. 486—487. Enc. III. 208. — [15]) W Beh. 413. — [16]) Enc. I. XXX. — [17]) „gestaltlos", Phan. 162. W. Beh 422. — [18]) Срв. Phan. 99. — [19]) Phän. 111.

понятіемъ? Примириться съ тѣмъ, что величайшая и абсолютная сила мысли впадаетъ въ такое безсиліе [1]) и отдается безпредѣльной скукѣ пустого бытія [2])? Признать, что это разсудочное мышленіе, разлагающее и разоряющее всякій спекулятивный синтезъ [3]), скованное абстрактной формой [4]), безпредметно уходящее въ неопредѣленность—есть вершина знанія и орудіе истины? Вся философія Гегеля есть великое творческое „нѣтъ", сказанное имъ изъ глубины предмета въ отвѣтъ на эти вопросы.

Необходимо положить предѣлъ тому развалу [5]), къ которому привело господство абстракціи, съ ея неосновательностью [6]), съ отсутствіемъ у нея всякаго безусловнаго средоточія и субстанціальной [7]) сущности [8]). Необходимо признать, что абстрактное-формальное понятіе несовершенно [9]), незаконченно [10]) и неразвито [11]); что ему недостаетъ внутренней органической цѣлесообразности [12]); и что именно поэтому оно подлежитъ отверженію. Все чисто-разсудочное мышленіе—чуждо понятію [13]), не знаетъ спекулятивной мысли [14]), оторвано отъ философской идеи [15]). и, вслѣдствіе этого. неразумно [16]) и недуховно [17]). На этомъ пути истина не постигается, ибо самый основной элементъ его—формальная абстракція—не истиненъ [18]). Все, чего бы ни коснулось это невѣрное „орудіе" познанія—оказывается раздробленнымъ, деградированнымъ, умерщвленнымъ: разумъ [19]), духъ [20]), безконечность [21]), дѣйствительность [22]), жизнь [23]), организмъ [24]), понятіе [25]), истина [26]), нравственность [27]), Богъ [28]),

---

[1]) Glaub. 109. — [2]) Glaub 109. — [3]) Срв. Recht. 38. 39. — [4]) „Fessel eines Abstraktums" Recht 19. — [5]) „Unwesen der Abstraktion" Log. I. 96. [6]) „grundlos" Recht. 365. — [7]) „keinen Halt, keine Substanz" Phan. 495. [8]) „wesenlos" W Beh 341 342. 345. 367. 401. Phan. 291. — [9]) „unvollkommen" Log. III. 40. — [10]) „unvollendet" Log. III. 25. — [11]) „nicht entwickelt" Enc. I. 324 — [12]) Срв. Glaub. 44. — [13]) „begrifflos" Phan. 432. Log. III 40. 47. 60—61. 145 145 — [14]) „gedankenlos" Phan. 432. [15]) „ideenlos" Recht 315. — [16]) Срв. напр. Recht. 263. — [17]) „geistlos" Срв. Phan. 21. 257. Log. I. 39. Log. III. 60—61. Jac. 14. — [18]) Срв. Diff. 193. Phan. 181. 290. 586. Log. I 127. 127. 228 Log II. 33. Log. III. 40 268. Enc. II. 63. Enc. III. 101. Ph. G 50. Bha 415. — [19]) Срв. Enc. III 412. Recht. 19. Beweise. 390. — [20]) Срв Phan. 418. Log. III 61. — [21]) Срв. напр. W. Beh. 359. — [22]) Enc III. 412. — [23]) Срв напр. Log. III. 61. [24]) Срв. напр. W. Beh. 330. — [25]) напр. Log. III. 61. — [26]) Enc III. 334. 354. Hinr. 283. — [27]) Срв. напр. Phan. 265 и др. — [28]) напр. Log. III. 61. Beweise. 306.

—все искажается, все познается ложно, все разлагается на пустыя и мертвыя отвлеченности. Вотъ почему съ абстрактнымъ-формальнымъ философія совсѣмъ не имѣетъ дѣла [1]), пользуясь только его работой, подготовляющей до извѣстной степени низменную матерію чувственности.

Мало того; если подойти ко всему этому разсудочному гнѣзду съ высшей, спекулятивной точки зрѣнія, то нужно будетъ признать, что „понятія" его не только не имѣютъ эмпирическаго существованія, но—что̀ несравненно важнѣе—лишены и всякой метафизической реальности. Эти „банальнѣйшія абстракціи" [2]), дереализованныя противоположеніемъ [3]), суть лишь выдуманныя величины [4]), стоящія подъ категоріей возможности [5]); пустыя химеры [6]), блѣдныя тѣни [7]), колдовской дымъ [8]). Онѣ суть — ничто [9]) передъ лицомъ истинной философіи, и это метафизическое ничтожество [10]) ихъ дѣлаетъ ихъ предметомъ уже не знанія, а только мнѣнія [11]) и суевѣрія [12]). Абсолютная абстракція и непримиримое противоположеніе суть начала анти-спекулятивныя, противныя философіи и подлинной метафизической реальности, а слѣдовательно враждебныя истинѣ, духу и Богу: абстрактное обособленіе есть начало зла [13]).

Поэтому приверженность къ этой формальной мысли; неспособность и нежеланіе разстаться съ ней и убѣдиться, что она ничему не соотвѣтствуетъ и все искажаетъ; величайшее упрямство разсудка [14]), побуждающее его настаивать на своей правотѣ и выдавать свое заблужденіе за истину — все это заводитъ ищущую душу въ бездну безмыслія, философской безпомощности и метафизической лжи. Разсудочная философія есть въ глазахъ Гегеля проявленіе ограниченнаго упорства и познавательнаго безсилія. Нужно, конечно, самоотверженное мужество и научное безкорыстіе для того, чтобы, срос-

---

[1]) Срв. Glaub. 131. Phan. 36 Niet 346. Enc. I 157. Enc. III. 464 Срв. Beweise 427 — [2]) „gemeinste Abstraktion" Glaub. 131. — [3]) Срв. напр. Glaub. 137 — [4]) „Gedankendinge" Срв. W. Beh. 367. 372. 401. 404. Phan. 226. Jac. 16. — [5]) Log I. 228. — [6]) Phan. 293—294 — [7]) Срв. Jac. 16. [8]) „Hexendunche", выраженіе Якоби. Jac 16. — [9]) „Nichts". Glaub. 131. 138 Phan. 65. 291 Log. I. 165 — [10]) „Nichtigkeit" W Beh. 371. 377. Phan. 132. Jac. 16 — [11]) Log. III 334 — [12]) Log. I 81 — [13]) Срв. Phan. 586 Recht 185 — [14]) Срв. Log I. 192 Enc I 228.

шись съ извѣстнымъ воззрѣніемъ, вработавшись въ извѣстную точку зрѣнія, отказаться отъ нихъ, какъ отъ невѣрныхъ; предпринять коренную ломку привычныхъ устоевъ; обновить не только теоретическія допущенія и воззрѣнія, но и основной философскій укладъ души. Можетъ быть для этого нуженъ особый философски-художественный даръ... Но такой переходъ по убѣжденію Гегеля есть sine qua non истиннаго философскаго познанія.

Въ чемъ же должно состоять это обновленіе и къ чему поведетъ и приведетъ отказъ отъ разсудочнаго мышленія во имя спекулятивнаго?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О спекулятивномъ мышленіи вообще.

(Ученіе о разумѣ).

Въ основаніи ученія Гегеля о сущности спекулятивнаго мышленія, какъ и въ основѣ всей его философіи, лежитъ подлинный душевно-духовный познавательный опытъ, открывшій ему то, что̀ онъ по существу утверждалъ, и утвердившій его въ вѣрности того, что̀ ему открылось. Повтореніе этого познавательнаго опыта является непремѣннымъ условіемъ для того, чтобы во истину понять имѣвшееся имъ въ виду, пріобщиться понимаемому не только въ формѣ приблизительнаго и общаго представленія о чемъ-то непріемлемомъ, но въ видѣ непосредственнаго познающаго общенія съ сущностью изучаемаго, какъ съ подлинно-даннымъ предметомъ. Подобнаго опыта, какъ это должно быть уже понятно, никто никому со стороны дать не можетъ; но объективный анализъ его сущности возможенъ. Такому анализу самъ Гегель пытался подвергнуть не только конкретное-эмпирическое и абстрактно-формальное познанія, отвергнутыя имъ, но и спекулятивное мышленіе въ его существенныхъ чертахъ. Гегель не только осуществлялъ, практиковалъ спекулятивное философствованіе, но дѣлалъ героическія усилія для того, чтобы раскрыть другимъ его сущность, чтобы развернуть его у всѣхъ на глазахъ, формулировать его основы и изъяснить его природу. Правда, несмотря на все это, остаются еще серьезныя трудности, требующія для своего пониманія и провѣрки большихъ на-

пряженій въ предѣлахъ личнаго познавательнаго опыта; недаромъ же за Гегелемъ утвердилась репутація одного изъ труднѣйшихъ философскихъ мыслителей. Однако, непреодолимыхъ трудностей здѣсь меньше, чѣмъ это принято думать, и существенное поддается пониманію.

Философія Гегеля, какъ и всякая истинная философія не можетъ быть понята одною мыслью; здѣсь требуется участіе реальнаго душевнаго опыта въ его полномъ составѣ, въ особенности же участіе творческаго воображенія. „Спекулятивная мысль", составляющая элементъ и стихію этой философіи, есть мысль настолько пропитанная работой воображенія, настолько слившаяся съ нимъ, что обычной логически-формальной, и даже критической-кантовской мыслью—она понята быть не можетъ. Воспитанный на формальной мысли теоретикъ, читая Гегеля, будетъ испытывать необычайно тягостное ощущеніе того, что максимальное напряженіе его души, стремящейся къ пониманію читаемаго, остается безплоднымъ или почти безрезультатнымъ. Передъ нимъ скоро встанетъ дилемма, по которой или читаемое лишено смысла, или самъ читатель лишенъ дара къ философіи, и вся попытка въ лучшемъ случаѣ закончится недоумѣніемъ и отказомъ отъ дальнѣйшаго ознакомленія. Можетъ быть всѣ люди дѣлаются жертвой того безсознательнаго предразсудка, что орудіе, привычное для нихъ лично, должно подходить или соотвѣтствовать каждому предмету и содержанію; во всякомъ случаѣ за ошибочность этого воззрѣнія они иногда жестоко расплачиваются. Прежде чѣмъ писать или судить о Гегелѣ, необходимо дать себѣ отчетъ въ томъ, какова была сущность его познавательнаго подхода къ предметамъ, т.-е. попытаться постигнуть его способъ мыслить, чтобы вслѣдъ затѣмъ повторить этотъ способъ своей душой, усвоить его и только тогда приступить къ изученію его произведеній; иными словами, для того, чтобы Гегель раскрылся духовному оку, нужно, чтобы оно научилось видѣть по новому, или еще проще: обновленіе орудія сдѣлаетъ доступнымъ изслѣдуемое.

Все это можетъ быть выражено еще такъ: для того, чтобы понять Гегеля, необходимо попытаться подойти феноменологически къ его философствованію, т.-е. вскрыть внутреннюю структуру его

мыслительнаго акта. А такъ какъ „абстрактность“ составляетъ, по Гегелю, природу мысли, а „спекулятивность“—ея основное свойство, то этотъ феноменологическій анализъ можетъ дать первое наглядное представленіе о сущности „абстрактнаго-спекулятивнаго“.

Для того, чтобы получить такое представленіе, слѣдуетъ начать съ забвенія того, во что вѣрилось прежде и къ чему доселѣ склонялось мнѣніе [1]): нужно порвать и съ безпредметнымъ пустозвонствомъ [2]) разсудочной мысли и съ туманностью тепловатыхъ чувствованій и настроеній [3]). Первое, что необходимо спекулятивному мыслителю—это смиреніе [4]) и способность къ самоотверженію въ познаніи; не только для того, чтобы разстаться, хотя бы на время съ „собственными“ пріемами и изобрѣтеніями, или для того, чтобы быть всегда наготовѣ признать „свою“ неправоту, какъ только предметъ ее обнаружитъ; но главнымъ образомъ для того. чтобы умѣть устранять и ликвидировать, или по крайней мѣрѣ изолировать въ душѣ нормальное пульсированіе личныхъ влеченій и личнаго аффективнаго интереса отъ чистаго объективнаго обстоянія, имѣющаго обнаружиться въ предметѣ. Одно изъ основныхъ убѣжденій Гегеля, которое онъ, такъ же какъ и Больцано, воспринялъ изъ философской атмосферы, созданной Критикой Чистаго Разума, состоитъ въ томъ, что мысль, „обращенная внутрь“, имѣетъ дѣло съ нѣкоторой предметной объективностью, не только не менѣе, но несравненно болѣе объективною, чѣмъ чувственная реальность внѣшняго міра. Въ наши дни это убѣжденіе можетъ показаться страннымъ только тому, кто совсѣмъ не искушенъ въ философіи, или кто привыкъ не сомнѣваться въ реальности внѣшнихъ вещей и относиться съ сомнѣніемъ къ тому, что̀ не поддается внѣшнимъ воспріятіямъ и мѣриламъ. Современная психологія не сомнѣвается въ объективности своего предмета—внутренней, душевной реальности, ею изслѣдуемой. Но этого мало: въ современной логикѣ, благодаря работамъ Больцано, Хуссерля и отчасти Когена—быстро отмираютъ сомнѣнія въ объективности самаго мыслимаго содержанія, того, что̀ мыслится въ мысли—

---

[1]) Skept 107 Ohl. 230. — [2]) „das gestaltlose Sausen des Glockengelautes“ Phan. 164. — [3]) „eine warme Nebelerfullung“. Phan. 164. [4]) „Demuth“. Beweise C 483.

смысла. „Объективность“ дается не только „внѣшнимъ образомъ“, но и „внутреннимъ“ — вотъ воззрѣніе, все болѣе получающее право гражданства. „Истинная объективность“ дается именно не „внѣшнимъ“, а только „внутреннимъ образомъ“ — таково было воззрѣніе Гегеля; оно имѣетъ несомнѣнно сложную исторію въ предшествующей ему философіи, но было продумано и выражено имъ съ такою силою и законченностью, что поистинѣ можетъ быть названо „воззрѣніемъ Гегеля“ par excellence. Необходимо признать, что именно Гегель является однимъ изъ предшественниковъ современнаго логическаго объективизма; хотя столь же несомнѣнно, что научная логика не повторитъ его основной феноменологической ошибки

Согласно этому воззрѣнію, Гегель стремится сначала разочаровать философствующую душу въ объективности внѣшняго міра, а затѣмъ открыть ей доступъ къ новой „внутренней“ объективности. Отвращеніе отъ первой есть непремѣнное условіе для проникновенія во вторую [1]). Уже разсудочная абстракція приучала душу къ тому, чтобы мыслить внѣ зрѣнія и слуха, чтобы сосредоточивать интенсивность внутренней жизни не на центробѣжномъ, а на центростремительномъ уклонѣ души [2]). Эта мобилизація духовной энергіи съ направленіемъ ея „въ себя“, во-внутрь, получаетъ теперь свое положительное оправданіе: нужно было привыкнуть къ разсудочной мысли для того, чтобы потомъ „научиться мыслить спекулятивно“ [3]). Ибо спекулятивное мышленіе есть не просто абстрактное мышленіе, а нѣчто большее: мышленіе, своеобразно сочетавшееся съ созерцаніемъ.

Созерцаніе, какъ уже извѣстно, есть непосредственное отношеніе сознанія къ своему предмету. Таково оно уже въ поэтическомъ и мистическомъ переживаніи. Тамъ это непосредственное отношеніе характеризуется нѣкіимъ забвеніемъ о себѣ; утрачивается сознательный рефлексъ на происходящее [4]); исчезаетъ то, что я называлъ „своимъ“, душа живетъ „внѣ времени и пространства“; она погружается въ созерцаемый предметъ, отдается ему, сливается съ

---

[1]) Срв. Glaub. 96. W. Beh. 357. Phan. 226. Log. III. 267. 332. — [2]) Срв. Niet. 345. Rel. I. 198. — [3]) Niet. 348. — [4]) Срв. напр. Glaub. 103. 104.

нимъ; она всецѣло—въ немъ, она есть — только онъ [1]). И, возвращаясь изъ такого созерцанія душа испытываетъ страхъ и удивленіе, не постигая его глубины [2]). Въ такомъ по силѣ, сосредоточенности и чистотѣ созерцаніи, но слившемся уже съ мыслью, пропитавшемъ мысль и со своей стороны пропитанномъ мыслью,—познанію открывается подлинная объективная сущность всего; если выразиться терминомъ Канта — „вещь въ себѣ". То роковое субъективистическое искаженіе „абсолютнаго" объекта, которое было отмѣчено и выдвинуто англійской эмпиристической философіей, которое Лейбницъ считалъ удалимымъ посредствомъ мысли, а Кантъ призналъ неудалимымъ ничѣмъ и преграждающимъ человѣческому познанію доступъ къ вещи въ себѣ, эта субъективистическая опороченность всего познаваемаго—отпадаетъ для Гегеля въ результатѣ признанія имъ созерцающей мысли. Созерцающая мысль мыслитъ предметъ свой съ тою силою абсолютнаго погруженія, которая ликвидируетъ субъективно-конечную среду „преломляющаго" сознанія, устраняетъ ее нацѣло, анулируетъ ее. Форма времени, къ которой у Канта „прикованы" внутреннее чувство и категорія,—отпадаетъ здѣсь въ результатѣ душевнаго напряженія, разрѣшающагося въ непосредственное сліяніе съ предметомъ. Это непосредственное сліяніе созерцающей мысли съ предметомъ и явилось для философіи Гегеля источникомъ величайшей силы и въ то же время величайшаго заблужденія.

Спекулятивная мысль есть мысль. Поэтому предметъ ея не эмпирически-конкретно-единиченъ, но чистъ, абстрактенъ и всеобщъ. Правда, спекулятивная абстрактность и спекулятивная всеобщность суть уже нѣчто иное и новое: но основное, что цѣнится въ мысли со времени Сократа и Платона и до нашихъ дней — ея сверхчувственность, опредѣлимость и устойчивость [3]) — оказывается налицо и въ спекулятивной философіи. Спекулятивное мышленіе направлено на то, что внѣчувственно и сверхчувственно оно уже не прилѣпляется къ конкретному-эмпирическому, какъ источ-

[1]) Срв. стихотвореніе „Eleusis". Ros. 78. 79. — [2]) Ibidem. — [3]) Въ „устойчивости" смысла Гегель цѣнилъ, конечно не „непзмѣнную тождественность", но „повторяемость" при закономѣрной подвижности.

нику своего содержанія [1]), не нуждается въ немъ, не заимствуетъ у него, не примѣняется къ нему. Оно позволяетъ разсудку предоставить въ свое распоряженіе выношенныя имъ „устойчивыя опредѣленности“ или, какъ Гегель обычно выражается, „абстрактныя всеобщности“ [2]) и съ нихъ начинаетъ, какъ съ элемента, обладающаго минимальной философской допустимостью. Этотъ элементъ есть „абстрактное вообще“, продуктъ мышленія, мыслимое нѣчто, понятіе въ самомъ общемъ смыслѣ этого слова.

Но въ то время, какъ разсудочное мышленіе подходитъ къ „понятію“ какъ бы извнѣ, со стороны, какъ къ нѣкоторому эмпирически данному и подлежащему обработкѣ содержанію, и само при этомъ остается функціей субъективной человѣческой души [3])—спекулятивное мышленіе не характеризуется этими чертами. Обычная разсудочная мысль — образуетъ „разъ“; предметъ ея образуетъ „два“. Мышленіе разсудка есть схожденіе, сопоставленіе, соприкосновеніе двухъ сторонъ, этотъ двойственный составъ сохраняется на всемъ протяженіи мыслительнаго процесса, который и заканчивается равнодушной, безпечальной разлукой. Мышленіе кардинально оторвано отъ предмета, субъектъ—отъ объекта, познающій актъ—отъ познаваемаго содержанія. Субъектъ и объектъ не суть едино, хотя и вступаютъ въ эфемерное единеніе. Субъектъ не растворяется въ объектѣ, объектъ не совпадаетъ съ субъектомъ, не сливается, не отождествляется съ нимъ. „Сознаніе человѣка“ само-бытно, какъ само-бытна и изучаемая, „измѣряемая“ имъ „вещь“.

Въ спекулятивной мысли все это обстоитъ обратно. Спекулятивная мысль есть не только мысль, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ таковая,—и созерцаніе. Это значитъ, что раздвоенность, взаимодѣйствіе, опосредствованность [4])—уступаютъ мѣсто непосредственному единству, единству внѣ раскола, внѣ двойственности и т. д. Дескриптивно-психологически это можно представить себѣ такъ,

---

[1]) Срв W Beh 357 Phan. 226. Log. III. 267. 332 Recht. 280. — [2]) Характерно напр. Log III 332 Срв еще Briefe I. 340. — [3]) См. напр. Beweise 305. — [4]) Опосредствованность понимается Гегелемъ обычно, какъ обусловленность элемента „А“ отношеніемъ къ „инобытію“—къ элементу „В“, срв. Phan. 16. 74. 76. 79. 494 Log. I. 63. 74. 92 110. 200. 235 Log. II. 3 Enc. I. 19. 165.

что „въ послѣдній разъ“ совершается нѣкоторое „схожденіе“ сознанія съ предметомъ, но такое схожденіе, въ которомъ сошедшіеся сливаются во едино, слагаясь въ новое мыслительное-созерцательное образованіе — тождество субъекта-объекта. Это тождество и есть, по Гегелю, принципъ и сущность всякой истинной философской спекуляціи [1]).

Оно должно быть понято съ двухъ сторонъ: со стороны эмпирико-психологической и со стороны метафизико-онтологической. Ибо тождество-субъекта означаетъ въ устахъ Гегеля, во-первыхъ, сліяніе единичнаго человѣческаго сознанія съ мыслимымъ содержаніемъ; во-вторыхъ, познавательно открывающуюся (въ результатѣ этого) метафизическую обращенность абсолютнаго духа на самого себя. Первое есть ratio cognoscendi второго; второе есть ratio essendi перваго.

Сліяніе единичнаго человѣческаго сознанія съ тѣмъ содержаніемъ, которое имъ мыслится, достигается, какъ уже сказано, въ результатѣ того, что мысль пріобрѣтаетъ силу созерцанія, а созерцаніе отдается всецѣло дѣлу мысли; потому-то Гегель и настаиваетъ на полномъ отвлеченіи созерцающей силы души отъ чувственной, внѣшней среды [2]) Насыщенная силою воображенія [3]), мысль уже не просто фиксируетъ и комбинируетъ свои понятія, шлифуя ихъ поверхность и совершенствуя ихъ расположеніе. Нѣтъ: она живетъ въ нихъ, живетъ ими, проникаясь ими и проникая въ нихъ. Сознаніе передаетъ себя предмету [4]), отдается ему [5]), пребываетъ въ немъ [6]). Оно углубляется въ него [7]) настолько, что предметъ становится для него, какъ свой [8]); мало того, оно забываетъ о себѣ [9]) и теряетъ себя въ этомъ „безсознательномъ“ [10]) вдумываніи, вмысливаніи въ сущность понятія. Душа должна какъ бы затаить дыханіе и предоставить предмету господствовать въ себѣ [11]), управлять собою, двигать

---

[1]) Срв. Diff 162. 163. 276 Enc. III. 284—285 (Z.) и др — [2]) Срв. Glaub. 96 „empirisches Bewusstsein zu Grunde geht in Vernunftanschauung“ — [3]) „Einbildungskraft“ Glaub. 42. 46. 92. 154. — [4]) Phan. 42—43. — [5]) Phan. 5. Enc. III. 313. (Z) — [6]) Phan. 5 — [7]) Enc I. 44. Enc. III 313. (Z.). Beweise 322. Срв. Beweise C 483 — [8]) Phän. 46 47. — [9]) Phan. 5 Beweise 321. — [10]) Diff 188. 199. — [11]) Enc. I. 44. 45. Enc III 313. (Z.). Срв. Beweise. 324

себя [1]) по его собственнымъ внутреннимъ законамъ, отнюдь не вмѣшиваясь, не внося ничего произвольно отъ себя и не нарушая самостоятельности предмета [2]). Сознаніе единичной души должно такимъ образомъ раствориться въ предметѣ до самозабвенія. Мало того: до полнаго забвенія о томъ, что это самозабвеніе вообще было ею предпринято для цѣлей познанія, какъ своего рода познавательный пріемъ. Тотъ, кто признаётъ человѣческое сознаніе (das menschliche Bewusstsein) за необходимый ингредіентъ всякаго познанія, за нѣчто „абсолютное“ [3]), тотъ закрываетъ себѣ доступъ къ спекулятивному мышленію. Спекуляція требуетъ „уничтоженія“ самаго сознанія [4]), какъ конечнаго и субъективнаго. „Субъективная конечность, чувственно и рефлективно-мыслящее я, мое все“, „мое конечное все“ погибаетъ [5]). Пусть въ этомъ пожирающемъ огнѣ сгорятъ всѣ жалящіе „комары субъективности“ [6]), пусть погибнетъ самое сознаніе этой само-отдачи и этого уничтоженія; но, если останется хотя бы еще рефлексія на уничтоженность всякой рефлексіи, или „субъективность“ сознанія о томъ, что субъективность упразднена, — то „субъективное“ спаслось отъ гибели и объективная сущность предмета будетъ искажена [7]). Гегель, какъ и Кантъ, признаётъ чувственную субъективность помѣхой и искаженіемъ [8]): то, что допущено, какъ нѣчто „субъективное“, признается тѣмъ самымъ за нѣчто не абсолютное [9]). Однако, эта помѣха, по его убѣжденію, устранима и искаженія можно избѣгнуть; правда, не во внѣшнемъ опытѣ, но во внутреннемъ; и притомъ не въ жизни чувствъ, эмоцій и настроеній [10]), но въ жизни мысли. Это достигается не абстрагирующей мыслью, но силою интуиціи, интуитивнаго мышленія. Гегель исповѣдуетъ и устанавливаетъ возможность преодолѣть на этомъ пути психо-

---

[1]) Phän. 46. 47. — [2]) Phan. 46 47. Recht 65. 66. Срв. Beweise. 319. [3]) Glaub 32. 57. — [4]) Diff. 188. — [5]) Glaub. 59. — [6]) „alle Mucken der Subjektivität verbrennen in diesem verzehrenden Feuer“. Glaub. 103: „dieser Verstand behalt die Mucke der Endlichkeit fest im Kopfe“. Beweise. 426. — [7]) Срв критическія замѣчанія противъ Якоби; напр. Glaub. 103. 104 — [8]) Срв. кромѣ указанныхъ мѣстъ Glaub. 76. 97. 111 Enc. III. 119. (Z.) 309 310. 311. — [9]) Glaub 32. — [10]) Срв. Log. III. 21 Enc. I. 37. Enc. III 320 Hinr 302 Срв. Beweise 316—323.

логизмъ и антропологизмъ въ познаніи. То, что сохраняетъ еще отношеніе къ „человѣческой познавательной способности", есть безусловно нѣчто конечное и субъективное [1]). Согласно этому познаніе абсолютнаго, безусловной сущности, требуетъ полной безотносительности къ человѣческому и субъективному. Такая безотносительность, или непосредственность, и открывается въ мыслящей интуиціи, въ этомъ „сверхчувственномъ внутреннемъ созерцаніи" [2]), образующемъ основу всей философіи [3]).

Такимъ образомъ тождество субъекта и объекта съ психологически-дескриптивной точки зрѣнія состоитъ, такъ сказать, въ побѣдѣ объекта надъ субъектомъ или, вѣрнѣе, въ добровольномъ стушевываніи, самоупраздненіи субъекта, какъ такового, передъ имѣющимъ открыться ему объективнымъ обстояніемъ. Такъ какъ истинная энергія философскаго знанія и субъективность—несовмѣстимы [4]), то субъективность ликвидируетъ себя, до конца растворяясь въ мыслимомъ содержаніи. Субъекта, какъ такового, этого начала всяческой конечности [5]), своеобразія, особливости [6]), зависимости, единичности [7]), партикуляризма, случайности [8]) и своекорыстія [9])—уже нѣтъ. онъ весь въ объектѣ. Онъ какъ бы внемлетъ голосу предмета, музыкѣ идеи [10]); или смотритъ, разсматриваетъ (zusehen, betrachten) [11]) сущность объекта; во всякомъ случаѣ онъ только воспринимаетъ то, что имѣется въ объектѣ на лицо [12]); или прислушивается къ раскрывающейся въ немъ внутренней необходимости предмета, доводя ее потомъ до сознанія [13]), формулируя ее въ словахъ [14]). Всѣ эти выраженія и формулы суть, конечно, не болѣе, какъ образныя характеристики, использованныя въ популярныхъ и экзотерическихъ цѣляхъ; внутреннее созерцаніе—не видитъ, не слышитъ; оно сверхчувственно. Однако и сверхчувственный опытъ есть все же опытъ [15]) Спекулятивное мышленіе

---

[1]) Glaub. 41. — [2]) Log. III. 332. — [3]) Diff. 272. — [4]) „unverträglich" Krit 38. — [5]) Напр. Glaub. 14. 59 — [6]) Напр. Glaub. 76. — [7]) Напр. Enc III 119 (Z.) — [8]) Напр. Log. III 111. Enc. III. 309. Beweise. 320. [9]) Enc. III 359. — [10]) Срв. Glaub. 74. — [11]) Phan 46. 47. 69. 101. Recht. 65. 66. — [12]) „nur aufnehmen. was vorhanden ist" Log. I. 62. — [13]) Recht. 66 Beweise. 302. — [14]) Phan. 42. 43. — [15]) Срв. Enc I. 14; „eine innere Erfahrung" Beweise 336

тоже поддается своеобразному наблюденію, внутреннему наблюденію, доступному только для того, кто самъ мыслитъ [1]); психологически говоря, мышленіе всегда будетъ имѣть форму внутренней самодѣятельности субъекта [2]), оторвавшагося отъ внѣшняго міра и ушедшаго въ себя. Этотъ внутренній спекулятивный опытъ Гегель и пытается черезъ описаніе приблизить къ сознанію профана.

Теперь ясно, что „гибель“ субъекта въ объектѣ не есть въ строгомъ смыслѣ слова „гибель“. Это есть какъ бы періодическое ухожденіе субъекта въ объективную сферу логическаго содержанія, гдѣ онъ на время пріобщается сверхвременному состоянію и порядку. Этотъ уходъ въ состояніе растворенности въ объектѣ смѣняется возвращеніемъ къ обычному эмпирическому дуализму, къ раздвоенности субъекта и объекта. Но философствуетъ сознаніе только въ растворенности; только спекулятивное самозабвеніе въ мыслимомъ предметѣ есть философское познаніе. Такъ душа, мистически обращенная къ Богу, испытываетъ себя какъ бы совпадающею съ нимъ, вступающею съ нимъ, вопреки неисчезнувшей раздѣльности, въ нѣкое тождество. Она не исчезаетъ въ немъ безъ слѣда, но сохраняетъ свою ограниченную природу, остается „душою“ и отождествляется съ Божествомъ только своимъ существеннымъ, абсолютно-реальнымъ составомъ.

Въ этомъ спекулятивномъ тождествѣ съ объектомъ сознаніе не угасаетъ, но сохраняется; оно освобождается, правда, отъ субъективности, отъ индивидуальнаго своеобразія, отъ своей личной ограниченности и эмпирически опредѣленной душевной ткани; но оно остается сознаніемъ [3]). Оно подъемлется до объективности, становится объективнымъ сознаніемъ [4]). Оно живетъ въ объектѣ, какъ свободное отъ всякой партикулярности, и „творитъ только всеобщее“, въ которомъ оно „идентично“ со всѣми индивидуумами [5]). Это и значитъ, что въ немъ царитъ само „логическое“ или предметъ.

Повидимому, Гегель не замѣчалъ, что здѣсь встаетъ нѣкоторое

---

[1]) Rel. I. 125. — [2]) Enc. I. 44. Niet. 344 Raumer 353. — [3]) Срв. особенно Diff. 270. — [4]) См. Enc. III 147—148 (Z) — [5]) См. Enc. I. 44, срв. Beweise 320.

существенное затрудненіе, образующее кардинальную проблему для всякой интуитивистической философіи. Тотъ, кто признаетъ возможность интуитивистическаго ухода отъ субъективности, отъ ея среды, ея вліянія, ея искажающаго воздѣйствія на процессъ и итогъ познанія, тотъ неизбѣжно долженъ будетъ установить нѣкоторые признаки или предѣлы, отъ которыхъ начинается эта сфера подлиннаго объективизма. освобожденнаго отъ „случайностей“ и произвола единичнаго сознанія. Обычно эта проблема оставляется въ сторонѣ; конечно, не по малодушію, въ виду ея трудности, но вслѣдствіе того, что истинно одаренный интуитивистъ настолько занятъ открывшимся ему предметомъ, настолько погруженъ въ практически-познавательное исчерпаніе его, въ содержательное осуществленіе интуиціи, что рефлексія на ея характеръ и составъ, на ея формальные предѣлы и компетенцію—представляется ему второстепеннымъ, не столь важнымъ, можетъ быть даже экзотерическимъ дѣломъ, въ то время какъ дифференцирующей мысли аналитика болѣе близка раціоналистическая оглядка и отмежеваніе, рѣшеніе вопроса „какъ“, до рѣшенія вопроса о томъ, „что именно“? Такъ, Кантъ остается гносеологомъ и въ этикѣ и въ эстетикѣ, а Гегель интуитивно раскрываетъ realia и въ „Логикѣ“, и въ „Феноменологіи Духа“. У него нѣтъ отдѣльной „теоріи познанія“; ученіе о сущности знанія разбросано въ его сочиненіяхъ повсюду, иногда въ формѣ пропедевтическихъ разъясненій, чаще въ формѣ полемики, или отдѣльныхъ, мимоходомъ даваемыхъ, указаній. И все, что можно найти у него въ смыслѣ критерія интуитивистическаго объективизма, это „забвеніе о самозабвеніи“ и „идентичность со всѣми индивидуумами“.

Однако, наличность перваго, даже при всей его подлинности и полнотѣ, можетъ гарантировать только непосредственность мыслительнаго процесса и цѣльность познавательнаго состоянія; но не истинность добытаго результата. Ибо цѣлостное и непосредственно-слянное мышленіе можетъ привести къ заблужденію; и подвигъ высшаго самоотверженія мысли, если и гарантируетъ отъ субъективныхъ искаженій, уловимыхъ для сознанія,—не обезпечиваетъ отъ скрытыхъ субъективистическихъ уклоненій: шопоты

безсознательнаго лукавы и вкрадчивы и формы навѣтовъ его неожиданны и многообразны, тѣмъ болѣе, когда рефлектирующій „Аргусъ удалился и тронулъ сонъ его глаза". Подобно этому не рѣшаетъ проблему и второй критерій. Та „идентичность" людей, на которую указываетъ Гегель, и „всеобщность" творящагося элемента мысли, не могутъ имѣть въ его устахъ эмпирическаго значенія—фактическаго совпаденія или „согласованія" итоговъ мысли у всѣхъ людей: слишкомъ велико было его презрѣніе къ низшей, эмпирической „всеобщности", какъ таковой; не говоря уже о томъ, что вихрь временности и случайности, кружащій въ себѣ все эмпирическое, дѣлаетъ такое согласованіе реально невозможнымъ, и что качество „истинности" не можетъ быть гарантировано согласіемъ многихъ мнѣній (эмпиристическая квантификація критерія). Метафизическое же значеніе „идентичности" и „всеобщности" есть уже нѣчто изъ непровѣренной сферы потусторонняго предмета; нѣчто уже познанное тѣмъ интуитивнымъ мышленіемъ, критерій истинности котораго тщетно отыскивается вопрошающимъ скептикомъ.

Какъ истинный и послѣдовательный интуитивистъ, Гегель предпочитаетъ этимъ гносеологическимъ рефлексіямъ—практику созерцательнаго мышленія, и отвѣчаетъ обычно на раціоналистическое требованіе доказательства—демонстрирующимъ указаніемъ на сущность видимаго имъ предмета, „показаніемъ" его, развертывающимъ обнаруженіемъ открывшагося ему объективнаго обстоянія: жаждущій истины пусть провѣритъ развернутое подлиннымъ познавательнымъ опытомъ. Прелиминарныя сомнѣнія гносеолога не волнуютъ и не задерживаютъ Гегеля; ищущему знанія онъ предлагаетъ плыть вмѣстѣ съ нимъ въ стихіи предмета, покорно отдаваясь его волнамъ; склонность культивировать въ дистинкціяхъ свое неосуществляемое мастерство, столь характерная для современныхъ методологовъ, не свойственна ему. Сила Гегеля—въ героически осуществляемомъ интуитивномъ познаніи предмета.

Но именно въ этомъ героическомъ осуществленіи спекулятивной мысли лежитъ и источникъ основного заблужденія Гегеля. Пренебрежительное отношеніе къ гносеологической рефлексіи повело къ

тому, что авторъ „Феноменологіи Духа“ интуитивно пострадавшій въ ней всѣ основные виды сочетанія между сознаніемъ и предметомъ, оставившій въ наслѣдство послѣдующей философіи идею „феномено-логическаго“ анализа (т.-е. интуитивно-мыслительнаго проникновенія черезъ видимость явленія къ его сущности),—унесъ изъ этой спекулятивной исторіи человѣческихъ заблужденій нѣкоторую коренную феноменологическую сдвинутость и непроясненность въ своемъ подходѣ къ предмету и его познанію. Безспорно Гегель самъ зналъ объ этой сдвинутости, но не считалъ ее за сдвигъ. Онъ сознательно практиковалъ эту непроясненность и принималъ послѣдовательно ея плоды, но полагалъ, что въ ней все ясно и что онъ доглядѣлъ здѣсь все до конца. Все его ученіе о спекулятивномъ понятіи покоится на этомъ смѣшеніи; вся сущность его діалектическаго метода вырастаетъ на этой почвѣ. Формально, не содержательно, ученіе Гегеля стоитъ и падаетъ вмѣстѣ съ этимъ заблужденіемъ. И пониманіе его философіи требуетъ полной ясности въ этомъ пунктѣ.

Уже тогда, когда Гегель разоблачаетъ безсиліе чувственнаго знанія и философскіе пороки конкретнаго-эмпирическаго, внимательный глазъ невольно отмѣчаетъ то обстоятельство, что аргументы его направлены въ большинствѣ случаевъ на такъ называемый „внѣшній“ опытъ, на совокупность вещей въ пространствѣ и на воспріятія, „вызванныя воздѣйствіемъ этихъ вещей“ на душу человѣка. Сфера же „внутренняго чувства“, выражаясь терминомъ Канта, остается нерѣдко въ сторонѣ; Гегель рѣже порицаетъ „временное“, сосредоточиваясь преимущественно на „пространственно-временномъ“; внутренній міръ получаетъ какъ бы нѣкоторое привиллегированное положеніе. Это объясняется отчасти тѣмъ, что чисто временный матеріалъ меньше повиненъ въ основномъ порокѣ чувственнаго бытія и познанія—абстрактности-дискретности: время, какъ таковое, сообщаетъ тѣмъ элементамъ, которые ему причастны, нѣкоторую, хотя и не спекулятивную, но все же подвижную текучесть, взаимную связность, даже слитность. Пусть эта подвижность — ирраціональная, хаотически-сложная, лишенная мысли и имманентной необходимости. Чисто-временное все же ближе душѣ

Гегеля, чѣмъ пространственно-временное, подобно тому, какъ глубокомысліе его безнадежно молчитъ при видѣ „вѣчно мертвыхъ“ горныхъ массъ и открываетъ прообразъ духа въ движеніи „величественнаго“ водопада [1]).

Но главное основаніе этого предпочтенія, конечно, въ томъ, что „внутренняя“ область заключаетъ въ себѣ ту особливую исключительную сферу спекулятивной мысли и знанія, изъ-за которой, какъ изъ-за существеннѣйшаго достоянія духа, Гегель велъ философскую борьбу. Согласно этому отдѣльныя разъясненія его постепенно выдѣляютъ изъ всеи домены внутренняго міра тѣ сферы, которыя остаются причастными времени и раздѣляютъ основную судьбу конкретнаго-эмпирическаго: таковы, прежде всего, всѣ чувственныя ощущенія и воспріятія, какъ таковыя; далѣе, — созерцанія [2]), представленія [3]) и аффективно-эмоціональная группа переживаній [4]). Все это остается личнымъ, субъективнымъ въ самомъ худшемъ смыслѣ [5]); это — та сфера, которая хотя и имѣетъ въ своей метафизической основѣ мышленіе [6]), но сама не поднимается въ объективную сферу послѣдняго, чуждая ему исконно и качественно. Оставаясь въ этой сферѣ, человѣкъ не въ состояніи подняться до высшихъ ступеней духовной жизни. Чувство есть всегда „нѣчто единичное“, „длящееся одинъ единичный моментъ“ [7]) и принадлежащее единичному эмпирическому субъекту; и тотъ, кто ссылается на чувство, на непосредственное знаніе, на свое представленіе, на свои ощущенія, тотъ „замыкается въ свою партикулярность“ [8]) и вступаетъ на путь субъективистическаго произвола. Именно на этомъ пути всегда слагалась дурная, ложная религіозность. И всегда бывало такъ, что, если рѣшающій голосъ принадлежалъ субъективному „усмотрѣнію и произволу“ [9]), то рели-

[1]) См. Reisetagebuch durch die Berner Oberalpen. Ros. 474. 478. 483. 489. — [2]) Срв. напр. Log. III. 21. Hinr. 302. — [3]) Срв. напр. Phän. 200 429 445. 519. Log. I. 136. Enc. III. 322. 330. Briefe. II. 119. Представленія, „Vorstellungen“, занимаютъ у Гегеля иногда среднее положеніе между конкретнымъ-эмпирическимъ и абстрактнымъ формальнымъ. Срв. напр. Beweise. B. 473 и друг. — [4]) „Gefühle“; см. Log. III. 21. Enc. I. 37. Hinr. 302 Rel. I. 74. — [5]) Rel. I. 74. Aesth. I. 43. — [6]) См. Enc. III. 111. (Z). — [7]) Beweise. 317. — [8]) Beweise. 320. Срв. Prop. 179. — [9]) „Belieben und Willkür“ Recht. 192.

гія оказывалась въ корнѣ подорванной [1]). Ибо „непосредственное ощущеніе, не очищенное“ [2]) силою разума, не представляетъ изъ себя ничего священнаго [3]). Чувства, сами по себѣ, могутъ привести только къ претенціознымъ „вѣщаніямъ оракула“, или „субъективнымъ увѣреніямъ“ [4]); религія же, основанная на чувствѣ, вырождается въ субъективную романтическую устремленность [5]), или, еще хуже, въ угнетающее и недостойное ощущеніе своей зависимости отъ какой-то высшей силы [6]). Развязанная [7]), неочищенная, непросвѣтленная жизнь субъективныхъ настроеній и ощущеній не можетъ привести къ истинной религіи; нельзя признать религію истинной только потому, что она пережита „въ чувствѣ или въ сердцѣ“, что содержаніе ея основано на вѣрѣ или на „непосредственномъ“ знаніи [8]): „всѣ религіи, самыя ложныя и недостойныя, были также пережиты чувствомъ и сердцемъ“ [9]). Нѣтъ; „содержаніе должно быть истиннымъ съ самаго начала, независимо отъ чувства“: содержаніе есть нѣчто „необходимое само по себѣ и всеобщее“: оно есть „предметъ (die Sache), развивающій себя и слагающійся въ царство истинъ и законовъ, а также въ царство знанія ихъ и ихъ послѣдней основы—Бога“ [10]).

Гегель не хочетъ этимъ сказать, что вся порицаемая имъ группа душевныхъ переживаній не заслуживаетъ никакого оправданія и подлежитъ искорененію. Напротивъ, для всѣхъ людей, не сумѣвшихъ подняться до спекулятивной мысли и не вышедшихъ за предѣлы „чувства и представленія“ [11]), чувствующее и созерцающее отношеніе къ истинѣ и Богу останется единственнымъ возможнымъ путемъ; исторически [12]) и феноменологически религія необходимо предшествуетъ философскому знанію. Но чувствованіе и немыслящая интуиція [13]), сами по себѣ, безпомощны [14]) въ дѣлѣ по-

[1]) „untergraben“. Recht. 192. — [2]) „unmittelbare Empfindung“, „nicht gereinigt“. Enc. III. 260. 292. (Z.). — [3]) Ibidem. — [4]) „Orakelsprüche der Gefuhle und Versicherungen eines Subjekts“. Beweise. 372. См. также Phän. 43—44. Enc. II 15. (Z). — [5]) Glaub. 5. 7. — [6]) Срв. Himr. 295 — [7]) „ungebandigt“ Phan. 10. — [8]) Beweise. 318. — [9]) Beweise. 318. — [10]) Beweise. 319 Срв. 320. 324. — [11]) Срв Beweise. C. 482 Enc. III. 453. — [12]) Enc. III. 436. — [13]) Срв. полемику съ Якоби въ Glauben und Wissen, въ рецензіи помѣщенной въ XVII томѣ и въ Beweise fur das Dasein Gottes. См. особенно Enc. I. 9. Enc. III. 455. Beweise. 421. — [14]) См. напр. Beweise. 369.

знанія истины. Достовѣрность, основанная на увѣренности, не гарантируетъ истинности содержанія [1]). Весь этотъ путь—путь фантастическихъ полетовъ, слѣпой восторженности, безпредметныхъ экстазовъ, смутнаго броженія, внезапныхъ вдохновеній, „пустой глубины“, и „безсодержательной интенсивности“ [2]),—ведетъ къ „поверхностности“ [3]), предразсудкамъ [4]) и духовной пустотѣ. Напрасно сторонники этого пути отрицаютъ разумъ, его „мѣру и опредѣленность“ [5]), его свѣтъ и катарсисъ [6]); напрасно они выдаютъ себя за избранниковъ [7]). „которымъ Богъ даруетъ премудрость во снѣ“: ибо то, что они воспріемлютъ во снѣ, суть не болѣе, какъ человѣческія сновидѣнія [8]).

Этой низшей и подчиненной сферѣ „внутренняго“ міра рѣзко и отчетливо противостоитъ высшая и господствующая, субстанціальная сфера души—сфера мысли. Если ощущенія, воспріятія, созерцанія, представленія и аффекты—личны и субъективны, то мышленіе по существу своему „объективно“. Если первая сфера пропитана или заражена чувственностью, то вторая сверхчувственна [9]), сверхэмпирична. Если душа, живущая въ низшихъ формахъ, пребываетъ въ конечномъ. прикрѣплена къ нему, то подъемъ къ высшимъ формамъ есть уходъ ея къ безконечному [10]). Первая сфера есть царство случайности, дурной эмпирической необходимости, несвободы, „психологическаго принужденія“ [11]); напротивъ, мысль свободна, безусловно свободна, вполнѣ свободна [12]) или, что то же, подлежитъ исключительно собственной, имманентной ей, духовной необходимости. Первая сфера—

---

[1]) Срв Glaub. 123. Phän. 64 602 и др.; Beweise. 314—315. Въ истинной философіи „Gewissheit“ и „Wahrheit“ совпадаютъ· Log. I 28. 35. — [2]) Phän. 8 9. 10. Prop 184—185 Beweise 311; срв. о Беме. „trübe Tiefe“. Log. I. 119. Briefe. I 315—316 — [3]) „Oberflächlichkeit“ Phän. 8. 9. — [4]) „Aberglaube“. Hinr. 296. — [5]) Phän. 10. — [6]) „reinigen“, „gereinigt“. Log. I. 19. Enc. III 292 (Z.). Beweise. 336—337. Beweise C. 482. — [7]) „die Seinen zu sein“. Phan. 10. — [8]) Phän. 10. Срв. Enc II. 14. (Z.). — [9]) W. Beh. 306. Enc. I. 107. Hinr 302. Срв.: „ut a sensibus rebusque fortuitis animum avocemus“ 3 lat. 308. — [10]) Срв. напр. Glaub. 70. Log. I. 54. 148. Enc. I. 107. Enc. III. 452. Recht. 73—74. — [11]) Срв. напр. W. Beh. 405. Log I. 19. Gymn. 170. Rel. I. 74. — [12]) Срв. W. Beh. 405 Gymn. 170. Log I. 61. 148. Enc. I. 20. 22. 25. 44 Enc. III. 163—164. 232. 322. 452. Ph. G 16 и др

есть сфера души; мышленіе превращаетъ душу—въ Духъ [1]). Душа, остановившаяся на ощущеніяхъ и чувствахъ, тяготѣетъ къ животному; именно мышленіе есть то, что отличаетъ человѣка отъ звѣря [2]). Мало того: мышленіе есть признакъ, знаменующій божественное происхожденіе (Ursprung) человѣка [3]); это опредѣленіе обще человѣку съ Божествомъ [4]). Понятно, что качественное различіе двухъ сферъ внутренняго міра вырастаетъ у Гегеля въ пропасть; на пути отъ души къ Духу сознаніе должно совершить нѣкій отрывъ (Abbrechung) и прыжокъ (Sprung) [5]); и въ итогѣ внутренняя жизнь человѣка развертывается въ таинственный симбіозъ безконечнаго и конечнаго.

Въ этомъ общемъ и основномъ пониманіи души, выдвинутомъ въ ученіи Гегеля, замѣчательно то, что извѣстныя реальныя, живыя состоянія реальной душевной ткани, какъ таковыя, вводятся и включаются въ составъ метафизической духовной субстанціи; онѣ, не теряя своихъ характерныхъ свойствъ „жизни“ и „сознательности“ входятъ въ ткань Духа. Это есть, глядя эмпирическимъ окомъ снизу, все еще душа; но по существу и по достоинству и по другимъ, указаннымъ свойствамъ, это уже Духъ. Грань между объективнымъ и субъективнымъ элементами мысли проводится Гегелемъ въ предѣлахъ реальнаго живого сознанія человѣческой души. Сознаніе, живущее въ предметѣ, если оно погружено въ предметъ самозабвенно, есть уже царство предмета, есть уже самъ предметъ: познавательно открывающееся подлинное духовное обстояніе. Самозабвенное сознаніе, интуитивно слившееся съ мыслимымъ предметомъ, есть все же сознаніе, хотя и не конечное-эмпирическое-человѣческое; оно, правда, забыло о себѣ и о своихъ актахъ, но оно осталось сознаніемъ; „безсознательность“, свойственная спекулятивному созерцанію, есть освобожденіе отъ „себя“, отъ случайно-личной, ограниченно-индивидуальной субъективности; однако, это не смерть сознанія, но лишь сліяніе его съ предметомъ. Все это можно представить себѣ такъ, что пред-

---

[1]) См. Enc. I. XXII. — [2]) Срв. Phan. 55. Enc. I. 4. 5. 107. Enc. III. 111. Ph. G 11. Rel. I. 74. Beweise. 318. — [3]) Hinr. 281. — [4]) Ph. G. 38. — [5]) Enc. I. 107

метъ какъ бы „вливается“ въ стихію освобожденнаго отъ дурной субъективности сознанія, заполняетъ ее, овладѣваетъ ею, творитъ себя въ ней. Предметъ живетъ въ видѣ сознанія; а сознаніе живетъ въ видѣ предмета. Предметъ развертываетъ себя въ элементѣ сознанія, въ его средѣ, въ его стихіи, въ его средствахъ; предметъ какъ бы выражаетъ себя въ функціи сознанія. При всемъ этомъ здѣсь нѣтъ двоиственности, двухъ началъ, но одно единое: сознанный предметъ и предметное сознаніе стоятъ въ неразрывномъ смѣшеніи и сліяніи, — въ „тождествѣ“. Слившись съ предметомъ, сознаніе получаетъ отъ него объективность, сверхчувственность, безконечность, свободу, духовность и божественность; слившись съ сознаніемъ, предметъ получаетъ отъ него сознанность, жизнь и „подвижность“. Въ итогѣ слагается нѣчто новое, дотолѣ небывшее: объективная субъективность или субъективная объективность,—тождество субъекта и объекта,—субъектъ-объектъ.

Феноменологически говоря, необходимо признать, что „самозабвенная жизнь въ предметѣ“ есть не что иное, какъ именно modus vivendi человѣческой души. Правда, такой modus vivendi, который лишаетъ терминъ „человѣческаго“ и терминъ „души“ всѣхъ одіозныхъ свойствъ и оттѣнковъ: „человѣческій“ есть уже не человѣчески-животный, но человѣчески-божественный; „душевный“ есть уже не душевно-временно-личный, но душевно-сверхвременно-сверхличный,—душевно-духовный. Это значитъ, что въ предѣлахъ „человѣческой души“ (въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова) есть „душевно-животное“ и „душевно-божественное“, и что, слѣдовательно, спекулятивное мышленіе, созерцающій разсудокъ, научное познаніе, философія—все это есть духовный modus vivendi души. Или иначе: это есть modus vivendi Духа въ „душѣ“, Предмета въ сознаніи. Если подойти къ этому новому образованію отъ обычной точки зрѣнія, то оно окажется состояніемъ души, ушедшей въ предметъ; если же опредѣлить его со спекулятивной стороны, то оно окажется состояніемъ Предмета, нашедшаго себя въ элементѣ сознанія.

Если принять все это во вниманіе, то основная феноменологическая ошибка Гегеля, надъ обнаруженіемъ которой въ свое время

такъ много потрудился Тренделенбургъ, окажется понятной. „Сознавать предметъ“ означаетъ въ предѣлахъ спекулятивной философіи—„мыслить предметъ“. Мыслимый же предметъ, предметъ мысли—есть смыслъ. Поэтому все то, что было установлено примѣнительно къ „предмету“ и „объекту“—относится по существу къ смыслу. Тождество „субъекта“ и „объекта“, или „сознанія“ и „предмета“ есть слiяніе мышленія и смысла. Реальное душевное событіе, актъ сознанія, живой процессъ живущей души, по основному принципіальному опредѣленію Гегеля, сливается въ неразличимое метафизическое единство съ мыслимымъ предметомъ,—смысломъ. Разъ навсегда и категорически спекулятивный философъ отказывается отъ разъединенія этихъ двухъ сторонъ: мышленіе смысла и мыслимый смыслъ суть для него принципально одно и тоже, единое, неразрывное, духовное нѣчто [1]). Мышленіе смысла, этотъ modus vivendi человѣческой души, есть по его ученію не что иное, какъ самъ мыслимый смыслъ; всякое иное, разъединяющее пониманіе „мысли“—есть продуктъ дурной разсудочной рефлексіи, ошибка и заблужденіе. Состояніе души, интенсивно и самозабвенно погрузившейся мыслью въ содержаніе смысла, есть самъ смыслъ, нашедшій себя въ элементѣ самозабвенно мыслящей души. Нельзя разсматривать мышленіе отдѣльно, а смыслъ отдѣльно, ибо тогда мышленіе будетъ дурнымъ, субъективнымъ, ограниченно-личнымъ мышленіемъ, а смыслъ—дурнымъ, абстрактнымъ, мертвымъ понятіемъ. Вся критика формальной абстракціи, данная Гегелемъ, покоится на необходимости сочетанія, сращенія, слiянія этихъ, обычно отрываемыхъ другъ отъ друга, элементовъ. Вся сущность спекулятивной мысли состоитъ въ отказѣ отъ этого разрыва и въ исповѣданіи неразличимаго единства мышленія и смысла.

Это исповѣданіе ведетъ къ необычайно существеннымъ и глубокимъ послѣдствіямъ. Оно отрицаетъ въ корнѣ все философское умонаправленіе, столѣтіями работавшее надъ приспособленіемъ познанія къ специфической сущности предмета; психологія мышленія и логика смысла суть науки съ самаго начала объявляемыя у Ге-

---

[1]) Срв напр Phän 151

геля ложными. Вмѣсто нихъ Гегель пытается создать чрезвычайно своеобразную метафизическую „психо-логику мышленія самозабывшагося въ смыслѣ“. Спекулятивный философъ рѣшительно не признаетъ категоріальную специфичность душевнаго переживанія, съ одной стороны, и смыслового обстоянія, съ другой,—за послѣднее слово научной философіи. Пусть это категоріальное своеобразіе, согласно которому мышленіе есть нѣчто психическое, субъективное, временное, реальное, находящееся въ процессѣ, конкретное, единичное и неповторяемое, а смыслъ есть нѣчто сверхпсихическое, объективное, сверхвременное, идеальное, тождественное, абстрактное, всеобщее, повторяемое, — пусть это категоріальное своеобразіе признаётся въ низшей, подчиненной сферѣ разсудочнаго чистилища, подготовляющаго элементы и атомы для истинной философіи. Пусть все это будетъ вѣрно для разсудочной сферы и формальной логики; для спекулятивной философіи это не болѣе, какъ отринутая ошибочность. Поэтому передъ Гегелемъ и встаетъ необходимость разрѣшить такъ или иначе вопросъ о „мнимой“ всеобщезначимости законовъ формальной логики и категорій, конституирующихъ формальное понятіе: категорій идеальности, всеобщности, тождества и абстрактности. И разрѣшеніе этого вопроса состоитъ въ томъ, что онъ придаетъ имъ новый, свой смыслъ, опредѣляющійся тѣмъ, что онѣ суть категоріи уже не разсудочной, а созерцательной мысли. Онѣ слагаются въ новыя, своеобразныя, высшія категоріи, господствующія надъ противопоставленіями и дистинкціями разсудка и примиряющія каждый разъ въ своемъ содержаніи обѣ различныя стороны. Если мышленіе реально, а смыслъ идеаленъ,—то „понятіе“ Гегеля и идеально, и реально, т. е. идеальность его такова, что совпадаетъ съ реальностью. Если мышленіе единично (какъ временный актъ сознанія единичнаго индивидуума), а смыслъ всеобщъ—то „понятіе“ Гегеля и всеобще, и единично, т. е. всеобщность его такова, что включаетъ въ себя единичность. Если мышленіе стоитъ въ процессѣ, а смыслъ самъ себѣ тождественъ,—то „понятіе“ Гегеля и тождественно, и стоитъ въ процессѣ, т. е. тождественность его такова, что не исключаетъ измѣненія. Наконецъ, если мышленіе

конкретно, а смыслъ абстрактенъ,—то „понятіе“ Гегеля и абстрактно и конкретно, т. е. абстрактность его такова, что причастна въ то же время конкретности. „Понятіе“ Гегеля есть своеобразная реальная идеальность, или идеальное сущее; всеобщее въ единичномъ, или единичная всеобщность; тождество въ процессѣ, или процессъ тождественнаго; конкретизирующаяся абстракція, или конкретность въ элементѣ абстрактнаго. Всѣ эти, свиду парадоксальныя, или, какъ бы играющія словами, опредѣленія должны быть приняты съ глубокой серьезностью, какъ того и требовалъ самъ Гегель: въ нихъ нѣтъ ни вымысла, ни злокачественной туманности, но цѣльная и глубокомысленная, хотя нынѣ уже не пріемлемая теорія понятія.

Согласно этой теоріи мышленіе и смыслъ, слившись во-едино, образуютъ живой, движущійся смыслъ, понятіе, мѣняющееся въ содержаніи своемъ. Тогда какъ современный логикъ готовъ допустить процессъ въ мышленіи, но не въ смыслѣ,—созерцающее мышленіе, ушедшее въ смыслъ, вноситъ въ него начало процесса. Героическая интуиція Гегеля права въ стремленіи своемъ замереть въ мыслительномъ созерцаніи смысла; однако она не ограничивается этимъ; но обогащаетъ смыслъ собою, вноситъ въ него себя, со своими свойствами, аттрибутами и категоріями, и тѣмъ самымъ мѣняетъ его природу. И въ результатѣ этого смыслъ, сохраняя всю видимую объективность свою, обнаруживаетъ рядъ свойствъ, совершенно непостижимыхъ для неподготовленнаго ума. Смыслъ начинаетъ жить такъ, какъ это свойственно только живому мышленію; а мышленіе получаетъ такую объективность, такія свойства, которыя присущи только смыслу. При этомъ о мышленіи, въ сущности говоря, уже нельзя спрашивать „чье“ это мышленіе? Ибо субъективно-индивидуальное отмерло и отсутствуетъ въ этой сферѣ; порядокъ вещей, при которомъ кто-то мыслитъ въ своей душѣ что-то—отвергнутъ и ликвидированъ. Точно также о „понятіи“ нельзя спрашивать, „отъ чего оно отвлечено“? Ибо понятіе „отвлекается отъ чего-нибудь“ только въ разсудочномъ мышленіи, съ которымъ уже покончено. Спекулятивное мышленіе слѣдуетъ, дескриптивно говоря, представлять себѣ такъ: самозабвенно погруженной въ предметъ мысли открывается нѣкоторый смыслъ; кромѣ этого смысла ничего нѣтъ;

есть только онъ одинъ; въ немъ обнаруживается измѣненіе; еще измѣненіе; еще измѣненіе; смыслъ, подобно растенію или животному, оставаясь все тѣмъ же смысломъ, мѣняется и, въ измѣненіи своемъ, обнаруживаетъ извѣстную закономѣрность. Все это совершается въ понятіи, объективномъ, сверхвременномъ; не въ душѣ, мыслящей о понятіи, а въ самомъ понятіи, въ самомъ смыслѣ. Наука разсказываетъ въ точныхъ и адэкватныхъ словахъ о томъ, какъ мѣняется понятіе; и въ этомъ все.

Однако сущность тѣхъ измѣненіи, которыя претерпѣваетъ природа смысла въ ученіи Гегеля, этимъ не исчерпывается. Понятія не только опредѣляются иными категоріями, но и представляются, переживаются иначе; и это не можетъ не имѣть своихъ глубокихъ метафизическихъ послѣдствій. То своеобразное сочетаніе мыслительной и воображающей дѣятельности души, которое Гегель называетъ „спекулятивнымъ мышленіемъ“, не можетъ уже удовлетвориться сухимъ и чистымъ мыслимымъ содержаніемъ—безобразнымъ смысломъ. Созерцательность мышленія состоитъ не только въ самозабвенномъ погруженіи мысли въ ея предметъ, если бы все сводилось только къ этому, то мысль осталась бы мыслью и категоріальная специфичность ея предмета,—„смысла“,—не могла бы не броситься въ глаза. Логикъ нашихъ дней, единожды усмотрѣвшій и съ надлежащей послѣдовательностью продумавшій все категоріальное отличіе смысла отъ мышленія, не можетъ сомнѣваться въ томъ, что смыслъ самъ по себѣ не „живетъ“ и не „мѣняется“, и что, если „понятіе“ представляется именно съ этими и аналогичными свойствами, то мышленіе осложнено работои другихъ душевныхъ силъ, а смыслъ обремененъ чужеродными для него, напр. конкретно-созерцательнымъ или образнымъ, ингредіентами. Гегель не только не думаетъ отрицать этого осложненія и обремененія, но наоборотъ, настаиваетъ на ихъ правомѣрности и философской необходимости. Мышленіе одно, какъ таковое, оторванное отъ силы воображенія, отъ „творческои силы воображенія“ [1])—есть мышленіе дурное, разсудочное, и продуктъ его—мертвая неподвижная абстракція. Конечно, эта творческая сила воображенія должна быть направлена не на чувственныя со-

[1]) Срв Glaub. 42. 46. 92. 154. Prop. 186.

держанія, но на сверхчувственные образы: мышленіе есть „сверхчувственное внутреннее созерцаніе“ [1]). Мышленіе отнюдь не должно вырождаться въ обычное фантазированіе, практикуемое въ жизни, а нерѣдко и въ искусствѣ, и въ религіи. Мышленіе, оставаясь мышленіемъ, должно срастись съ творческой фантазіей. Но сила воображенія, разъ она воспринята въ мышленіе, не можетъ не внести своихъ элементовъ въ предметъ, который ей или въ ней открывается. Смыслъ неминуемо долженъ потерять свою безобразность и стать образнымъ, чѣмъ-то такимъ, что самъ Гегель называетъ «dem innern Auge Sichtbares» [2]).

Если принять во вниманіе тотъ строгій интуитивистическій объективизмъ, который такъ характеренъ для Гегеля, то не можетъ возникнуть сомнѣній, что онъ дѣйствительно усмотрѣлъ въ природѣ понятія все то, что онъ о немъ высказалъ. Но въ такомъ случаѣ „понятіе“ Гегеля только и можетъ быть образнымъ смысломъ, т. е. такимъ смысломъ, который сросся съ воображаемымъ, можетъ быть „типичнымъ“ реальнымъ обликомъ, соотвѣтствующимъ содержанію этого смысла и носящимъ въ повседневномъ обиходѣ его имя (напр., понятіе храма—„храмъ“, и предносящійся воображенію образъ храма тоже—„храмъ“). Этотъ обликъ, созерцаемый въ воображеніи, навѣрное обнаружитъ при надлежащемъ проявленіи и закрѣпленіи его чертъ, сходство или даже совпаденіе съ реальными воспринимавшимися обликами чувственныхъ предметовъ: общій и неопредѣленный обликъ „храма“ окажется, напр., эклектическимъ воспроизведеніемъ соборовъ Маинца, Альби и Палермо; образъ „повиновенія“ или „семьи“ — окажется составившимся изъ имѣющихся въ душѣ реальныхъ представленій о различныхъ случаяхъ проявленной покорности, или единенія людей на основѣ кровнаго родства. Однако, эти воображаемые образы или облики могутъ оставаться внѣ проявленія и закрѣпленія, въ нѣкоторой общности и неопредѣленности, не теряя своего образно-реальнаго характера и находясь въ строгомъ соотвѣтствіи съ существенными чертами одноименнаго смысловаго содержанія. Само собой понятно, что Гегель имѣетъ въ

---

[1]) Log. III. 332. — [2]) Log. III. 175.

виду не это простое соотвѣтствіе, какъ бы строго и адэкватно оно ни было выдержано,—но тождество смысла и образа. Мышленіе и воображеніе, послѣ сращенія своего, имѣютъ единый предметъ: и въ этомъ предметѣ смыслъ совпадаетъ съ образомъ; смыслъ „облеченъ“ въ образъ; смыслъ есть образъ; образъ есть смыслъ. Завершенная наука требуетъ, по выраженію Гегеля, чтобы созерцаніе (Anschauung) и образъ (Bild) были соединены съ „логическимъ“ (mit dem Logischen vereinigt) [1]) въ одно единое образованіе. Философія, мысля предметы, видитъ ихъ; она мыслитъ ихъ какъ бы воочію. Спекулятивная мысль всегда имѣетъ передъ собою въ лицѣ понятія тотъ „сверхчувственный“ (т. е. недоступный внѣшнимъ чувствамъ, „dem äussern Auge») образъ предмета, который нѣкогда плѣнилъ Платона. Этотъ образъ присутствуетъ въ мысли, незримо зримый оку воображенія; смыслъ растворенъ въ немъ, воплощенъ въ немъ, какъ въ своемъ неотъемлемомъ элементѣ.

Для того, чтобы понимать Гегеля, необходимо сдѣлать въ душѣ нѣкое творческое усиліе, насыщающее мысль работой воображенія: надо увидѣть воображеніемъ то, о чемъ мыслитъ душа. Когда Гегель говоритъ, напр. въ началѣ логики о „бытіи“ (Sein),—слѣдуетъ имѣть въ виду не отвлеченнѣйшую категорію, съ едва уловимымъ для мысли содержаніемъ; но и не совокупность конкретнаго-эмпирическаго „мірового“ бытія. Необходимо представить, вообразить себѣ нѣкое сущее, реальное бытіе, бытіе, которое есть, но лишено всякихъ дальнѣйшихъ свойствъ; оно имѣетъ минимумъ спекулятивно-логическаго содержанія, такой минимумъ, который по пустотѣ своей вскрывается въ „ничто“ (Nichts). Но и это „ничто“ слѣдуетъ представить себѣ силою воображенія, какъ сущее ничто, какъ ничто, которое не есть совсѣмъ и безусловно отсутствіе предмета, но есть сущій смыслъ „des Nichts“. Въ этихъ сущихъ смыслахъ „бытія“ и „ничто“ и обнаруживается процессъ взаимныхъ обнаруженій другъ въ другѣ, сливающій ихъ въ „становленіе“ (Werden). Лишь при такомъ подходѣ и пониманіи можетъ удаться мышленіе вмѣстѣ съ Гегелемъ, несмотря на

---

[1]) W. Beh 324.

принципиальное исповѣданіе его ошибочности. Здѣсь происходитъ своеобразная эстетизація мысли, какъ это справедливо восчувствовалъ Тренделенбургъ, и понять ее нельзя безъ ея воспроизведенія. Тогда только философствованіе Гегеля откроетъ не только свою раціоналистическую сторону, обращенную къ понятію, къ смыслу и къ признанію его субстанціальности въ бытіи и въ знаніи; но и свой ирраціоналистическій, созерцательно-фантастическій аспектъ, сближающій его съ философами-романтиками всѣхъ вѣковъ. Тогда только его философствованіе предстанетъ въ своемъ истинномъ характерѣ мыслящаго ясновидѣнія или мистическаго мышленія, и станетъ понятнымъ тяготѣніе Гегеля къ тому, чтобы развернуть данное ему логическое откровеніе въ подлинную и всеобъемлющую религію мысли.

Отсюда ясно то коренное расхожденіе, которое обнаруживается между современной логикой, ведущей свое начало отъ Канта. Гербарта и Больцано, и логической концепціей Гегеля. Ясно также, въ чемъ состоитъ основная феноменологическая ошибка Гегеля, сратившаго мышленіе и смыслъ въ единое и нераздѣльное метафизическое образованіе. Въ результатѣ этого цѣлые слои душевныхъ состояній испытывались и трактовались Гегелемъ, какъ куски или отрывки самого логическаго „предмета“ въ его сверхчувственной жизни; а смыслъ, впитавшій въ себя жизнь души, разсматривался. какъ живое, самопочинно мѣняющееся и развивающееся духовное начало. Сознаніе становилось сознаннымъ смысломъ, а смыслъ составлялъ какъ бы подлинную ткань сознанія. Но именно съ этой точки зрѣнія является естественнымъ, что Гегель совершенно не зналъ и не признавалъ трансцензуса, какъ такового. Если трансцендентное есть нѣчто недоступное познанію, т.-е. предметъ, сознанію потустороннiй. то ясно, что предметъ, который имѣется въ виду въ философіи Гегеля, не трансцендентенъ. Смыслъ и мышленіе тождественны и нераздѣльны; предметъ и сознаніе не только подчинены общимъ категоріямъ, но суть нѣчто строго-единое. Сознаніе есть основной и неотъемлемый элементъ, въ которомъ живетъ и развертывается предметъ. Не только предметъ „открытъ“ или „извѣстенъ“ сознанію; но сознаніе есть modus essendi предмета. На протяженіи своего ученія Гегель по-

казываетъ, что предметъ философскаго познанія (Понятіе, Духъ) имѣетъ различныя формы бытія, но что высшій видъ его—это бытіе Духа въ философскомъ сознаніи. Въ этой формѣ предметъ слитъ съ сознаніемъ, тождественъ съ нимъ; точнѣе — сознаніе слито съ предметомъ, или: мышленіе имманентно смыслу. Воспринимая до извѣстной степени ту постановку вопроса, которая была выдвинута Кантомъ, Гегель связываетъ познаваемость абсолютнаго, „вещи въ себѣ“, съ возможностью созерцать мыслью или мыслить созерцательно. Согласно этому, спекулятивная мысль должна познавать абсолютное или вещь въ себѣ. Но такъ какъ спекулятивная мысль есть прежде всего мысль, и предметъ ея есть понятіе, смыслъ, то смыслъ и оказывается „абсолютнымъ“ или „вещью въ себѣ“. „Понятіе“, говоритъ Гегель, „есть истинная вещь въ себѣ или Разумное (das Vernunftige)“ [1]). Истинное познаніе познаетъ предметъ такимъ, каковъ онъ самъ по себѣ [2]), ибо понятіе, мысль,—есть само Абсолютное [3]). Это уже не тѣ „вещи въ себѣ“, которыя „лежатъ подобно дикимъ звѣрямъ за кустомъ явленія“ [4]), какъ это было у Канта. это уже не „абстрактныя, оторванныя отъ всякаго содержанія тѣни“ [5]),—но Абсолютное, открытое, откровенное сознанію именно потому, что оно само существуетъ, выражаясь терминомъ Спинозы, въ аттрибутѣ сознанія. Именно поэтому оно не можетъ быть ни заслонено отъ сознанія, ни приближено къ нему никакимъ орудіеобразнымъ или медіумоподобнымъ актомъ познанія [6]). Познаніе, если оно есть истинное познаніе, не оторвано отъ Абсолютнаго и не противостоитъ ему [7]); напротивъ: наука есть истинная наука только черезъ наличность или присутствіе въ ней Абсолютнаго [8]).

Итакъ, мысль (т.-е. мышленіе, тождественное смыслу) есть подлинный абсолютный „Предметъ“ познанія; это есть объектъ (смыслъ) включившій, впитавшій въ себя субъектъ (мышленіе) и благодаря этому самъ по себѣ обладающій способностью развернуть свое содержаніе въ имманентномъ ему элементѣ сознанія. Иными словами,

---

[1]) Log. III. 85—86. Срв. Log. I. 35. Briefe. II. 117. — [2]) Log. I. 31. — [3]) Срв. Log. II. 6. Log. III. 213., а также Enc. I. 22. — [4]) Skept. 127—128. — [5]) Log. I. 32. Срв. Enc. I. 95. — [6]) Phan. 59—60. — [7]) Phan. 61. — [8]) W. Beh. 324.

это есть смыслъ, или смысловое содержаніе, которое уже не кѣмъ-нибудь мыслится, но само себя мыслитъ и само себя созерцаетъ [1]). Сознаніе не внѣ его; но въ немъ самомъ. Тотъ, кто хочетъ понять Гегеля не только „снаружи“ или экзотерически, но „изнутри“ или эзотерически, т.-е. не только мыслить о его философіи. но мы слить въ ней и съ нею, тотъ долженъ до конца усвоить себѣ представленіе, что уходъ сознанія въ предметъ не есть познавательное ухищреніе человѣческой души, методологическій пріемъ, уловка нашего сознанія, но нѣчто несравненно большее; не эмпирическое, душевное, но метафизическое, духовное событіе. Весь порядокъ вещей, какъ уже сказано, мѣняется. Нѣтъ болѣе „моей души“, попытавшейся и научившейся спекулятивно мыслить; есть только самъ смыслъ, само понятіе. Это понятіе само по себѣ, какъ таковое, ни въ чемъ не нуждаясь и ни отъ кого не завися, абсолютно (отъ absolvere),—живетъ, измѣняется и развивается. Оно не только предметъ для сознанія, оно — предметъ вмѣстѣ съ сознаніемъ; оно само есть свой субъектъ и само есть свой объектъ. Оно само сознаетъ себя, какъ само-себя-измѣняющее и развивающее. Въ этомъ оно отличается отъ „Абсолютнаго Я“, выдвинутаго въ Наукоученіи 1794 года Фихте Старшимъ: „Абсолютное Я“ первоначально только самополагается [2]), не обладая сознаніемъ; оно остается въ до-сознательной сферѣ человѣческаго духа, ибо съ точки зрѣнія Фихте актъ сознанія, рефлексіи — обусловилъ бы его и лишилъ бы его абсолютности. У Гегеля не то. „Понятіе“ абсолютно-самодѣятельно и въ этомъ подобно монадѣ Лейбница и абсолютному субъекту Фихте Старшаго; но самодѣятельность его есть сознательная, самосознающаяся самодѣятельность; и при всемъ томъ оно остается „понятіемъ“.

Подобно тому акту само-сознанія, который извѣстенъ каждому по внутреннему опыту,—когда предметомъ „моей“ мысли является нѣчто, непосредственно относящееся къ сферѣ моего „Я“—„поня-

[1]) Срв. характерныя формулы Glaub. 15. 19. 44. 45., гдѣ Гегель настаиваетъ на необходимости соединять не „Denken“ съ „Anschauen“, но „Begriff“ съ „Anschauen“, напр: „Anschauen in den Begriff aufnehmen“. — [2]) См. I. G. Fichte Grundlage der gesamten Wissenschaftslehre, Tübingen. 1802. S. 9.

tie", какъ таковое, пребываетъ неизмѣнно въ состояніи обращенности на себя. Въ этомъ неимѣніи иного объекта, кромѣ себя, и иного субъекта, кромѣ себя, въ этомъ неимѣніи инобытія — и состоитъ, какъ выяснится далѣе, его абсолютность, его безконечность и его свобода. Эмпирико-психологическое тождество субъекта и объекта отходитъ на второй планъ, меркнетъ и теряетъ всю свою важность. На первый планъ выдвигается метафизико-онтологическое тождество субъекта-объекта. Въ немъ лежитъ центръ тяжести всей философіи Гегеля; оно есть принципъ ея и сущность; ради него и черезъ него жизнь есть жизнь и философія есть философія. Сущность же самого этого принципа и содержаніе самой этой сущности — формулируется терминомъ спекулятивной конкретности субъекта-объекта, сознанія и предмета, мышленія и смысла,— Понятія.

Понятно, наконецъ, какія глубокія измѣненія должны обнаружиться въ метафизическомъ строеніи и характерѣ Понятія, если оно одарено самосознаніемъ и самодѣятельностью. Не было бы никакого преувеличенія, если бы кто-нибудь сказалъ, что пониманіе спекулятивнаго понятія требуетъ прежде всего полнаго отрѣшенія отъ того, что именуется „понятіемъ" въ обычной логикѣ. Можетъ быть лучше всего было бы оріентироваться въ этомъ пониманіи на идеѣ „формы" у Аристотеля, тѣмъ болѣе, что самъ Гегель не разъ отзывается съ глубокимъ сочувствіемъ о философскомъ ученіи Стагирита. Во всякомъ случаѣ для того, чтобы понимать ученіе Гегеля, необходимо перестроить въ сознаніи своемъ всѣ основныя категоріи, опредѣляющія совмѣстно логическую сущность понятія.

Таковы категоріи идеальности-реальности, всеобщности-единичности, тождественности-процессуальности и абстрактности-конкретности; къ нимъ и необходимо обратиться въ дальнѣйшемъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Реальность мысли.

Со вступленіемъ въ область спекулятивнаго мышленія открывается новый строй жизни и новый порядокъ отношеній. Душа познаетъ возможность восходить къ „объективной“ жизни, не покидая, повидимому, своихъ предѣловъ, и, во всякомъ случаѣ, не отдаваясь на волю все раздробляющаго и распыляющаго чувственнаго созерцанія. Въ предѣлахъ самой души обнаруживается новая, полная необычайной содержательности и значительности сфера, позволяющая душѣ скинуть путы личной ограниченности и дурной субъективности и отдать себя подлинной жизни объективнаго, предмета, смысла. Въ этой сферѣ душа наполняется ощущеніемъ Іисуса, говорившаго: „азъ не могу о себѣ творити ничесоже“; она уже не она, хотя и убѣждается потомъ, что не погибла въ предметѣ, но обогатилась имъ; „возненавидѣвъ“ себя, какъ таковую, въ самоотреченіи, она открываетъ себѣ возможность жить Духомъ. Спекулятивная мысль даетъ душѣ счастье самоотреченія [1]), сохраняя ей лучшее изъ того, отъ чего она отреклась и уводя ее черезъ сохраненное къ совершеннѣйшему.

Въ этомъ обнаруживается не только то жизненно-творческое значеніе гегеліанства, которое присуще всякому истинному и благород-

---

[1]) Срв. Enc. I. 378, объ отрицаніи „eigener Subjektivität“ въ подъемѣ духа къ Божеству; Gösch. 131: „Process der Selbstentäusserung des natürlichen Seins und Wissens des Menschen“ есть „Process der geistigen Wiedergeburt“; Briefe I. 261· „wahre Befreiung des Menschen von ihm selbst“.

ному философствованію; но и самый глубокій корень ученія Гегеля объ идеальности и реальности мысли. Конечно, опредѣленіе „мысли“, какъ „идеальнаго“ начала, звучитъ въ его устахъ совсѣмъ иначе, чѣмъ въ устахъ современнаго логическаго изслѣдователя, настаивающаго на чистой мыслимости „смысла“, на его совершенной (какъ эмпирической, такъ и метафизической) нереальности и на необходимости установить особую, „чисто логическую“ категорію „смыслового обстоянія“. Гегель начинаетъ и кончаетъ категорическимъ отрицаніемъ всего теченія, приведшаго въ наши дни къ этимъ „мертвымъ“ и „разсудочнымъ“, съ его точки зрѣнія, различеніямъ. Терминами идеальности и реальности онъ пользуется приблизительно въ томъ значеніи, которое досталось ему по наслѣдству отъ родоначальниковъ новой философіи и лишь затѣмъ, въ предѣлахъ діалектики, т. е. уже вполнѣ эзотерически, онъ придаетъ термину „ideell“ специфическій смыслъ.

Спекулятивная мысль „идеальна“ въ самомъ общемъ значеніи постольку, поскольку она принадлежитъ къ душевному, внутреннему міру, поскольку элементомъ ея является не внѣшнее чувственно-эмпирическое бытіе, но среда душевная. Съ этой точки зрѣнія, тяготѣющей къ примату „внутренняго вообще“ передъ „внѣшнимъ вообще“,—къ „идеальному“ относится все „субъективно-душевное“ [1]), какъ таковое: и представленіе [2]) и ощущеніе, и чувство, и память [3]), и мысль. И если „идеально“ все душевное, то „идеальнымъ“ окажется и формально-разсудочное мышленіе. Однако уже въ такомъ наивномъ пониманіи „идеальности“ кроется возможность признанія непосредственно-данной душевной среды за нѣчто первоначальное, преимущественное передъ внѣшними вещами, обладающее „большею“ и „лучшею“ реальностью по сравненію съ ними. „Идеальное“ (внутреннее) оказывается болѣе реальнымъ, чѣмъ „реальное“ (внѣшнее); философствующая мысль совершаетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ перестановокъ онтологическаго центра тяжести и терминъ „идеальный“ (только въ душѣ наличный и потому „не существующій“ во внѣшней дѣйствительности), произно-

[1]) Срв. Log. I. 172. Enc. III. 149. — [2]) Срв. W. Beh. 405. Enc. III. 149. — [3]) Срв. Log. I. 172. Enc. III. 149

сившійся наивными реалистами съ оттѣнкомъ порицанія, падаетъ обратно на ихъ голову въ видѣ осужденія. Возникаетъ двѣ „идеальности“ и двѣ „реальности“. Міръ внутренній, „идеальный“— реаленъ; міръ внѣшній, „реальный“ — идеаленъ. Это означаетъ, что внѣшнія вещи, принимаемыя наивными реалистами за подлинную реальность — лишены ея; онѣ суть только „субъективныя явленія“; онѣ „только идеальны“; тогда какъ внутреннія, непосредственно данныя состоянія души, не „только идеальны“— но несомнѣнно реальны. Еще задолго до Канта, въ философіи англійскаго эмпиризма, началось это постепенное заподозрѣваніе подлинной реальности „внѣшнихъ“ вещей и стремленіе сосредоточиться и укрѣпиться въ непосредственныхъ данныхъ внутренняго опыта. Въ этомъ общемъ тяготѣніи новой философіи—дерзновенная интуиція Декарта, признающая тождество (отнюдь не силлогистическое выведеніе) бытія и мышленія [1]), исповѣданіе исключительной реальности духовнаго начала со стороны Бёркли, героическій спиритуализмъ монадологіи Лейбница, коперниканское дѣяніе Канта и метафизическій субъективизмъ Фихте Старшаго—образуютъ послѣдовательно тѣ этапы, которые ведутъ черезъ всю новую философію къ Гегелю. Мысль пріучалась искать подлинную, безусловную реальность именно въ томъ, что испытывается, какъ внутреннее. Идеальное есть средоточіе абсолютной реальности. Однако, параллельно этому, подъ вліяніемъ ученій англійскаго скептицизма, воспринятымъ еще Лейбницемъ и затѣмъ позднѣе Кантомъ, въ предѣлахъ самой души, этой обширной сферы „идеальнаго вообще“, появляется и постепенно вырастаетъ провинція чувственно скомпрометтированныхъ душевныхъ состояній. Въ поискахъ за абсолютной реальностью, проникнутая увѣренностью въ ея душевно-духовной природѣ, философія постепенно отдаетъ периферію души, отрекаясь отъ нея, какъ отъ чувственно-конечной, смутной, пассивно-воспринятой и т. д.. и сосредоточиваетъ свое вниманіе на отысканіи „чи-

---

[1]) Срв. объ этомъ у Гегеля Enc. I. 132. 133, Gesch. Ph III. 340—344 гдѣ приведены и ссылки на разъясненія самого Декарта; эти ссылки Гегель заимствовалъ частью изъ диссертаціи Hotho.

стыхъ" и „свободныхъ" элементовъ духа. Кантъ останавливается на чистомъ созерцаніи, чистомъ мышленіи, идеяхъ; Фихте перваго періода на „до-сознательномъ", самополаганіи, абсолютныхъ актахъ Субъекта. Гегеля не удовлетворяетъ ни то. ни другое. Вмѣстѣ съ Кантомъ онъ вѣритъ въ силу мысли и въ то же время не раздѣляетъ опасливаго отношенія Фихте къ обусловливающему значенію рефлексіи. Поэтому онъ видитъ искомую сферу абсолютной реальности — въ мышленіи; именно мысль есть то средоточіе идеальности, которое гарантируетъ абсолютную достовѣрность и подлинность, абсолютную реальность. Въ то же время, вмѣстѣ съ Фихте, онъ признаетъ это идеальное начало творчески самополагающимся, интеллектуально-интуитивнымъ, и не раздѣляетъ осторожнаго ученія Канта о дискурсивномъ и только дискурсивномъ разсудкѣ, свойственномъ человѣку. Поэтому у Гегеля мысль, эта первенствующая идеальная или духовная основа, есть интеллектуально-интуитивное, само себя творящее, метафизически-реальное начало. Наконецъ, въ противовѣсъ и Канту, и Фихте,—это первоначало есть уже не субъективно-человѣческое, а субъективно-объективное, Божественное.

Итакъ если понимать „идеальность"—какъ „внутренность", въ противоположность „внѣшности"; какъ „душевность-духовность", въ противовѣсъ „матеріальности-природности"; наконецъ какъ „чистую мыслимость", въ отличіе отъ „чувственной воспринятости"—то спекулятивная мысль идеальна. Но если понимать „идеальность" какъ „нереальность", какъ формально-субъективную „критическую" (въ смыслѣ Канта), разсудочную мыслимость, какъ релятивистическую ограниченность эмпирическаго формальнаго мышленія [1])—то спекулятивная мысль не „идеальна", но „идеально-реальна." Понятно, что признаніе мысли за реальность облегчалось всегда въ исторіи философіи сліяніемъ мышленія со смысломъ, какъ это было и у Гегеля. Онъ самъ неоднократно указывалъ на то, что абстрактное-

---

[1]) Срв. всѣ полемическія и осуждающія замѣчанія Гегеля противъ того, что есть „bloss ideell", „formelle Idealitat" и т. д.; напр. Diff. 212 213. 230. 237. 254. 254. 254. 255. 267. Glaub. 14. 135—136. W. Beh. 328. 336. 345. 368. 408. 416. Enc. II. 222 и др.

формальное, разсудочное понятіе оторвано отъ реальности, противостоитъ ей, и, потому, приковано къ ней, какъ загипнотизированное, не сливаясь съ ней и пребывая въ своей отвлеченной пустотѣ. Поэтому реальна не разсудочная идеальность, но спекулятивная. Въ результатѣ положеніе дѣлъ таково: чувственная реальность не идеальна, т. е. не причастна мысли, а потому она и не реальна высшей спекулятивной реальностью; разсудочная идеальность не реальна, т. е. не причастна бытію, а потому она и не идеальна высшей спекулятивной идеальностью. Иными словами: конкретное-эмпирическое, какъ внѣшнее, такъ и внутреннее [1]),—реально дурной реальностью и совсѣмъ не идеально въ спекулятивномъ отношеніи; абстрактное-формальное идеально дурной идеальностью и совсѣмъ не реально ни въ какомъ отношеніи. Необходимо третье, новое, спекулятивное: идеальное, въ смыслѣ „субъективности“ и „мыслимости“, и потому—„всеобщее“ и „абстрактное“; и въ то же время реальное въ смыслѣ объективности и созерцаемости, и потому — „единичное“ и „конкретное“. Спекулятивная мысль сохраняетъ все то, что приковываетъ эмпириковъ къ чувственному міру, а формальныхъ мыслителей—къ міру абстракціи. Но сохраняетъ не въ первоначальномъ видѣ, а въ состояніи взаимной слянности и взаимной исправленности. Реальность—объективна и созерцаема; но уже не чувственна, не временна; причастна мысли, сама есть мысль. Идеальность — субъективна (душевно-духовна) и несетъ въ себѣ дары мышленія: сверхчувственность, опредѣлимость, всеобщность и устойчивость; но она уже не оторвана, не безсодержательна, не мертва, не ирреальна; она сама есть бытіе. Съ обычной точки зрѣнія дѣло обстоитъ такъ, что Гегель выдаетъ логически-предметное мышленіе — за метафизическую реальность; съ точки зрѣнія спекулятивной философіи дѣло должно быть формулировано такъ, что Гегелю открылась сущность абсолютной реальности, какъ находящая себѣ адэкватный элементъ въ логически-предметномъ (образно-смысловомъ) мышленіи.

---

[1]) Срв. напр. Aesth. I 12.

Для вѣрнаго пониманія тезиса о „реальности мысли“ необходимо слѣдовательно имѣть въ виду, какая „реальность“ и какая „мысль“ въ немъ отождествляются. Эта мысль — отнюдь не абстрактная-разсудочная мысль, но спекулятивное сращеніе мышленія и смысла: само себя сознающее понятіе. Эта реальность—отнюдь не эмпирическая-временная реальность, но сверхвременная, метафизическая, абсолютная. Въ чемъ же, однако, ея сущность?

Когда Гегель говоритъ о „бытіи“ или о „реальности“, то онъ разумѣетъ обыкновенно, безъ дальнѣйшихъ оговорокъ и поясненій, метафизическое бытіе или абсолютную реальность. Естественно, что люди другой эпохи и другого познавательнаго склада трудно привыкаютъ къ такому онтологическому максимализму и это обстоятельство не замедлило обнаружиться съ необычайной быстротой въ критическихъ выпадахъ первыхъ противниковъ гегеліанства. А между тѣмъ философія Гегеля возникла въ атмосферѣ, не считавшейся, или почти не считавшейся, съ инымъ, относительнымъ, эмпирическимъ видомъ реальности. Гегель самъ твердо вѣритъ, что философствовать стоитъ лишь о томъ, что абсолютно есть, или, во всякомъ случаѣ, что причастно абсолютной реальности. Акциденція, совершенно оторванная отъ субстанціи [1]) не можетъ быть предметомъ научнаго знанія. Бытіе есть существенное, субстанціальное бытіе въ полномъ значеніи этого слова. Нѣчто, лишенное субстанціальнаго бытія, лишено бытія вообще; оно просто и совсѣмъ не реально, — недоразумѣніе, фантомъ, иллюзія. Это значеніе абсолютности, субстанціальности настолько сращено у Гегеля съ идеей реальности, что подразумѣвается имъ нерѣдко, какъ нѣчто само собой понятное. Если не имѣть въ виду этого сращенія, то многое въ его ученіи окажется совершенно непонятнымъ. Причастность субстанціальному бытію есть необходимый минимумъ, внѣ котораго философіи не о чемъ говорить и нечѣмъ интересоваться.

Самая категоричность и послѣдовательность такой постановки вопроса могла бы указать тотъ путь, который ведетъ къ философ-

---

[1]) Срв. напр Beweise A 463.

скимъ предшественникамъ и духовнымъ учителямъ Гегеля. Еще Аристотель указывалъ на то, что проблема бытія есть проблема субстанціальности [1]) и что сущность субстанціи лежитъ въ ея своеобразной центростремительной самостоятельности [2]). Это представленіе о субстанціи, какъ о чемъ-то, что есть „per se“ и „in se“, неоднократно развивалось схоластиками и было воспринято затѣмъ однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ вдохновителей Гегеля — Спинозой. „Подъ субстанціей“, — пишетъ онъ, — „я разумѣю то, что есть въ себѣ и понимается черезъ себя“ [3]). Субстанція самодовлѣюща и едина [4]); она опредѣляется только сама черезъ себя [5]), не терпитъ воздѣйствій извнѣ, и, въ своей единственности и самостоятельности, обращена всецѣло на себя. Эта метафизическая „самостоятельность въ одиночествѣ“ и предносится Гегелю, когда онъ говоритъ о субстанціальной реальности. Не касаясь еще полнаго и развернутаго пониманія субстанціи, можно сказать, что по ученію Гегеля минимальный и самый бѣдный опредѣленіями фрагментъ „бытія“ уже причастенъ во внутренней природѣ своей основнымъ свойствамъ субстанціальности. Быть — значитъ быть центростремительно; значитъ быть обращеннымъ на „себя“, стоять въ простомъ [6]), непосредственномъ [7]), абстрактномъ [8]) отношеніи къ самому себѣ. Эта своеобразная „эгоцентрическая“ концепція бытія, конечно, отнюдь не должна пониматься или толковаться этически; точно также не слѣдуетъ представлять себѣ дѣло такъ, что міръ реальности состоитъ у Гегеля изъ замкнуто-самодѣятельныхъ, единичныхъ, хотя и сочетающихся въ различныя цѣлыя, но по существу одинокихъ монадъ, какъ это было у Лейбница. Нѣтъ; какъ выяснится далѣе, „бытіе“ есть единая, „всеобщая“ стихія, неустанно плещущая въ себѣ въ обращенности на себя. Стихія эта всюду одна и та же, — она субстанціальна, т.-е. самостоятельна, самодо-

---

[1]) Срв. Metaphysica. VII. I. 1028 b. — [2]) Срв. напр. Met. V. 8. 1017 b; VII. 1. 1028 a; VII. 3. 1029 a и др — [3]) Spinoza. Opera. Ed. Paulus. 1802. Vol. I. Ethica. pag. 35. — [4]) Ibid. Prop. V. pag. 37, prop. VIII. Schol. II. pag. 40 etc. — [5]) Ibid. Prop. VI. Corollar. pag. 38; срв Prop. XVII. pag. 51 etc. — [6]) Log. III. 352. Enc. I. 362. Beweise. 314. — [7]) Log. I. 150. Enc. I. 113. Beweise. B. 473. 474. — [8]) Log. III. 332. 333. Beweise 393. 414.

влѣюща, не имѣетъ противостоящаго ей метафизическаго инобытія и посему обращена исключительно на себя самое. Поэтому все то, что причастно ей, что причастно бытію — оказывается постольку имѣющимъ въ себѣ субстанціальное начало, слѣдовательно устойчивымъ и притомъ именно въ результатѣ „простого и непосредственнаго отношенія къ себѣ“. Это „отношеніе къ себѣ“ [1]), при устойчивости, естественно получаетъ характеръ „равенства себѣ“: сущность устойчивости состоитъ именно въ томъ, что нѣчто при всѣхъ возможныхъ измѣненіяхъ остается тѣмъ же самымъ, „устаиваетъ“, сохраняется, остается само себѣ равнымъ: „ибо неравенство его съ собою было бы его разложеніемъ“ [2]). Вотъ почему сущность бытія можетъ быть выражена въ одномъ словѣ: „Sichselbstgleichheit“, равенство самому себѣ [3]).

Съ этой точки зрѣнія не трудно понять, какъ происходитъ сближеніе и отождествленіе между мыслью и реальностью. Вѣдь „устойчивость“ и „равенство самому себѣ“ (собств. тождественность)—представляютъ именно тѣ черты смысла, которыя извѣстны и формально-логическому мыслителю. Именно эти черты искони заставляли философовъ и ученыхъ сосредоточиваться на „понятіи“, какъ на чемъ-то, сулящемъ строгое внутреннее постоянство и непоколебимый внѣшній строй. Но въ такомъ случаѣ сущность субстанціальнаго бытія состоитъ въ томъ же, въ чемъ и сущность понятія вообще.

Однако для Гегеля это существенное совпаденіе идетъ гораздо дальше и глубже. Дѣло въ томъ, что въ его пониманіи „мышленіе“ есть сущность не статическаго, но динамическаго характера и притомъ не внѣшней, механической динамики, но внутренней, самопочинной. Принимая открыто и съ высокою хвалой основныя опредѣленія субстанціи, установленныя Спинозой [4]), Гегель не устаетъ въ то же время указывать на неудовлетворяющую его абстрактность, неподвижность и статическую мертвенность его концепціи [5]). Гер-

[1]) Срв. напр. Log. II. 185. — [2]) Срв. Phän. 43. — [3]) Срв. особенно основополагающія формулы: Phän. 42. 43. Срв. Beweise. 448. — [4]) Срв. Log. II. 194. 195. 229. 230 и др. — [5]) Срв. напр. Log. I. 178. 396. 466. Log. II. 194—197. Log. III. 47. Enc. I. 109. Gesch. Ph. 377. 378. 409. 410 Beweise. 447.

манскій духъ въ лицѣ Лейбница и Фихте Старшаго внесъ уже въ идею субстанціи признакъ абсолютнаго и неизсякаемаго творчества, берущаго начало исключительно въ нѣдрахъ самой субстанціи, и Гегель усматриваетъ въ этомъ глубокій и неоцѣнимый прогрессъ. Поэтому онъ видитъ въ „самостоятельности“ бытія не только элементъ тождественности и самоудовлетворенности, но и моментъ активнаго творчества, изъ себя начинающагося, въ себѣ происходящаго и къ себѣ возвращающагося. Субстанціальное бытіе есть по Гегелю какъ бы нѣкое творческое кипѣніе въ себѣ, отнюдь не безцѣльное, но закономѣрно и ритмически прогрессирующее къ опредѣленной цѣли и къ предначертанному свершенію. „Быть“ значитъ нести въ себѣ начало самодѣятельнаго творчества обращеннаго на себя, значитъ творить себя изъ себя. Въ творчествѣ „бытіе“ самостоятельно, ибо ничѣмъ другимъ, кромѣ себя и своихъ внутреннихъ свойствъ, побужденій и законовъ, не опредѣляется. Оно едино, единственно въ своемъ родѣ и, все объемля, одиноко. Во всѣхъ этихъ основныхъ своихъ свойствахъ оно устойчиво и неизмѣнно,—равно само себѣ.

Здѣсь впервые открывается существенное совпаденіе мысли и реальности во всемъ его значеніи. Тѣ самыя кардинальныя свойства бытія, изъ которыхъ слагается его подлиннѣйшая сущность,—составляютъ essentialia спекулятивной мысли. Творческая обращенность на себя есть настолько же сущность мысли, насколько и сущность субстанціи, т.-е. абсолютной реальности, метафизическаго бытія. Самодѣятельность въ самотворчествѣ—вотъ то третье, которое устанавливаетъ реальность мысли и логическую природу реальнаго. Подобно тому, какъ „мысль“ или „понятіе“ есть начало, творящее себя въ себѣ и изъ себя; подобно этому „субстанціальная сущность“ въ активномъ самосозиданіи своемъ—не имѣетъ никакого противостоящаго ей инобытія. Эта существенная одинаковость не есть однако лишь сходство, или подобіе, или простое „совпаденіе“ свойствъ: но совпаденіе самихъ сторонъ, полное взаимопокрывающее единство, тождественность. Спекулятивная мысль есть не что иное, какъ абсолютная реальность; субстанціальное бытіе есть не что иное, какъ спекулятивная мысль.

То, что причастно спекулятивной мысли, то ео ipso причастно и абсолютной реальности; и наоборотъ то, что „истинно есть“, что подлинно реально — то есть спекулятивная мысль. „То, что помыслено—то есть; и то, что есть, — есть постольку, поскольку оно есть мысль“ [1]). „Мышленіе соединяетъ съ собою бытіе субстанціи“ [2]); „разумъ имѣетъ въ то же время абсолютную реальность“ [3]); „мышленіе есть бытіе“ [4]); „помысленное, потому, что оно есть помысленное, включаетъ ... въ себя бытіе“ [5]); въ сферѣ разума „мышленіе и бытіе суть едино“ [6]); „понятіе есть въ то же время нѣчто сущее“ [7]). „Логическое“ совпадаетъ съ „метафизическимъ“ [8]) и ученіе о мысли съ ученіемъ о реальности: логика есть тѣмъ самымъ онтологія.

Устанавливая это ученіе объ абсолютномъ [9]), непосредственномъ [10]) „тождествѣ бытія и мышленія“, Гегель продумываетъ его послѣдовательно до конца, пріемля выводы и не отступая передъ видимыми парадоксальностями. Эти парадоксы перестаютъ, впрочемъ, изумлять своей кажущейся напряженной противорѣчивостью, какъ только термины ихъ заполняются живымъ и осмысливающимъ созерцаніемъ предмета. Такъ, напримѣръ, когда Гегель говоритъ, что все реально „лишь постольку, поскольку оно есть мысль“; и что то, что не разумно, то не имѣетъ истины, или иначе: „то, что не понято, то не имѣетъ бытія“ [11]);—то достаточно только попытаться освободить себя отъ созерцающаго подхода къ этимъ тезисамъ, для того, чтобы увидѣть передъ собою странную и претенціозную игру словъ, не поддающуюся никакому пониманію: ибо міръ наполненъ не понятыми и не постигнутыми „реальностями“, о чемъ свидѣтельствуетъ живой и непрекращающійся прогрессъ эмпирическаго знанія.

„Понятымъ“ слѣдуетъ называть то, что проникнуто „понятіемъ“, что „по-ято“ (be-griffen, отсюда Be-griff) разумомъ; иными словами то, что въ сущности своей причастно спекулятивному мышленію, или вѣрнѣе: то, сущность чего есть спекулятивная мысль. А такъ

---

[1]) Enc. III. 353. — [2]) Phan 15 — [3]) Glaub 48. — [4]) Enc. III. 354 (Z) — [5]) Skept. 108--109. — [6]) Skept. 109. — [7]) Phän 151. — [8]) Срв. Log. I. 6 55. 436. 437. 438. Enc. I. 45. Beweise 398 — [9]) Срв. напр. Skept. 113. Glaub. 48. — [10]) Срв. напр. Phän. 606 — [11]) Срв. Phän. 412. а также Enc III. 353.

какъ спекулятивная мысль есть абсолютная и единственная реальность, и, слѣдовательно, все, чуждое ей, лишено реальности вообще, то „не понятое"—есть поистинѣ иллюзія, основанная на недоразумѣніи. Гегель выражаетъ эту мысль еще такъ: „природа" того, что есть, состоитъ въ томъ, чтобы „быть въ своемъ бытіи своимъ понятіемъ" („in seinem Sein — sein Begriff zu sein") [1]). Или, еще иначе: „все дѣйствительное, поскольку оно есть истинное,—есть идея и имѣетъ свою истинность исключительно черезъ идею и силою идеи" [2]). Всѣ эти опредѣленія выражаютъ въ разныхъ словахъ одну и ту же, основную для всего ученія, интуитивно открывшуюся Гегелю, „истину" о тождествѣ спекулятивной мысли и абсолютной реальности. Оторванность отъ первой есть оторванность отъ послѣдней; наличность первой есть наличность послѣдней. Если спекулятивную мысль назвать понятіемъ (памятуя о его спекулятивной природѣ), то понятіе окажется не только само реальнымъ, но общимъ и единымъ началомъ реальности во всякомъ бытіи и становленіи. Невозможно быть, не будучи понятіемъ. Понятіе есть сама сущность [3]), самъ предметъ („die Sache selbst") [4]); понятіе есть сама „истинная вещь въ себѣ" [5]), абсолютная реальность, само Абсолютное [6]).

Такова своеобразная судьба идеи „вещи въ себѣ", поставленной Кантомъ въ центръ философскаго вниманія. Основная концепція ея обновляется: Фихте и, вслѣдъ за нимъ, Шеллингъ и Гегель радикально порываютъ съ „вещественнымъ" пониманіемъ „вещи въ себѣ" и обращаются всецѣло къ ея „нуменально-духовному" пониманію. При этомъ Фихте имѣетъ въ виду „ноуменъ человѣческой души" [7]), а Шеллингъ понимаетъ абсолютное бытіе, какъ первоначало, подъятое надъ сферами „природнаго" и „человѣческаго", и осуществляющее себя въ нихъ. Оба они перелагаютъ „процессъ" въ предѣлы абсолютной реальности и пытаются понять этотъ процессъ, какъ „діалектическій" по формѣ и прогрессивный по на-

---

[1]) Phän. 45. — [2]) Enc. I. 385. — [3]) Phan. 34. Log. III. 20. 75. 115. — [4]) Phän. 34. 247. Log. I. 16 20. 21. Log. II. 103. Log. III. 33 — [5]) Log III. 86 и др. — [6]) Log. II. 6. Log. III. 213 и др. — [7]) Это относится во всякомъ случаѣ къ Наукоученію 1794 года. Срв. напр.: „eines Jeden Ich selbst die einzige höchste Substanz ist". Grundlage der gesamten Wissenschaftslehre Tübingen. 1802. S. 44. 45

правленію и результатамъ. Однако у обоихъ субстанція, именуемая „духомъ“ сохраняетъ характеръ „живой души“; у Фихте это есть своеобразно понятая „человѣческая душа“, съ ея основными творческими функціями: воли, мышленія, воображенія, памяти, созерцанія и т. д.; у Шеллинга это есть своего рода „міровая душа“, восходящая отъ безсознательной жизни въ природѣ къ человѣческому сознанію. Гегель первый положилъ сущность реальности не въ дѣятельности живой души (не въ объективной функціи субъекта), но въ самомъ мыслимомъ содержаніи (въ субъективности объекта), въ сверхчувственномъ, разумно-опредѣлимомъ и устойчивомъ (не смотря на свой процессуальный характеръ)—понятіи, въ смыслѣ, возрождая этимъ традицію Платона и Аристотеля. Основной тезисъ его о „реальности мысли“ имѣетъ именно это значеніе: спекулятивная мысль — есть сущность всякаго бытія, какъ такового. Или иначе: вещь въ себѣ, абсолютная субстанція — есть самъ живой смыслъ. Возникаетъ новое ученіе объ объективности; но это уже не „объектъ-вещь“, а „объективный смыслъ“; не объектъ, скрытый во мракѣ ирраціональности, но „объективный разумъ“. Абсолютное бытіе по замыслу Гегеля имѣетъ не структуру „души“, во всей ея ирраціональной сложности [1]), но структуру „мышленія“; и притомъ не мышленія, какъ „субъективно-человѣческаго“ процесса, но мышленія, какъ сверхчеловѣческаго процесса въ объективномъ понятіи. Гегель принципіально не можетъ признать иного бытія, кромѣ этого. Все сущее реально потому, что сущность его есть живой творящій себя смыслъ.

Ясно, что однимъ изъ наиболѣе сложныхъ и чреватыхъ затрудненіями выводовъ на этомъ пути является необходимость придать тождеству спекулятивнаго мышленія и субстанціальнаго бытія — строго универсальное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если открывшееся обстояніе есть дѣйствительно абсолютное тождество мысли и реальности, то говорить о какой либо иной реальности становится невозможнымъ. Все, что притязаетъ на бытіе или существо-

[1]) Здѣсь умѣстно вспомнить, что Шеллингъ, напримѣръ, въ своихъ зрѣлыхъ мистическихъ трактатахъ начала девятнадцатаго вѣка говорилъ о неразумной „природѣ“ или „основѣ“ въ Богѣ.

ваніе должно или обнаружить въ себѣ наличность спекулятивной мысли или отказаться отъ своего притязанія; tertium non datur. Однако начало спекулятивной мысли дается первоначально лишь внутренно, только въ личномъ мыслительномъ внутреннемъ опытѣ; именно тамъ открывается выходъ къ абсолютному бытію черезъ мышленіе: извѣстный видъ внутренней мыслительной дѣятельности есть уже сверхличное состояніе смысла, владѣющаго тканью сознанія и изживающаго въ немъ непосредственно и адэкватно ритмъ своей жизни. Мышленіе, поглотивъ созерцательную способность души, уводитъ душу въ сферу Духа. Но если, какъ теперь оказывается, спекулятивная мысль должна быть обнаружена во всемъ, что правомѣрно посягаетъ на бытіе, то это обнаруженіе можетъ представить особыя трудности по отношенію къ тѣмъ областямъ, которыя не даны во внутреннемъ опытѣ Весь внѣшній міръ, міръ пространственной объективности, распавшійся въ своемъ чувственномъ видѣ и распылившійся безъ остатка на глазахъ у спекулятивнаго мыслителя, повидимому, не можетъ быть данъ во внутреннемъ опытѣ такъ, какъ даетъ себя и раскрываетъ себя жизнь смысла. А между тѣмъ вычеркнуть, какъ лишенное реальности все то, что „притекаетъ“ извнѣ, въ видѣ множества „самостоятельныхъ“ вещей, значило бы чрезвычайно обѣднить богатство предмета, и ликвидировать всѣ науки, посвященныя такъ или иначе „внѣшнему“. Для Гегеля это значило бы ограничить все свое ученіе Логикой и нѣкоторыми отдѣлами Философіи Духа.

Гегель можетъ быть и былъ бы приведенъ къ этому, если бы онъ не вѣрилъ въ возможность мыслить духовную сущность внѣшняго. Эмпирическое естествознаніе, не смотря на всю свою не-философичность, обнаружило эту возможность: ибо, хотя оно изучаетъ единичныя и конечныя, чувственныя явленія и вещи, однако задача его состоитъ не въ томъ, чтобы ограничиваться ихъ описаніемъ, дескрипціей матеріала, но въ томъ, чтобы поднять единичное ко всеобщему, чувственное—къ абстрактному, явленіе—къ понятію; однимъ словомъ въ томъ, чтобы мыслить внѣшнее. Правда, это мышленіе не идетъ и не ведетъ дальше системы разсудочныхъ понятій; но возможность

спекулятивнаго претворенія и оживленія этихъ абстрактныхъ всеобщностей была уже осуществлена въ предѣлахъ логики. Такимъ образомъ, если абстрактное-формальное есть „истина“ конкретнаго-эмпирическаго, то абстрактное-спекулятивное есть „истина“ абстрактнаго-формальнаго, и бездна между „внѣшнимъ“ и „внутреннимъ“, повидимому, снимается. Это отношеніе, въ силу котораго одна сторона есть „истина“ другой стороны, слѣдуетъ представлять себѣ такъ, что первая есть истинная и подлинная сущность второй, „скрытая“ однако въ ней и не сразу доступная усмотрѣнію и постиженію. Необходимо, чтобы сознаніе поднялось на высоту первой для того, чтобы оно могло познать это отношеніе „истины“ или существенности. До тѣхъ же поръ, пока оно пребываетъ на низшей ступени, оно не только не знаетъ объ этомъ отношеніи, но, можетъ быть, совсѣмъ не подозрѣваетъ о наличности и даже возможности высшей ступени. Такъ, сознаніе, прикованное къ конкретному-эмпирическому, не подозрѣваетъ о „дѣйствующихъ“ въ его средѣ законахъ природы; и только поднявшись до ступени эмпирическаго знанія, оно убѣждается, что опытная наука, изучая абстрактныя всеобщности въ единичныхъ явленіяхъ чувственнаго міра — познаетъ въ нихъ существенное. Точно также эмпирикъ и формальный логикъ могутъ не подозрѣвать о высшемъ спекулятивномъ строѣ, лежащемъ въ основаніи ихъ категорій; а между тѣмъ „спекулятивное“ есть сущность „формальнаго“. И только поднявшись до уровня умозрительной философіи, сознаніе можетъ убѣдиться въ томъ, что спекулятивная мысль есть подлинная реальность, представляющая сущность какъ внѣшняго міра, такъ и внутренняго міра; и притомъ какъ изученнаго человѣческимъ сознаніемъ, такъ и не изученнаго имъ. Отсюда слѣдуетъ, что по отношенію къ внѣшнему пространственному міру спекулятивная мысль можетъ разсматриваться, какъ сущность его сущности, или „истина“ его „истины“ [1]).

Критическій умъ, воспитавшій себя на идеяхъ Канта, будетъ, можетъ быть, склоненъ увидѣть въ этой концепціи больше смѣлои интуиціи, или, даже, фантастической изобрѣтательности, чѣмъ логи-

---

[1]) Срв. напр. Diss. 21. Glaub. 152—153. Log. III. 50. 270

ческой ясности и научной убѣдительности. Однако ученіе Гегеля о логической сущности всего реальнаго стоитъ въ ближайшей связи духовнаго преемства именно съ Трансцендентальной Аналитикой Критики Чистаго Разума, во-первыхъ, и съ телеологической частью Критики Способности Сужденія, во-вторыхъ. Послѣдняя часть этого тезиса можетъ быть вскрыта только позднѣе, но первая должна быть уже понятна. Кантъ устанавливаетъ въ Аналитикѣ. что категоріи, чистыя понятія разсудка, составляютъ то апріорное условіе, безъ котораго невозможенъ въ опытѣ ни одинъ предметъ [1]). Согласно этому одна наличность предмета въ опытѣ, свидѣтельствуетъ о его категоріальной оформленности. „Объектъ“ есть то, „въ понятіи чего соединено многообразное даннаго созерцанія“ [2]). Но эта соединенность есть необходимо результатъ или продуктъ разсудочнаго мышленія, созданный самопочиннымъ, самодѣятельнымъ актомъ субъекта [3]). Всякій предметъ въ опытѣ, какъ таковой, есть уже нѣчто помысленное, независимо отъ того, сознаемъ мы этотъ созидающій актъ мысленнаго синтеза или не сознаемъ [4]). Категоріальная оформленность [5]) есть условіе того, что нѣчто вообще обстоитъ для насъ въ качествѣ предмета или объекта. Это можетъ быть выражено такъ, что всякая вещь, какъ явленіе, представляетъ по ученію Критики Чистаго Разума мысленно-оформленный фрагментъ чувственно созерцательнаго матеріала. Этотъ фрагментъ въ самыхъ существенныхъ основахъ своего бытія опредѣленъ мыслью, подведенъ подъ категоріи, проникнутъ ихъ формою, претворенъ въ нихъ, выраженъ на ихъ языкѣ. „Вещь“ не „есть“, а стоитъ подъ категоріей бытія; она не „субстанція“, и не „причина“, не „едина“, и не „множественна“, но опредѣлена мыслью, какъ субстанція, какъ причина, какъ единство или множество. „Свойства“ ея суть

---

[1]) Kant. Kritik der reinen Vernunft. Ausg. B. Erdmann. 1900. S. 5. 118. — [2]) Kant. Ibidem. S. 130. 131. 132. — [3]) Срв. Ibidem. 105. 106. 121 122. — [4]) Ibidem. 121—122 125. — [5]) Здѣсь слѣдуетъ разумѣть, конечно, не сознательное подведеніе анализированнаго многообразія подъ категорію, осуществляемое систематически въ естествознаніи, но безсознательный синтезъ чувственно-даннаго многообразія, совершающійся въ привычномъ и, такъ сказать, „механически“ осуществляющемся актѣ „вос-пріятія“ чего то, какъ предмета.

ея помысленныя „ингеренціи“; реальная судьба ея есть ея категоріальная „возможность“ и „необходимость“. Мало того; въ качествѣ предмета,—именно постольку, поскольку она есть реально наличный въ опытѣ объектъ,—вещь создана мыслью, она есть созданіе, порожденіе, продуктъ логической самодѣятельности субъекта.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эта „критическая“ концепція Канта въ существенномъ отличается отъ метафизической концепціи Гегеля. „Вещь“, логическую природу которой раскрываетъ и признаетъ Кантъ, есть явленіе, познаваемое въ опытѣ и существенно включающее въ себя, слѣдовательно, матеріалъ чувственныхъ созерцаній; напротивъ, если у Гегеля можно еще говорить о какой-нибудь „вещи“, то это есть часть абсолютной реальности, живой фрагментъ спекулятивно-смысловой стихіи, свободной отъ чувственно-эмпирическаго характера [1]). Кантъ устанавливаетъ мыслительный характеръ объекта, какъ итогъ познавательнаго процесса, въ которомъ логически оформливается чувственно-воспринятая данность; для Гегеля предметъ имѣетъ „логическую“ природу самъ по себѣ, не въ порядкѣ познанія, но въ порядкѣ бытія, не въ смыслѣ только логической формы, но въ смыслѣ какъ содержательной, такъ и формальной, качественно-субстанціальной опредѣленности; то, что для Канта есть познавательный процессъ, то для Гегеля есть онтологическій existenz-minimum, изначально реальный. Наконецъ, вся концепція Канта остается въ предѣлахъ человѣческой субъективности и ея разумныхъ актовъ, вносящихъ въ предметъ мыслительный синтезъ и потомъ восходящихъ къ синтетическимъ апріорнымъ сужденіямъ; концепція Гегеля свободна отъ такого, принципіально удерживаемаго, антропологизма, и элементъ „субъективности“, признаваемый ею въ предметѣ, имѣетъ характеръ сверхъ-человѣческой, имманентной самому предмету, творческой жизненности. И все же, несмотря на эти и другія, менѣе существенныя, отличія, основная идея о логической природѣ бытія, имѣющая, какъ это уже видно, сложную исторію

---

[1]) Срв. ученіе о спекулятивности міра въ главѣ одиннадцатой.

и въ до-кантовской философіи, была непосредственно подсказана Гегелю Критикой Чистаго Разума. Героическая попытка Канта вскрыть элементъ разумности въ самой сущности реальнаго, была настолько убѣдительна, и въ то же время намѣчала настолько широкія и еще недооткрытыя перспективы, что философская мысль естественно направилась въ эту сторону. Вещь не-являющаяся была исключена Кантомъ изъ научнаго знанія; а вещь являющаяся была превращена въ помысленную данность. Логическое стало необходимою формою реальнаго. При этомъ Кантъ самъ мечталъ о чемъ-то бо̀льшемъ. Правда, въ человѣческомъ познаніи остается всегда ингредіентъ чувственно-пассивной данности, а также ингредіентъ созерцательной дѣятельности субъекта, придающей матеріалу форму временности, а отчасти, сверхъ того, еще и форму пространственности. Но достаточно признать эти два ингредіента несущественными, или устраненными въ интеллектуально интуитивномъ познаніи,—и „вещь“ разрѣшится въ чистую мысль. Кантъ любовно культивировалъ идею объ этомъ разсудкѣ, мыслью создающемъ самую данность, „матерію“ познанія, и разрѣшающемъ все въ разумное созданіе чистаго разума. Такой разсудокъ могъ бы осуществить безконечное заданіе науки: исчерпывающее осмысленіе предмета; однако онъ разъ навсегда недоступенъ человѣку, не присущъ ему и потому можетъ предноситься ему лишь въ видѣ „регулятивной“ идеи. И вотъ эта невозможность, эта неосуществимая идея—положена Гегелемъ въ основаніе всей его философской концепціи Созерцающій разсудокъ, т. е творческая мысль, создающая активно и матерію и форму всякаго предмета, всякой реальности, есть уже не регулятивная идея Канта, и не „досознательно-созерцающее творчество абсолютнаго, но сокровеннаго средоточія въ человѣческомъ духѣ“, какъ это пытался понять Фихте въ своемъ первомъ Наукоученіи; это есть самостоятельное сверхчеловѣческое начало, которое сознательно мыслитъ-созерцаетъ-творитъ себя, само спекулятивное понятіе, живой смыслъ, какъ первореальность. Мысль уже не только „входитъ“ въ составъ „познаваемаго“ человѣкомъ бытія; но есть сущность всякаго бытія, какъ такового; ибо нѣтъ и не можетъ быть

никакой реальности, недоступной познанію; всякое познаніе есть самопознаніе; но не самопознаніе „человѣка-субъекта“, а самопознаніе „логическаго объекта“; въ логическомъ же объектѣ, именно въ виду его смысловой природы, не можетъ быть по существу недоступныхъ сферъ, не поддающихся раціонализаціи „остатковъ“, запредѣльныхъ потусторонностей и т. д. Самъ себя мыслящій смыслъ только и можетъ быть—въявѣ открытымъ себѣ самому: ибо онъ самъ есть объектъ, разумный по существу своему; и самъ есть субъектъ, разумный по характеру своей дѣятельности. Интеллектуальная интуиція есть разумъ, который самъ себя творитъ и раскрываетъ, и, въ этомъ значеніи, онъ есть сама сущая первореальность.

Естественно, что пониманіе этой концепціи требуетъ полнаго отказа отъ разсудочной „точки зрѣнія“. До тѣхъ поръ, пока мы все еще только соединяемъ мышленіе со смысломъ и при словѣ „сознаніе“ представляемъ себѣ субъективно-человѣческія мыслительныя переживанія, функціи или состоянія,—до тѣхъ поръ универсальный характеръ мысли, какъ первореальности не можетъ быть ни понятъ, ни критически разсмотрѣнъ. Спекулятивно говоря, понятіе есть сама себя мыслящая (eo ipso созерцающая) духовность, и тѣмъ самымъ сама себя изнутри творящая сила. Дѣло не обстоитъ такъ, что „смыслъ“ ждетъ, чтобы человѣческое сознаніе его восприняло, а до тѣхъ поръ пребываетъ въ „небытіи“; понятіе само есть созерцаніе себя; оно совсѣмъ не потому и не постольку „мыслится“, поскольку человѣческое сознаніе соблаговолитъ воспринять его и дать ему „бытіе“. Напротивъ счастливъ тотъ, кому довелось узрѣть черезъ свой внутренній міръ объективную жизнь понятія: ему выпало на долю „блаженное наслажденіе вѣчнымъ созерцаніемъ“ [1]). Но было бы недопустимо и совершенно невѣрно разсматривать понятіе, какъ просящее подаянія у вратъ человѣческой души. Не слѣдуетъ думать, что „бытіе осуществляетъ въ себѣ понятіе“, или что „душа владѣетъ понятіемъ“. Наоборотъ: понятіе осуществляетъ въ себѣ всякое бытіе; понятіе владѣетъ сущимъ, ибо само есть сама первореальность;

[1]) Срв Glaub. 9.

оно владѣетъ и душой, но не есть ея „продуктъ“, или „принадлежность“, или предметъ ея господства: человѣческая душа сама есть modus понятія [1]).

Разъ что созерцаніе воспринято въ понятіе [2]), понятіе, какъ само себя мыслящее, оказывается ео ipso само себя созерцающимъ; оно есть самъ интуитивный интеллектъ, у котораго „мышленіе себя“ равно „созерцанію себя“ и равно „творенію себя“. Вотъ почему Гегель говоритъ, что интеллектуальное созерцаніе равно „всему“ [3]); что оно есть все, тотальность [4]); что человѣческое сознаніе (Ich) есть „субъективное трансцендентальное созерцаніе“, а природа (Natur)—„объективное трансцендентальное созерцаніе“; то и другое, какъ явленія абсолютнаго самосозерцающагося разума [5]). Человѣческая душа не есть единственное лоно Понятія. Оставаясь всюду и всегда живымъ творческимъ смысломъ, Понятіе, какъ таковое, не прикрѣплено къ формѣ человѣческаго сознанія, какъ къ своей единственной средѣ и необходимой сферѣ. Правда, въ этомъ элементѣ оно живетъ наиболѣе адэкватнымъ и достойнымъ себя образомъ [6]): однако, не рабствуя эмпирической опредѣленности человѣческаго сознанія и его конечной ограниченности, но господствуя въ немъ, осуществляя себя черезъ включеніе въ свой составъ его духовно живыхъ и творческихъ силъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что передъ этой общей концепціей встанетъ цѣлый рядъ утонченныхъ метафизическихъ затрудненій, какъ только она попытается фиксировать свои идейныя очертанія и формулировать съ полной ясностью свои принципы и выводы. Однако прежде чѣмъ обратиться къ этимъ затрудненіямъ, необходимо усвоить до конца ту основную посылку самого ученія, согласно которой спекулятивная мысль есть не только реальность, но абсолютная реальность, первореальность и всереальность. И, можетъ быть, для этого усвоенія важнѣе всего отдать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ вообще признавалось и признается въ философіи реально-сущимъ.

Если условиться, что самое признаніе чего-нибудь „реаль-

[1]) Срв. Enc. I. 391, Enc. III. 150 — [2]) Glaub. 15. — [3]) Срв. Diff. 208. — [4]) Ibidem. — [5]) Diff. 272. — [6]) Срв. напр. Enc. II. 29.

нымъ“ или „нереальнымъ“, имѣющимъ бытіе или неимѣющимъ бытія, есть дѣло философской рефлексіи, провѣряющаго и исповѣдующаго мышленія,—то необходимо будетъ допустить, что это признаніе совершается на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ или показаній, поставляющихъ философскому мышленію содержательный матеріалъ для признанія и отверженія. Всѣ эти показанія добываются неизбѣжно на пути реальнаго переживанія, которое, вслѣдствіе его направленности на нѣчто, опредѣленное въ своемъ содержаніи, можно назвать испытываніемъ. Въ этомъ испытываніи, какъ таковомъ, всегда можно отличить самую функцію или состояніе испытыванія отъ испытываемаго содержанія. Это-то испытываемое содержаніе и есть то, что̀ можетъ быть признано реальнымъ.

Возможно, что гносеологъ, отыскивающій непосредственный подходъ къ знаемому, будетъ склоненъ признать „сущимъ“ всякое испытанное содержаніе; однако и для него встанетъ тогда проблема различенія подлинно-реальнаго отъ не подлинно-реальнаго, хотя бы въ предѣлахъ того, что разъ уже признано „сущимъ“ въ обширномъ смыслѣ этого слова. Нельзя не признать, что въ само̀й „идеѣ бытія“—переживается ли она въ видѣ смутнаго, можетъ быть чисто мускульнаго ощущенія, или въ видѣ зрѣлой логической категоріи,—содержится элементъ „достовѣрности“, „подлинности“, или „несомнѣнности“: „быть“ — значитъ быть въ самомъ дѣлѣ, быть „въ дѣйствительности“, быть „объективно“; быть—значитъ не только казаться сущимъ; быть „не навѣрное“ — значитъ быть только въ возможности, значитъ — „можетъ быть и не быть“. Повседневный разсудокъ человѣка успокоивается въ испытаніи реальности — быстрѣе, на низшей ступени осознанности, довольствуясь примитивнымъ, можетъ быть чисто прагматическимъ „удостовѣреніемъ“; но и онъ успокоивается только тогда, когда чувствуетъ себя увѣреннымъ, что нѣчто есть „въ самомъ дѣлѣ“. Понятно, что научное познаніе,—будь то эмпирическое изслѣдованіе, или философское построеніе—ex officio не можетъ остановиться на неподлинномъ бытіи; поэтому оно искони работало надъ установленіемъ того критерія или тѣхъ методологическихъ пріемовъ, которые могли бы дать ему обоснованную гарантію въ подлинности утверждаемаго бытія.

И вотъ, въ чемъ бы ни состояли эти пріемы и какъ бы ни опредѣлялся этотъ критерій, „бытіе“ или „реальность“ чего-нибудь признаются тогда, когда предметное обращеніе испытывающей среды (т.-е. души въ той или иной ея функціи, въ томъ или иномъ ея „подходѣ“ и степени сознательности) даетъ устойчивое показаніе о несомнѣнной наличности нѣкотораго самостоятельнаго, т.-е. не совпадающаго съ самой испытывающей средой и не сводимаго къ ней содержанія. Устойчивость такого показанія можетъ быть осуществлена въ видѣ прерывающихся множественныхъ повтореній, или въ видѣ единственнаго, непрерывно-длительнаго испытанія; во всякомъ случаѣ наличность даннаго содержанія, должна быть испытана съ силою и недвусмысленностью, не оставляющей мѣста для сомнѣній. Но существеннѣе всего въ этомъ вопросѣ — самостоятельность испытываемаго содержанія, т.-е. его качественная, содержательная инакость, нерастворимость, несводимость къ качественному составу и способу бытія испытывающей среды. А такъ какъ испытывающей средой является всегда внутренняя непосредственная стихія души, то „реальное“ всегда самобытно по отношенію къ субъективному испытывающему душевному акту. Выражая это въ обычныхъ словахъ, можно сказать, что душа, признавая что-либо реальнымъ, испытываетъ какъ бы нѣкій „упоръ“ со стороны чего-то, что не есть она сама; это „упорствующее иное“, не поддающееся нивеллирующему растворенію, обнаруживаетъ нѣкую самостоятельность въ своей судьбѣ и своеобразную самозаконность, которая въ дальнѣйшемъ можетъ получить характеръ категоріальной специфичности. Все это не означаетъ непремѣнно, что между испытывающей душою въ цѣломъ и испытаннымъ ею самостоятельнымъ содержаніемъ должна быть налицо дѣйственная противоположность (хотя и это возможно), или невозможность творческаго симбіоза, или хотя бы рѣзкое качественное отличіе: вѣдь испытываемымъ предметомъ можетъ быть и жизнь самой испытывающей души, и природа всепроникающаго и всеобъемлющаго Божества, и чужое душевное проявленіе. Самостоятельность реальнаго должна быть испытана, какъ неразложимая содержательная

инакость только по отношенію къ испытывающему акту „душевной среды“.

Понятно, что подъ это, самое общее и отвлеченное, опредѣленіе „бытія“, подойдутъ всѣ разновидности „реальныхъ“ предметовъ, начиная отъ существованія пространственно-временной вещи и кончая сверхчувственной реальностью духа и „идеальнымъ бытіемъ“ логически обстоящаго понятія. Если назвать это родовое гнѣздо единымъ терминомъ, то придется говорить о „самостоятельномъ иносодержаніи“ или объ „объективно-сущемъ“. И вотъ то пониманіе реальности, которое было выдвинуто и развито Гегелемъ, оказывается одною изъ разновидностей, однимъ изъ видовыхъ понятій, принадлежащихъ къ объему этого единаго рода; и вмѣстѣ съ нимъ къ объему того же самаго родового образованія принадлежитъ понятіе „бытія“, привычное для обыденнаго человѣческаго сознанія. Если повседневный разсудокъ человѣка говоритъ о „бытіи“ тамъ, гдѣ душа его, прилѣпившаяся своимъ вниманіемъ и устремленіемъ къ „тѣлу“ и содержательно наполненная показаніями „внѣшнихъ чувствъ“, испытываетъ нѣкоторое „самостоятельное ино-содержаніе“ вещественнаго характера., то сознаніе философа, для котораго искони было характерно устремленіе отъ внѣшнихъ воспріятій къ нечувственному предмету, исповѣдуетъ „реальность“ тамъ, гдѣ душа испытываетъ несомнѣнную наличность не-вещественнаго самобытнаго и самозаконнаго содержанія. Оріентируясь среди пространственныхъ вещей, обычное сознаніе признаѣтъ „бытіе“ тамъ, гдѣ его чувственная обращенность встрѣчаетъ нѣкое „упорствующее иное“, и тогда, когда оно видитъ себя „удостовѣрившимся“ въ наличности этого „упорствующаго иного“, этого, такъ сказать, тѣлеснаго сверхъ-субъективнаго пришлеца. Сознаніе философа также имѣетъ дѣло со „сверхъ-субъективными пришлецами“; однако изслѣдуемыя имъ „ино-содержанія“ не имѣютъ, въ своей упорствующей самобытности, характера вещественной или чувственной самостоятельности. Сознаніе философа въ его нечувственной обращенности ищетъ, находитъ и испытываетъ такія содержанія, которыя своей качественной несводимостью и нерастворимостью, своими особыми способами обстоять и дифференцироваться—искореняютъ въ душѣ всякое со-

мнѣніе въ подлинной наличности нѣкотораго особаго предмета, нѣкой „реальности“. Таково въ данномъ случаѣ самозаконно обстоящее логическое понятіе, въ основныхъ категоріяхъ своихъ совершенно самобытное и не сводимое къ испытывающему акту субъективной души. При этомъ само собой разумѣется, что философское сознаніе ищетъ и обрѣтаетъ въ этомъ признаніи ту сверхъ-субъективную по своему значенію очевидность, съ которою „удостовѣреніе“ повседневнаго эмпирическаго сознанія имѣетъ очень мало общаго. Однако самый существенный пунктъ различія между обѣими ступенями онтологическаго утвержденія лежитъ по Гегелю въ томъ, что эмпирическое сознаніе, по самому характеру своего обращенія къ „предмету“, навсегда оторвано отъ него, его предметъ всегда отдѣленъ отъ него въ порядкѣ пространственнаго разобщенія, такъ, какъ тѣло отдѣлено отъ тѣла, вещь отъ вещи; его предметъ всегда есть для него „ино-бытіе“, а оно само всегда остается только „со-знаніемъ“, т.-е. чѣмъ-то при-входящимъ, присоединяющимся, какимъ-то вторичнымъ добавленіемъ къ самодовлѣющей видимости вещи; здѣсь невозможно дѣйствительное, actu осуществляемое и до конца доводимое растореніе сознанія въ предметѣ. Вся задача и вся сила философскаго мышленія лежитъ, напротивъ, именно въ самозабвенномъ и цѣлостномъ растореніи испытывающаго сознанія въ испытываемомъ предметѣ, какъ это показано выше. Послѣдователь Гегеля долженъ самъ пройти его путь: сначала убѣдиться въ томъ, что понятіе, смыслъ, логическое—имѣетъ самостоятельное „идеальное бытіе“, которое „упорствуетъ“ въ своей самобытности и не поддается растворенію въ испытывающей душѣ; и далѣе, неудовлетворившись этимъ „идеальнымъ бытіемъ“ во всей его отвлеченной мертвости и пустотѣ,—осуществить обратное растореніе: предать понятію свою испытывающую душу, растворить ее въ самозабвенномъ мышленіи смысла, объективировать ее въ этомъ актѣ спекулятивнаго ухожденія и тѣмъ постигнуть истинную и абсолютную реальность.

Такимъ образомъ спекулятивный философъ ищетъ „объективнаго бытія“ такъ же, какъ и всякій живущій, дѣйствующій и мыслящій человѣкъ; но находитъ его на пути своеобразнаго „самоуглубленія“,

которое есть однако не углубленіе въ „себя“, но углубленіе въ мыслимое содержаніе, въ мыслимый предметъ. Раствореніе въ самобытной жизни спекулятивнаго смысла не просто „даетъ возможность душѣ познать“ особый „видъ реальности“; такая форма „общенія“ между душой и спекулятивнымъ понятіемъ, воспроизводила бы обычное отношеніе между субъектомъ и объектомъ, при которомъ объектъ обусловливается субъектомъ и потому не можетъ быть познанъ въ своей абсолютной самостоятельности. Спекулятивное понятіе именно потому открывается человѣческому сознанію во всей своей необусловленной подлинности, что впитываетъ, вбираетъ, включаетъ мыслящую душу въ свой составъ; здѣсь субъектъ не можетъ обусловить объекта, потому что онъ самъ поглощенъ объектомъ (absorbirt); „субъектъ“ оказывается органическимъ ингредіентомъ „предмета“ и въ результатѣ ихъ „встрѣчи“ и „общенія“—предметъ, понятіе оказывается единственной реальностью. Вотъ почему спекулятивная мысль есть абсолютная реальность и единственная реальность. Она не только есть „самостоятельное и самобытное содержаніе“, въ наличности котораго угасли, вмѣстѣ съ человѣческой субъективностью, и всѣ ея сомнѣнія; но она есть все-содержаніе, бременѣющее всѣмъ и всяческимъ богатствомъ предметныхъ разновидностей. Въ самозаконной жизни спекулятивнаго понятія человѣческое сознаніе тонетъ, какъ ладья въ океанѣ или какъ свѣтъ земного огонька въ лучѣ солнца; и именно поэтому оно не можетъ не признать его реальной стихіи. Однако и этимъ не все еще сказано: тонущее сознаніе тонетъ потому, что оно само есть фрагментъ или состояніе поглощающей его стихіи спекулятивнаго понятія; здѣсь совершается нѣкая космическая встрѣча двухъ разорванныхъ „половинъ“ единой субстанціи, въ результатѣ которой живое творчество понятія получаетъ форму разумной сознательности. То, что открывается—жизнь спекулятивнаго смысла въ его самозаконной ритмичности, — и то, чему оно открывается — предметно-направленное и испытывающее человѣческое сознаніе,—суть состоянія одной и той же абсолютной первореальности и встрѣча ихъ есть спекулятивный праздникъ космическаго исцѣленія.

Если, такимъ образомъ, могутъ быть еще представлены какія-

нибудь „доказательства“ того, что спекулятивная мысль есть подлинная реальность, то это осуществимо только черезъ раскрытіе и обнаруженіе имманентно присущей ей самобытной закономѣрности. Основная форма и основная цѣль жизни Понятія всюду едины и неизмѣнны. Понятіе всюду само себя опредѣляетъ; всегда обращается въ этомъ самоопредѣленіи негативно на себя; и восходитъ къ цѣльности и богатству въ содержаніи. Въ самоопредѣленіи своемъ оно движется отъ всеобщаго къ единичности; негативное отношеніе къ самому себѣ заставляетъ его развиваться по свойственнымъ ему законамъ діалектики, достиженіе цѣльности и богатства слагаетъ его въ своеобразное состояніе высшей спекулятивной конкретности. Эти формы и свойства понятіе вноситъ во все, чему оно причастно, или, вѣрнѣе, во все, что имѣетъ реальность благодаря его присутствію: черезъ Понятіе все получаетъ форму всеобщаго, все движется діалектически, все восходитъ къ конкретному состоянію. Таковы основные законы Духа и его жизни.

Поэтому въ дальнѣйшемъ необходимо прежде всего раскрыть ихъ философскую сущность.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Всеобщность мысли.

Можетъ быть нигдѣ не обнаруживается столь рѣзко и наглядно отличіе логики Гегеля отъ обычной формальной логики. какъ въ идеѣ „всеобщаго“ (Allgemein). Къ этому ведетъ съ желѣзной необходимостью установленное имъ ученіе о реальности мысли; ибо вмѣстѣ съ этимъ основнымъ измѣненіемъ обновляется весь внутренній строй и порядокъ, присвоенный обычно понятію.

Вся тенденція формально-логическаго ученія о понятіи сводится къ тому, чтобы установить ту особую, специфическую структуру и тотъ особый, специфическій порядокъ отношеній, которые присущи „идеальному понятію“ въ отличіе отъ „реальнаго явленія“. Ordo et connexio idearum рѣзко и отчетливо не совпадаетъ съ ordo et connexio rerum. Вещи не могутъ быть родовыми и видовыми; вещи не бываютъ всеобщими и отвлеченными; вещи не подлежатъ закону тождества; ихъ нельзя „опредѣлять“ и классифицировать. Зато понятія не имѣютъ пространственной формы или временной длительности; понятія лишены созерцательнаго вида и образа; они не подлежатъ процессу и измѣненію; они требуютъ другихъ познавательныхъ пріемовъ, опредѣляются иными категоріями, повинуются особымъ законамъ.

Философія Гегеля дѣлаетъ попытку подняться надъ этими границами и различеніями и, какъ уже выяснено, установить такія категоріи, въ которыхъ должно уложиться всякое содержаніе. Такими категоріями могутъ быть только категоріи спекулятивной мысли или,

точнѣе, только формы жизни самого Понятія. Ибо всякое содержаніе, если оно что-нибудь „значитъ“ и чего-нибудь стоитъ,—причастно субстанціальной реальности, т.-е. спекулятивной мысли: спекулятивное понятіе есть сущность, и формы его суть поэтому формы всякаго содержанія; не потому, что „мы“ только и „можемъ познать“ въ нихъ всякое содержаніе, какъ сказала бы „разсудочная“ теорія познанія: но потому, что спекулятивныя категоріи суть дѣйствительные способы дѣйствительной жизни всего, что̀ реально. Поэтому изслѣдовать жизнь спекулятивной мысли въ ея основныхъ формахъ—значитъ изслѣдовать сущность всякаго подлиннаго процесса. Мысль, понятіе, не имѣетъ, по Гегелю, своихъ особыхъ, специфическихъ категорій и формъ, отличающихся отъ категорій „реальнаго“ міра. Мысль реальна сама по себѣ и есть начало реальности во всемъ. Законъ ея — есть законъ всего реальнаго; пульсъ ея есть пульсъ всякаго совершенія; слово ея непреложно и не знаетъ соперничества.

Отсюда непосредственно слѣдуетъ, что въ спекулятивной философіи мысль сообщаетъ всему реальному формы всеобщности, діалектическаго развитія и конкретности; и что значеніе этихъ категорій должно быть совершенно инымъ по сравненію со сходноименными категоріями формальной логики.

Сущность идеи „всеобщаго“ (Allgemein) при всякомъ пониманіи и съ любой точки зрѣнія слагается въ качественномъ сопоставленіи множества и единства. Каждый разъ, какъ разумѣютъ всеобщность, имѣютъ въ виду наличность нѣкотораго множества элементовъ, отличныхъ другъ отъ друга, и необходимость такъ или иначе образовать при ихъ участіи нѣкое единство. Всеобщность есть всегда единство, образовавшееся изъ множества; даже въ томъ случаѣ, когда вниманіе настолько поглощается единствомъ, что моментъ множества блѣднѣетъ или, повидимому, отпадаетъ вовсе. Вопросъ о дальнѣйшемъ опредѣленіи и пониманіи „всеобщаго“ рѣшается въ зависимости отъ того, что̀ представляютъ изъ себя элементы этого множества и въ какомъ отношеніи они стоятъ другъ къ другу и къ слагающемуся изъ нихъ единству. Систематическій анализъ всѣхъ возможныхъ комбинацій и пониманій требуетъ, ко-

нечно, особаго изслѣдованія. Гегель съ своей стороны указываетъ три различныхъ пониманія всеобщности, изъ которыхъ онъ два отвергаетъ, какъ невѣрныя и нефилософскія, а третье устанавливаетъ, какъ истинное.

„Всеобщее", какъ показываетъ самое слово, есть всегда нѣчто такое, что „обще всѣмъ" (allgemein—allen gemein), въ чемъ такъ или иначе „участвуютъ" всѣ элементы даннаго множества. Эти элементы именуются обыкновенно „единичными", а то единство, въ которомъ они являются участниками,—„всеобщимъ". Отношеніе всеобщаго къ единичному слагается, такимъ образомъ, по существу изъ множества сходныхъ отношеній единой всеобщности къ каждому изъ единичныхъ элементовъ множества. Въ этой серіи отношеній оказывается моментъ „постоянный" и моментъ „перемѣнный": всеобщее есть постоянный моментъ; единичное есть моментъ перемѣнный. Передъ лицомъ многоликаго множества всеобщность есть нѣчто постоянное и устойчивое; элементы могутъ быть различны;—она не различна, но одинакова, равна сама себѣ; элементовъ много;—она едина. Поэтому всеобщее, въ самомъ общемъ опредѣленіи своемъ, является нѣкоторымъ устойчивымъ, постояннымъ единствомъ, находящимся въ закономѣрныхъ отношеніяхъ съ „подчиненнымъ" ему многообразнымъ множествомъ. Всѣ три вида всеобщности, отмѣчаемые Гегелемъ, подходятъ подъ это опредѣленіе, суть его разновидности. Однако два изъ нихъ отвергаются на томъ основаніи, что сущность „закономѣрныхъ отношеній" между всеобщностью и единичностями не имѣетъ въ нихъ спекулятивнаго характера.

Въ худшемъ изъ этихъ случаевъ „всеобщимъ" является такое содержаніе, которое наблюдается во многихъ или во всѣхъ единичныхъ эмпирическихъ явленіяхъ; посредствомъ сравненія [1]) этихъ „реальныхъ" вещей или явленій удается констатировать, что данное содержаніе „устойчиво" и потому „всеобще". Эта устойчивость можетъ, напр., имѣть характеръ временной длительности какого-нибудь свойства при сравнительно-быстрой исчезаемости другихъ, болѣе преходящихъ свойствъ. Или же, — болѣе частый случай.—

[1]) Log. III. 96 97. 292.

устойчивость состоитъ въ томъ, что какое-нибудь свойство одинаково присуще многимъ или всѣмъ эмпирическимъ вещамъ [1]), причемъ эти вещи, сохраняя свое разрозненное (абстрактное) и единичное существованіе [2]), объединяются въ единство этой эфемерной „дурной“ [3]) „общностью“ (Gemeinschaftlichkeit) [4]). При такомъ поверхностномъ соединеніи (Zusammenfassung) [5]) или группированіи— „общее“ свойство не отвлекается отъ „конкретныхъ“ вещей и содержаніемъ возникающей чувственной [6]), эмпирической [7]) всеобщности являются сами единичныя вещи [8]). Рефлексія ограничивается сравненіемъ и не переходитъ къ абстракціи; ей важно только охватить множество (die Vielen) [9]) или, въ лучшемъ случаѣ, все (Allheit) [10]); и „всеобщее“ получаетъ здѣсь значеніе — конкретно-эмпирическаго чувственнаго „цѣлаго“ (Aggregat) [11]).

Такая всеобщность есть явный продуктъ эмпирическаго знанія на первыхъ его ступеняхъ: дискретное множество чувственныхъ вещей, поверхностное объединеніе ихъ въ случайныя и эфемерныя группировки, отсутствіе работы мысли—все это дѣлаетъ эмпирическую всеобщность достояніемъ отвергнутой чувственной ступени „знанія“.

Сравнительно лучшимъ является второй, также отвергаемый, видъ всеобщаго—разсудочно-обстрактный. Онъ слагается на томъ же пути, какъ и первый, довершая однако его дѣло отвлеченіемъ [12]). Устойчивое-повторяющееся свойство эмпирическихъ вещей фиксируется разсудочной мыслью и превращается для элементовъ множества въ отвлеченное praedicabile. Возникшій родовой признакъ противопоставляется элементамъ объема, полагается внѣ ихъ, какъ бы помѣщается по другую сторону отъ нихъ въ видѣ абстрактнаго разсудочнаго тождества [13]). Всеобщность этого дурного понятія состоитъ въ его способности быть приложеннымъ, примѣненнымъ,

---

[1]) Срв. Rel. I 212. — [2]) Log III. 96. 97. Rel I 54. 268. — [3]) Recht. 115; 5 Rec 211. — [4]) Log III. 96. 97. 292. Enc I. 338. Recht. 59, 5 Rec. 211. — [5]) Log. III. 96. 97. Rel. I. 54; 5 Rec. 215. — [6]) Срв. Phan 90 Enc. I 332. — [7]) Log. III. 98 Recht. 392. — [8]) Rel. I 54. — [9]) Recht. 392. — [10]) Log. III. 96. 97. 98. 150. Enc. I. 338. Recht. 59. Rel. I. 54. 212. 268. Ph. G. 44; 5 Rec. 211. — [11]) Enc. I. 128. Срв. Phan. 572 — [12]) Log. III 335. — [13]) Срв. Recht. 59.

приписаннымъ, предицированнымъ всѣмъ элементамъ подчиненной сферы [1]). Здѣсь всеобщее не представляетъ уже изъ себя совокупность единичностей, оно выдѣлено изъ нихъ, поставлено надъ ними; единичныя вещи не входятъ въ него, не содержатся въ немъ [2]), какъ въ первомъ случаѣ, а относятся къ нему, какъ къ внѣшнему. Понятно, что такая всеобщность есть не что иное, какъ само разсудочное, формально-абстрактное понятіе и что она имѣетъ всѣ его дефекты и пороки. Ея фиксированная [3]), формальная тождественность [4]), придаетъ ей характеръ мертвости и безжизненности [5]): ея полная оторванность отъ особеннаго [6]) и ея безразличная [7]) противопоставленность единичному [8]) матеріалу—повергаетъ ее въ пустоту [9]) и превращаетъ ее въ поверхностную безсодержательность [10]). Она обременена и обусловлена этимъ противоположеніемъ [11]); многообразныя явленія остаются въ дискретномъ видѣ [12]), внѣ понятія [13]), а само всеобщее, твердое и неизмѣнное [14]), остается аналитическимъ единствомъ [15]), нереальной и недѣйствительной [16]) абстрактной всеобщностью [17]), лишенной опредѣленій [18]). Здѣсь родовое-всеобщее не включаетъ въ себя подчиненныхъ видовъ [19]), но возносится надъ ними въ пустоту. Въ самое понятіе замѣшиваются элементы чувственной непосредственности [20]), и въ итогѣ оно даже не можетъ быть названо понятіемъ [21]): это есть „Begriff als Begriffloses“ [22]), — истина чувственной достовѣрности [23]), не болѣе.

Такая всеобщность есть, очевидно, продуктъ формальнаго мышленія; она раздѣляетъ его познавательную полезность, его ограниченность и его общую судьбу. Философія не пріемлетъ ее, какъ и первую всеобщность, и построяетъ свой особый, третій видъ, свое-

---

[1]) Срв. Recht. 56. 280. а также ссылки въ главѣ о формальной абстракціи. — [2]) Diff. 260. — [3]) Glaub. 26. — [4]) Glaub. 97. — [5]) Срв. Nohl. 390 Phän. 5. 152—153. 313 — [6]) Glaub. 97. 129. W. Beh. 413 — [7]) Phän. 77. 86. 88. Log. I. 87. — [8]) W. Beh. 350. Phän. 97. Log. III. 98. — [9]) Glaub. 116. W. Beh. 340. Phan. 77. и др. — [10]) Log III. 60. срв. также Phän. 41. 185. — [11]) Срв Phan. 96. 97. — [12]) Phan. 446. — [13]) Log. III. 21. — [14]) Log. III. 48. 49. — [15]) W. Beh. 350. — [16]) Phan. 13. 108. Log. III. 78. — [17]) Log. I. 47. Log. III. 21. 22. 137. 279 — [18]) Log. III 120. — [19]) Phan. 313. — [20]) Log. III. 64. — [21]) Log. III. 30. — [22]) Log. III. 47. — [23]) Phan. 76. 84.

образно сочетающій въ себѣ достоинства первыхъ двухъ, но свободный отъ ихъ пороковъ.

Спекулятивная всеобщность опредѣляетъ собою природу и характеръ спекулятивной мысли: это есть сама спекулятивная мысль, разумъ, разумное познаніе, само спекулятивное понятіе [1]). Всеобщность есть способъ „быть“, свойственный понятію [2]); его атмосфера, которую оно всюду вноситъ съ собой; его имманентная форма. Поэтому все, что уже извѣстно о спекулятивномъ понятіи характеризуетъ этотъ видъ всеобщаго.

Такъ, спекулятивная всеобщность есть нѣчто само себя сознающее [3]); она есть самъ-себя-знающій разумъ [4]). Она есть настолько же объектъ, предметъ, данный сознанію, насколько и субъектъ, сознаніе: объектъ, „охватывающій“ субъекта, и субъектъ, „охватившій“ свой объектъ [5]); — тождество субъекта-объекта. То, что̀ понятіе мыслитъ — всеобще, ибо предметъ понятія есть мысль; но и само понятіе, какъ мысль—всеобще [6]). Понятіе мыслитъ себя само; это значитъ: всеобщее обращено само на себя, оно есть „рефлексія“ (отъ reflectere — обращать назадъ) на себя [7]). Въ этой обращенности на себя, доступной только спекулятивному умозрѣнію [8]), всеобщее не „идеально“ только, подобно разсудочной отвлеченности, но реально [9]); совпадаетъ съ бытіемъ [10]). То, что дѣйствительно, реально — то всеобще [11]), ибо всеобщее есть сущность дѣйствительности [12]). Всеобщность есть начало субстанціальное [13]). Поэтому она сама есть свое содержаніе, свой предметъ и цѣль [14]). Она есть живая [15]) свободная [16]) творческая сила [17]), текучая [18]) и подвижная. Она сама себя въ себѣ движетъ [19]), въ качествѣ саморазвивающагося понятія [20]).

---

[1]) Срв. Phan. 14. 15. 559. Log. I. 148. Log. III 332 Enc I 66. Enc III. 362 и др. — [2]) Phan. 192. — [3]) Phan. 356. — [4]) Enc III. 469. [5]) Срв Enc III. 286 -287. — [6]) Срв. Phan. 14 — [7]) Срв. Phan. 209. — [8]) Срв. Recht. 59. — [9]) Срв напр. Phan. 27. 226 356. Log. III. 78. Enc. III. 353 и др. — [10]) Log. III. 332. 333. Phan 292. Enc. III. 353. — [11]) W. Beh. 396. Phan. 374. — [12]) Phan. 50 — [13]) Ср особенно Log. III. 162. Enc. I. 340. 394 — [14]) Recht.56. — [15]) Срв. Log. III. 41 — 42. 247. Enc. I. 121. — [16]) Срв. Log. III. 39. 42. Enc. I. 396. — [17]) Log. III. 39 42. Срв. также Enc. III. 104. — [18]) Срв. Phan. 548. — [19]) Phan. 226. — [20]) Enc. III. 357 (Z).

Однако всѣ эти послѣдовательные выводы изъ совпаденія всеобщности съ мыслью получаютъ живое и понятное содержаніе лишь послѣ постановки и разрѣшенія центральнаго вопроса: о сущности отношеній, соединяющихъ всеобщее съ единичнымъ. Въ характерѣ этихъ отношеній усматриваетъ центръ тяжести и самъ Гегель: при этомъ онъ считаетъ правильное пониманіе ихъ въ высшей степени важнымъ, настолько, что заблуждающемуся въ этомъ вопросѣ закрытъ доступъ къ пониманію „спекулятивнаго“ и къ познанію истины [1]). Дѣйствительно, слѣдуетъ признать, что все ученіе о спекулятивномъ понятіи впервые раскрывается лишь послѣ того, какъ выясняется идея „всеобщаго“, и что, далѣе, анализъ этой идеи даетъ ключъ къ вѣрному пониманію отношенія Бога къ міру и государства къ личности.

Отношеніе это сводится къ тому, что единичное входитъ во всеобщее, какъ его живая часть, а всеобщее входитъ въ единичное, какъ его живая сущность. И то и другое въ порядкѣ спекулятивной мысли.

Спекулятивная всеобщность, включая въ себя единичное, проводитъ этимъ рѣзкую грань между собою и разсудочной всеобщностью и сближается за то, повидимому, съ эмпирической, чувственной всеобщностью; однако, это сближеніе есть, конечно, лишь внѣшняя видимость. Абстрактное противопоставленіе подчиненнаго множества доминирующему единству, свойственное разсудочному понятію, снимается и упраздняется: множество не „внѣ“ единства, но въ самомъ единствѣ. Понятіе не внѣ своего „объема“; „объемъ“ не внѣ своего понятія; понятіе таково, что весь „объемъ“ его входитъ въ него, вступаетъ въ него и отождествляется съ нимъ. Всеобщее подобно цѣлому: единичное подобно его части. Однако, въ отличіе отъ эмпирической, чувственной всеобщности, обѣ стороны имѣютъ природу мысли: „единичное“ не есть уже „единичная чувственная вещь“, а „всеобщее“ не есть уже „чувственная совокупность“, охватывающая всѣ чувственныя вещи; нѣтъ: какъ всеобщее, такъ и единичное суть живые смыслы, спекулятивныя мысли, духовныя величины, субстанціальныя реальности. Одинъ

[1]) Срв. Ph. G. 29—30

живой смыслъ включаетъ въ себя рядъ другихъ, подчиненныхъ живыхъ смысловъ и самъ входитъ въ нихъ, растворенный въ нихъ такъ, какъ растворена, напр., сущность въ своихъ явленіяхъ.

Мыслителю, привыкшему къ категоріямъ Канта, и здѣсь, какъ раньше, больше всего объяснитъ идея интеллектуальной интуиціи. Если, по ученію Канта, „единичное“ есть предметъ чувственнаго созерцанія, а „всеобщее“ есть предметъ разсудочной мысли, то у Гегеля созерцающая мысль должна неизбѣжно слить единичное со всеобщимъ. Созерцающая мысль, созерцая, — имѣетъ дѣло съ единичнымъ; но, въ качествѣ мышленія,—она направлена на всеобщее. Если мысль совпадаетъ съ созерцаніемъ, то всеобщее должно совпасть съ единичнымъ. Далѣе, по Канту, единичное, — начало матеріальной содержательности,—пассивно дается человѣческому познанію: всеобщее же, — начало категоріальной формы,—активно привносится субъектомъ. Въ интуитивномъ разсудкѣ, предположительно допускаемомъ Божественномъ разумѣ [1]),—достаточно было бы одного мыслящаго самосознанія, ибо чрезъ него eo ipso было бы дано „все многообразное“ [2]). Это было бы своеобразное творческое мышленіе, самодѣятельно созидающее весь многообразный матеріалъ единичныхъ содержаній. Такъ дѣло и обстоитъ у Гегеля [3]): спекулятивное понятіе творчески создаетъ изъ себя всю подчиненную сферу единичнаго. Чувственная единичность становится смысловой единичностью; чисто „идеальное“ всеобщее теряетъ свой характеръ дурной абстрактности и становится „реальной“ всеобщностью. Или иначе: идеально-реальная всеобщность создаетъ и охватываетъ идеально-реальную единичность. Истина, спекулятивность, разумность состоятъ именно въ этомъ „взаимопроникающемъ единствѣ всеобщаго и единичнаго“ [4]).

Вся проблема „всеобщаго“ при внимательномъ анализѣ развертывается въ рядъ подчиненныхъ вопросовъ о сущности и взаимоотношеніи трехъ элементовъ: „всеобщаго“ (Allgemein), „особен-

---

[1]) Срв. напр. Kant. Kritik der reinen Vernunft. Ausg. B. Erdmann S. 128. 139. 245. 260. — [2]) Срв. Kant. Kritik der reinen Vernunft 128. 132. — [3]) Ср. напр Lass 468. Glaub. 42. 43. 44. 64—65. W. Beh 413 Enc I. 117. 396. — [4]) Срв Recht. 313. Ph. G. 29—30

наго“ (Besonder) и „единичнаго“ (Einzeln). При этомъ „особенное“ занимаетъ посредствующее положеніе между всеобщимъ и единичнымъ и въ основномъ раздѣляетъ судьбу единичнаго по отношенію ко всеобщему. Всѣ три элемента, какъ уже сказано, имѣютъ характеръ спекулятивной мысли со всѣми ея свойствами, аттрибутами и достоинствами, и отношеніе ихъ, какъ уже ясно, имѣетъ характеръ не статической неподвижности, а динамическаго созиданія. Для того, чтобы представить себѣ наглядно весь рядъ отношеній, надлежитъ пройти его мысленно сверху внизъ, — отъ всеобщаго къ единичному,—и снизу вверхъ,—отъ единичнаго ко всеобщему. Въ этомъ прохожденіи, какъ его обычно излагаетъ самъ Гегель, элементы пропедевтическихъ и педагогически-мотивированныхъ разъясненій сплетаются съ тѣмъ объективнымъ содержаніемъ, спекулятивнаго процесса, которое всюду и неизмѣнно воспроизводится въ жизни Понятія. Это объясняется тѣмъ, что Гегель все время какъ бы имѣетъ въ виду тотъ экзотерическій пунктъ, до котораго ему надо опуститься и отъ котораго ему необходимо повести свое изложеніе, для того, чтобы обычное сознаніе не только поняло и восприняло сущность спекулятивной жизни, но увидѣло себя неизбѣжно захваченнымъ и вовлеченнымъ въ ея объективный творческій потокъ. Обычное сознаніе, противящееся спекулятивному прозрѣнію и стремящееся удержаться на привычномъ для него уровнѣ настаиваетъ, во-первыхъ, на абстрактной пустотѣ своихъ понятій, во-вторыхъ, на своей субъективной и самодовлѣющей отъединенности: это значитъ, что оно держится за дурную разсудочную всеобщность понятія и за свою конкретную эмпирическую единичность; оно отрываетъ всеобщность отъ единичности и не соединяетъ ихъ, потому что не видитъ ихъ истиннаго и реальнаго соотношенія. Понятно, что его сопротивленіе безсильно измѣнить что-нибудь въ истинномъ, т.-е. спекулятивномъ соотношеніи и положеніи дѣлъ; отношеніе всеобщаго къ особенному и единичному и, обратно, единичнаго къ особенному и всеобщему—не можетъ зависѣть отъ произвола и усмотрѣнія того или иного субъективнаго сознанія; заблужденіе, въ которомъ оно пребываетъ, и ложная точка зрѣнія, на которой оно настаиваетъ — не могутъ изъять „единич-

ность“ изъ жизни „всеобщности“ или перевернуть божественный порядокъ міра. Истина не перестаетъ быть истиной оттого, что кто-нибудь утверждаетъ нѣчто, ей противорѣчащее; абсолютная реальность не мѣняется оттого, что кто-нибудь, заблуждаясь, исповѣдуетъ ложное. Однако, задача философа, познавшаго истину, состоитъ въ томъ, чтобы привести уклоняющихся къ признанію ея. И вотъ, если изобразить экзотерически спекулятивное тождество „всеобщности“ и „единичности“, то начало пути каждый разъ будетъ представлять изъ себя какъ бы нѣкое „обращеніе Савла“, послѣ котораго начинаетъ развертываться истинное соотношеніе элементовъ.

Путь отъ всеобщаго къ единичному есть путь отъ менѣе опредѣленнаго къ болѣе опредѣленному: отъ менѣе содержательнаго къ болѣе содержательному; отъ болѣе простого, къ болѣе сложному; отъ болѣе однообразнаго, къ болѣе многообразному; отъ свернутаго, потенціальнаго единства. къ развернутому, актуальному единству во множествѣ.

Извѣстно уже, что всеобщее, оторванное отъ особеннаго и единичнаго, есть неопредѣленная, безсодержательная абстракція, пустая всеобщность [1]), которой противостоитъ живая „особенность“ [2]). Мертвая „абстракція“ и живая „конкретность“ безнадежно оторваны другъ отъ друга, и всеобщее остается „лишеннымъ жизни, духа, красокъ и содержанія“ [3]). Абстракція, „пренебрегая“ единичнымъ и не спускаясь къ нему, отворачивается отъ той „глубины“, въ которой понятіе можетъ обрѣсти себя [4]) и оказывается безсильнымъ постигнуть сущность жизни, духа, Бога и спекулятивнаго понятія [5]). Всеобщность становится все болѣе поверхностной и безсодержательной [6]).

Въ этомъ плачевномъ состояніи всеобщее не можетъ оставаться. Оно какъ бы опоминается и рѣшаетъ (entschliesst sich) [7]) приступить къ самоопредѣленію. Естественно, что на этомъ пути первымъ актомъ его является отрицаніе своего скуднаго и мертвеннаго содержанія; оно относится къ себѣ негативно, отрицаетъ себя. Съ

---

[1]) Кромѣ вышеприведенныхъ ссылокъ срв. напр. Glaub. 116. — [2]) Ibidem. — [3]) Log. III 61. — [4]) Срв. Log. III. 60. — [5]) Срв. Log. III. 61. — [6]) Срв Log. III. 60. — [7]) Rel. I. 183.

этого момента наступаетъ конецъ формальному мышленію съ его разсудочной ограниченностью: понятіе обращено само на себя; въ немъ открылась спекулятивная самостоятельность и объективность; оно вступило на путь самодѣятельности. Истинная всеобщность есть „творческая сила, въ качествѣ абсолютной негативности, которая относится къ себѣ самой“ [1]). Эта негативность имманентна всеобщему [2]). Понятіе, прославленное своей формальной тождественностью, подвергаетъ себя спекулятивному самоотрицанію, и актъ этотъ входитъ въ самую сущность всеобщаго [3]).

Самоотрицаніе всеобщаго раздѣляетъ его на „А“ и „не-А“: понятіе дѣлитъ себя [4]). Возникаетъ то состояніе понятія, которое Гегель обозначаетъ словомъ „Urtheil“ (собств. „сужденіе“): „первораздѣлъ“ (Ur-theil) [5]). Всеобщее раздѣлено на самостоятельные моменты [6]), не тождественные другъ съ другомъ [7]); „нейтральное“ оказывается „расторженнымъ на дифференгные крайности“ [8]), но такъ, что противоположныя стороны, созданныя понятіемъ въ немъ самомъ, остаются въ его предѣлахъ: понятіе развертывается въ сужденіе, въ „первораздѣлъ“, содержащій „тотальность“ своихъ опредѣленій [9]). Всеобщее, оставаясь собою, разбиваетси на противоположныя опредѣленія, подобно тому, какъ въ Наукоученіи Фихте Старшаго „Абсолютное Я“ раздѣлилось въ себѣ на враждебныя стороны „малаго субъекта“ (человѣка) и „природы“. Спекулятивная мысль, этотъ субъектъ, творящій себя, какъ объекта, получаетъ форму всеобщности, которая, сама себя различая [10]), остается единствомъ различенныхъ сторонъ [11]).

Именно благодаря этому, т.-е. благодаря единству различеннаго, всеобщее оказывается вступившимъ на путь самоопредѣленія [12]). Первоначальная простота всеобщаго, этого перваго момента въ понятіи [13]), смѣняется въ первомъ же спекулятивномъ актѣ его —

[1]) Log. III. 42. — [2]) Recht. 41. — [3]) Срв. напр. Log. III. 37 107, а также Log. II. 242. Log. III. 12. 39. Phan. 308. — [4]) Rel. I. 183. — [5]) О такомъ пониманіи Urtheil, въ смыслѣ „ursprungliche Theilung“, „Diremtion“, „Entzweien“, вообще „дифференціаціи“ см. Log. III. 68. Enc. I. 326. 374. Enc. II. 641. Enc. III. 355. 440. 469. — [6]) Log. III. 34. 34 — [7]) Enc. I. 326. — [8]) Срв. Enc. I. 374. — [9]) Срв. Log. III. 65. 67. — [10]) Log. III. 42. 44. 107. 120. Enc. III. 25 (Z). — [11]) Срв. Log. III. 335. — [12]) Срв. Log. III. 333. 334. Enc. III. 71. — [13]) Срв. Log. III. 298.

осложненіемъ и увеличеніемъ содержанія: при этомъ содержаніе не только увеличивается, но дифференцируется и потому становится болѣе опредѣленнымъ. Понятіе какъ бы углубляется, уходитъ въ себя [1]), развертываетъ свое содержаніе, потенціально замершее на абстрактной высотѣ. Въ этомъ творческомъ самонаполненіи оно не выходитъ изъ себя, ни откуда извнѣ ничего не получаетъ [2]): различеніе производится всеобщимъ въ немъ самомъ [3]) и опредѣляется „всецѣло только имъ самимъ“ [4]).

Первая же негація придаетъ всеобщему нѣкую опредѣленность: всеобщее становится „опредѣленнымъ всеобщимъ“, или, что то же, „особеннымъ“ [5]). „Особенность“ (die Besonderheit) есть не что иное, какъ „опредѣленная всеобщность“ [6]). Иными словами, этотъ переходъ есть переходъ въ предѣлахъ самой всеобщности отъ менѣе опредѣленнаго состоянія къ болѣе опредѣленному состоянію [7]).

Отсюда уже выясняется рядъ существенныхъ чертъ. Если условиться, что всеобщее есть „родовое понятіе“, а особенное есть — „видовое понятіе“, то неизбѣжно окажется, что видовое есть модификація родового, отличающаяся бо̀льшей опредѣленностью. Такое представленіе не чуждо и формальной логикѣ, которая учитъ, что видовое понятіе имѣетъ всѣ признаки родового, плюсъ еще одинъ или болѣе спеціальныхъ (om species) признаковъ. Точно также наличность или присутствіе „всеобщаго“ въ „особенномъ“, т.-е. всѣхъ родовыхъ признаковъ въ содержаніи видового понятія, окажется пріемлемымъ и для формально логическаго мыслителя: содержаніе понятія A окажется налицо во всѣхъ подчиненныхъ ему видахъ—AB, AC, AD и т. д.; содержаніе понятія AB будетъ также фигурировать во всѣхъ элементахъ своего объема — ABa, ABb, ABc и т. под. Напротивъ, ученіе о томъ, что „особенное“ содержится во „всеобщемъ“, что оно создается послѣднимъ, и что всеобщее не только мыслится въ особенномъ, но реально составляетъ его внутреннюю субстанціальную сущность — будетъ совершенно не-

[1]) Срв. напр. Log. III. 115. — [2]) Срв. Log III. 40. — [3]) Log. III. 42. 120. — [4]) Log. III. 44. — [5]) Срв. Log. III. 40. 43 60. — [6]) Log. III. 60. — [7]) Срв Log. III. 66 87.

свойственнымъ формальной логикѣ. А между тѣмъ Гегель опредѣляетъ изслѣдуемое отношеніе именно такъ. Всеобщее разложилось именно въ своихъ предѣлахъ; поэтому особенное возникло въ немъ, и остается въ немъ [1]), какъ его аттрибутъ. Всеобщее и особенное не нуждаются въ томъ, чтобы только еще подходить другъ къ другу [2]), какъ внѣшнее къ внѣшнему [3]); особенное не есть нѣчто независимое [4]), подводимое [5]) подъ родовую всеобщность; — всѣ эти представленія формальны и ложны. Интуитивная мысль не исключаетъ особеннаго [6]), но сама, какъ объективная всеобщность творитъ его изъ себя, или, если угодно, полагаетъ себя въ него: всеобщее придаетъ себѣ опредѣленность, свойственную особенному [7]); или иначе: особенное развивается изъ всеобщаго [8]) въ направленіи къ бо̀льшей опредѣленности. При этомъ особенное, оставаясь въ предѣлахъ всеобщаго, не есть только „логически“ подчиненный ему членъ его „объема“: это было бы отношеніемъ формальнаго подведенія, субсумированія одного абстрактнаго понятія подъ другое. Особенное входитъ не только въ объемъ, но и въ содержаніе всеобщаго, ибо само есть членъ его содержанія: содержаніе всеобщаго есть содержаніе всѣхъ особенныхъ понятій, созданныхъ имъ въ себѣ. Особенное есть, такъ сказать, кость отъ кости и кровь отъ крови всеобщаго; однако, оставаясь въ его составѣ, оно подобно не отъединившемуся дѣтищу, но вѣтви, имѣющей жизнь только въ связи съ единымъ древомъ. Вотъ почему Гегель разъясняетъ, что бо̀льшую обширность, бо̀льшій объемъ (weiterer Umfang) всеобщаго отнюдь не слѣдуетъ понимать лишь въ смыслѣ бо̀льшей количественной распространенности его [9]); нѣтъ, это различіе между всеобщимъ и особеннымъ есть столь же качественное, сколь и количественное [10]); ученіе формальной логики о томъ, что содержаніе понятія тѣмъ меньше, чѣмъ больше его объемъ — отвергается принципіально и

---

[1]) Log. I. 7. Log. III. 311. 328. Enc. III. 388. Recht. 40. — [2]) „Nur erst hinzutreten, hinzukommen“ Glaub. 97. Rel. I. 183. — [3]) Срв. Glaub 97. 97. 116; также W. Beh. 414. Log. III. 40 Enc. I. 14. — [4]) W. Beh. 323. — [5]) Log. I. 47. — [6]) Glaub. 64—65. Recht. 325. — [7]) Срв. Enc. III. 357 (Z). — [8]) Log. III. 40 — [9]) Log. III. 58. — [10]) Log. III. 58.

окончательно: бо̀льшему объему соотвѣтствуетъ необходимо и бо̀льшее содержаніе, ибо послѣднее включаетъ въ себя содержаніе всѣхъ подчиненныхъ видовыхъ понятій. „Особенное“ не имѣетъ своего отдѣльнаго достоянія, которое принадлежало бы ему и только ему; все содержательное богатство его принадлежитъ, какъ таковое, тому всеобщему, изъ нѣдръ котораго оно было выращено. Поэтому, чѣмъ болѣе развита внутренняя жизнь всеобщаго, чѣмъ дифференцированнѣе его содержаніе, чѣмъ больше особенныхъ и единичныхъ понятій оно создало въ себѣ,—тѣмъ обширнѣе его объемъ, но тѣмъ богаче ео ipso и его собственное содержаніе: ибо вся „логическая“ спецификація его остается въ его предѣлахъ. Особенное входитъ во всеобщее, какъ его живая часть.

Естественно, что при такомъ порядкѣ вещей всеобщее оказывается „цѣлымъ“, составленнымъ изъ элементовъ своего объема: „всеобщее“, говоритъ Гегель, „есть тотальность своихъ обособленій“ [1]).

Отсюда уже ясно, что „особенное“ есть начало опредѣленнаго различія: „das Unterschiedene, oder die Bestimmtheit“ [2]). Ему свойственно имѣть въ себѣ содержательную опредѣленность и отличаться отъ другихъ особенныхъ понятій [3]). Обособленіе (Besonderung) или дифференціація [4]) ведетъ къ созданію множества разнообразныхъ [5]) и односторонпихъ [6]) видовыхъ понятій; они стоятъ другъ къ другу во внѣшнемъ отношеніи [7]), но суть одинаково лишь моменты единаго понятія [8]). Они принадлежатъ къ единой всеобщности [9]), входятъ въ нее; „представляютъ“ ее [10]), каждая своимъ специфическимъ опредѣленіемъ, и, отличаясь другъ отъ друга, не отличны отъ нея [11]).

Эта „не отличенность“ особеннаго отъ всеобщаго объясняется не только тѣмъ, что первое входитъ въ живую ткань второго; но еще и тѣмъ, что второе составляетъ живую сущность перваго. Опустившись въ состояніе специфической опредѣленности, всеобщее

---

[1]) Срв. Log. III. 109. 167. Recht 108. 112. — [2]) Enc I. 323; срв. также Log III. 56. 254. 255. — [3]) Срв Log. III. 36. — [4]) Enc. I. 374. — [5]) Срв. Recht. 127. — [6]) Срв. Enc I. 383. — [7]) Срв. Enc I. 142. Log. III. 36 43. — [8]) Срв. Enc. I. 325 — [9]) Log. III 43 — [10]) Срв. Log. III 43. — [11]) Срв Log. III.43.

отнюдь не мѣняется, но сохраняетъ себя (erhält sich) [1]) и остается тождественнымъ [2]), неомраченнымъ и равнымъ себѣ [3]). Родовое понятіе сохраняется неизмѣннымъ въ своихъ видахъ [4]); оно только какъ бы населяется различіями, которыя само изъ себя создаетъ [5]). Всеобщее входитъ въ особенное, какъ его сущность [6]); особенное, съ своей стороны, содержитъ его въ себѣ (enthält) [7]) и находитъ въ немъ свою субстанцію [8]). Въ результатѣ этого взаимопроникновенія между „всеобщимъ“ и „особеннымъ“, т.-е. между родовымъ цѣлымъ и его видами-частями, обнаруживается единство [9]), болѣе того — тождество [10]). Это отношеніе есть отношеніе абсолютнаго тождества [11]); „всеобщность“ сама по себѣ есть непосредственно, какъ таковая,—„особенность“ и знаетъ себя какъ таковую (an und fur sich selbst) [12]); „особенное“, съ своей стороны, есть само „всеобщее“ [13]).

Это отношеніе Гегель самъ выражаетъ иногда такъ, что всеобщее „проникаетъ“, „пропитываетъ“ (durchdringt) свои видовыя части [14]). Терминъ этотъ долженъ быть принятъ отнюдь не въ переносномъ или образномъ смыслѣ. Субстанція проникаетъ въ свои аттрибуты, пропитываетъ ихъ и представляетъ изъ себя ихъ цѣлокупность [15]),—это представленіе не разъ встрѣчается у Гегеля и выражаетъ его концепцію вполнѣ точно. Отношеніе между всеобщимъ и его видами есть отношеніе реальнаго взаимопроникновенія или, по выраженію Гегеля,—тождества. Это тождество слѣдуетъ опять-таки понимать не формально-логически, но спекулятивно-реалистически, въ смыслѣ существеннаго совпаденія двухъ реальныхъ величинъ. Всеобщее, творчески создавая въ себѣ, чрезъ самоотрицаніе, новое содержаніе, само, не мѣняясь, растворяется въ немъ; охватываетъ и включаетъ его, подобно тому, какъ дерево включаетъ всѣ свои отвѣтвленія; составляетъ субстанціальную сущность своихъ видовъ подобно тому,

---

[1]) Log. III. 349. — [2]) Enc I. 323. — [3]) Enc. I. 320. — [4]) См. Log. III. 43. — [5]) Срв Log. III. 43 — [6]) Log. III 46. — [7]) Log. III. 43. — [8]) Log. III. 43 — [9]) Glaub 43. Recht 325 346. — [10]) Skept. 109 Glaub. 44. 92. 117. 149—150. W. Beh 400. 413. — [11]) Glaub. 97. — [12]) Log. III. 51. — [13]) Log. III. 43. — [14]) Срв. напр. Log. III. 181. — [15]) Срв. напр. Recht. 108.

какъ реальное качество общей древесности, составляетъ единую живую ткань своихъ отвѣтвленій. Въ логикѣ Гегеля строй понятій совмѣщаетъ черты созерцательно-реальныхъ отношеній съ чертами мыслительно-формальными: первыя получаютъ значеніе вторыхъ, вторыя истолковываются и построяются по способу первыхъ.

Однако движеніе всобщаго не останавливается на созданіи особеннаго, но продолжается далѣе и нисходитъ къ единичному. Въ общемъ это нисхожденіе носитъ тѣ же черты и приводитъ къ аналогичнымъ результатамъ; но не безъ осложненій.

Въ созданіи особеннаго обнаружилось, что всеобщее есть его сущность; но сущность самого всеобщаго состоитъ, какъ уже выяснилось, въ томъ, чтобы быть обращеннымъ на себя въ творческой негативности. Отсюда необходимость новой „рефлексіи“ и дальнѣйшей „второй“ негаціи [1]). Особенное, имѣя въ себѣ всеобщность, или, что то же, всеобщее въ состояніи особенности, вновь обращается на себя [2]) и совершаетъ новое разъединеніе и опредѣленіе. То, что было разъ уже опредѣлено, опредѣляется вновь; создается спецификація „спеціальнаго“ (отъ species), возникаетъ „опредѣленная опредѣленность“, т.-е. единичность [3]). Нисходя на эту новую ступень въ своемъ самотворчествѣ, понятіе естественно получаетъ бремя новыхъ опредѣленій; образуется нижній рядъ уже специфически опредѣленныхъ видовыхъ смысловъ: единичныхъ понятій.

Единичное, какъ послѣдняя, низшая ступень въ само-спецификаціи понятія, является противоположностью [4]) для сосѣднихъ единичныхъ образованій и основой [5]) для высшихъ ступеней. Единичное есть начало индивидуальности [6]), отъединенія, противопоставленія себя другому. Если дифференціація обнаруживалась уже въ предѣлахъ особеннаго, то въ сферѣ единичнаго она является необходимымъ условіемъ бытія. Сфера единичнаго представляется множествомъ содержательно опредѣленныхъ смысловыхъ фигурацій, отдѣльныхъ, не совпадающихъ между собой, стоя-

---

[1]) Срв. Log III 40. — [2]) Срв Enc I. 320 — [3]) Срв. Log. III. 60. — [4]) Срв Log. III. 56. — [5]) Срв. Log III. 56 Enc. I. 323. — [6]) Log. III. 61

щихъ другъ противъ друга. Вступая въ эту область, въ царство единичнаго, предметъ самъ въ себѣ какъ бы разбредается (auseinander gehen) [1]) на множество самостоятельныхъ съ виду образованій, сохраняющихъ, впрочемъ, по существу свою спекулятивную природу и соотвѣтственно свою связь между собою и съ высшими ступенями ряда. Понятіе ведетъ здѣсь жизнь многообразно раздѣльную, оно имѣетъ множественную форму и въ этомъ разбродѣ есть какъ бы „утрата себя самого“ [2]). Каждый единичный смыслъ имѣетъ свою опредѣленность; онъ по-новому, своеобразно модифицируетъ и представляетъ развивающуюся сущность всеобщаго. Единичность богата опредѣленіями: она полна живого красочнаго содержанія [3]), своеобразно сочетающагося въ ней въ единичную смысловую конкретность [4]).

Такова единичность сама по себѣ и въ своемъ видимомъ отношеніи къ другимъ единичностямъ. Однако, ея истинную внутреннюю сущность открываетъ только ея сокровенная связь во первыхъ съ высшими ступенями особеннаго и всеобщаго, а во вторыхъ съ сосѣдними единичными образованіями.

Единичное относится къ особенному такъ, какъ особенное ко всеобщему. Въ сущности говоря, этимъ все сказано. Особенное есть по отношенію къ единичному „неопредѣленная опредѣленность“, или „всеобщая опредѣленность“ [5]); формальный логикъ предложилъ бы здѣсь терминъ „ближайшаго родового понятія“. Поэтому между особеннымъ и единичнымъ обнаруживаются тѣ отношенія, которыя связываютъ спекулятивный родъ со спекулятивнымъ видомъ. Негативной рефлексіей на себя особенное отрицаетъ себя, разлагается и опускается въ состояніе единичнаго. Оказывается, что одна наличность особеннаго полагаетъ уже бытіе единичнаго [6]), и что „особенность“ есть „столь же непосредственно сама по себѣ и для себя“ — „единичность“, сколь непосредственно всеобщность была особенностью [7]). Въ особенномъ — всеобщее и единичное находятъ своего посредника [8]) и черезъ него они вступаютъ въ кон-

---

[1]) Log. III 304. — [2]) Срв. Log. III. 51. 63. — [3]) Срв Log. III. 61. — [4]) Срв. Log. III. 63. 40. — [5]) Срв Log. III. 87. — [6]) Срв Log. III. 60. — [7]) Срв. Log III 51 — [8]) Срв Log III. 87—88.

тактъ и соединеніе [1]). Съ другой стороны единичное оказывается воспріявшимъ въ себя и содержащимъ въ себѣ [2]) обѣ высшія формаціи: оно представляетъ ту основу (Grund [3]), Grundlage [4])), въ которую углубились родъ и видъ, которая пріобщилась черезъ нихъ сущности и сама стала въ результатѣ этого субстанціальной [5]). Всеобщее и особенное суть моменты или этапы въ процессѣ образованія единичнаго [6]); достиженіе послѣдняго означаетъ, что понятіе развернуло свою жизнь въ стройные кадры опредѣленныхъ, содержательныхъ, конкретныхъ и многообразныхъ смысловыхъ единичностей.

Естественно однако, что эти кадры единичныхъ смысловъ связаны съ особеннымъ и всеобщимъ, какъ съ своей подлинной сущностью. Спускаясь въ состояніе единичности, всеобщее и особенное отнюдь не переходятъ во что-то другое, но полагаютъ лишь то, что̀ они суть сами по себѣ и для себя [7]). Единичное, съ одной стороны, остается въ предѣлахъ особеннаго и, шире говоря, всеобщаго: послѣднее, сохраняя свою природу въ неизмѣнномъ и тождественномъ видѣ, содержитъ въ себѣ сферы особеннаго и единичнаго [8]). Съ другой стороны, единичное получаетъ свои основныя и существенныя свойства отъ присутствія въ немъ всеобщаго, начала субстанціальности [9]). Вновь обнаруживается взаимопроникновеніе сферъ [10]): всеобщее и единичное проникаются взаимно другъ другомъ черезъ посредствующую инстанцію особеннаго. Единичное есть живая часть всеобщаго; всеобщее есть живая внутренняя сущность единичнаго. Обычное ученіе о томъ, что всеобщее „присуще“ (inhärirt) единичному, получаетъ углубленное истолкованіе въ смыслѣ „реальнаго, внутренняго присутствія“ въ чемъ-либо. Разъ что всеобщее стоитъ къ единичному въ отношеніи „Inhärenz“, — то единичное само есть всеобщее [11]). Точно также обычное ученіе о томъ, что единичное подчинено (subsumirt) всеобщему, получаетъ новое истолкованіе въ смыслѣ „вхожденія въ

---

[1]) Срв Log III. 81. — [2]) Enc. I. 324. — [3]) Log. III. 56. Enc. I 323 — [4]) Enc. I. 324. — [5]) Enc. I 324. — [6]) Log. III 60. — [7]) Срв. Log III. 60 — [8]) Срв Enc. I. 323. — [9]) Срв. напр Enc. II. 640. 641. — [10]) Срв Phän. 310 Recht 313. — [11]) Log. III. 144

составъ“ чего-либо. Разъ что всеобщее стоитъ къ единичному въ отношеніи „Subsumtion“,—то оно включаетъ его въ себя, становится имъ, само есть единичное [1]). Всѣ единичности входятъ въ объемъ всеобщаго, но не въ „формально-логическій“ объемъ, а въ спекулятивно-реальный. Всѣ опредѣленія единичныхъ смысловъ суть опредѣленія самого, охватывающаго и включающаго ихъ, всеобщаго. Единичное проникнуто всеобщимъ, а всеобщее проникнуто единичнымъ: такъ вѣтки и листья составляютъ дерево и сами получаютъ отъ него свои живые существенные соки.

И вотъ обнаруживается, что традиціонная противоположность между всеобщимъ и единичнымъ есть нѣчто кажущееся [2]). Истина въ томъ, что обѣ стороны соединяются [3]), и сущность разумности состоитъ во взаимопроникающемъ единствѣ единичнаго и всеобщаго [4]). Здѣсь налицо настоящее совпаденіе, непосредственное спекулятивное тождество [5]). „Единичное“, какъ совокупность смысловыхъ единичностей, представляетъ изъ себя цѣлокупность, тотальность понятія [6]), весь объемъ его содержанія, т.-е. самое всеобщность; и наоборотъ. Понять и выговорить всеобщее значитъ ео ipso понять и выговорить единичное; и обратно [7]) Истинное спекулятивное всеобщее есть непосредственно тѣмъ самымъ особенность и единичность [8]). оно пропитываетъ особенность и въ ней, и вмѣстѣ съ ней оказывается единичностью [9]). Поэтому, если можно принять, что всеобщее характеризуется, какъ тождество, особенное — какъ различіе, а единичное—какъ противоположность и основа [10]), то лишь съ тѣмъ существеннымъ добавленіемъ, что особенное и единичное содержатся во всеобщемъ [11]), т.-е. что тождество содержитъ въ себѣ различіе и противоположность, или иными словами, что тождество есть живая сущность различія и противоположности: такъ, діалектика есть подлинный modus vivendi спеку-

---

[1]) Log. III. 144; къ этому срв. Enc. III 410. 412, гдѣ рѣзко осуждается обычное формально-логическое пониманіе субсумпированія — [2]) Log. III 12—13; срв также Phan. 110. — [3]) Срв. Ph. G. 29—30 — [4]) Срв Enc. II. 640 641. Recht 313. — [5]) Срв. Log. III 12 155 и др [6]) Срв Log III 12. Enc I 320. — [7]) Log III. 12—13. — [8]) Log. III 42. — [9]) Log. III 181. — [10]) Log. III 56. Enc. I. 323. — [11]) Enc. I 323.

лятивной мысли, связывающій во едино все множество единичныхъ образованій.

Вслѣдствіе такого тождества, именно, благодаря тому, что всеобщность составляетъ сущность каждой единичности,—послѣдняя получаетъ ея основныя свойства и черты. Не говоря уже о томъ, что единичность живетъ всегда въ элементѣ мысли и сама есть мысль;—всеобщее сообщаетъ ей способность къ само-рефлексіи, самоотрицанію и самодѣятельности. Единичность есть, согласно этому, не что иное, какъ негативное единство, вступающее въ отношеніе съ самимъ собой [1]); она возвращается къ себѣ, отрицаетъ себя [2]) и черезъ это получаетъ способность къ обновленію и воспроизведенію (Reproduktion) [3]) своего содержанія и своихъ опредѣленій. Единичность есть поэтому начало творческое, самодѣятельное, дѣйствующее въ себѣ и на себя самое [4]). Эта самодѣятельность, берущая свое начало въ самоотрицаніи и движущаяся къ обогащенію себя новыми опредѣленіями, есть принципъ и сущность всяческой жизни. Вотъ почему Гегель говоритъ, что все живое есть тождество всеобщаго и особеннаго [5]), подразумѣвая включенность единичности въ особенность; „жизнь“, такъ выражаетъ онъ эту мысль иначе, „есть абсолютная всеобщность“ [6]), т.-е. всеобщность, слившаяся съ единичностью, очистившаяся отъ противопоставленія ей [7]), и т. д.

Не трудно понять, что̀ представляетъ изъ себя эта низшая ступень Понятія, именуемая „единичнымъ“. Это есть индивидуально опредѣленный фрагментъ (или, какъ впослѣдствіи выяснится, „о̀рганъ“) единой смысловой субстанціи. Каждое ens, имѣющее внутреннюю содержательную опредѣленность, есть единичность, состоящая „качественно“ изъ аттрибутовъ субстанціи и включенная „количественно“ въ ея всеобъемлющій составъ. Отсюда само собой выгекаетъ, что никакой единичности, оторванной отъ всеобщности, не существуетъ въ мірѣ, точно такъ же, какъ не существуетъ и всеобщности, оторванной отъ единичности; эти абстрактныя формаціи обрѣтаются только среди иллюзій эмпирически ограниченнаго и

---

[1]) Срв. Log III. 51 60. 123. 165. — [2]) Срв. Log. III. 14. 88. — [3]) Срв. Log. III. 254. 255 — [4]) Enc. I. 320. — [5]) Срв. W. Beh. 414. 415. 419. 420. — [6]) Срв. Log III. 247 — [7]) Срв. Phan. 110.

упорствующаго сознанія. Но, такъ какъ въ спекулятивномъ, т.-е. единственно-реальномъ и абсолютно-реальномъ мірѣ, все движется къ максимальной содержательной опредѣленности, то процессъ, совершаемый понятіемъ отъ всеобщаго къ единичному есть прототипъ всякаго спекулятивнаго движенія. Состояніе „спекулятивной единичности“ есть всегда высшее состояніе Понятія. При этомъ его слѣдуетъ представлять себѣ для полноты картины не только, какъ одну отдѣльную единичность, какъ одинъ опредѣленный фрагментъ субстанціи, включенный въ нее и включающій ее въ себя, но какъ цѣлое множество, цѣлую систему индивидуально опредѣленныхъ единичностей, разсудочно фиксируемыхъ въ видѣ „отдѣльныхъ фрагментовъ реальности“, но по существу стоящихъ въ спекулятивной сращенности со всеобщимъ. При такомъ пониманіи ученіе о всеобщемъ дѣйствительно разъясняетъ отношеніе Бога къ его модусамъ и государства къ личности. Ибо Богъ есть Всеобщее, а фрагменты міра — единичны; и государство есть Всеобщее, а человѣческая личность—единична. Спекулятивная наука, обнаруживая тождество всеобщаго и единичнаго, раскрываетъ сущность космическаго и, въ частности, соціально-политическаго обстоянія.

Все это станетъ еще яснѣе и нагляднѣе, если пройти мысленно тотъ же путь въ обратномъ направленіи: отъ единичнаго ко всеобщему. Если путь внизъ начинался съ абстрактной всеобщности, оторванной отъ особеннаго и единичнаго, и велъ къ ея самопогруженію въ содержаніе, къ сращенію ея съ единичностью;—то путь вверхъ начинается съ абстрактной единичности, оторванной отъ особеннаго и всеобщаго и ведетъ къ ея самоподъятію и включенію въ высшія сферы, къ сращенію ея со всеобщностью.

Единичность сама по себѣ, въ качествѣ начала отъединенія, спецификаціи и противоположенія, есть нѣчто, тяготѣющее не только къ обособленію отъ другихъ единичностей, но и къ противопоставленію себя высшимъ ступенямъ понятія. Въ отрывѣ отъ особеннаго и всеобщаго, уединенная и замкнутая, единичность оказывается чѣмъ-то „ограниченнымъ“ [1]), лишеннымъ живыхъ связей, какой-то „недѣйствительной и безсильной самостью“ (Selbst) [2]). Взятая сама

[1]) Срв. напр. Nohl. 293. — [2]) Срв Phan 363.

по себѣ, она есть часть [1]), не признающая себя частью; продуктъ [2]) не желающій знать о своей созданности; она подобна бродягѣ, не помнящему родства, и думаетъ въ этомъ видѣ предпринять самоутвержденіе. Однако, именно въ этомъ состояніи она искажаетъ свою истинную сущность и „не соотвѣтствуетъ своему понятію“; такое несоотвѣтствіе, такая ограниченность ея бытія дѣлаетъ ее конечною и ведетъ ее къ гибели [3]). Единичность, утверждающая свою независимость отъ всеобщаго, есть принципъ произвола и зла [4]). Все обиліе ея опредѣленій не можетъ ее спасти, ибо оторванность отъ субстанціальной жизни лишаетъ ее внутренняго средоточія и закономѣрности въ саморазвитіи. Ей грозитъ, подобно эмпирической вещи, тщета и распыленіе.

Въ такомъ состояніи самообольщеннаго ничтожества единичность не можетъ оставаться: она должна обратиться на себя съ глубокимъ неудовлетвореніемъ, отринуть себя и возродиться изъ этой негаціи къ субстанціальной жизни. Самоотрицаніе ведетъ ее къ раздѣленію ея конкретной [5]) природы на составные элементы и къ подведенію ихъ подъ особенныя, видовыя понятія; однако, въ этихъ „сужденіяхъ“, открывающихъ, что „единичное“ есть „особенное“ [6]), совершается не простое подведеніе (Subsumtion), но своеобразное расширеніе („Erweiterung“) [7]) единичнаго до особеннаго. Единичное, превратившееся черезъ само-негацію въ живую спекулятивно-смысловую величину, убѣждается, что его опредѣленія не суть проявленія его специфической, своеобразной ограниченности, но фрагменты болѣе широкихъ смысловыхъ реальностей; каждое опредѣленіе его предстаетъ для него въ живой связи, въ непосредственномъ единствѣ съ качественно тождественнымъ, но болѣе обширнымъ смысловымъ образованіемъ—„особеннымъ“; единичное открываетъ особенное въ себѣ и находитъ себя въ особенномъ. Особенное пронизываетъ его такъ, какъ существенная ткань проникаетъ свой единичный фрагментъ; особенное въ то же время включаетъ

---

[1]) Срв. Glaub. 17. W. Beh. 330. 341. 381. 385. — [2]) Enc. I. 374. — [3]) Срв. Enc. I. 385. — [4]) Срв. Recht. 184. 185 — [5]) Срв. напр. Log. III. 63. „Concretes, Inhalt, Einzelnes“. — [6]) Срв. напр. Log. III. 87. 89. — [7]) Log. III. 89.

его и, на-ряду съ нимъ, еще другія многія модификаціи той же природы. Единичность убѣждается, что она есть особенное, что она образуетъ вмѣстѣ съ другими подобными ей единичностями обширное поле „единичнаго“, составляющаго все „содержаніе“ и весь „реальный объемъ“ особеннаго. Единичное входитъ въ особенное, какъ его живая часть; особенное входитъ въ единичное, какъ его живая сущность.

Это движеніе самоотрицанія и подъема [1]) есть по существу восхожденіе единичнаго къ Духу [2]), процессъ его одухотворенія [3]). Разъ начавшись, онъ увлекаетъ единичное далѣе и возводитъ его ко всеобщему, къ осознанію своей связи, своего единства, своего тождества съ нимъ. Этотъ путь есть для единичности путь отреченія (Entsagung) и самопожертвованія (Aufopferung) [4]); въ качествѣ оторваннаго, неподвижнаго, „прочнаго“ [5]) начала, она перестаетъ существовать и въ этой смерти своей находитъ свою сущность, становится своимъ понятіемъ, сливается и отождествляется со всеобщимъ [6]). Единичность убѣждается въ томъ, что всеобщность есть ея истина [7]), и что она сама въ своей жизни и въ исполненіи своего дѣла безсознательно осуществляла нѣкоторое всеобщее дѣло [8]). Въ этомъ самопознаніи единичность признаетъ, что она, какъ особая смысловая фигурація, входитъ въ объемъ всеобщаго, и что содержаніе ея, вся совокупность ея опредѣленій, есть фрагментъ основного и единаго, субстанціальнаго содержанія всеобщности; иными словами, что единичное входитъ во всеобщее, какъ его живая часть; а всеобщее входитъ въ единичное, какъ его живая сущность.

Въ такомъ тождественномъ сліяніи со всеобщимъ все единичное, какъ нѣчто самостоятельное и независимое, перестаетъ существовать: оно безъ остатка вобралось въ субстанцію всеобщаго; оно „разрѣшается“ (auflösen) [9]) послѣднимъ въ его жизненномъ процессѣ. Всеобщее „подъемлетъ“ (aufheben) [10]) всякую единичность,

---

[1]) Срв. Log III. 75. — [2]) Log. III. 270. — [3]) Enc. III. 133. (Z). — [4]) Phan. 390. 397. — [5]) W. Beh. 384. — [6]) Срв W. Beh. 370 — [7]) Срв. Recht. 161. — [8]) Срв. Phan. 266. — [9]) Срв. Phan. 548. Log. III. 99. Срв къ этому Rel. I. 268. — [10]) Срв. Phan. 390. Recht. 59.

что, по терминологіи Гегеля, означаетъ: «отрицаетъ ее въ ея мнимой самостоятельности, но сохраняетъ ее въ мѣру ея истинности, включая въ высшее соединеніе». Это отношеніе подъятія, совпадающее съ отношеніемъ «истины», возможно здѣсь именно потому, что всеобщность есть объективная сущность всего единичнаго, всякаго индивидуальнаго образованія [1]), сущность, по отношенію къ которой невозможно никакое сопротивленіе [2]).

Это отношеніе можно выразить еще такъ, что единичность, подъятая во Всеобщее, получаетъ способности Всеобщаго, а Всеобщность, спустившаяся къ единичному, получаетъ черты единичнаго. Единичность пронизана мыслью, сама есть спекулятивная мысль; она живетъ самоотрицаніемъ [3]); она причастна абстрактности [4]); она есть нѣчто, внутренно-субстанціальное. Всеобщность наполнена содержаніемъ, сама есть *все* возможное содержаніе; она есть живая, конкретная [5]) Всеобщность, или живая, всеобъемлющая субстанція. Единичное, растворяясь во Всеобщемъ, впитываетъ въ себя и усваиваетъ себѣ *даже* все его содержаніе; но такое высшее сліяніе доступно, впрочемъ, только интеллигенціи [6]) или человѣческому разуму. Всеобщее, со своей стороны, включаетъ въ себя даже тяготѣніе единичности къ одинокому, исключительному самоутвержденію; такое самоутвержденіе доступно, конечно, только высшей спекулятивной Всеобщности, которая совпадаетъ съ Субстанціей.

Такъ слагается строй отношеній между Всеобщимъ, особеннымъ и единичнымъ. Всеобщее есть «свободное равенство съ самимъ собою въ своей опредѣленности» [7]); особенное есть «опредѣленность, въ которой Всеобщее остается неомраченнымъ, равнымъ самому себѣ» [8]); единичное есть «рефлексія опредѣленностей Всеобщаго и особеннаго въ себѣ, негативное единство съ собою, опредѣленное само по себѣ и для себя, и, въ тоже время, тождественное съ собою или — Всеобщее» [9]). Всѣ эти три ступени вмѣстѣ образуютъ единое цѣлое, объятое или «поятое» воедино, т.-е. Понятіе [10]). Но, строго говоря, съ эзотерической точки зрѣнія, никакихъ особыхъ самостоятельныхъ ступеней *нѣтъ:* единичное проникнуто Всеоб-

---

[1]) Срв. Glaub. 7. Phän 136. 229 Log. III. 187. [2]) Срв. Log. III. 187. [3]) Срв. напр. Log. III. 14. 51. [4]) Срв. не совсѣмъ удачную формулу объ абстракціи, какъ „душѣ единичности". Log. III. 63. [5]) Срв. напр. Log III 63. Enc I. 374. [6]) Срв. W. Beh 394. [7]) Enc I. 320. [8]) Enc. I. 320. [9]) Enc. I. 320 [10]) Enc. I. 320.

щимъ и включено въ него; Всеобщее охватываетъ единичное и составляетъ его внутреннюю субстанціальную природу. Въ такомъ непосредственномъ тождествѣ они и представляютъ изъ себя единое «понятіе», или «родъ» (Gattung) [11]), т.-е. само Понятіе.

«Родъ» не совпадаетъ, конечно, съ обычнымъ «родовымъ понятіемъ»: онъ «содержитъ въ своей субстанціальной зрѣлости всѣ единичныя опредѣленія въ разрѣшенномъ видѣ» [12]). Онъ есть «всеобщность видовъ» [13]), ихъ «имманентное и конкретное единство» [14]); онъ представляетъ изъ себя такую Всеобщность, которая наполнена содержаніемъ всѣхъ различныхъ крайностей [15]). Родъ есть «*конкретная* всеобщность» [16]).

Далѣе, онъ не есть ирреальный продуктъ субъективной мысли, но реальная, *объективно сущая* величина. Эта реальная всеобщность есть *сущность* всякой дѣйствительности [17]); она объективна и существенна, какъ въ душевномъ, такъ и въ тѣлесномъ [18]); она есть внутренняя природа вещи, сущая сама по себѣ и для себя [19]); она есть «проникающая имманентная сущность объектовъ [20]). Родъ есть «*объективная* всеобщность» [21]).

Наконецъ, эта Всеобщность, въ качествѣ самой спекулятивной мысли, съ которою она совпадаетъ, есть сама абсолютная реальность, или, что то же, единая субстанція. Родъ есть «*субстанціальная* всеобщность» [22]).

Понятно, что родъ, или, что то же, спекулятивная Всеобщность, получаетъ форму *цѣлаго*, «тотальности» [23]). Все «особенное» и все «единичное» включено въ него; онъ состоитъ какъ бы изъ «частичныхъ» смысловъ, составляя ихъ. Родъ есть конкретная, объективная, субстанціальная тотальность, въ высшей степени богатая опредѣленіями [24]); онъ включаетъ въ себя *все* реальное; и ничто не можетъ избѣгнуть [25]) этой включенности. Спекулятивная Всеобщ-

---

[11]) Срв. Log. III. 149. 155 Иногда Гегель, въ ущербъ единству и устойчивости терминологіи, разумѣетъ подъ „Gattung“ — всеобщность, не вмѣстившую въ себя подчиненную сферу; это можетъ сильно затруднить читателя. Напр. Enc. I. 341. [12]) Log. III. 99; срв Log III. 167. [13]) Log III. 106; срв. Log. III. 162, Enc I. 394 [14]) Log. III 106. [15]) Срв. Log III 160. [16]) Log III. 105. Enc. I. 340 Enc II 639 Enc. III. 334 (Z); срв. еще Log. I. 7. Log. III. 40 78. 99. 107. 108 114 Enc. I. 66. 117. 118 126. 374. Enc. III. 71 (Z.). 427 Recht. 41. 43. 59 64 5 Rec. 213. [17]) Срв Phän 50 [18]) Срв. Log III. 187. [19]) Срв. Log. III. 100. 160. [20]) Log III 195; срв. 202 Phän 136. [21]) Log. III. 99. 155. 156. 159. 160. [22]) Log. III 106. 162. Enc. I. 394, срв. Log. III. 167. Enc. I. 340. Enc. II. 640 641. Recht 59 [23]) Срв. напр. Log. III. 40. 44. 49. 109. 166. 167. 334. Enc. I. 341. 342 360 Recht. 108. 112. 5 Rec, 213. [24]) Срв. Log. III. 334. Log. III 37. [25]) Срв. Enc. I. 36

ность есть нѣчто вездѣсущее [26]) и всеохватывающее. Родъ есть нѣкій всеобъемлющій «панъ»; внѣ его нѣтъ ничего. Именно поэтому Всеобщее—безконечно истинной безконечностью; не имѣя ничего внѣ себя, оно *ничѣмъ не ограничено;* то, что ограничено и конечно, — то не всеобще [27]). Въ спекулятивной Всеобщности «снято всякое ограниченіе» [28]); все, что *есть* — есть *въ ней.* Поэтому она можетъ *свободно* самоопредѣляться [29]), развиваясь изнутри и развертывая свое богатство [30]). Всеобщность, въ этомъ внутреннемъ, центростремительномъ творчествѣ своемъ, есть *сама безконечность* [31]), совершенствующая себя въ своемъ круговомъ движеніи.

Понятно, далѣе, почему Гегель характеризуетъ спекулятивную Всеобщность, какъ «свободную силу» [32]). Всеобщее есть творческая сила, не страшащаяся самоотрицанія [33]), и создающая черезъ него всякое содержаніе; въ качествѣ субстанціи, она есть «*абсолютная* сила» [34]) по отношенію къ своимъ акциденціямъ и опредѣленіямъ. Спекулятивная Всеобщность, въ отдѣльныхъ сферахъ и представителяхъ своихъ, является въ видѣ цѣлаго ряда «невѣсомыхъ» (imponderable), нематеріальныхъ «дѣятелей» (Agentien), которые пронизываютъ и «проникаютъ безсознательнымъ образомъ» людей и вещи, и осуществляютъ въ нихъ свое значеніе» [35]). Ничто не можетъ сопротивляться этимъ силамъ; ибо онѣ *существенны,* а все прочее передъ ними — несущественно [36]). Такими сообщающимися себя [37]) духовными силами являются въ разныхъ сферахъ бытія: законы, нравы, разумныя представленія вообще (въ сферѣ духа), движеніе, теплота, магнетизмъ, электричество (въ сферѣ природы) [38]); свободныя отъ матеріальности, эти силы только на ступени «единичнаго» получаютъ опредѣленіе «матеріальности» [39]), и всѣ вмѣстѣ, въ качествѣ «особенныхъ всеобщностей», несутъ въ себѣ дыханіе единаго духа, единой всеобщей субстанціи.

Тому, кто дастъ себѣ трудъ углубиться въ пониманіе всѣхъ этихъ опредѣленій, формулирующихъ точку зрѣнія спекулятивной философіи, — сущность Всеобщаго предстанетъ въ той непосредственной простотѣ, въ какой она предносилась самому Гегелю.

---

[26]) „allgegenwärtig". Phän 126; Enc. II. 153. 269. Enc. III. 52. [27]) Срв. Skept 103. [28]) Срв. Recht. 59 [29]) Срв. Log. III. 42; а также Log III. 40. 43. 44. 333. 334 Enc. III. 71. Recht. 56. [30]) Log III 349. [31]) Срв. W.Bch. 343. 355. Recht. 41 73. [32]) Срв Log, I 39. [33]) Срв. Log III. 42. [34]) Enc. III 104. [35]) „Sich in ihnen geltend machen". Log III. 187—188. [36]) „ein Unwesentliches". Log. III. 187 — 188. [37]) „mittheilbare". Log. III. 187—188, срв. Log III. 349. [38]) Log. III. 187—188 [39]) Log III. 187—188.

Природа Всеобщаго состоитъ въ томъ, чтобы быть самимъ собою и, въ то же время, — своимъ инобытіемъ [40]). Оно какъ бы преодолѣваетъ и захватываетъ [41]) всякое «инобытіе», и образуетъ съ нимъ единство [42]); ничто не можетъ избѣгнуть этой участи [43]): Всеобщее проникаетъ во все, проходитъ [44]) черезо все, не зная границъ и не позволяя прерывать свою дѣятельность [45]). Оно представляетъ изъ себя единую субстанціальную непрерывность и сплошность [46]), которая угашаетъ [47]) въ «непреодолимой эластичности своего единства» [48]) всю видимую разрозненность и многообразіе дѣятельныхъ началъ. Поэтому Всеобщее, будучи, свиду, въ «другомъ», на самомъ дѣлѣ остается самимъ собою; оно не переходитъ ни во что «другое» [49]), и не насилуетъ чужую природу [50]), растворяя ее въ себѣ, впитывая ее, усвояя и ассимилируя до полнаго сліянія въ тождество. Оно безпрепятственно [51]) вживается во всякое, свиду чуждое ему, многообразіе, живетъ въ немъ [52]), и въ то же время остается всецѣло равнымъ себѣ [53]), тождественнымъ съ собою [54]) и неизмѣннымъ по существу.

Такимъ образомъ, Всеобщее, непрерывно и неомраченно продолжая себя черезъ всякое содержаніе, обнаруживаетъ способность къ «безсмертному самоподдержанію» [55]). Имѣя передъ собою какое-либо «инобытіе» или «различіе», оно знаетъ, что оно, само Всеобщее, составляетъ сущность этого другого; и потому оно *относится къ другому такъ, какъ къ самому себѣ:* Всеобщее есть *любовь, свобода въ любви* [56]). И потому оно можетъ быть названо также *«безграничнымъ блаженствомъ»* [57]).

Отсюда проистекаетъ и *простота* Всеобщаго. Жизнь его слагается съ высокой внутренней цѣлесообразностью [58]). Родъ есть *органическая* Всеобщность [59]), прогрессивно развертывающая себя самое, какъ всеобъемлющее единство. Это органическое развитіе обнаруживаетъ въ результатѣ, что Всеобщность есть единое *все,* въ которомъ «снято» всякое обособленное существованіе. Поэтому, об-

---

[40]) „sein Anderes". Enc I. 36; срв. Log III 259. 261. [41]) „übergreift" Срв. Log. I. 48. Log. III. 39 Enc. III. 53 (Z.). Enc III 353. [42]) Срв. Enc III. 353. Log. III. 104. [43]) Enc. I. 36 [44]) Срв. Phan. 209 Log. III. 118. Enc. III. 275 (Z.). [45]) Enc. III. 275 (Z). Rel. I. 53. [46]) „Kontinuum". Phän. 389. 504 506. Log. III. 38—39. 292. 293. [47]) „auslöscht". Phän. 548. [48]) Phän. 548. [49]) Срв. Log. III. 42. 60. [50]) Log. III. 39. [51]) „ungehindert". Log. III, 38. [52]) „inwohnt". Log. III. 38—39. [53]) Log. III. 12 14 38—39. 46. 218. Enc. I 320. [54]) Log. II. 242. Log. III. 36. Enc. I. 323. Recht. 41. [55]) Log. III. 38—39 [56]) „freie Liebe". Log. III. 39—40 [57]) „schrankenlose Seligkeit". Log III. 39—40 [58]) Phän. 199. 200. 201. Enc. I 117. 118. См. главу седьмую. [59]) Phän. 221 срв. 209. 446.

рѣтая во всемъ *только себя,* Всеобщее относится *только къ себѣ;* вся его сложность, вся его полнота [60]) и богатство [61]) уживаются съ величайшей *простотой* [62]) и *непосредственностью* [63]). И въ этомъ обнаруживается съ величайшей наглядностью, что истинная Всеобщность есть сама *спекулятивная мысль* или *абсолютная Субстанція.* Жизнь ея цѣльна и спокойна [64]); она подобна органическому, всепреисполняющему творческому трепету [65]).

Таковъ характеръ и таково значеніе истинной [66]) Всеобщности. Въ качествѣ спекулятивной мысли, она, со всѣми своими свойствами, есть столь же объектъ, проникающій и охватывающій субъекта [67]), сколь самъ субъектъ, преодолѣвающій и захватывающій всякій объектъ, и заключающій его въ себѣ такъ, какъ чистая форма заключаетъ свое содержаніе [68]). Это означаетъ, на языкѣ обыденнаго пониманія, что жить въ формахъ Всеобщаго свойственно не только познаваемой сущности міра и души, но и познающему разуму: разумъ, живя по свойственному ему самому способу, сливается съ познаваемымъ предметомъ («природой», «душой», «государствомъ», «искусствомъ»), который живетъ тѣмъ же самымъ способомъ; ибо сущность субъекта есть спекулятивная мысль, и сущность объекта есть тоже спекулятивная мысль. Смыслъ познаетъ самъ себя; Всеобщее реально и «само по себѣ» и «для себя» [69]). Въ такомъ значеніи Всеобщее абсолютно: Духъ восходитъ къ свѣту своей мысли [70]), онъ есть *знающій* Духъ и, въ самой истинной сущности своей, — «абсолютный Духъ» [71]).

Въ этомъ-то элементѣ живетъ и движется все сущее и вся философія [72]). Философія искони направлена на Всеобщность, творящую себя въ мысли, и существуетъ или въ процессѣ самопознанія, происходящемъ въ Понятіи, или въ завершенномъ покоѣ состоявшейся познанности; нормально — и въ томъ и въ другомъ.

Въ этой жизни своей, Всеобщее имѣетъ свой особый, имманентный ему ритмъ «движенія» и свою абсолютную «цѣль». Этотъ ритмъ есть *діалектика;* эта цѣль есть *спекулятивная конкретность.*

---

[60]) Log. III. 160. [61]) Log. III. 37. См. главу седьмую. [62]) Срв. напр. Log. III. 37. 37. 108 160. 166. 332. 345. [63]) Срв. Log. III. 46. 166. 332. 333. 335 Enc. III. 353 [64]) Срв. Log. III 39 [65]) „in sich selbst erzittern". Log III. 253 [66]) Срв. Phän. 56 Log. I 48. Log. III. 42 Enc. I 126. 390. Enc III 353. 357 (Z.). [67]) См. главу третью. [68]) Срв. Enc. III. 286—287. [69]) Срв. Log. III. 97—98. 117. 159. 181. 187. Recht. 59. Ph. G. 29—30. [70]) Log. I. 148 .[71]) Phän. 418. [72]) Срв. напр. Phän. 3.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Діалектика.

Понятію, какъ таковому, свойственна нѣкая внутренняя діалектика: ему свойственно становиться во «внутреннее противорѣчіе» съ самимъ собою, раздѣляться на новыя понятія, исключающія другъ друга. Въ этомъ его универсальное, основное и специфическое свойство: нѣтъ понятія, которое не таило бы въ себѣ своего собственнаго «противорѣчія»; нѣтъ понятія, которое не распадалось бы въ самомъ себѣ на взаимно «отрицающія» другъ друга образованія. И это свойство понятія не только не отзывается гибельно на познаніи и на философіи, но наоборотъ, служитъ къ ихъ утвержденію и расцвѣту.

Согласно этому, задача философіи состоитъ, повидимому, не въ томъ, чтобы бороться съ противорѣчіями и преодолѣвать ихъ, но въ томъ, чтобы отыскивать ихъ и пребывать въ нихъ. «Логическое противорѣчіе» — это чуть ли не сущность всей философіи. Находить его, утверждать его и культивировать; обнаруживать во всемъ это своеобразное внутреннее разложеніе и познавательно наслаждаться имъ, — вотъ дѣло «истиннаго философа». Неспособный къ этому, неспособенъ къ философіи и къ научному познанію. «Заслуга» Гегеля въ томъ, что онъ открылъ и навсегда утвердилъ эту «діалектическую природу философіи».

Долгое время считалось, что въ этомъ и состоитъ самое важное «открытіе» Гегеля; мало того, что чуть ли не вся сущность его ученія сводится къ культивированію логическихъ противорѣчій. И доселѣ можно найти иногда мыслителя, поверхностно плѣненнаго этой своеобразной эстетикой «противорѣчія»: ему «нравится» эта прихотливая и все же закономѣрная игра въ разложеніе мысли, а въ лицѣ Гегеля онъ пытается найти себѣ собрата по безплодному философствованію.

Вопреки этому необходимо установить, что «діалектика» не есть ни главное содержаніе, ни высшее достиженіе философіи Гегеля; и что «отыскиваніе и культивированіе логическихъ противорѣчій» никогда не будетъ дѣломъ его истиннаго послѣдователя.

Діалектическое состояніе понятія было не придумано Гегелемъ, а интуитивно-усмотрѣно имъ въ самой природѣ познаваемаго предмета. Не онъ «открылъ его», случайно натолкнувшись на его проявленіе, а оно «открылось ему» въ томъ систематическомъ спекулятивномъ созерцаніи, которое утратило характеръ дурной субъективности и эмпирическаго произвола. Мысль, слившаяся съ созерцаніемъ, но не переставшая быть мыслью; и созерцаніе, пропитавшее собою мысль, но не утратившее своихъ даровъ, — открыли ему доступъ къ тому предмету, который обнаружилъ въ себѣ «внутреннюю противорѣчивость». Та структура познавательнаго акта, которая была имъ выработана и усвоена, съ необходимостью привела его къ «усмотрѣнію» діалектики.

Можно съ увѣренностью сказать, что это «объективное открытіе», впервые состоявшееся передъ его умственнымъ взоромъ, повергло его самого въ смущеніе и замѣшательство; что систематическое повтореніе распада, вызывало въ душѣ его не разъ состояніе мучительной затрудненности и пробуждало въ немъ величайшее, страдающее напряженіе духа, направленное къ преодолѣнію открывшагося противорѣчія. И то, что выводило его изъ этого состоянія, было всегда новое «объективное открытіе», свидѣтельствовавшее о томъ, что въ самомъ предметѣ противорѣчіе *уже* преодолѣвается, и, вотъ, — преодолѣно.

Гегель никогда не испытывалъ діалектику, какъ «субъективную» или, тѣмъ болѣе, «произвольную» *игру понятіями*. То, что усматривалось имъ въ мысли, какъ «негативное», поднимало его мыслящій духъ на высоту *трагическаго* опыта и давало ему чувство пріобщенности къ *космическому страданію*. Онъ не разъ говоритъ о «страданіи», о «безконечномъ страданіи» самого предмета [1]), борющагося съ собою въ этихъ «противорѣчіяхъ»; онъ настаиваетъ на томъ «сосредоточенно-серьезномъ, мучительномъ, терпѣливомъ трудѣ» [2]), который выполняется Понятіемъ въ его развитіи и который долженъ быть адэкватно воспроизведенъ познающей душою.

И дѣйствительно, нѣтъ сомнѣнія, что ищущій умъ, сосредоточенно страдающій въ поискахъ истины, испытаетъ

---

[1]) Срв. Enc. III 25. 451. [2]) Срв. Phän. 15.

на себѣ то вѣяніе безумія, которое коснулось Гегеля въ эпоху перваго открытія. Когда мысль, еще привыкшая къ разсудочнымъ категоріямъ, впервые пріобщается спекулятивному созерцанію и предъ ея духовнымъ окомъ развертывается «негативная» сторона діалектики; когда прочныя и «зафиксированныя мнѣніемъ», понятія начинаютъ разлагаться и «исчезать» [3]); когда «конечныя опредѣленія» начинаютъ «сами сниматься и переходить» [4]); когда «противорѣчивыя понятія» начинаютъ «сами себя уничтожать» [5]) и въ этомъ «всеобщемъ разложеніи» [6]) начинаютъ «колебаться» [7]) самыя достовѣрныя содержанія; когда, наконецъ, «извращеніе всѣхъ понятій и реальностей» [8]) и ихъ «разрѣшеніе въ ничто» [9]) охватываетъ *весь* объемъ мыслимаго, и «фурія исчезновенія» [10]) воцаряется надъ міромъ предметовъ; тогда душа человѣка, пріобщившаяся истинѣ, но остановившаяся въ смущеніи, дѣйствительно испытываетъ ужасъ, при видѣ гибнущаго «разума».

Все «разумное» утрачиваетъ совю форму. Всѣ понятія колеблются и шатаются, какъ опьянѣвшіе вакханты [11]). Всѣ истины разрѣшаются въ какой-то «всеобщій обманъ» [12]) и философія начинаетъ «въ безстыдствѣ» [13]) выговаривать этотъ обманъ, какъ высшую, предметную истину. Предметъ, овладѣвшій мыслью и наполнившій ее своимъ содержаніемъ, творитъ въ ней тотъ музыкальный хаосъ сумасшедшаго скрипача [14]), за безумнымъ смятеніемъ котораго, слухъ не научился еще узнавать мелодію новаго, высшаго откровенія.

Впослѣдствіи, уже на высшей ступени познанія, душа человѣка убѣждается въ томъ, что въ этомъ процессѣ замѣшательства погибалъ не разумъ, а *разсудокъ*, и что эта гибель разсудка была не гибель, а обновленіе и перерожденіе. Мысль убѣждается въ томъ, что «діалектика» не «иллюзія» и не «сумасшествіе», а подлинное состояніе самого предмета; что она не «придумана» субъектомъ, а открылась въ объектѣ; что она совершается въ объектѣ и тогда, когда субъектъ о ней не подозрѣваетъ; словомъ, — что діалектика есть *объективное обстояніе*.

Все это можно выразить такъ, что діалектическое измѣненіе по-

---

[3]) Phän. 33. [4]) Срв. Enc. I. 151. [5]) Срв. Phän. 104 [6]) „allgemeine Auflösung“ Phän. 136 [7]) „wankend geworden“. Phän 150. [8]) „Verkehrung“. Phän. 393 394 [9]) „in nichts auflöst“. Log I. 7. 30—31. [10]) „Furie des Verschwindens“. Phän. 445. [11]) Срв. Phän 37. [12]) „der allgemeine Betrug“. Phän. 393. [13]) „Schamlosigkeit“. Phän. 393. [14]) „Diese Rede ist die Verrücktheit des Musikers“. Phän. 393. 394

нятія было постигнуто Гегелемъ въ интуитивномъ мышленіи, и что, поэтому, оно можетъ быть постигнуто и провѣрено только самостоятельною, но конгеніальною интуитивною мыслью. Діалектическое измѣненіе понятія безплодно «доказывать»; его необходимо *показать* умственному оку. Діалектику не стоитъ «опровергать»; необходимо интуитивно узрѣть ее, а затѣмъ аналитически вскрыть познающій актъ и познаваемый предметъ. Безплодно и безнадежно было бы «критиковать» діалектику, не переживъ ее въ интуитивномъ видѣніи: научная философія можетъ твориться только *предметно*. Недостаточно было бы «описывать» діалектическій процессъ, не вскрывая путей, ведущихъ къ его постиженію: понимающій не только понимаетъ, но *умѣетъ* понимать и объяснять. И только *предметное овладѣніе* и *владѣющее умѣніе* творитъ по праву критическое отверженіе.

Итакъ, по методу *своего философствованія*, Гегель долженъ быть признанъ не «діалектикомъ», а интуитивистомъ, или, точнѣе, интуитивно-мыслящимъ ясновидцемъ. Если подъ «методомъ» разумѣть «видъ и способъ» познанія[15]), субъективно осуществляемый философомъ, то Гегеля можно признать «діалектикомъ» только при совершенно внѣшнемъ, разсудочномъ подходѣ. Онъ не «ищетъ» противорѣчія въ понятіяхъ и не «старается» ихъ потомъ примирить; онъ не мыслитъ «аналитически», а потомъ «синтетически». Онъ все время сосредоточенно созерцаетъ и напряженно описываетъ измѣненія, совершающіяся въ *самомъ предметѣ:* онъ созерцаетъ мыслью. Въ этомъ его «субъективный» способъ познанія. Это *не онъ* практикуетъ «діалектику», а *предметъ*.

Поэтому діалектика есть не методъ человѣческаго субъекта, прилагаемый или примѣняемый къ предмету; но, прежде всего, — *методъ познаваемаго объекта*. Онъ принадлежитъ объекту самостоятельно; но, въ процессѣ познанія, онъ наполняетъ собою и душу познающаго субъекта, овладѣваетъ ею, осуществляетъ себя и въ ней, и, въ результатѣ, становится методомъ какъ объекта, такъ и субъекта. Въ познаніи душа человѣка начинаетъ жить «діалектически» лишь потому, что *такъ живетъ предметъ;* лишь постольку, поскольку самъ предметъ такъ живетъ; лишь такъ, какъ это дѣлается въ предметѣ. Можно было бы сказать, что душа получаетъ отъ предмета «діалектическую инфекцію», если бы это описаніе не было слишкомъ поверхностно. Вѣрнѣе было бы сказать: діалектика, какъ *ритмъ предмета, изживаетъ себя* въ силахъ и средствахъ че-

---

15) Срв. Log. III. 329. 330.

ловѣческой души, когда она поднимается до адэкватнаго мышленія.

Гегель не устаетъ описывать діалектику, какъ *объективный ритмъ предмета.*

То, что совершается въ этомъ процессѣ есть «собственная имманентная дѣятельность мысли» [16]), «имманентное развитіе понятія» [17]), внутреннее, самобытное «становленіе содержанія» [18]). Методъ есть «движеніе самого понятія» [19]), его «собственное» послѣдовательное самоопредѣленіе [20]); то, что движется, есть «природа» самого содржанія [21]) и та негативность, которая вызываетъ это движеніе, скрывается въ самомъ понятіи [22]), есть его «собственная негативность» [23]). Все, что происходитъ въ этомъ процессѣ,— «запинаніе» [24]), «различеніе» [25]), «негація» [26]), «отталкиваніе отъ себя» [27]), «выхожденіе» [28]), «отношеніе къ себѣ» [29]), «рефлексія» [30]), «ухожденіе въ себя» [31]), «углубленіе» [32]); весь этотъ процессъ «движенія» и «самодвиженія», все это «развертываніе» [33]) и восходящее, прогрессивное творчество [34]), — есть живая дѣятельность самого, объективно-сущаго понятія. Все это есть его «собственная діалектика» [35]).

Эта діалектика не есть притомъ одна, пустая форма, въ отвлеченіи отъ содержанія [36]); она *не* существуетъ «внѣ предмета» и «не отлична отъ его собственнаго становленія» [37]). Это есть не «методъ-способъ», но *методъ-жизнь,* методъ-осуществленіе. Діалектикою слѣдуетъ называть сразу — *путь* движенія, и *самое это движеніе,* и то, *что* движется этимъ движеніемъ по этому пути. Въ спекулятивномъ познаніи движущееся не существуетъ внѣ движенія и помимо его: движеніе есть сама живая *сущность* движущагося [38]). И движенія нѣтъ помимо того пути, по которому оно совершается: путь есть *осуществленное* направленіе. И такъ *сущность* не можетъ *не двигаться,* а *движеніе* не можетъ не *направляться* необходимымъ и закономѣрнымъ способомъ. *Методъ* есть, слѣдовательно, *законъ in actu,* или, что то же, *закономѣрная жизнь.* Методъ есть имманент-

---

16) Log. I. 10. 17) Log. I. 7. 245. 18) „einheimisches Werden des Inhalts". Phän. 45. 19) Log. III. 330. 20) „Fortbestimmung". Log I. 43; „immanentes Fortschreiten". Recht. 65. 21) Log. I. 7. Enc I. 17. 22) Log I. 43. 23) Log II. 4. 24) „innerliche Hemmung". Phän. 51. 25) Phän. 116. Log. I. 456; срв. Phän 35. 136. 427. Log. I. 7. 242. 26) Срв. Log. I. 43. 467. Log. II. 16 Log III. 335. Enc, I. 232. 27) Log I. 421. Log II. 32 172 Enc I. 232 28) „immanentes Hinausgehen". Enc. I. 152. 29) Срв. Log. I 456. 467. Log. III. 352 30) „eigne Reflexion des Inhalts". Log. I. 7. 31) Срв. Log. II 3 Log. III. 208. 32) Срв. Log. II. 3. Log III 208. Enc. I 163 33) Enc I. 163: „Entfalten". 34) Срв. Phän. 52. Log. I. 7. 35) Enc. I. 224. 36) Срв. Phän. 45. Log. I. 42 Log II. 81. 37) Beweise. 307; срв. Log. I. 42. 38) Срв. Log. I. 42. Log. III. 330.

ный содержанію сопособъ жизни, внѣ котораго нѣтъ и не можетъ быть содержанія; или, еще лучше: методъ есть *самъ творчески пульсирующій предметъ*.

Понятію свойственно жить. Эта жизнь состоитъ въ томъ, что оно само себя творитъ. Это творчество не произвольно и не случайно, но закономѣрно, т.-е. согласно съ закономъ. Но этотъ законъ существуетъ только въ живомъ, осуществленномъ видѣ. Поэтому понятіе есть, само по себѣ, нѣкое «необходимое развитіе» [39]), — «неудержимый, чистый» [40]) путь жизни, вѣрный своему ритму [41]) и въ частяхъ и въ цѣломъ. Діалектика, какъ «научный методъ» [42]), есть не что иное, какъ «строеніе цѣлаго, воздвигнутое въ своей чистой существенности» [43]). Это — «ходъ самого предмета» [44]), взятый въ его цѣломъ, въ его *итогѣ*. Или, еще проще: *діалектика это самъ предметъ, само понятіе* [45]).

Вотъ почему Гегель опрдѣляетъ діалектическій методъ, какъ силу [46]), какъ «безконечную мощь» [47]), или, еще, какъ имманентную «самостную» [48]) «душу содержанія» [49]) и предмета [50]), какъ «субстанціальность всѣхъ вещей» [51]). Діалектика есть «высшая», «единственная и абсолютная сила разума», — его «высшее и единственное влеченіе» [52]), его «формирующее творчество» [53]), обнаруживающее въявѣ «всемогущество понятія» [55]).

Понятно, что разлучать «содержаніе» и «форму» въ діалектикѣ можно лишь съ «разсудочной точки зрѣнія». Для спекулятивнаго мыслителя есть только единство ихъ: формирующее себя содержаніе, или, что то же, содержательно опредѣляющая себя форма. Единый спекулятивный предметъ, поглотившій душу субъекта, живетъ, мѣняется, развѣтвляется и творитъ себя въ этомъ измѣненіи. Сознаніе человѣка впослѣдствіи испытываетъ эти измѣненія и описываетъ ихъ, изображая ихъ подлинно-испытанную необходимость [56]).

Этотъ «процессъ [57]), или это «развитіе» [58]) Гегель обозначаетъ нерѣдко, какъ «движеніе» [59]) или «самодвиженіе» [60]) понятія. Подъ

---

[39]) Срв. Log. I. 8. [40]) Log. I. 41 [41]) „Rhythmus“. Phän. 45 49. Log. I. 42. [42]) Phän. 45. [43]) Phan. 37; срв Log. I. 45. Log. III. 332. [44]) „Gang der Sache selbst“. Log. I 42, [45]) Log. III 352. [46]) „Kraft“, „Macht“. Срв. W.Beh. 379. Phän 26. [47]) Leg III. 330. Reht. 249. [48]) „das Selbst“. Phän. 31. [49]) Срв. Phän. 29. Log 1. 7 45. Log. III. 335. Recht. 65 [50]) Log. III. 335. [51]) Срв Log. III. 330. 330. [52]) Срв. Log. III. 331. [53]) Phän 148 [55]) Log. III. 116; срв 330. [56]) „nothwendig“. Log I. 8. [57]) „Process.“ Срв. напр Phan 33. [58]) „Entwicklung“. Срв Log I. 7. 8. 10 Recht. 65. [59]) „Bewegung“. Phän. 33. 33. 35. 51. 52. 127. 400 586. Log I 7. 69. 90. Log. II. 3. 4. и др. [60]) „Selbstbewegung“. Phän, 35. 51. Log I 8, 186. и др.

этимъ «движеніемъ» не слѣдуетъ, однако, разумѣть пространственный процессъ, свойственный протяженнымъ тѣламъ и выражаемый въ терминахъ «сейчасъ—здѣсь, а потомъ—тамъ». Діалектическое «движеніе» не можетъ быть пространственнымъ, уже въ силу одного того, что спекулятивное понятіе — непротяженно: понятіе не находится нигдѣ и потому не можетъ находиться въ разное время въ разныхъ мѣстахъ; оно не занимаетъ собою никакой части пространства, — а потому и не можетъ занимать поочереди разныя его части. Пространственное движеніе есть по Гегелю низшая и, можетъ быть, искаженная разновидность діалектическаго процесса [61]); оно разсматривается, въ своемъ настоящемъ видѣ, въ Натурфилософіи. Діалектическое же «движеніе» должно присутствовать, согласно замыслу, на *всѣхъ* ступеняхъ спекулятивнаго развитія, ибо оно составляетъ самую родовую сущность «мыслительнаго» процесса. Наконецъ, движеніе, совершающееся въ пространствѣ, является, по самой природѣ своей, процессомъ вещи, обремененной инобытіемъ и обязанной возможностью своего измѣненія — своей внѣшней средѣ: пространственное движеніе всегда соотносить движущееся съ вещественнымъ инобытіемъ. Діалектическое же «движеніе» не обременяетъ «понятія» протяженнымъ инобытіемъ и не соотносить его съ внѣшнею средою [62]): оно всецѣло протекаетъ въ *замкнутомъ единобытіи,* оно всецѣло *имманентно* и *опредѣлено собою* [63]). Подъ этимъ «движеніемъ» слѣдуетъ разумѣть *процессъ закономѣрнаго измѣненія въ содержаніи спекулятивной мысли.*

Однако, это измѣненіе не слѣдуетъ представлять себѣ и какъ *временный процессъ,* свойственный эмпирическимъ содержаніямъ и выражаемый терминами «сначала—потомъ—наконецъ». Діалектическій процессъ не можетъ быть временнымъ уже въ силу одного того, что спекулятивное понятіе — не длится во времени: понятіе не вспыхиваетъ во времени и не угасаетъ, оно не имѣетъ ни начала, ни конца, оно не существуетъ ни «только теперь», ни «иногда», ни «всегда»; а потому оно совсѣмъ не временно, хотя и можетъ *въ явленіи своемъ* продлиться и просуществовать извѣстный промежутокъ времени. Но временный процессъ есть по Гегелю низшая и, можетъ быть, искаженная разновидность діалектическаго процесса [64]); онъ разсматривается въ своемъ настоящемъ видѣ въ «конкретныхъ наукахъ», посвященныхъ «мірозданію» и обнару-

---

[61]) Срв. Enc. II. 61—67. Gesch. Ph. I. 309—327. См. главы первую и десятую. [62]) Срв. напр. Log. III. 349. [63]) Срв Phän. 45. Log. III. 332. 352. [64]) Срв. Enc. II. 52—67; см главы первую, десятую и двадцать первую (томъ II).

живается впервые *послѣ* отпаденія логической Идеи [65]); при вступленіи въ спекулятивную сферу время отгораетъ и отпадаетъ [66]), предоставляя субъективному духу высшую свободу [67]). Діалектическій же «процессъ» долженъ присутствовать, согласно замыслу, на *всѣхъ* ступеняхъ спекулятивнаго развитія, ибо онъ составляетъ самую родовую сущность «мыслительнаго» процесса. Наконецъ, процессъ, совершающійся во времени, протекаетъ по схемѣ *эмпирической* послѣдовательности: временный мигъ и его содержаніе— смертны; послѣдующее замѣняетъ и вытѣсняетъ предыдущее и мигъ мигу — смертельный врагъ; непрерывность временнаго процесса совмѣщается со своеобразною дискретностью и временное, подверженное абстрактному угасанію, безсильно подняться къ вѣчности, осуществить таинственное «сразу» спекулятивнаго понятія. Діалектическое же движеніе порождаетъ *неумирающія* содержанія: они не замѣняютъ и не вытѣсняютъ другъ друга, но, примиряясь, совмѣщаются и, накопляясь, восходятъ къ конкретности; этимъ они и осуществляютъ таинственное «сразу» спекулятивной мысли.

Такимъ образомъ діалектическій процессъ совершается не въ пространствѣ и не во времени [68]). И, несмотря на свою сверхвременность, онъ остается процессомъ, т.-е. *рядомъ измѣненій*. Въ этомъ, конечно, скрывается не малое затрудненіе для человѣческаго ума, могущаго созерцать процессъ только во времени. Однако, сила воображенія можетъ внести въ это созерцаніе, а особенно въ его зрѣлый итогъ, существенныя исправленія. Необходимо имѣть въ виду, во-первыхъ, что спекулятивное самозабвеніе въ предметѣ угашаетъ сознаніе времени, а можетъ быть, и всякое «чувство» временной длительности, сосредоточивая въ краткихъ минутахъ богатство содержанія и интенсивную остроту жизни; во-вторыхъ, что діалектически-помысленное содержаніе удерживается въ каждомъ «послѣдующемъ» состояніи предмета и субъекта, такъ, что спекулятивное «прехожденіе» получаетъ особый *невременный* характеръ, не совпадающій съ «прохожденіемъ» во времени; и, наконецъ, что весь діалектическій процессъ въ цѣломъ *можетъ быть* послѣдовательно продуманъ человѣкомъ во времени, но, *самъ по себѣ*, не начинается съ началомъ этого «продумыванія», и не кончается съ его окончаніемъ, но «живетъ *всегда* и *сразу*», т.-е. реаленъ во всякой, — и сверхвременной, и временной, — реальности.

---

[65]) См. Enc. II. 52—67. [66]) Срв. Glaub. 152. Diff. 225. 225. Phän. 604. 605. 607. [67]) См. главу третью. [68]) Срв.: „nicht zeitlich“. Enc. I. 389; „zeitlos vergangen“. Log. II. 3; „Keine Reihe und Folge“. Glaub. 152.

Согласно этому, все сущее укрываетъ въ себѣ діалектическій процессъ, который оказывается дѣйствительно всепронизывающимъ «методомъ» субстанціи. Все живетъ діалектически· каждый предметъ и каждая вещь имѣетъ въ діалектикѣ свой «собственный методъ» [69]), потому что понятіе есть источникъ всякой дѣятельности и всякой жизни, а понятіе живетъ діалектически. Поэтому все оказывается подчиненнымъ его необходимому и закономѣрному ритму: ритмъ понятія есть ритмъ всего сущаго. Діалектическій процессъ опредѣляетъ собою судьбу всякой реальности: черезъ него она пріобщается *сверхвременному развитію.*

Въ чемъ же состоитъ природа этого *сверхвременнаго процесса и прехожденія,* образующаго универсальный законъ космической жизни?

Все есть спекулятивный предметъ или, что то же, спекулятивное содержаніе [70]). Каждое спекулятивное содержаніе скрываетъ въ себѣ извѣстную совокупность признаковъ, или, если угодно, *опредѣленій* (Bestimmungen). Implicite — каждое содержаніе имѣетъ больше этихъ опредѣленій, чѣмъ explicite. Діалектическій процессъ состоитъ въ прогрессивномъ раскрытіи этихъ потенціально-живущихъ, прикровенныхъ опредѣленій.

Понятно, что они приходятъ къ предмету не извнѣ, не отъ инобытія, но расцвѣтаютъ въ немъ самомъ, въ его собственныхъ предѣлахъ, въ результатѣ его самодѣятельности. Здѣсь невозможно никакое воздѣйствіе извнѣ, ибо оно превратило бы субстанціальную и всеобщую стихію Понятія, въ ограниченное, обусловленное и пассивное существо. Вотъ почему діалектическій процессъ являетъ собою *строго-имманентное развитіе.*

Раскрывая свои скрытыя, латентныя опредѣленія, Понятіе начинаетъ съ самоотрицанія и самораздвоенія [71]) и кончаетъ отрицаніемъ этого самоотрицанія и возсоединеніемъ раздвоенности. Въ этомъ краткая схема діалектическаго «метода».

Отнестись къ себѣ «негативно», отринуть себя, Понятію необходимо для того, чтобы обогатить себя новымъ опредѣленіемъ: ибо если новое опредѣленіе отсутствуетъ въ Понятіи explicite, то это значитъ, что наличное состояніе его недостаточно, скудно, неудовлетворительно и заслуживаетъ «отрицанія». Но отринуть наличную опредѣленность, сказать ей «нѣтъ», значитъ утвердить противопо-

---

[69]) Срв. Log. III. 330. [70]) Внимательное сопоставленіе убѣждаетъ въ томъ, что Гегель не рѣдко употребляетъ термины „Gegenstand“, „Sache“, „Inhalt“, „Gehalt“ promiscue, разумѣя спекулятивное „Понятіе“. [71]) Срв „Verdoppelung“. Phän. 15; „entzweit“. Phän. 126 и т. д.

ложную опредѣленность; въ предѣлахъ *понятія,* значитъ *утвердить нѣчто «противорѣчивое».* А такъ какъ «отрицаніе» наличнаго опредѣленія не уничтожаетъ его, а только признаетъ его неудовлетворительнымъ, то естественно возникаетъ внутренно-противорѣчивое состояніе: въ предѣлахъ единаго понятія утверждаются *два опредѣленія, «противорѣчащія» другъ другу.*

Каждое изъ нихъ посягаетъ на существенность и необходимость. Ни одно изъ нихъ не примиряется съ другимъ и не позволяетъ вытѣснить себя. Между врагами начинается противоборство: внутреннее «противорѣчіе» есть состояніе не только не окончательное, но и въ преходящей неизбѣжности своей—мучительное и нетерпимое. Но именно въ этой мучительности и остротѣ таится его творческая сила и его заданіе: оно должно быть преодолѣно на пути утонченнаго «симбіоза» и уступить свое мѣсто высшему состоянію—*конкретности.*

Итакъ, *всякое понятіе страдаетъ «внутреннею противорѣчивостью»* [72]). Но это не значитъ, что оно вслѣдствіе этого страдаетъ непоправимымъ логическимъ порокомъ [73]), лишающимъ его всякаго значенія и всякой цѣнности. Оно конечно «страдаетъ»; но страданіе его есть нормальное, необходимое, творческое страданіе. Логическое «противорѣчіе» не есть обезцѣнивающій порокъ, но *достиженіе,* повышающее истинность понятія [74]). Правда, это достиженіе еще не окончательное, не высшее, не завершенное: высшее достиженіе состоитъ въ устраненіи и преодолѣніи противорѣчія; оно имѣетъ не раздвоенную природу, а возсоединенную и примиренную. Но это возсоединеніе и примиреніе возможно только *въ результатѣ «противорѣчія»,* какъ его заключеніе или итогъ. Логическое, внутреннее «противорѣчіе» есть необходимое и драгоцѣнное состояніе понятія: безъ него немыслимъ весь процессъ діалектическаго развитія.

Однако и на немъ процессъ не можетъ задерживаться и останавливаться. Логическое «противорѣчіе» осуществляется понятіемъ, только какъ примиримое и ради примиренія. Залогъ этого данъ уже въ томъ, что все «противорѣчіе» извлечено понятіемъ *изъ собственныхъ нѣдръ,* гдѣ оно и доселѣ *скрывалось* въ завернутомъ

---

72) Срв.: „das Denken des Widerspruchs ist das wesentliche Moment des Begriffs". Log. III 342: особ. Enc. I. 178. Ohl 235. 73) Срв.: о „Widerspruch" не „Zufälligkeit", не „Abnormität", не „vorübergehender Krankheits-Paroxysmus" Log II. 68; „Kein Schaden, Mangel oder Fehler einer Sache" Log. II. 72 74) Срв: „Contradictio est regula veri, non contradictio falsi". Ros 156

видѣ [75]). Внутреннее «противорѣчіе» не создано вновь и впервые, а только *обнаружено* и *положено* въ себѣ самимъ понятіемъ.

Отсюда уже ясно, что Гегель считаетъ *логическое «противорѣчіе»* философски *необходимымъ* состояніемъ *всякаго* понятія; и всякое такое «противорѣчіе» онъ считаетъ по существу *поддающимся примиренію*. На этомъ строится вся діалектика и внѣ этого она оказалась бы невозможною.

Между тѣмъ, то противорѣчіе, о которомъ говоритъ *формальная логика,* всегда было и всегда останется философски *недопустимымъ* и по существу *не поддающимся примиренію*. И, если, по слову Гегеля, Духъ настолько силенъ, что способенъ *«выносить и разрѣшать»* [76]) противорѣчія, то остается предположить, что Гегель вкладываетъ въ это понятіе свое, особое содержаніе.

Говоря о противорѣчіи и о законѣ противорѣчія, формальная логика имѣетъ въ виду ту особенность смысла, въ силу котораго, онъ становится *немыслимымъ*, какъ только мышленіе пытается соединить въ немъ *сразу два, исключающихъ* другъ друга смысловыхъ обстоянія. Какъ бы ни формулировать законъ противорѣчія,—относить ли его къ тезисамъ («два противорѣчивыхъ тезиса не могутъ быть вмѣстѣ истинными»), или къ понятіямъ, и, если къ понятіямъ, то имѣть ли въ виду *одинъ признакъ* («понятіе не можетъ сразу включать и не включать въ свое содержаніе извѣстный признакъ»), или *два* («два исключающихъ другъ друга признака не могутъ входить въ содержаніе одного и того же понятія»),—во всѣхъ этихъ формулахъ имѣется въ виду специфическая особенность *смысла,* присущая *только* ему, но ему присущая *неизмѣнно* и *неустранимо:* смысловые элементы (признаки, понятія, тезисы) имѣютъ свои законы, по которымъ они обстоятъ, соотносятся и связуются; *своеобразная опредѣленность ихъ содержанія*—есть одинъ изъ этихъ законовъ; *способность къ безусловной несовмѣстимости,* составляетъ другой. Эта способность къ несовмѣстимоти выражается *опытно* въ томъ, что живая попытка объять несовмѣстимые элементы единымъ актомъ, или помыслить ихъ въ двухъ послѣдовательныхъ актахъ, но отнести къ единому логически-предметному образованію, — систематически терпитъ неудачу. Никакія попытки не удаются здѣсь до тѣхъ поръ, пока они производятся въ актахъ чистаго (т.-е. абстрактивнаго и безобразнаго) мышленія; «опредѣленность» же смысловыхъ содержаній (законъ тождества),

---

[75]) Срв. напр.: „nur die Entwicklung der darin vorhandenen Widersprüche". Phän. 89; „was... vorkommt,... schlief". Phän 301; и др. [76]) Log I. 279. Recht. 249. Beweise 382—3.

влекущая за собою ихъ неизмѣняемость — дѣлаетъ невозможнымъ «синтезъ несовмѣстимаго» и въ порядкѣ *послѣдовательности.*

Такимъ образомъ, *противорѣчивость* есть одна изъ специфическихъ чертъ *чистаго смысла.* Она существенна и характерна для него; но именно *для него* и *только* для него. Все то, что обстоитъ въ иныхъ категоріяхъ, а *не* въ категоріяхъ чистаго смысла [77]) — все это *не* подлежитъ закону тождества и закону противорѣчія, и не обнаруживаетъ «безусловной несовмѣстимости». Вещи и образы, реальныя свойства и душевныя состоянія, — при всей своей возможной противоположности, при всей своей взаимной враждебности, — не подлежатъ закону противорѣчія и всегда могутъ обнаружить «условную совмѣстимость» въ предметахъ и въ актахъ. Закону противорѣчія подлежитъ только то, что подлежитъ закону тождества и, поэтому, все, что не есть *чистый смыслъ,* должно быть признано *не*подлежащимъ закону противорѣчія.

Логическое противорѣчіе, если оно имѣется налицо, не можетъ быть ни примирено, не устранено, ни «снято» ничѣмъ (въ предѣлахъ чистаго мышленія). Безусловно несовмѣстимое не можетъ быть никакъ совмѣщено. Если же двѣ какія-либо стороны *могутъ* быть совмѣщены, то это значитъ, что между ними *нѣтъ* безусловной несовмѣстимости. Тогда эти двѣ стороны могутъ быть или элементами чистаго смысла, которые *различны,* но не противорѣчивы; или предметами, обстоящими въ другихъ категоріяхъ, которые вообще не подлежатъ закону противорѣчія и не способны къ безусловной несовмѣстимости. Такъ, напримѣръ, два элемента «А» и «В» — всегда свободны отъ безусловной несовмѣстимости, какъ въ томъ случаѣ, если это два *различныхъ смысла,* такъ и въ томъ случаѣ, если это два *противоположныхъ образа;* но два элемента «А» и «не-А» будутъ свободны отъ безусловной несовмѣстимости только въ томъ случаѣ, если это два реальныхъ образованія, ибо въ предѣлахъ чистаго, идеальнаго смысла — «А» и «не-А» дадутъ взаимное противорѣчіе. «Пріятное» и «непріятное», «длинное» и «недлинное» — совмѣстимы, какъ реальныя, эмпирическія свойства и состоянія; но *понятіе* «пріятнаго» не можетъ совпасть съ *понятіемъ* «*не*пріятнаго», и одно и то же *понятіе* «вещи» не можетъ имѣть сразу два признака — «вѣсомости» и «*не*вѣсомости».

Итакъ, логическое противорѣчіе — безусловно немыслимо и непримиримо; и «законъ противорѣчія» не можетъ быть ни измѣненъ, ни опровергнутъ.

---

[77]) См. главу третью.

И вотъ, вопреки этому, Гегель увѣренъ въ томъ, что открывшаяся ему *діалектика спекулятивныхъ понятій* отмѣняетъ и опровергаетъ «законъ противорѣчія», какъ всеобщій законъ мысли. Не трудно понять, насколько онъ правъ и насколько онъ неправъ въ этой увѣренности [78]).

Если подъ «всеобщимъ закономъ мысли» разумѣть неизмѣнимый и неопровержимый законъ *чистой, формальной* мысли, то Гегель будетъ, конечно, неправъ. Но если «всеобщность» этого закона попытаться распространить и на *спекулятивную мысль*, то окажется, что въ своемъ *формальномъ* значеніи этотъ законъ непримѣнимъ къ ней и что то «противорѣчіе», на которомъ покоится діалектика, *не* есть смысловое противорѣчіе въ его чистомъ и строгомъ видѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, говоря о діалектическомъ «противорѣчіи», Гегель не могъ имѣть въ виду безусловную несовмѣстимость элементовъ смысла; онъ не могъ разумѣть ее уже по одному тому, что спекулятивныя понятія не подлежатъ формальному «закону тождества». Между тѣмъ, для того, чтобы два понятія могли стоять взаимно въ «контрадикторномъ» отношеніи, они должны имѣть свое особое, опредѣленное и неизмѣнное содержаніе: связь контрадикторности мыслима только при опредѣленности понятія (нельзя «противорѣчить» неопредѣленному содержанію) и при его неизмѣнности (нельзя «противорѣчить» мѣняющемуся содержанію).

Неопредѣленность и измѣнчивость поведутъ всегда къ тому, что формальное понятіе перестанетъ быть само собою, и что *безусловная* непримиримость исчезнетъ въ смутныхъ аспектахъ и измѣнчивыхъ свойствахъ мѣняющейся реальности. То, что не подлежитъ формальному закону тождества, — не можетъ подлежать и формальному закону противорѣчія.

Но спекулятивное «понятіе» *не* подлежитъ формальному закону тождества: оно есть нѣчто реальное, живое, мѣняющееся и создающее въ самомъ себѣ и изъ себя новыя опредѣленія. А потому оно не можетъ подлежать и формальному закону противорѣчія. То, что измѣнчиво,—то не можетъ стоять къ другому въ отношеніи контрадикторности, или безусловной несовмѣстимости. Таково апріорное соображеніе, не позволяющее признать за діалектическимъ противостояніемъ права на контрадикторность.

Оно вполнѣ подтверждается и aposteriori.

Внимательный анализъ діалектическаго «противорѣчія» убѣ-

---

[78]) Срв. ошибочныя и некорректныя формулы закона противорѣчія: Log. I. 19. 27, 67. 203.

ждаетъ въ томъ, что оно дѣйствительно чуждо истинной контрадикторности.

Если контрадикторное отношеніе чистаго типа построяется по способу *отрицанія субстанціальнаго признака,* то Гегель къ этому способу не обращается. Въ описываемыхъ у него двучленныхъ распадахъ, ни одна сторона не отрицаетъ и не исключаетъ своею сущностью — логическаго содержанія другой стороны. Обѣ стороны всегда сохраняютъ нѣкое высшее, родовое лоно, въ которомъ онѣ находятъ свой genus и черезъ которое онѣ роднятся. Такъ «бытіе» (Sein) отнюдь не исключаетъ и не отрицаетъ логическаго содержанія своего противочлена «ничто» (Nichts): ибо «ничто» стается нѣкою реальностью,—*сущимъ* «ничто», а «бытіе» по своей неопредѣленности и пустотѣ приближается къ этому «сущему ничто», образуя съ нимъ вмѣстѣ и наряду два различныя видоизмѣненія «неопредѣленнѣйшей реальности». Точно такъ же «конечность» (Endlichkeit) отнюдь не исключаетъ и не отрицаетъ логическаго содержанія своего противочлена «безконечность» (Unendlichkeit): обѣ стороны остаются нѣкимъ «опредѣленнымъ бытіемъ» (Dasein), —качественнымъ становленіемъ «по себѣ» и «въ себѣ», и слѣдовательно имѣютъ по своей родовой природѣ тѣ же самыя essentialia. То же самое обнаруживается и въ каждой діалектической двоицѣ: *наличность общаго родового источника и отсутствіе логическаго отрицанія* характеризуютъ всю діалектику. Два контрадикторныхъ понятія «бытіе» и «*не*бытіе» не имѣютъ для своихъ содержаній родового понятія: ибо у нихъ отсутствуетъ корпусъ общихъ «признаковъ». Точно такъ же «конечное» и «*не* конечное», «явленіе» и «*не* явленіе», «жизнь» и «*не* жизнь», «сознаніе» и «*не* сознаніе», «право» и «*не* право», «семья» и «*не* семья» и т. д. Одна сторона утверждаетъ въ качествѣ своего essentiale то, что всецѣло и въ корень отрицается другою; и въ результатѣ этого содержательный genus невозможенъ. Но «явленіе» и «сущность» [79]), «жизнь» и «познаніе» [80]), «сознаніе» и «самосознаніе» [81]), «право» и «мораль» [82]), «семья» и «гражданское общество» [83]), — такія двоицы не связаны контрадикторнымъ отрицаніемъ и вполнѣ могутъ имѣть родовое лоно. У Гегеля онѣ связаны, кромѣ того,—и единымъ творческимъ источникомъ, и единымъ, высшимъ результатомъ, возникающимъ черезъ «конкретизацію».

Гегель, съ своей стороны, нисколько и не настаиваетъ на кон-

---

[79]) Срв. Log. II. 1—239. Enc. I. 223—307. [80]) Log. III. 236—327. Enc. I. 385—408. [81]) См. Enc. III. 257—266. [82]) Enc. III. 376—393. Recht. 72—211. [83]) Enc. III. 393—403. Recht. 221—313.

традикторности діалектическихъ двоицъ, въ томъ строгомъ значеніи «безусловной несовмѣстимости», которое усвоено формальною логикой. Онъ вообще не видитъ принципіальнаго различія между «контрарностью» и «контрадикторностью»; мало того, онъ сближаетъ, а иногда и смѣшиваетъ идеи «различія», «противоположности» и «противорѣчія». Между этими идеями устанавливаются какіе-то неуловимые оттѣнки и переходы, какая-то «постепенность», допускающая даже терминологическія подстановки.

Такъ, «различіе (Unterschied) вообще есть уже противорѣчіе (Widerspruch) само по себѣ»[84]), а «существенное противорѣчіе» есть уже «противоположность» (Gegensatz)[85]). Терминъ «противорѣчіе» Гегель прямо разъясняетъ, черезъ наличность «противоположныхъ опредѣленій[86]) и «опредѣленная противоположность» есть для него «тѣмъ самымъ противорѣчіе»[87]). Наряду съ этимъ, онъ склоненъ приравнять термины «различнаго» и «контрарнаго», «противоположнаго» и «контрадикторнаго», поясняя, что «контрадикторные» элементы «исключаютъ другъ друга»[88]). Однако, и «различіе», само по себѣ, таитъ въ себѣ противорѣчіе: весь вопросъ здѣсь *въ степени*. «Мыслящій разумъ заостряетъ, такъ сказать, притупившееся различіе отличающихся» элементовъ, доводя «простое многообразіе представленія,—до *существеннаго* различія, до *противоположности*. Только возведенные на остріе противорѣчія, становятся многообразные элементы — подвижными и живыми въ отношеніи другъ къ другу»[89]).

Итакъ, «опредѣленное», существенное различіе»[90]) есть уже противоположность и противорѣчіе, а противорѣчіе есть не что иное, какъ «прочное нетождество мыслей»[91]). Достаточно различію зафиксироваться,—и изъ него возникаетъ «противоположность и тѣмъ самымъ противоборство» (Widerstreit)[92]); а противоположные элементы «содержатъ противорѣчіе постольку, поскольку они въ одномъ и томъ же отношеніи относятся другъ къ другу негативно, или снимаютъ другъ друга и остаются равнодушными другъ къ другу»[93]). Однако, эта «негація» и это «снятіе» — совсѣмъ не ведутъ къ безусловной несовмѣстимости сторонъ; наоборотъ — *спекулятивное взаимоотрицаніе есть уже начавшійся процессъ совмѣщенія.*

---

[84]) Log II. 57; срв. 31. [85]) Log II. 71. [86]) Enc. I. 178. [87]) „damit als Widerspruch". Enc. I. 285 Срв. Log II. 71. [88]) Срв. Log. III 56. 107 [89]) Log. II. 71. Курсивъ Гегеля [90]) Срв Log I. 7. Log II. 72 149. Log III 208. Phän. 35. [91]) „feste Nichtidentität der Gedanken". Enc I. 17. [92]) Срв. Beweise. 351. [93]) Log. II. 70: „sich gegenseitig aufhebende und gegeneinander gleichgültige".

То, что Гегель называетъ «противорѣчіемъ», имѣетъ, очевидно, особое значеніе. Онъ самъ описываетъ это состояніе въ такихъ терминахъ, которые не оставляютъ сомнѣнія въ его спекулятивной, отнюдь не формальной природѣ.

Когда два «понятія» расходятся въ діалектическомъ порядкѣ и образуютъ классическую «противорѣчивую» двоицу — то ихъ взаимное отношеніе являетъ собою такое «различіе» [94]), которое можетъ быть обозначено, какъ «неодинаковость» [95]), «дифференгность» [96]), «противочастность» [97]), или же какъ качественная [98]), «существенная» [99]), «абсолютная противоположность» [100]). Эти два понятія пребываютъ въ нѣкомъ «разъятіи» [101]), въ «обособленіи» [102]), въ нѣкой «дисъюнкціи» [103]); они взаимно «отлучаются» другъ отъ друга [104]) и остаются въ «абсолютной разорванности» [105]) и «разлукѣ» [106]). Между ними обнаруживается взаимное «отталкиваніе» [107]),—«непримиримость и несоединимость» [108]); ихъ связываетъ «антиномія» [109]), или, если угодно, «контрастъ» [110]). Они «остаются другъ внѣ друга» [111]) и каждое есть «лишь другое для другого» [112]). Это двѣ «крайности» [113]), стоящія въ «первораздѣлѣ» [114]) и ведущія между собою «вражду» [115]) и противоборство [116]).

Такое состояніе свойственно совсѣмъ не только «чистому понятію», какъ утверждаетъ формальная логика. «Противорѣчить» другъ другу могутъ и вещи, и учрежденія [117]). «Противорѣчіе» можетъ обнаружиться и въ матеріи [118]), и въ живой душѣ. Такъ, «внѣшнее, чувственное движеніе» есть «непосредственное существованіе (Dasein) противорѣчія» [119]), потому что противорѣчиво само по себѣ— пространство [120]). Сама «природа» есть «неразрѣшенное противорѣчіе» [121]), подобно тому, какъ каждый порывъ [122]), каждое страданіе живого существа [123]) содержитъ въ себѣ нѣкоторый недоста-

---

[94]) „Unterschied". Phän. 136 427. Log. I. 242. 456 О существенномъ" и „опредѣленномъ" различіи см. выше. [95]) „Ungleichheit". Phän. 31. 121. 126. Log II. 31. [96]) „Differenz" W. Beh. 379. Log I. 393. Log. III. 335. [97]) „Gegentheil". W. Beh. 379. 393 408. Phän. 400. [98]) Срв. Log. I. 273—274. [99]) „wesentliche Entgegensetzung". Phän. 35. [100]) „absoluter Gegensatz". Phän. 427. [101]) „dirimiren". Log. III. 112. Enc. II. 419 [102]) „sich zu besondern". Enc II. 419. [103]) „Disjunction". Leg III. 206. [104]) „abscheidende Negation". Log. I. 152. [105]) „absolute Zerrissenheit". Phän 391 [106]) „absolut trennt". Phän. 427 [107]) Срв. „Abstossen". Log I. 421. Log. II. 32. 172; „Gegenstoss" Log. II. 74 [108]) „Unverträglich und unvereinbar". Log 139; срв. Log I 90. [109]) Enc I. 103 [110]) „im Contraste". Enc. II. 188 [111]) „aussereinander Bleibende". Log. I. 150. [112]) Log II. 70. [113]) „Extreme". Log. III. 112. 206. [114]) „Urtheil". Log. III. 335. [115]) „Срв.: „Feindschaftlichkeit". Enc. II 263. [116]) „Widerstreit". Beweise. 351. [117]) Dinge", „Einrichtungen". Log. II. 69 [118]) Enc. II. 202. [119]) Log. II. 69. [120]) Enc. H. 61. [121]) Enc. II. 28. [122]) Срв. „Trieb". Log. II. 69. [123]) „Schmerz". Log III. 257. Enc. I. 121.

токъ, т.-е. негативное отношеніе къ самому себѣ или, что то же. внутреннюю противорѣчивость [124]). Достаточно сказать: «вверху и внизу», «направо и налѣво», «отецъ и сынъ» [125])—и предметъ обнаружитъ передъ очами діалектическую противоположность и противоборство. «Каждое конечное бытіе и мышленіе есть противорѣчіе» и «нѣтъ ничего», въ чемъ бы его не существовало [126]). Противорѣчіе есть «корень всякаго движенія и жизни, всякаго самодвиженія» [127]); оно составляетъ «самый внутренній, самый объективный моментъ жизни и духа, черезъ который имѣетъ бытіе — субъектъ, личность и (все) свободное» [128]).

Въ такомъ использованіи терминъ «противорѣчія» не можетъ имѣть строгаго, формальнаго значенія. Два элемента, стоящіе въ «противорѣчивомъ» отношеніи, суть *живые* [129]), или, какъ Гегель выражается, «текучіе» [130]) элементы, ихъ «взаимное исключеніе» есть реальный процессъ противоборства, потому что сами они суть реальности, *спекулятивныя понятія,* — то въ ихъ чистомъ видѣ, то облеченныя въ образъ эмпирическихъ вещей, или душевныхъ и духовныхъ состояній. Эти реальности не подлежатъ ни формальному закону тождества, ни формальному закону противорѣчія. Онѣ представляютъ изъ себя предметы, обстоящіе *не* въ категоріяхъ формальнаго смысла, а въ иныхъ категоріяхъ.

Итакъ, діалектическій процессъ, какъ таковой, содержитъ не идеально-смысловыя противорѣчія, но *реально-смысловыя противоположности и различія.* Онъ построенъ не на контрадикторности, а на *«существенной и опредѣленной» дифференціи спекулятивныхъ опредѣленій.* И важнѣйшимъ послѣдствіемъ этой конструкціи оказывается *примиримость* враждебныхъ сторонъ.

Діалектика не «опровергаетъ» закона противорѣчія, но лишь ограничиваетъ его компетенцію низшею, разсудочною сферой. Діалектика открываетъ какъ бы новую сферу, — новый видъ познавательныхъ актовъ, новую страну своеобразныхъ предметовъ; и въ этой сферѣ нормальный законъ противорѣчія не является конститутивнымъ закономъ, онъ не формулируетъ здѣсь способа «обстоять», присущаго предметамъ, и, въ проекціи, порождающаго «норму мышленія». Здѣсь царство иныхъ предметовъ и иныхъ законовъ: спекулятивныхъ.

Однако, такое *ограниченіе компетенціи* формальныхъ законовъ отнюдь не означаетъ ихъ *полной отмѣны* или «ниспровер-

---

[124]) Log. III. 256 — 257. [125]) Log. II. 70. [126]) „Widerspruch“. Ohl. 235. Срв. Enc. I. 178. [127]) Log. II. 68. 69. [128]) Log III. 342—343. [129]) Срв. Phan. 38. Log. I. 8. [130]) Срв. „Flüssigkeit“. Phän. 136.

нія». Они сохраняютъ свою компетенцію, но она не признается уже универсальною; или, если угодно, они остаются «универсальными» для того, кто не можетъ или не желаетъ подняться духомъ къ спекулятивному мышленію.

Это можно выразить такъ, что *предметы* спекулятивной философіи *не* подлежатъ законамъ тождества и противорѣчія; но *понятія* этихъ предметовъ и *тезисы* этой философіи вполнѣ сохраняютъ свою формальную непротиворѣчивость. Такъ, «Бытіе» едино и внутренно-противоположно; но *формальное понятіе* «внутренно-раздвоеннаго, и все же единаго Бытія» — тождественно себѣ и внутренно-непротиворѣчиво. Стоитъ допустить на моментъ, что essentialia этого понятія совмѣщаютъ въ себѣ *логически-контрадикторные* признаки и обнаружится прямая невозможность мыслить его. Подобно этому, спекулятивное «Понятіе», какъ своего рода созерцаемая реальность — совмѣщаетъ въ себѣ внутреннюю дифференгность съ объединенностью, свойственною Всеобщему; но формальные тезисы, придающіе «субъекту» (понятію Понятія) — «предикаты» *внутренней расчлененности* и *объединенности,* конститутивно подчинены закону противорѣчія. Изъ двухъ тезисовъ «Понятіе есть единство расчлененнаго» и «Понятіе *не* есть единство расчлененнаго» — оба вмѣстѣ не могутъ быть истинными.

Отсюда становится понятнымъ, почему Гегель воспрещалъ мыслить о спекулятивныхъ Понятіяхъ, и требовалъ самозабвеннаго мышленія *въ нихъ* и *вмѣстѣ съ ними.* Мышленіе, не осуществившее спекулятивнаго «отрѣшенія» и «сліянія», неизбѣжно остается въ отвлеченіи отъ мыслимаго предмета: оно мыслитъ не *въ немъ,* а *о немъ,* и въ этой разсудочной рефлексіи не выходитъ изъ сферы разсудка и его формальныхъ законовъ. Для того, чтобы узрѣть смысловыя реальности и убѣдиться въ ихъ діалектической природѣ, необходимо *зажить* спекулятивнымъ Понятіемъ и предоставить свои душевныя силы во власть его самозаконнаго процесса. Только адэкватное созерцаніе діалектическаго процесса — открываетъ познанію возможность выйти изъ разсудочной сферы и «убѣдиться» въ томъ, что компетенція формально-логическихъ законовъ ограничена. Непримиримость контрадикторныхъ признаковъ безсильна опровергнуть примиримость противоположныхъ спекулятивныхъ опредѣленій, возставшихъ изъ нѣдръ единаго Понятія; и обратно.

Это значитъ, что всякій діалектическій разрывъ, по существу своему, *исцѣлимъ.* Мало того, именно исцѣленіе его составляетъ ту высшую задачу, во имя которой разрывъ состоялся и отъ разрѣшенія которой онъ получаетъ смыслъ и значеніе.

Расхожденіе спекулятивнаго Понятія на противоположныя стороны составляетъ лишь первый, собственно *діалектическій,* этапъ всего процесса. Оно являетъ лишь *негативную,* но еще *не позитивную* сторону разумности [131]). Безъ первой невозможна и послѣдняя; но безъ послѣдней — первая лишена своего истиннаго смысла.

Дѣло въ томъ, что разошедшіяся стороны не могутъ оставаться въ состояніи взаимнаго отрицанія и вражды. Если бы каждая діалектическая двоица сохраняла свое расщепленіе, то спекулятивная сфера подчинилась бы цѣликомъ *эмпирическому* закону *абстрактности* и *дискретности;* тогда оказалось бы, что хаосъ царитъ и въ предѣлахъ Понятія, элементы котораго пребываютъ въ состояніи разобщеннаго множества. А это означало бы полную гибель, или, вѣрнѣе, *изначальное небытіе* спекулятивнаго предмета.

Поэтому діалектическое «противорѣчіе» не только *можетъ* примириться, но *не можетъ не* возсоединиться. Оно каждый разъ и неизбѣжно возстановляетъ свое единство.

Это возсоединеніе происходитъ такъ, что каждая изъ сторонъ «отрицаетъ свое отрицаніе», направленное на противоположную сторону, и это даетъ ей возможность направить свое отрицаніе на себя, какъ на отрицающую. «Отринутое отрицаніе» не даетъ, однако, пустоты, или чистаго, безрезультатнаго отсутствія [132]): «негація негаціи» порождаетъ новый синтезъ, позитивный, творческій итогъ или «результатъ» [133]). Поэтому Гегель и называетъ эту вторую «негацію» — «совершенной», «конкретной», «безконечной», или «абсолютной» негаціей [134]). Она *совершенна* потому, что приводитъ Понятіе въ высшее, совершенное состояніе: «спекулятивное» состоитъ именно въ томъ, чтобы постигать «противоположное въ его единствѣ, или позитивное въ негативномъ» [135]). Она *конкретна* потому, что именно черезъ нее возникаетъ «кон-кретизація», т.-е. *сращеніе* противоположныхъ сторонъ, стоявшихъ доселѣ во враждѣ и въ отвлеченіи. Она *безконечна* потому, что она возвращаетъ Понятіе, черезъ возсоединеніе, къ нему самому: Понятіе, освобожденное отъ внутренняго раскола, вновь находитъ себя, утверждаетъ себя и притомъ утверждаетъ себя утвердившимся именно черезъ преодолѣніе угасшаго внутренняго раздора. Наконецъ, она *абсолютна* потому, что возстанавливаетъ абсолютный строй и порядокъ, тотъ строй, при которомъ реальность *едина* и *единственна,* такъ, что ея единствен-

---

[131]) Срв.: W. Beh 356. 360. Phän. 19. 26. 29 и др. [132]) Phän 65. 71. Log. III. 335. [133]) Срв. W. Beh 356—357. Phän. 19. 47. Log I. 105 Recht. 65 и др. [134]) Срв. Log. I. 120. 273. [135]) Log I. 44.

ность опредѣляетъ законъ ея внутренняго единства, а внутреннее единство питаетъ и поддерживаетъ ея свободу отъ всякаго инобытія, т.-е ея единственность.

Отрицаніе *отрицанія,* приводящее и къ отрицанію самого *отрицающаго,* какъ такового, могло бы повести къ чистому «ничто» лишь въ томъ случаѣ, если бы оно имѣло разсудочный, формальный характеръ. Категоричность и цѣлостность разсудочнаго «нѣтъ», придало бы ему, какъ всегда, опустошающій и разрушительный характеръ, потому что разсудокъ всегда стоитъ передъ дилеммой, передъ граненымъ противопоставленіемъ, негибкимъ, неподвижнымъ, мертвящимъ, — повинующимся закону тождества. Но спекулятивное «отрицаніе отрицанія» имѣетъ другую природу — живую, творческую, созидающую.

Строго говоря, его не слѣдовало бы даже называть «отрицаніемъ», ибо этотъ терминъ скрываетъ за собою обычное разсудочное содержаніе, сроднившееся съ формальнымъ противорѣчіемъ. Спекулятивное же «отрицаніе» слѣдуетъ понимать, отправляясь отъ идеи «реальной противоположности». Это «отрицаніе» есть по существу своему *живое, творческое непріятіе,* вовлекающее предметъ, именно въ силу этого, въ *живое, творческое пріятіе непріемлемаго.* Творческое отверженіе, само по себѣ, есть живое *отношеніе* отвергающаго къ отвергаемому. Это отношеніе, сколь бы ни былъ интенсивенъ его негативный уклонъ, заставляетъ *принять* отвергаемое, хотя бы для того только, чтобы его отвергнуть: потому что творческое отверженіе всегда будетъ по существу *предметнымъ,* т.-е. содержательно опредѣленнымъ *подлинною природою отвергаемаго.* Такое непріятіе есть всегда проявленіе *предметнаго отбора:* отвергаемое отвергается именно потому, что его объективное содержаніе *было принято* и оказалось *непріемлемымъ.*

Такъ, творческое непріятіе, даже самое послѣдовательное и непреклонное по формѣ, есть по существу — разновидность пріятія.

Однако, спекулятивное «отрицаніе» совсѣмъ не имѣетъ такого, чисто негативнаго характера. Какъ первое, несовершенное «отрицаніе», такъ и второе, совершенное, — отрицаютъ не въ порядкѣ цѣлостнаго и безусловнаго упраздненія или уничтоженія, но въ порядкѣ *ограниченія* и *восполненія.* То, что ими отрицается, есть не само *мысленное содержаніе,* но лишь его *чрезмѣрное притязаніе на исключительность.*

Такъ, Понятіе «раздваивается» потому, что изъ глубины его возникаетъ новое, скрытое доселѣ, содержаніе, которое обособляется и *отрицаетъ* притязаніе перваго на завершенность и исключитель-

ность. *Взаимность* этого «отрицанія» заостряетъ первоначальную вражду и непріятіе; но именно въ этой *взаимности отверженія* укрыта неизбѣжность *взаимнаго примиренія,* потому что глубокое, субстанціальное единство Всеобщности не можетъ поддаться *безнадежному* разрыву. Второе «отрицаніе» отвергаетъ, въ свою очередь, не враждующія между собою *мысленныя содержанія,* но лишь чрезмѣрныя притязанія каждой изъ сторонъ на исключительность и самобытность. И въ результатѣ этого обнаруживается уже не только пріятіе *ради отверженія,* но самое отверженіе осмысливается, какъ условіе и орудіе *истиннаго, спекулятивнаго пріятія.*

Понятно, что въ этомъ таинственномъ, спекулятивномъ процессѣ взаимнаго пріятія, составляющемъ самую глубокую сущность всей діалектики и вообще всей философіи Гегеля, — ни одна изъ сторонъ не погибаетъ и не исчезаетъ безслѣдно. Нѣтъ; между ними возникаетъ нѣкій спекулятивный симбіозъ, въ которомъ каждая, отказавшись отъ вражды и отринувъ свою самостоятельность, сохраняется сама и соблюдаетъ все богатство своего содержанія. Погибаетъ только ея неправомѣрное посягательство на полную самобытность и исключительность, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, исчезаетъ и *самостоятельность* ея содержанія и обособленность ея позиціи.

Гегель выражаетъ это такъ, что въ діалектическомъ процессѣ каждое опредѣленіе сохраняется «въ мѣру своей истинности» [136]); это особливое состояніе онъ выражаетъ терминомъ «aufheben» [137]). Этотъ терминъ передаетъ сразу и негативный, и позитивный характеръ даннаго состоянія. Съ одной стороны, опредѣленіе «снимается», т.-е. отрицается, упраздняется въ своей непомѣрной претензіи; съ другой стороны, оно «подъемлется», т.-е. не только не утрачивается (какъ все, что «поднято» и «унесено съ собою»), но возводится въ сохранности на высшую ступень бытія. То, что такимъ образомъ «подъято», оказывается сразу «отринутымъ и сохраненнымъ» [138]); «исчезнувшее» соблюдается [139]) ; оно переживаетъ [140]) свое «подъятіе» и осуществляетъ собою нѣкое «удержанное исчезновеніе» [141]). Правда, оно утрачиваетъ свою самостоятельность и, въ качествѣ «подъятаго», оказывается лишь «моментомъ» [142]) новаго, позитивнаго и реальнаго единства [143]). Но сохраненіе и восхожденіе гарантировано въ этомъ процессѣ *каждому* опредѣленію, сложившемуся въ движеніи Понятія.

---

[136]) Срв. Phän. 71. [137]) Срв. напр W.Beh. 356. 379. Phän. 144. 488 Log I. 110 Enc I 254 и др. [138]) Phän. 86. [139]) „verschwundenes . aufbewahrt“ Phän. 611. [140]) „überlebt“. Phän. 144. [141]) „aufgehaltenes Verschwinden“. Phän. 148. [142]) „nur als Moment“. Phän. 488; срв. Phän. 33. 34 и др. [143]) Срв. W.Beh. 356—357. 379. Log. III. 208.

Именно поэтому діалектическій процессъ оказывается *прогрессивнымъ развитіемъ и восхожденіемъ*. Возможность сохранить каждое новое опредѣленіе и включить его въ общій прогрессивно наростающій итогъ, лежитъ въ основаніи всей діалектики и обнаруживаетъ ея основную закономѣрность. Иными словами, эта *возможность* есть имманентная Понятію *необходимость спекулятивнаго возрастанія*. Отказываясь отъ изолированнаго самоутвержденія, стороны обнаруживаютъ и подтверждаютъ свою покорность высшему закону понятія и, соблюдая себя, творятъ новое, высшее состояніе Всеобщности. Діалектическій разрывъ заканчивается каждый разъ достиженіемъ своей цѣли, — спекулятивнымъ сращеніемъ разошедшихся сторонъ, въ которомъ обѣ стороны сохраняются и продолжаютъ свою творческую жизнь.

Вотъ почему Гегель описываетъ діалектическій процессъ, какъ осуществленіе или «реализацію Понятія» [144]). Спекулятивное Понятіе, конечно, всегда реально, какъ таковое: оно есть сама реальность [145]), сама субстанціальная стихія бытія. Но реальность его состоитъ въ самобытномъ, объективномъ обстояніи спекулятивнаго мысле-опредѣленія; а этихъ мысленныхъ опредѣленій въ Понятіи можетъ быть больше и меньше. Поэтому Понятіе будетъ имѣть тѣмъ болѣе «реальности», чѣмъ болѣе мысленныхъ опредѣленій въ немъ раскрыто и утверждено; или, что то же, чѣмъ далѣе оно продвинулось въ діалектическомъ процессѣ самоосуществленія. Каждое распаденіе увѣнчивается *новымъ синтезомъ* и новое распаденіе отнюдь не возвращаетъ Понятія къ старой непримиренности. Синтезъ, достигнутый послѣ «противорѣчія» настолько цѣленъ, настолько внутренно спаянъ и *содержательно единъ*, что возобновленіе діалектическаго процесса безсильно расторгнуть его на прежніе элементы и вернуть его къ старому [146]). Процессъ реализаціи не знаетъ задержекъ, возвратовъ, обратнаго движенія или повторенія. Правда, Понятіе, до самаго конца, не удовлетворяется никакимъ наступившимъ примиреніемъ, никакимъ относительнымъ, неисчерпывающимъ достиженіемъ: оно все снова и снова «портитъ себѣ ограниченное удовлетвореніе [147]) и снова предается «безконечному раздѣленію на единичность» [148]), увлекаемое «безпокойствомъ» спекулятивнаго самодвиженія [149]). Но природа *спекулятивнаго синтеза* такова, что этотъ процессъ неутомимаго распада порождаетъ все новыя и все *высшія* состоянія,

---

[144]) Срв. Phän. 63 301. Log. III. 206. 208. 208 [145]) См. главу четвертую. [146]) Log. I. 50. 51. 109. [147]) Phän 66. [148]) Phän. 532. [149]) Срв. Log. I. 186. Phän. 66. 400.

сохраняя всѣ раннія ступени въ позднѣйшихъ осуществленіяхъ и достиженіяхъ. Понятіе, неустанно раздирая ризы своего бытія, не только не изживаетъ самую основу ткани, но впервые создаетъ ее въ обновленной крѣпости и въ невиданномъ богатствѣ.

Теперь уже вполнѣ очевидно, что *прогрессивная* природа діалектики, составляющая самую сущность всей философіи Гегеля, опредѣляется *условностью* ея противорѣчій и *безусловностью* ея конкретнаго синтезированія. Тамъ, гдѣ субъективный разсудокъ настаиваетъ на безусловныхъ противорѣчіяхъ формальной логики, предметъ открываетъ условныя, т.-е. *примиримыя противолопожности* спекулятивныхъ опредѣленій. И, обратно, тамъ, гдѣ разсудокъ владѣетъ условнымъ, механическимъ синтезомъ признаковъ, разумъ открываетъ *безусловный, нерасторжимый, конкретный синтезъ* враждовавшихъ содержаній. И именно въ этомъ вся сущность діалектики: единство и побѣдность ея процесса покоются именно на томъ, что *противорѣчія ея не контрадикторны,* а *примиренія ея нерасторжимы.* Это и гарантируетъ *каждому* разрыву возможность исцѣленія и каждому исцѣленію невозможность впасть въ старый разрывъ.

Именно благодаря этому Понятіе въ своемъ единомъ движеніи непрестанно богатѣетъ спекулятивными опредѣленіями. Каждое діалектическое звено являетъ оку какъ бы недостаточно опредѣленную всеобщность, раздѣляющуюся на свои обособленія и восходящую къ новой, болѣе богатой опредѣленности. И, въ то же время, весь процессъ въ цѣломъ, являетъ единую Всеобщность, добывающую себѣ, черезъ страданія въ діалектическихъ разрывахъ, весь рядъ включаемыхъ единичныхъ опредѣленій. Каждый данный этапъ діалектики обнаруживаетъ эту работу единой, всепроникающей Всеобщности: болѣе раннее опредѣленіе движетъ изнутри процессъ распада и возсоединенія и утверждаетъ себя въ новомъ синтезѣ, но только въ «объективированномъ» видѣ [150]). Каждое діалектическое звено есть актъ единаго, всеобщаго Понятія и каждый новый драматическій эпизодъ заключается новымъ, конкретнымъ синтезомъ, закрѣпляющимъ все добытое и открывающимъ Понятію, новый неразложимый уровень самоопредѣленія.

Конкретность спекулятивнаго синтеза лежитъ въ основаніи всей жизни Понятія, — его развитія, его судьбы и его побѣды. Въ чемъ же природа этой высшей «конкретности»?

---

[150]) Log. III. 206.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Конкретное-спекулятивное.

Каждое великое и зрѣлое философское ученіе имѣетъ *основную идею,* скрывающую въ себѣ то «главное», то существенное, во имя чего это ученіе вынашивалось, созрѣвало и находило себѣ одѣяніе словъ. Эта идея закрѣпляетъ собою то обстояніе, которое открылось философствующему уму, плѣнило его и опредѣлило собою всю дальнѣйшую судьбу его философскаго вѣдѣнія. Предметное обстояніе, закрѣпленное въ такой «основной» идеѣ, разъ воспринятое субъективнымъ духомъ философа, — обычно въ силу «предустановленной гармоніи» между духовнымъ опытомъ мыслителя и ритмомъ самого предмета, — становится тѣмъ содержаніемъ, адэкватное выраженіе котораго оказывается жизненной задачей философствующаго ума. То, ради чего философъ несетъ бремя своего духовнаго опыта; то, чему посвящены его познающія и проявляющія усилія; то, чѣмъ «одержимъ», иногда безсознательно, его духъ, — составляетъ содержаніе этой основной идеи и, соотвѣтственно, этого «опыта». Философъ *служитъ* этому предметному обстоянію, иногда пожизненно; онъ отдаетъ всѣ силы своего духа на то, чтобы сдѣлать воспринятое — достояніемъ разума, чтобы соблюсти лучъ предметнаго откровенія и зажечь этимъ лучомъ познаніе каждаго живого человѣка. Отсюда пророческій пафосъ каждой великой философіи; отсюда ея несамоувѣренная увѣренность, ея тяготѣніе ко всеобщности и, подчасъ, ея геніальная однодумность: великій философъ живетъ въ *подлинномъ* лучѣ предмета, но, иногда, не болѣе, чѣмъ въ *одномъ,* единомъ лучѣ.

«Все *реальное* подлежитъ закону *спекулятивной конкретности*» — вотъ содержаніе того кардинальнаго опыта и той основной идеи, которому посвящена вся философія Гегеля. «Конкретность» составляетъ не только основной характеръ спекулятивной мысли, ея «существенный признакъ», ея essentiale; она не только опредѣляетъ собою итогъ *каждаго* діалектическаго распада и высшій ре-

зультатъ *всего* діалектическаго движенія: но она оказывается главной «движущей силой» и, въ то же время, «верховной цѣлью» всякаго бытія и становленія. «Конкретность» есть существенный, имманентный *ритмъ всякой жизни,* движущій изнутри всѣ предметы; она движетъ ихъ къ тому, чтобы они покорно и адэкватно осуществили *ея собственное* дыханіе, ея слово, ея законъ. Спекулятивной конкретностью опредѣляется исходъ и конецъ, начало и завершеніе. Все дышетъ и живетъ, чтобы осуществить ее, стать ея живымъ гимномъ. Каждая логическая категорія ищетъ въ самой себѣ и создаетъ, страдая, — ритмъ конкретности; этому ритму посвященъ и хаотическій разбродъ природы; его выковываетъ себѣ и душа человѣка, и духъ человѣчества; его творитъ, какъ достиженіе, и добродѣтельная воля, и прекрасный образъ искусства, и религіозное вѣрованіе, и философское вѣдѣніе. Можно обозначить спекулятивную конкретность, какъ сокровенную живую душу всѣхъ «логическихъ» и всѣхъ «міровыхъ» категорій; и, если имѣть въ виду, что каждая логическая категорія есть какъ бы «душа міра», то конкретность явится, какъ душа души космоса.

Конкретность можетъ разсматриваться, наряду съ этимъ, какъ критерій всяческой реальности и всяческой цѣнности [1]). То, что ей причастно, то реально и цѣнно; то, что ей совсѣмъ чуждо, то составляетъ ничтожную иллюзію. И чѣмъ больше спекулятивной конкретности въ какомъ-нибудь «опредѣленіи» или «состояніи», тѣмъ оно реальнѣе и цѣннѣе. Можно установить, что признаніе этого критерія реальности и цѣнности, какъ основного и универсальнаго, дѣлаетъ философа послѣдователемъ Гегеля; и обратно: сколько бы ни заимствовалъ мыслитель изъ идейнаго богатства этого великаго интуитивиста, сколько бы онъ ни подражалъ его «манерѣ», — безразличіе къ *основной идеѣ* сдѣлаетъ его чуждымъ и *основному опыту* «учителя». Гегеліанцемъ можетъ быть признанъ лишь тотъ, кто сознательно исповѣдуетъ, что *діалектическое осуществленіе реальной мыслью спекулятивной конкретности есть сущность всякаго бытія и всякой цѣнности.*

Замѣчательно, что категорія «конкретнаго», въ качествѣ самостоятельнаго способа бытія, не получила у Гегеля особаго мѣста ни въ одной наукѣ: ни въ логикѣ, ни, тѣмъ болѣе, въ одной изъ подчиненныхъ наукъ. Это объясняется именно ея центральнымъ и

---

[1]) Срв. напр. „besser, wahrer“. Log. I. 99. 248. Enc. I. 67. 170; „tiefer“. Beweise. 365; „vollkommner“. Enc. I 311; „das letzte, höchste“ Log. I. 64: „das Mächtigste, Uebergreifendste“. Log. III. 349. и т. д. срв.; W. Beh. 402.

универсальнымъ значеніемъ. Въ качествѣ категоріи категорій, она и не могла найти себѣ мѣста среди рядовыхъ «опредѣленій». Она *вездѣ* и, въ частности, *нигдѣ*. Она, какъ бы не «содержаніе», а глубочайшая природа всѣхъ содержаній. Можно было бы сказать, что она есть не «то, что», а «то, какъ»; однако, съ тѣмъ, существеннымъ добавленіемъ, что этотъ способъ бытія всегда *меняетъ* самое *содержаніе* покорныхъ ему категорій и измѣряетъ собою степень ихъ реальности и цѣнности. Можетъ быть, именно эта углубленная и скрытая «вторичность» идеи «конкретнаго» мѣшала доселѣ комментаторамъ и критикамъ Гегеля осознать ее и раскрыть.

Понятно, что такое использованіе идеи «конкретнаго» возможно было только при томъ условіи, чтобы Гегель «увидѣлъ» за этимъ древнимъ и вывѣтрившимся отъ постояннаго употребленія терминомъ — его «первоначальное» и, въ то же время, «новое» значеніе. Нужна была вся сила его интуитивнаго видѣнія для того, чтобы «возстановить» глубокое содержаніе, названное этимъ, свиду безцвѣтнымъ, словомъ. И, дѣйствительно, Гегель именно *возродилъ* этотъ терминъ, раскрывъ за нимъ обстояніе величайшей значительности: «конкретно» то, что особымъ образомъ «*сращено*», возникнувъ изъ двойственности или многообразія.

Возрождая идею «конкретнаго» и придавая ей новое, углубленное, «спекулятивное» значеніе, Гегель поставилъ ее въ рядъ другихъ, гносеологическихъ категорій, въ качествѣ послѣдняго и высшаго звена этого ряда. Таковы категоріи «конкретнаго-эмпирическаго», «абстрактнаго-формальнаго», «абстрактнаго-спекулятивнаго» и, наконецъ, «конкретнаго-спекулятивнаго». Весь этотъ рядъ расположенъ отъ худшаго и низшаго, въ порядкѣ восхожденія, къ лучшему и высшему, при чемъ сходно-именные коррелаты попарно соединены въ центрѣ и разъединены на концахъ. Вся лѣстница, состоящая изъ четырехъ ступеней, распадается на двѣ части — низшую (познаніе «эмпирическое» и «формальное» [2]), и «высшую» (познаніе «спекулятивное» [3]), при чемъ истинное, спекулятивное познаніе осуществляетъ два состоянія: «абстрактности» и «конкретности». Для того, чтобы подняться къ нимъ, познающій человѣкъ долженъ преодолѣть два низшихъ, отвергнутыхъ Гегелемъ способа познанія, съ тѣмъ, однако, чтобы сочетать «конкретность» первой съ «абстрактностью» второй. Катарсисъ познанія состоитъ въ томъ, что отъ «конкретнаго-эмпирическаго» отметается «эмпирическій» характеръ, но сохраняется идея «конкретнаго»; а отъ

---

[2]) См. главы первую и вторую. [3]) См главы третью и четвертую.

«абстрактнаго-формальнаго» отдѣляется «формальный» характеръ, но сохраняется идея «абстрактнаго» [4]). Высшая сфера образуется черезъ *спекулятивное* обновленіе обѣихъ сохраненныхъ идей и ихъ своеобразное взаимное проникновеніе.

Такой отчетливой, расчлененной схемы, состоящей изъ четырехъ ступеней, Гегель самъ не даетъ и послѣдовательно ее нигдѣ не раскрываетъ. Особенно трудно найти у него зрѣлое расчлененіе двухъ видовъ «абстракціи». И тѣмъ не менѣе, слѣдуя его указаніямъ, вполнѣ возможно установить природу «спекулятивной абстрактности».

«Спекулятивная абстрактность» есть тотъ способъ познанія, который опредѣляется, какъ «самозабвенное созерцаніе объективнаго понятія» [5]). Согласно этому, спекулятивное, созерцающее мышленіе есть именно тотъ путь, который открываетъ «абстрактно-спекулятивное» состояніе *самого предмета.* Состояніе самого предмета «абстрактно», во-первыхъ, постольку, поскольку «форма понятія» [6]) составляетъ его стихію, его «элементъ»: спекулятивному предмету свойственно быть *мыслью* и познаваться *въ мысли* [7]); однако, оно является уже не «формальнымъ» понятіемъ со всѣми его дефектами и пороками, а объективнымъ, живымъ Понятіемъ, со всѣми его достоинствами и способностями. Состояніе самого предмета «абстрактно», во-вторыхъ, постольку, поскольку онъ еще не развернулъ, въ процессѣ самоопредѣленія, *всего* своего содержанія, и не сталъ еще «Идеею» [8]). Въ этомъ смыслѣ спекулятивный предметъ «абстрактенъ», какъ *нераскрытая потенція совершенства,* т.-е. какъ несовершенное состояніе Понятія. Это означаетъ, что въ предметѣ обнаруживается нѣкоторый «недостатокъ различія» [9]), нѣкая «свернутость» или «нераскрытость» [10]); предметъ страдаетъ недостаточной опредѣленностью [11]) въ своемъ содержаніи: Понятіе уже спекулятивно, но еще «просто», «бѣдно», «скудно», «непосредственно» и не наполнено [12]). Но эта «простота» и содержательная «бѣдность» уже не скрываютъ въ себѣ той опасности, которая таилась въ *формальной* абстракціи: живое творчество объективнаго понятія способно преодолѣть этотъ недостатокъ и *не* спо-

---

[4]) Срв. о наличности *трехъ* сторонъ въ каждомъ понятіи: разсудочной, діалектической и спекулятивной. Enc. I. 146—147 [5]) См. главу третью. [6]) „Form des Begriffs" Glaub. 103. 106. [7]) Срв. Glaub. 103 116 156 — 157. Enc. I 7 28. 142. 324. [8]) Срв. Enc. I. 324. [9]) „Mangel der Differenz". W. Beh. 399 [10]) „als ein Eingehülltes und Unentfaltetes". W. Beh. 399. [11]) Срв. Log. III. 347. Recht. 214. 215. [12]) Срв Log. III. 5. 333 Enc. I. 113. 362. Enc. III. 309. 354 и др.

собно сохранить его. Однако, преодолѣніе содержательной пустоты происходитъ лишь постепенно, въ процессѣ діалектическаго расхожденія и спекулятивной конкретизаціи. И вотъ, этотъ процессъ и обнаруживаетъ истинное соотношеніе между «абстрактнымъ» и «конкретнымъ» въ сферѣ спекулятивной жизни.

«Абстрактное» и «конкретное», съ одной стороны, постоянно совмѣщаются и *совпадаютъ:* ибо ритмъ спекулятивной конкретности есть ритмъ самой *мысли,* самого *объективнаго понятія,* т.-е. самой «спекулятивной абстракціи». Тамъ, гдѣ нѣтъ «абстрактнаго спекулятивнаго», т.-е. объективнаго понятія, тамъ, естественно, невозможенъ и его своеобразный ритмъ, его имманентный законъ, т.-е. невозможна *конкретность.* Съ другой стороны, «абстрактное» и «конкретное» до извѣстной степени *исключаютъ* другъ друга: чѣмъ болѣе «абстрактности» въ объективномъ понятіи, тѣмъ менѣе въ немъ «конкретности»; и обратно: конкретизація понятія заполняетъ его пустоту, насыщаетъ его неопредѣленность, и, тѣмъ самымъ, освобождаетъ его отъ «абстрактной» неудовлетворительности. Въ процессѣ развитія и опредѣленія Понятія, абстрактное *само* зацвѣтаетъ новыми опредѣленіями, обогащается содержаніемъ и «конкретизируется».

Понятно, что «спекулятивная абстрактность», въ этомъ второмъ значеніи своемъ, имѣетъ различныя степени, такъ, что начало діалектическаго процесса являетъ ея максимумъ и, въ то же время, минимумъ «конкретности»; а конецъ спекулятивнаго ряда осуществляетъ максимумъ «конкретности» и минимумъ «абстрактности». Это соотношеніе слѣдуетъ представлять себѣ такъ, что въ исходной категоріи «Бытія» — *конкретность* содержится въ потенціальномъ видѣ, а въ завершающей категоріи «Идеи» — потенціальный характеръ всецѣло присущъ *абстрактности.* Иными словами, въ началѣ Понятіе имѣетъ максимумъ неопредѣленности, въ глубинѣ которой скрывается возможность «грядущаго» содержательнаго богатства; наоборотъ, въ концѣ Понятіе владѣетъ всѣмъ своимъ содержаніемъ, раскрываетъ максимумъ своего богатства, а «непосредственная скудость» сохраняется лишь какъ преодолѣнная возможность «прошлаго».

Отсюда уже ясно, что спекулятивная конкретность имѣетъ различныя градаціи и *степени* [13]). Но эта способность къ градаціи характеризуетъ не природу самаго сращенія, а лишь *объемъ раскрываемаго содержанія.* Понятіе можетъ быть «менѣе конкрет-

[13]) Срв. напр. Log. I. 71. 99. 100. Log. III. 349. Enc. I. 21. 60. 169. 311. 324. 350. Enc. II. 247. Enc. III. 3. 428. Ph. G. 71. Beweise. 365. 366.

нымъ» и «болѣе конкретнымъ»; однако, не въ томъ смыслѣ, что элементы его *срастаются* то «менѣе», то «болѣе», — то оставаясь во внѣшней связи, въ простомъ сопоставленіи, то завязывая тѣсныя и внутреннія отношенія. Нѣтъ, природа самаго сращенія остается всюду одинаковой: она сохраняетъ на всѣхъ ступеняхъ свой единый, спекулятивный характеръ. Мѣньшая конкретность Понятія означаетъ только сравнительную неполноту его содержанія: оно можетъ включать въ себя *бо́льшее число различныхъ опредѣленій,* чѣмъ содержитъ въ данномъ «менѣе конкретномъ» своемъ состояніи; но связь этихъ опредѣленій другъ съ другомъ остается всегда одинаково спекулятивной и одинаково конкретной.

Спекулятивная конкретность имѣетъ, такимъ образомъ, два значенія: она указываетъ, во-первыхъ, на *объемъ спекулятивнаго содержанія;* во-вторыхъ, — на *внутреннее соотношеніе элементовъ* этого содержанія (собственно, на ихъ «сращенность»). Возрастаніе содержанія не увеличиваетъ, но и не умаляетъ, не искажаетъ, но и не совершенствуетъ этой внутренней сращенности; однако, наличность внутренней сращенности не гарантируетъ, сама по себѣ, содержательной *полноты* Понятія.

Согласно основному закону, объемъ спекулятивнаго Понятія есть не что иное, какъ составъ его содержанія, а содержаніе его состоитъ изъ всѣхъ опредѣленій, входящихъ въ его объемъ: ибо Всеобщее включаетъ въ себя всѣ свои видоизмѣненія, въ качествѣ своихъ живыхъ частей [14]). И вотъ, Понятіе является тѣмъ болѣе конкретнымъ, чѣмъ *обширнѣе* его *объемъ,* или, что то же, чѣмъ *полнѣе его содержаніе.*

Спекулятивная конкретность указываетъ всегда на то, что Понятіе не пусто [15]) въ своемъ внутреннемъ составѣ, что оно имѣетъ извѣстное «содержаніе и наполненіе» [16]). Это значитъ, что оно содержитъ въ себѣ, по крайней мѣрѣ, *одно* отношеніе, т.-е. *два* различныхъ опредѣленія [17]). Но эта раздвоенность указываетъ уже на то, что «конкретное» само въ себѣ «развивается» [18]) и «развертывается» [19]), что оно увеличиваетъ свое «протяженіе» [20]), становится «шире» и «богаче» [21]). Поэтому можно сказать, что «конкретность» Понятія свидѣтельствуетъ о *множественности,* скрытой

---

[14]) См. главу пятую. [15]) „nicht leer". Срв. Log III. 40. Recht. 402. [16]) „mit Inhalt und Erfüllung". Phän 41. 42. 43. Log. I. 130. Log III. 40. 68. 352. Enc. I 60. Recht. 402. [17]) Срв. Log. I. 70. Enc. I. 170. [18]) Log. III. 149. Recht. 324. [19]) Enc. I. 22. [20]) Log III. 349. Enc. I. 331: „Ausdehnung". [21]) „reicher", „weiter". Log. I. 41. 73. 248. Log. III. 349. Enc. I. 331. Recht. 64. Ph. G. 63. Beweise. 364.

въ его объемѣ, и о *разнообразіи* его содержанія. То, что конкретно, то обладаетъ «многими качествами» [22]) или «опредѣленіями» [23]), такъ, что оно становится тѣмъ конкретнѣе, чѣмъ больше его объемъ [24]). Но это обиліе отличается въ то же время разнообразіемъ. Конкретное опредѣлено не только множественно, но и *многообразно:* оно содержитъ въ себѣ много *разныхъ* опредѣленій [25]), свойствъ [26]) и связей [27]) и обладаетъ, вслѣдствіе этого, цѣлымъ «богатствомъ» [28]) содержанія. Это есть нѣкая «богатая» и «пестрая полнота» [29]), живое [30]), содержательное богатство мысленныхъ опредѣленій. Чѣмъ конкретнѣе Понятіе, тѣмъ оно богаче, и, достигая вершины бытія, оно становится «самымъ богатымъ» [31]), — т.-е. «самымъ развитымъ» [32]), «завершеннымъ» по составу своихъ опредѣленій [33]).

Поэтому можно сказать, что спекулятивная конкретность представляетъ всегда *многообразіе, сросшееся въ единство* и, притомъ, именно *многообразіе спекулятивно-мысленныхъ опредѣленій.* Это богатство реальныхъ смысловъ возникаетъ не сразу, но въ долгомъ процессѣ діалектическаго страданія. Живые, объективные смыслы накапливаются лишь постепенно, въ результатѣ множества «раздвоеній» и «возсоединеній». Каждое діалектическое «расхожденіе» заканчивается примиреніемъ, т.-е. синтезомъ, *сохраняющимъ* обѣ противоположныя стороны. И въ результатѣ составъ опредѣленій все увеличивается.

Итакъ, спекулятивная конкретность возникаетъ не «сразу изъ множства», какъ въ эмпирическомъ мірѣ, а всегда изъ разъединенной *двоицы.* Стороны, вступающія другъ съ другомъ въ конкретный синтезъ, сочетаются не случайно и не въ порядкѣ внѣшняго сопоставленія чужеродныхъ величинъ, какъ это бываетъ въ мірѣ явленій, нѣтъ, онѣ возникаютъ изъ единаго, общаго лона, изъ первоначальной Всеобщности, и создаются ею посредствомъ необходима-

---

[22]) „von vielen Qualitäten“ Срв. Log III. 78. 129. Enc. I. 331. Enc II 301. [23]) „mehrere Bestimmungen“. Log. I. 114. [24]) „desto mehrere Seiten“. Enc I. 350. [25]) „in sich mannigfaltig Bestimmtes“. Log. I 69. 71. Log. II. 101. Log III. 73. „in sich verschiedene Bestimmungen enthaltend“. Log I. 73. 114. Enc. I. XVI. 69. 157. Enc. II. 247. [26]) „mannigfaltige Beschaffenheit“. Recht. 4. [27]) „mannigfaltiger Zusammenhang“. Enc. I. 98; срв „innere Verhältnisse“: Log I. 246, „Beziehung“. Log I 248. [28]) Срв. Phän. 16. 58. 436 551. Log. I. 47. Ph. G. 53. Beweise. 343 [29]) „reiche Fülle“. Phän. 6, „bunte Fülle“. Phän. 551. [30]) „der Reichthum des entfalteten Lebens“. Phän. 436, срв. Phän. 42. Log. I. 33. Recht. 402. Beweise. 458 [31]) „das Reichste“. Log. III. 37. 58. 349. Enc. I. 21. [32]) „entfaltetste“. Enc. I 21 [33]) „Vollständige Bestimmtheit“. Log. III. 88. Enc. I 361; „vollendet“. Enc I. 284.

ю самоотрицанія [34]). Такимъ образомъ, срастающіяся стороны связаны всегда какъ бы кровнымъ родствомъ, общностью одинаковаго возникновенія. Вслѣдствіе этого, діалектическое расхожденіе оказывается всегда помѣщеннымъ между двумя синтезами: первоначальнымъ, исходнымъ единствомъ, — не-до-опредѣленною Всеобщностью; и послѣдующимъ, заключительнымъ единствомъ, — опредѣлившеюся Единичностью. Однако, судьба этой обогащенной Единичности въ томъ, чтобы вновь утвердить себя, какъ не-до-опредѣленную Всеобщность, и возобновить, посредствомъ самоотрицанія, діалектическую распрю. Но это возобновленіе невозможно до тѣхъ поръ, пока не завершится процессъ конкретнаго срастанія между сторонами: новое распаденіе возникаетъ лишь послѣ *полнаго сращенія враговъ*, послѣ установленія ихъ истинной и цѣлостной «конкретности» [35]).

Весь этотъ процессъ самообогащенія, совершающійся въ Понятіи, протекаетъ въ единомъ и единственномъ руслѣ. Въ эмпирическомъ мірѣ процессы множественны и параллельны; спекулятивный рядъ представляетъ изъ себя строгое, закованное единство, постепенное, прогрессивное нарастаніе. Мѣрно чередуя сращеніе и разложеніе, Понятіе періодически возобновляетъ въ себѣ драму внутренняго раздвоенія и каждый разъ, разрѣшая ее, обновляется въ своемъ содержаніи. Сила конкретнаго синтеза каждый разъ угашаетъ не только *вражду* противостоящихъ опредѣленій, но и самыя эти опредѣленія въ ихъ непокорномъ своеобразіи; и, угашая, сохраняетъ. Ихъ угасаніе гарантируетъ развитіе отъ регресса; ихъ сохраненіе обезпечиваетъ его отъ безплодности. Итакъ, спекулятивный процессъ сращиваетъ всегда «двойственное» въ порядкѣ «сосуществованія», и «множественное» въ порядкѣ «послѣдовательности».

Эти формальныя черты «конкретизація» [36]) сохраняетъ на всѣхъ ступеняхъ процесса. Спекулятивное Понятіе, не выходя изъ себя въ предѣлахъ науки, развивается въ своемъ собственномъ, внутреннемъ содержаніи, само въ себѣ раскалываясь и само въ себѣ возсоединяясь. Оно богатѣетъ въ своихъ собственныхъ предѣлахъ, подобно внутренно-дифференцирующейся монадѣ, и, въ то же время, остается единою, всеобъемлющею Всеобщностью, подобно завершенной субстанціи. Богатство его опредѣленій достигаетъ, наконецъ, максимальной полноты и Понятіе восходитъ на высшую

---

[34]) См. главы пятую и шестую. [35]) См. главу шестую. [36]) „Konkretion“ Phän. 473 Log. I. 8. 33. Log. III. 40. 126. 127. 170. 261. Enc. II. 149. 247. Enc. III. 46.

ступень: оно попрежнему остается единою, субстанціальною Всеобщностью, но обладаетъ уже *всѣмъ* своимъ содержаніемъ. Понятіе становится цѣлокупностью или «*тотальностью*» [37]) мыслепныхъ опредѣленій.

Быть «тотальностью» значитъ осуществлять способъ жизни, доступный только *спекулятивному* ряду. Конкретное-эмпирическое не можетъ сложиться въ исчерпывающій, завершенный синтезъ. объять *все* можетъ только *разумъ;* соединиться во *всеобъемлющее* [38]) единство можетъ только *разумное.* Но спекулятивная конкретность есть именно конкретность «разума и идеи» [39]) и *ея* силами «исчерпывающая тотальность» осуществляется *по необходимости.* Въ процессѣ спекулятивнаго само-обогащенія Понятіе неизбѣжно становится *тотальностью живыхъ смысловъ.* его объемъ достигаетъ максимальныхъ размѣровъ или, что то же, его содержаніе исчерпываетъ собою всѣ возможныя «существенныя различія» и «противоположности» [40]). Нѣтъ существенныхъ опредѣленій, которыя не были бы созданы и положены въ себѣ Понятіемъ: оно становится великимъ спекулятивнымъ *цѣлымъ:* творческимъ единствомъ въ живомъ множествѣ, или иными словами, *единымъ Смысломъ, сотканнымъ изъ всѣхъ существенныхъ смысловыхъ опредѣленій.*

Таковъ *объемъ* спекулятивной конкретности. онъ всегда включаетъ въ себя *всѣ срастающіяся* содержанія, а на высшей ступени— *всѣ возможныя существенныя* видоизмѣненія спекулятивнаго смысла.

Но самое глубокое значеніе конкретности раскрывается только при изслѣдованіи *внутренняго соотношенія* срастающихся опредѣленій. Въ самой природѣ этого «срастанія» скрывается идейный корень всей «спекулятивной» философіи.

Сущность этой «конкретизаціи», какъ и всей философіи Гегеля, не можетъ быть понята одною абстрактною мыслью. Ее необходимо представить себѣ воочію, наглядно, установивъ силою воображенія наличность двухъ реальныхъ сущностей, противоположныхъ по содержанію, но способныхъ къ нѣкоторому примиренно-творческому соотношенію. Все, что затѣмъ будетъ высказано объ этихъ сущностяхъ необходимо также вообразить, въ качествѣ реальнаго, живого состоянія, свойственнаго этимъ реальностямъ.

Съ самаго начала должно быть понятно, что синтезъ, имѣющій связать обѣ стороны, не можетъ носить поверхностнаго, внѣшняго, или механическаго характера [41]). Конкретный синтезъ не можетъ

---

37) Срв. Log. III. 73. 150. 352 и др. 38) „allumfassend“ Glaub. 157; „gleich Allem“. Diff. 208. Log. II. 155. 39) Enc. I. 404. 40) См. главу шестую 41) См. главу первую.

быть простымъ «аггрегатомъ»[42]) или «формальнымъ единствомъ»[43]) разныхъ частей, остающихся «другъ возлѣ друга»[44]) и лишь «сочетающихся»[45]) подобно атомамъ[46]) въ безформенный[49]) и внѣшній[50]), мертвый[51]) и неподвижный[52]) порядокъ[53]). Такого рода «соединеніе» присуще эмпирическимъ элементамъ, какъ таковымъ; но среди спекулятивныхъ реальностей оно не имѣетъ мѣста. Здѣсь опредѣленія соединяются существеннымъ, внутреннимъ образомъ и это внутреннее соединеніе беретъ свое начало отъ ихъ необходимой противоположности.

Конкретный синтезъ начинается съ того, что два противоположныхъ опредѣленія, порожденныя само-отрицаніемъ Понятія, отказываются отъ центробѣжнаго тяготѣнія и отъ попытокъ утвердить себя въ противоположеніи и самостоятельности. Они «отрицаютъ» свое взаимное «отрицаніе» и, въ результатѣ этого, на первый планъ выступаетъ та конститутивная связь, которая связывала ихъ въ самой ихъ противоположности[54]).

Между обѣими сторонами обнаруживается нѣкоторое постоянное и необходимое «отношеніе»[55]). Это отношеніе состоитъ въ томъ, что каждая сторона имѣетъ въ другой свою «предпосылку»[56]), свой коррелатъ. Каждая утверждала себя въ «абстрактности», но обѣ «абстракціи» были относительны[57]) и *со-относительны:* ни одна изъ нихъ не могла быть ни «утверждена», ни «взята» безъ другой[58]). Каждая сторона стремилась къ самостоятельности, но именно это-то и привязывало ее по существу къ другой[59]), отъ которой она хотѣла *не зависѣть*. Каждая *ограничивала* другую[60]) и тѣмъ опредѣляла ее; и, вслѣдствіе этого, каждая утверждала себя черезъ[61]) свое отношеніе къ другой: черезъ отрицаніе своей противоположности[62]). Оказывается, что въ самомъ отрицаніи своемъ стороны были *необходимы* другъ для друга[63]) и, потому, *неразрывны*[64]); каждая представляла изъ себя нѣчто своеобразное[65]) и самобытное и, тѣмъ не менѣе, обѣ онѣ съ самаго начала были предначертаны судьбою другъ для друга. Нынѣ имъ предстоитъ *при-*

---

42) Glaub. 23. Enc. III 303. 43) Glaub. 29. Diff. 230. 44) Diff. 197. 259. 45) Diff 281. W. Beh. 334. Log. I. 185. 239. Enc. I. 257. 46) Glaub. 114. 49) W. Beh 337. 50) W. Beh. 337. Log. I. 39. 96. 239. Enc. I. 36. 187 51) Log. I 50. 52) Log I. 50. 53) W. Beh. 334. Enc. I 23. 54) См. главу шестую. 55) „Beziehung". Срв. Log. I. 30. 56) „Voraussetzung" Log. I. 196. 57) „als relative". Log. I. 99. 58) Log. I. 156. 59) „wesentlich Zusammenhängen". Log. I. 195. 60) „Schranke". Log. I. 196. 61) „vermittelst". Log. I. 197. 62) Срв. Log I. 191—192. 63) „unentbehrlich". Log. I. 386. 64) „untrennbar„. Log. I. 90. 108. 182. 196. 386. 65) „eigene.. Bestimmung". Log. I. 182.

нять эту судьбу и придать своей связи зрѣлый и завершенный, положительный [66]) характеръ.

Итакъ, обѣимъ сторонамъ предстоитъ «принять» другъ друга и творчески закрѣпить это взаимное «пріятіе». Оно начинается непосредственно со «второго» отрицанія [67]). Каждая сторона «отрицаетъ» себя [68]); но не цѣликомъ, а лишь въ мѣру своей мнимой самостоятельности. Отринуть свою самостоятельность, значитъ *признать* то, что не даетъ ей расцвѣсти, — значитъ утвердить нѣчто «другое», какъ воздѣйствующее на меня и опредѣляющее меня. И вотъ, каждая сторона убѣждается въ томъ, что она вынуждена признать себя въ зависимости отъ другой, признать, что «другая» *опредѣляетъ* [69]) ее, или иначе, что *въ лицѣ другой она имѣетъ свое существенное свойство*. Оказывается, что «о каждомъ опредѣленіи должна быть высказана его противоположность» [70]), или иначе: каждое опредѣленіе оказывается присущимъ своему «противоположному», — свойственнымъ ему, присутствующимъ въ немъ, «входящимъ» въ него. Выражая эту «присущность» динамически, можно сказать: «каждая сторона переходитъ въ другую».

Такъ именно Гегель и описываетъ эту стадію конкретизаціи. Каждая сторона, отказавшись отъ самостоятельности, «снимаетъ сама себя» [71]) и «полагаетъ себя» въ свою противоположность [72]), а свою противоположность въ себя [73]). Каждая «сама по себѣ и по своему опредѣленію» [74]), «черезъ себя» [75]) и «изъ себя» [76]) «переходитъ» [77]), или, какъ бы «превращается» въ другую [78]). Самостоятельность превращается въ этотъ взаимный «переходъ» [79]) и обѣ стороны «разрѣшаются» [80]) въ это «переходящее туда-сюда взаимоопредѣленіе» [81]). Врагъ утверждаетъ себя въ своемъ врагѣ, или, что то же, превращаетъ себя —въ своего собственнаго врага [82]). И такъ — съ обѣихъ сторонъ: обѣ противоположности переходятъ одна въ другую и этотъ «двойной переходъ» [83]) полагаетъ конецъ ихъ враждѣ.

Вражда противоположностей прекращается вслѣдствіе того, что въ нихъ исчезаетъ самая противоположность: ихъ содержаніе под-

---

[66]) „das Affirmative der Beziehung“. Log. I. 90. [67]) См. главу шестую. [68]) Log. I. 159. [69]) Срв. Log. I. 153 „Wechselbestimmung“. [70]) Log. I. 182. [71]) Log. II. 62. [72]) Log. II. 59. Beweise. 341—342. [73]) Log. I. 152. [74]) Log. I. 152. [75]) Log. I. 108. Log. II. 112 [76]) Log I 198. [77]) „übergehen“. Log I. 108 108. 198. 256. 400 Log. II. 59. 112 Enc. I. 157. [78]) „umschlagen“. Log. I. 153. [79]) Log. I. 400. [80]) „Auflösung“. Enc I. 157 [81]) Log I. 155. [82]) Срв.: „Sich als das Andere ihrer selbst zu setzen“. Log I. 198; „Sich zu dem Anderen seiner macht“. Log. II. 62. [83]) „Nothwendigkeit des doppelten Uebergangs“. Log I. 392.

ргается *спекулятивной ассимиляціи* и въ результатѣ этого діалектическій раздоръ смолкаетъ.

Сущность этой спекулятивной ассимиляціи состоитъ въ томъ, что каждая изъ сторонъ *живымъ творческимъ* образомъ *пріемлетъ* въ себя *все содержаніе* другой стороны и цѣлостно вживаетъ его въ свое собственное содержаніе. И обратно: каждая изъ сторонъ цѣлостно отдаетъ все свое содержаніе другой сторонѣ, пріемлется ею и вживается въ ея, доселѣ самостоятельное, содержаніе. Каждая переводитъ другую на *свой* языкъ, и сама переводится на *ея* языкъ. Или, иначе, каждая выражаетъ чужое содержаніе въ своихъ «понятіяхъ» и предоставляетъ другой выразить свои опредѣленія въ *ея* «понятіяхъ». Происходитъ, своеобразный обмѣнъ логическими содержаніями, или, если угодно, — спекулятивными дарами. Каждая отдается и каждая пріемлетъ. Чужое содержаніе становится какъ бы новымъ способомъ жизни, или заданнымъ къ ассимиляціи матеріаломъ. Каждая изъ сторонъ переживаетъ «своеобразное непосредственное возникновеніе» [84]) или рожденіе въ предѣлахъ другой, она «является» [85]), обнаруживается въ ней, «выступаетъ» [86]) въ ея жизни какъ бы новымъ узоромъ. И въ результатѣ этого *спекулятивнаго симбіоза* между сторонами слагается новое, своеобразное и утонченное отношеніе.

Изъ двухъ, противоположныхъ сторонъ, — «А» и «В», — каждая получаетъ двойное бытіе: во-первыхъ, она есть «въ себѣ», во-вторыхъ, она есть «въ другой».

Постольку, поскольку она есть «въ себѣ», она не чужда и не противоположна другой, потому, что она приняла ее въ себя: она имѣетъ въ себѣ свою собственную противоположность, она включила ее въ себя и стала сама ею. «А» есть уже «В in А»; т.-е. не только «А», и не просто «А+В» (ариѳметическая сумма, механическое сосуществованіе), но такое «А», которое творчески внѣдрило въ себя «В»: оно есть, «А», но «А», вработавшее въ себя «В»; оно есть «В», но «В», вработанное своимъ содержаніемъ въ «А». Или, иначе, «А» есть «В in А».

Постольку, поскольку каждая изъ сторонъ есть «въ другой», она тоже не чужда и не противоположна ей потому, что она принята ею и усвоена: она обрѣтается въ своей собственной противоположности, она включена ею и претворена въ нее. «А» есть «А in В»; т.-е. не только «А», и не просто «А+В», но такое «А», которое творчески внѣдрено въ «В»: оно есть «А», но «А», вработанное

---

[84]) „Entstehen an dem Andern“. Log. I. 153. [85]) „erscheint“. Enc. II. 142. [86]) „hervortritt“. Log. I. 153.

своимъ содержаніемъ въ «B»; оно есть «B», но «B», вработавшее въ себя «A». Или, иначе, «A» есть «A in B».

Результатъ, достигнутый на этой стадіи, можетъ быть условно выраженъ такъ: «A» есть («B in A») + («A in B»); а «B» есть («A in B») + («B in A).

Это состояніе бывшихъ противоположностей Гегель описываетъ такъ: каждая сторона «есть сама по себѣ своя противоположность» [87]), потому что она имѣетъ «въ себѣ» [88]) и «при себѣ» [89]) опредѣленія «своего другого». Каждая «содержитъ» [90]) другую и, въ свою очередь, каждая есть «то, что она есть въ другой» [91]). Содержаніе одной «включено» въ другую [92]) и каждая «содержитъ въ самой себѣ — себя и свое противоположное» [93]). Это можно выразить такъ, что каждая сторона становится «единствомъ себя и своего другого» [94]). Отношеніе «противоположности» постепенно уступаетъ свое мѣсто отношенію «подобія»: обѣ стороны содержатъ «A», и обѣ стороны содержатъ «B»; и потому можно сказать, что одна сторона «есть то же самое, что и другая» [95]). Или, иначе: «каждая есть сама по себѣ единство обѣихъ» [96]).

Такова стадія *спекулятивной ассимиляціи*. Она начинается съ того, что стороны продолжаютъ [97]) себя одна въ другой; и кончается тѣмъ, что содержаніе ихъ становится *одинаковымъ*. «Каждая есть» теперь «она сама и ея другое» [98]). Попрежнему на лицо имѣются *два* единства [99]); но оба они качественно подобны другъ другу, т.-е. имѣютъ одно и то же содержаніе [100]). Гегель описываетъ это отношеніе, какъ «тождество съ собою и съ другою» стороной [101]).

Не слѣдуетъ, однако, понимать спекулятивную ассимиляцію такъ, что она угашаетъ *всякое* различіе между сторонами. Это взаимное уподобленіе имѣетъ свой необходимый и естественный предѣлъ въ томъ, что съ самаго начала стороны были *и* различны, *и* противоположны. Каждая изъ нихъ, пріемля содержаніе другой, въ качествѣ спекулятивнаго дара, не утрачиваетъ тѣмъ самымъ своего собственнаго, самобытнаго содержанія, но сохраняетъ его и полагаетъ его въ основу творческаго ассимилированія. Собственное

---

[87]) Log. I. 109. Log. II. 157. [88]) „in jedem“. Log. I. 156. [89]) „an ihm selbst“. Log. I. 153. 167. 226. Log. II. 160. [90]) „enthält“. Log. I. 226. 386. Log. II. 66. 152. Enc. I. 243. [91]) Log. I. 380. [92]) Срв. „schliesst in sich“. Log. III. 341. [93]) Enc. I. 243; срв. Log. I. 167. [94]) Log. I. 153. 157. Log. II. 26. [95]) Log. II. 173. [96]) Log. I. 157. 458. [97]) „Kontinuiren“, „Kontinuation“. Срв. Log. I. 458. Log. II. 159 и др. [98]) Log. II. 49. [99]) Log. I. 157. 458. [100]) „Dieselbigkeit der Qualitäten“. Log. I. 458. [101]) Log. II. 160.

содержаніе остается тою средою, которая пріемлетъ и преломляетъ въ себѣ дарованное извнѣ содержаніе. Каждая изъ сторонъ «излучается въ другую», но каждая имѣетъ своеобразную опредѣленность [102]); и вотъ, два различныхъ «исходныхъ пункта» порождаютъ два различныхъ «результата» [103]) Обѣ стороны содержатъ въ себѣ «А» и «В», и, притомъ, въ видѣ спекулятивнаго единства; но единство это опредѣлено въ каждой по своему [104]). Различіе опредѣляется тѣмъ, что въ одной изъ нихъ опредѣленіе «А» оказывается «сущимъ по себѣ», а опредѣленіе «В» лишь «полагается» въ него [105]); въ другой — опредѣленіе «В» оказывается «сущимъ по себѣ». а опредѣленіе «А» дарується ему для ассимиляціи. Въ результатѣ этого, на одной сторонѣ «перевѣшиваетъ» [106]) опредѣленіе «А». и она представляетъ собою «В in А»; на другой сторонѣ «перевѣшиваетъ» опредѣленіе «В», и она получаетъ характеръ «А in В» [107]).

Это значитъ, что «А» присутствуетъ въ самомъ себѣ *не въ томъ же самомъ смыслѣ* [108]), въ какомъ оно присутствуетъ въ своей бывшей противоположности. «В in А» не то же самое, что «А in В». Каждое изъ опредѣленій является то «пріемлющимъ лономъ», то «пріемлемымъ даромъ»; и. въ зависимости отъ этого, ассимилированное единство получаетъ различныя черты.

Все это можно выразить такъ, что діалектическая противоположность «снимается» и «разрѣшается» *дважды* и, притомъ, *различно*. Первое преодолѣніе совершается въ предѣлахъ «А», *его* средствами, *его* силами, *его* творчествомъ: въ результатѣ этого «В» оказывается включеннымъ въ «А», творчески вработавшимся въ него, вступившимъ съ нимъ въ единство. Но въ этомъ процессѣ «А», какъ пріемлющее лоно, не исчезаетъ и не погибаетъ; напротивъ, оно выживаетъ и утверждается въ новомъ богатствѣ и съ новою силою: оно возобладало, превозмогло, и, придавъ себѣ новое содержаніе, продолжаетъ свою жизнь попрежнему въ качествѣ «А». «В in А» есть попрежнему «А», или, если угодно, «$А_1$» Второе преодолѣніе совершается въ предѣлахъ «В» *его* средствами, *его* силами, *его* творчествомъ: въ результатѣ этого «А» оказывается включеннымъ въ «В», вступившимъ съ нимъ въ единство. На этотъ разъ задачу пріемлющаго лона исполняло «В»; поэтому *оно* превозмогаетъ, разрѣшаетъ противоположность въ своихъ нѣдрахъ и продолжаетъ свою жизнь попрежнему, въ качествѣ «В». «А in В» есть попрежнему «В», или, если угодно «$В_1$».

---

[102]) Log. II. 110. [103]) Log. I. 162. [104]) Срв. Log I. 158. [105]) Срв. Log I. 230. [106]) „überwiegend“. Log. I. 458. [107]) Срв. „verendlichtes Unendliches“: „verunendlichtes Endliches“ Log. I. 158. [108]) Срв.: „Ihr Unterschied ist so der Doppelsinn, den beide haben“. Log I. 162.

Итакъ, спекулятивная ассимиляція заканчивается не *гибелью* сторонъ и не *утратою ихъ своеобразія*, но только *содержательнымъ уподобленіемъ*. «A» превратило себя въ «B in A», или въ «A_1» «B» превратило себя въ «A in B», или въ «B_1» Противоположность «разрѣшилась», но въ своемъ разрѣшенномъ видѣ утвердилась въ каждой изъ сторонъ попрежнему на-лицо двѣ стороны — содержательно-ассимилированныя, но формально самостоятельныя и, по внутреннему способу жизни, своеобразныя [109]).

Однако, ихъ взаимное отношеніе уже не прежнее: ихъ сковываютъ новыя узы и единство ихъ судьбы обнаруживается съ новою силою.

Эту связь Гегель выражаетъ такъ: обѣ стороны суть «лишь моменты» [110]).

Быть «моментомъ», значитъ быть необходимымъ, реальнымъ коррелатомъ для чего-то «другого». «Моментъ» есть, прежде всего, нѣчто несамостоятельное [111]). Онъ реаленъ не самъ по себѣ, а чечерезъ свою связь со своею противоположностью [112]). Его бытіе опредѣляется не черезъ отношеніе къ себѣ и *только къ себѣ*, но черезъ отношеніе [113]) къ другому. Это можно выразить такъ, что «моментъ»—«идеаленъ» [114]); для того, чтобы достигнуть реальности, онъ нуждается въ конкретномъ восполненіи, онъ долженъ стать моментомъ «цѣлаго» [115]), т.-е. его живою и необходимою частью. Самъ по себѣ «моментъ» *не* истиненъ: его истина только въ живомъ отношеніи къ его противоположности [116]), въ «снятіи» ея и соединеніи съ нею [117]). Мало того, одинъ «моментъ», оторванный отъ другого, лишенъ «всякаго смысла» и значенія [118]); они сообщаютъ другъ другу свои опредѣленія, утверждаются одинъ «посредствомъ» [119]) другого и тѣмъ достигаютъ завершенія [120]). Этимъ обнаруживается въ новомъ свѣтѣ неразрывность сторонъ, начавшихъ съ горделиваго взаимо-отрицанія и «опустившихся [121]) затѣмъ до званія «моментовъ».

Однако, установленіе такой связи не завершаетъ «спекулятивную конкретизацію», ибо стороны еще не соединены ею надлежащимъ образомъ. Процессъ «ассимиляціи» возобновляется и про-

---

[109]) Срв.: „der aufgehobene Gegensatz, aber als Seite des Gegensatzes selbst". Log. II 50. [110]) „nur Momente". Log I. 161. 162. 400 и др. [111]) Beweise. 343. 344. [112]) Log. I. 161. 460. [113]) „Beziehung". Log. I 460 Beweise. 343. [114]) Срв Beweise 343. 344. [115]) Log. I. 161 229 и др. [116]) Срв Log. I. 125 229. [117]) Срв. „Einheit". Log. I. 125. 129. 229 400. 460, Log. II. 87 и др [118]) „Keinen Sinn". Beweise 341—342. Срв. Log. I. 460. [119]) Срв. Log. I. 161. Log. II 175 Beweise. 343. [120]) Log. I. 229. [121]) „herabsinken", „herabsetzen". Log. I. 108 455

должается непрерывно; онъ становится для обѣихъ сторонъ устойчивымъ и постояннымъ *способомъ жизни* и только въ результатѣ этого возникаетъ истинный, конкретный синтезъ.

Это означаетъ, что обмѣнъ «спекулятивными дарами» происходитъ не только между «А» и «В», но и между «$А_1$» и «$В_1$», и между «$А_2$» и «$В_2$» и т. д. Все, чѣмъ обогатилась каждая изъ сторонъ въ процессѣ взаимнаго пріятія, передается ею другой сторонѣ: «В in А» переходитъ въ «$В_1$» и творчески проникаетъ въ его обновленное содержаніе; и, обратно, «А in В» переходитъ въ «$А_1$» и встрѣчаетъ тамъ живое, творческое пріятіе. Динамическая непрерывность этого обмѣна вызываетъ сплошное взаимодѣйствіе между сторонами: каждый моментъ совершаетъ неустанное «воплощеніе» [122]) другого момента въ себя и себя въ свой кореллатъ. Спекулятивная ассимиляція становится все болѣе цѣльной и глубокой и, наконецъ, приводитъ къ «совершенному проникновенію» [123]) сторонъ другъ въ друга.

Тогда содержаніе каждаго момента въ совершенствѣ уподобляется содержанію другого и скрѣпляется съ нимъ въ нѣкую «зрѣлую, непрерывную сплошность» [124]). Стороны «продолжаютъ» [125]) себя другъ въ друга такъ, что каждая изъ нихъ «разрѣшаетъ себя и утрачиваетъ себя въ другой» [126]). Каждый моментъ находитъ себя и въ себѣ самомъ и въ своемъ кореллатѣ [127]); когда одинъ проникаетъ въ другой, то онъ совершаетъ, тѣмъ самымъ, возвращеніе или «рефлексію» въ себя [128]); и обратно, «рефлексія въ себя» есть тѣмъ самымъ воздѣйствіе на другой моментъ. Эта утрата себя въ другомъ и нахожденіе другого въ себѣ ведетъ къ тому, что оба момента перестаютъ быть другъ для друга «инобытіемъ»; а это значитъ, что каждый, утверждаясь черезъ «другого, утверждается eo ipso черезъ самого себя [129]). «Разно-бытіе» уступаетъ свое мѣсто «единобытію» и стороны «сливаются» [130]) или «смыкаются» [131]) въ единое, цѣлостное образованіе.

Спекулятивная ассимиляція, какъ устойчивый modus vivendi, соединяетъ реальные смыслы въ живое единство, въ «проникновенное тождество» [132]). Оба момента оказываются «совершенно со-

---

[122]) Срв. „einverleibt“. Log. I. 130. [123]) „Volkommene Durchdringung beider“. Log. II. 120. [124]) „gediegene, ununterbrochene Continuität“. Enc. II. 227. [125]) „Kontinuiren“. Log. I. 198. 391. 458. Log. III. 187. [126]) „aufgelöst und in ihre Andere verloren“ Log. III 62. [127]) Срв. Log I. 161. Log. II. 161; срв. Log. I. 391. [128]) Срв. Log. I. 167. 380. Log. II. 206. [129]) Срв. Log. I. 197. [130]) Срв.: „Konfondirt sich“. Log. III. 62. [131]) Срв.: „Zusammenschliessen“. Log. III. 141. 216. и др.; „zusammengeschlagen“. W.Beh. 395. [132]) Срв. Log. II. 178

единенными» [133]), «едиными въ высшей степени» [134]) и различія ихъ уже не бременятъ другъ друга, но творятъ радостное восполненіе.

Оказывается, что былая разъединенность и противоположность [135]) совершенно уступила свое мѣсто единенію. То самое, что живетъ въ одномъ изъ моментовъ, живетъ и въ другомъ; но только въ иномъ порядкѣ и въ иной формѣ. Соединяясь съ другимъ, каждый моментъ соединяется съ самимъ собою, но съ собою, творчески обновленнымъ и преображеннымъ. Въ каждомъ изъ моментовъ «проступилъ» и обнаружился другой, и обоими овладѣло содержательное единство и единеніе. Это значитъ, что въ каждомъ живетъ *индифференція* или содержательное «*тождество*», которое и творитъ въ обоихъ свой законъ.

Примиреніе противоположностей было возможно только потому, что обѣ они возникли изъ первоначальнаго, единаго лона и никогда не теряли съ нимъ живой, имманентной связи: каждая изъ сроставшихся сторонъ была видоизмѣненіемъ единой, исходной Всеобщности, которая присутствовала въ обѣихъ своею подлинною природою [136]). Спекулятивная ассимиляція создаетъ нѣкое единое содержаніе, въ которомъ сочетаются, восполняютъ другъ друга и нейтрализуются діалектическія противоположности. Это единое содержаніе, которое лучше всего было бы обозначить монограммою, составленною изъ «А» и «В», соединяетъ въ себѣ обѣ «дифференціи», не впадая, однако, ни въ одну изъ нихъ. Поэтому оно и можетъ быть названо «индифференціей» [137]). Однако, не въ томъ смыслѣ, что различіе угасло въ ней безслѣдно; наоборотъ, оно не только сохранилось, но претворилось въ высшее и богатѣйшее содержаніе. И не въ томъ смыслѣ, что оба, своеобразно оформленные и самобытно упорядоченные, момента прекратили свое «бытіе»; наоборотъ, они оба сохранились и «конкретизировались», срослись въ единую цѣлокупность. «Индифференція» есть единство не *до* различія и не *безъ* различія, но единство *послѣ* различія и *съ сохраненіемъ* его; *иначе* невозможно было бы спекулятивное обогащеніе. Составъ «индифференціи» сложенъ, какъ въ содержательно-качественномъ отношеніи, такъ и въ смыслѣ формы и объема. Въ ней сохраняются не только противоположныя «опредѣленія», но и различные, уже ассимилированные моменты: спекулятивная индиф-

---

[133]) „Vollkommen Zusammengeeint". W. Beh. 395. [134]) „aufs höchste Eins." W. Beh. 395. [135]) См. главу шестую. [136]) См. главу пятую. [137]) Срв. W. Beh. 356—357. 357. 393. Log. I. 400. 458 и др.

ференція есть конкретное *цѣлое* [138]) живыхъ смысловъ, а смысловые моменты суть его живыя части [139]).

Итакъ, конкретный синтезъ подлежитъ закону Всеобщности; онъ есть осуществленіе и утвержденіе этого закона. Это означаетъ, что *созданная* имъ «индифференція» есть то самое, что *само* производило и *создавало* спекулятивную ассимиляцію. causa finalis, въ своемъ зрѣломъ, осуществленномъ видѣ, есть не что иное, какъ causa efficiens, достигшая своего побѣднаго обнаруженія

Весь процессъ «конкретизаціи» слѣдуетъ представлять себѣ такъ, что онъ совершается въ предѣлахъ извѣстной, недоопредѣленной Всеобщности, *ея* силами и во имя *ея* цѣли. Эта Всеобщность есть та *основа* (Grund), которая творитъ въ себѣ раздвоеніе, присутствуетъ имманентно въ каждой изъ сторонъ и, вслѣдъ затѣмъ, движетъ ихъ изнутри ко взаимному пріятію и сращенію. Завершеніе конкретнаго синтеза обнаруживаетъ или разоблачаетъ эту основу, какъ творческую *силу* и, въ то же время, какъ *результатъ*, свободно утвердившійся тамъ, гдѣ царила распря. Туманъ [140]) діалектической видимости разступается и за нимъ обнаруживается первоначальная «основа» Понятія во всей ея «прозрачной ясности» [141]), «глубинѣ» [142]) и содержательной зрѣлости.

Дѣло не только въ томъ, что «въ результатѣ по существу сохраняется то, изъ чего онъ результируетъ» [143]); дѣло въ *субстанціальномъ, творческомъ единствѣ начала и конца.* Созданное единство есть «первоначальная сущность обѣихъ» сторонъ [144]), ихъ «субстанція и душа» [145]). Это единство обогатилось въ процессѣ, но, само по себѣ, оно осталось тою же самою Всеобщностью, которая создала въ себѣ исходное раздвоеніе. Все дѣло «разложенія» и «возсоединенія» есть не что иное, какъ проявленіе самой «основы». «Самая противоположность» была не чѣмъ инымъ, какъ осуществленіемъ этой основы [146]); и, точно также, процессъ взаимнаго «опосредствованія» былъ ея «собственнымъ дѣйствіемъ» [147]); и, наконецъ, когда сращеніе осуществилось, то оказалось, что «разрѣшенное противорѣчіе» есть не что иное, какъ сама основа, которая «содержитъ и несетъ» въ себѣ свои опредѣленія [148]). Конкретизація состоитъ въ

---

[138]) Срв. W. Beh. 357. Log. I 458. [139]) См. главу пятую. [140]) Срв.: „jeder Unterschied keine Unterbrechung, Trübung macht". Enc. I. 324. [141]) „Klarheit", „durchsichtig". Enc. I. 324. [142]) „der tiefe und reiche Gehalt". Enc. I. XXXIII. [143]) Log. I. 41; срв. Log. I. 69. Log. III. 340. 341. [144]) Beweise 354. [145]) „deren Substanz und Seele". Beweise. 342. [146]) Срв. Log. II. 62 [147]) „Vermittelung... das eigne Thun des Grundes". Log II. 107. [148]) Срв. Log. II. 62. 72. 184; срв. Log. I. 458.

томъ, что «противоположность возвращается въ свою основу» [149]) и что «зрѣлое», «проникновенное» единство сторонъ [150]) творится самою основою, нынѣ исполненною новаго содержанія [151]). Заключительный синтезъ субстанціально совпадаетъ съ предпосланнымъ [152]) основаніемъ, и первоначальная сущность, раскрытая въ видѣ цѣлокупности опредѣленій, совпадаетъ съ самою основою [153]). Такъ подтверждается формула Гегеля, гласящая, что конкретный синтезъ есть лишь «схожденіе предмета съ самимъ собою» [154]).

Это схожденіе предмета съ самимъ собою совершается такъ, что «моментами» овладѣваетъ *одинаковое* содержаніе, которое по существу есть *единое* и *общее* содержаніе. Спекулятивная конкретизація можетъ быть описана, какъ постепенное подчиненіе противоположностей — содержательному *подобію* и, далѣе, какъ превращеніе этого подобія, на пути непрерывнаго обмѣна спекулятивными дарами, въ сращенное, нерасторжимое *единство*, спаянное единымъ и общимъ содержаніемъ. Этотъ процессъ Гегель характеризуетъ нерѣдко, какъ «умозаключеніе» (Schluss), или, что то же, какъ «смыканіе», «сліяніе» понятій; и тогда единое и общее содержаніе, имѣющее сначала видъ *двухъ*, взаимно *подобныхъ* или одинаковыхъ содержаній, получаетъ значеніе «средняго термина», или, попросту, «средины» (Mitte) [155]).

Въ спекулятивной конкретизаціи срастаются, сливаются или, если угодно, «заключаютъ союзъ», два «противоположныя» понятія: «S» и «P» (субъектъ и предикатъ). Это сліяніе совершается черезъ посредство связующаго ихъ, общаго для нихъ «содержанія»—«M» (medius terminus) [156]). «M» обнаруживается и въ «S», и въ «P», овладѣваетъ ими и утверждаетъ себя, какъ «конкретное единство» обоихъ понятій [157]). Въ этомъ и состоитъ сущность «спекулятивнаго силлогизма». «первораздѣлъ» *сужденія* (Ur-theil) дѣлитъ [158]) исходную Всеобщность на двѣ крайнія противоположности [159]); «сліяніе» *силлогизма* (Schluss) возсоединяетъ этотъ разрывъ черезъ посредство творческой «средины» [160]). Въ результатѣ обнаруживается, что «антиномія умозаключенія» [161]) преодолѣна, и выводъ, гласящій, что «S» есть «P», обозначаетъ внутреннее единство [162]) и *конкретное тождество* [163]) враждовавшихъ противоположностей.

---

149) Log. II. 61. 150) Срв. Log. II. 178. 151) „inhaltsvolle Grundlage“. Log. II. 178. 152) Log. II. 112. Beweise. 343. 153) Enc. I. 243. 154) Срв. Log. II. 114. 155) Срв. напр. Glaub. 37. Phän. 223. 379. Log. III. 141. 148. 167. Enc. II. 246. 367. Enc. III. 380. 156) Срв. Log. III. 141. 157) Log. III. 141. 158) Срв.: „Diremtion“. Log. III. 112 159) Срв. Phän 379. Log II. 20. Log. III. 120. 141. 160) Срв. Phan. 379. 161) Log II. 169. 162) Phän. 379. 163) Срв. Glaub 24

Это сліяніе состоитъ, въ свою очередь, изъ *трехъ сліяній* [164]); въ каждомъ изъ нихъ участвуютъ тѣ же самые термины, но каждый разъ они образуютъ особую комбинацію сращенія. Такъ, во-первыхъ, моментъ «А» («субъектъ») сливается съ моментомъ «В» («предикатомъ») черезъ посредство средины «М»; это сліяніе совершается въ предѣлахъ «А». Во-вторыхъ, моментъ «В» («предикатъ») сливается, черезъ посредство той же средины «М», съ моментомъ «А» («субъектомъ»); это сліяніе совершается въ предѣлахъ «В». И, наконецъ, въ-третьихъ, средина «М» *(сущность и основа)* сливается сама съ собою [165]), черезъ посредство моментовъ «А» и «В», опосредствуя ихъ другъ черезъ друга: это сліяніе совершается въ предѣлахъ средины «М».

Всѣ эти сліянія можно представить себѣ порознь, въ порядкѣ послѣдовательности: сначала процессъ спекулятивной ассимиляціи въ предѣлахъ одной стороны; потомъ тотъ же процессъ въ предѣлахъ другой стороны; и, наконецъ, завершеніе обоихъ сліяній въ «конкретномъ тождествѣ» результата. Всѣ эти три сліянія связаны взаимной необходимостью, такъ, что ни одно изъ нихъ невозможно безъ двухъ другихъ: они образуютъ нѣкій «кругъ взаимнаго предпосыланія» [166]). Однако, по существу, они не только необходимы другъ для друга, но представляютъ изъ себя *единое сліяніе*, состоящее изъ трехъ «внутренно проникающихъ другъ въ друга сліяній [167]). *Процессъ спекулятивной ассимиляціи, совершающійся въ обоихъ моментахъ, есть не что иное, какъ процессъ самой средины, сливающейся съ собой, черезъ посредство тѣхъ двухъ сліяній.* То, что совершается въ «А» и въ «В», есть творчество и обнаруженіе самого «М»; такъ, что ассимиляція сторонъ есть уже сліяніе основы съ нею самою и всѣ три процесса образуютъ одинъ единый: жизнь особеннаго и единичнаго есть жизнь самой Всеобщности.

Отсюда уже ясно, что спекулятивное умозаключеніе сосредоточивается въ своемъ terminus medius, который оказывается его началомъ, его творцомъ и его результатомъ. Этотъ результатъ устанавливаетъ для первоначальной Всеобщности новое, обогащенное содержаніе: Понятіе оказывается опредѣленнымъ «сполна» [168]), «исполненнымъ содержанія» [169]), реальнымъ [170]) и дѣйствитель-

---

[164]) Срв напр. Log. III. 141. 344. Enc. I. 372. Enc. II. 413. 468. Enc. III 451. [165]) Срв. напр. Enc. I. 346. Enc. III. 273. 411. [166]) Log III. 141 [167]) „Dreiheit von innigst ineinander greifenden Schlüssen". Enc. II. 413. [168]) „Vollständig". Log. III. 34. [169]) „inhaltsvoll". Log. I. 397. Log. III. 120. [170]) Срв. Enc. I. 345.

нымъ [171]);—«развитою и объективною Всеобщностью» [172]). Богатство этого результата гарантируется тѣмъ, что *средина включаетъ въ себя оба момента* и утверждаетъ себя, какъ ихъ «тождество» и «тотальность».

Идея «тождества», лежащая въ основаніи формальной логики, раздѣляетъ у Гегеля судьбу всѣхъ другихъ идей: она преобразуется, обновляется въ своемъ содержаніи и получаетъ новое, спекулятивное значеніе.

«Спекулятивное тождество» [173]) есть не «устойчивость внѣ процесса», но *«устойчивость въ процессѣ»*; оно не исключаетъ образованія новыхъ различій и противоположеній, но, наоборотъ, включаетъ ихъ въ себя и, обогащаясь ими, остается вѣрнымъ своей первоначальной природѣ. «Тождество» означаетъ въ устахъ Гегеля *конкретное единство двухъ, содержательно ассимилированныхъ и формально сращенныхъ, реальныхъ смысловъ*. Достигая конкретнаго синтеза и вступая другъ съ другомъ въ «тождество», стороны «уничтожаются» [174]) въ своей односторонности и «угасаютъ» [175]) въ своей самостоятельности: ихъ поглощаетъ «индифференція», которая, однако, сохраняетъ ихъ первоначальную дифферентность [176]). Тождество есть результатъ спекулятивнаго «снятія» и «подъема» [177]). Поэтому «тождественные» моменты не исчезаютъ совсѣмъ, но и не стоятъ другъ съ другомъ въ «отношеніи». Если бы они остались въ «отношеніи» другъ къ другу [178]), то они не вступили бы въ необходимое спекулятивное «слияніе» и единство; и тогда «тождество» осталось бы «относительнымъ» [179]). Но «истинное тождество» [180]) не относительно, а «абсолютно» [181]): оно устанавливаетъ конкретное, неразрывное [182]) единеніе между сторонами, то единеніе, которое присуще только спекулятивной «тотальности».

Спекулятивная тотальность отличается отъ простого «эмпирическаго цѣлаго» не только своимъ исчерпывающимъ объемомъ, но и *внутреннею связью частей ея между собою* и *частей съ цѣлымъ*. Эта внутренняя связь опредѣляетъ собою самую глубокую природу спекулятивной конкретности и заставляетъ признать ея *органическій характеръ*.

Итакъ, природа конкретнаго единства, или, что то же, природа *органической тотальности* опредѣляется, во-первыхъ, *слияніемъ*

---

171) Срв. Log I. 397. 172) Log III. 167. 173) Enc. I. 363. 174) Glaub 117. 175) Glaub. 116 176) „unterscheidet sich, aber ist zugleich identisch". Enc. I. 329. 177) Срв. Diff. 203.. 251. 252. 178) „Verhältniss". Glaub. 70. W.Beh. 347. 179) „relative Identität". Glaub. 129. W.Beh. 347. 359. 180) „wahre Identität". Glaub. 7. 137. 181) Glaub. 21. 23. 29. Diff. 198. 223. 251 и др. 182) „Schlechthin unzertrennlich". Glaub 29.

частей ея между собою, и во-вторыхъ, *слияніемъ частей ея съ самою тотальностью*. Это можетъ считаться уже установленнымъ сущностью спекулятивнаго «умозаключенія», ибо органическая тотальность есть не что иное, какъ результатъ спекулятивнаго, тріединаго сліянія [182]).

Связь конкретныхъ частей другъ съ другомъ есть связь творческаго *взаимопитанія*. Именно эта связь превращаетъ «моменты тождества», или, что то же, «части цѣлаго», или, что то же, «термины умозаключенія», — въ «члены органическаго единства» или въ «органы единой тотальности».

Діалектика уступаетъ свое мѣсто спекулятивной конкретности съ того момента, какъ обнаруживается *мнимость взаимоисключенія* враговъ и утверждается ихъ коррелативность, ихъ *взаимопринадлежность*. Оказывается, что «противорѣчивыя» опредѣленія не только *возможны* другъ при другѣ, но *невозможны другъ безъ друга* и, далѣе, что эта невозможность получаетъ на пути взаимныхъ *переходовъ* и *ассимиляціи* значеніе положительной, творческой связи. Стороны получаютъ значеніе «моментовъ», или, что то же, несамостоятельныхъ видоизмѣненій единой Всеобщности; эти модификаціи *врабатываются* одна въ другую, *уподобляются* и, наконецъ, *сливаются* другъ съ другомъ, благодаря непрерывной сплошности *взаимодѣйствія*.

Въ этомъ сліяніи каждый изъ «моментовъ» сохраняетъ свой обликъ, свое наименованіе и даже самобытность своего внутренняго строя: между ними остается различіе, которое не можетъ быть уничтожено никакою содержательною ассимиляціей. Каждая изъ «частей» вынашиваетъ то содержаніе, которое присуще и другой; но, разъ начавъ съ особаго, «противоположнаго» опредѣленія, каждая неизбѣжно сохраняетъ оригинальность внутренняго строя и особливость своего облика и объема. Каждая сторона вынашиваетъ то же самое, но по своему, и оказывается незамѣнимой, какъ для другой части, такъ и для всего цѣлаго.

Одна часть связана съ другою «существенною связью» [184]) *взаимнаго питанія*. Принявъ въ себя свою «противоположность» и сдѣлавъ себѣ изъ ея содержанія творческій modus vivendi, каждая изъ сторонъ является для другой постояннымъ источникомъ жизненнаго содержанія. Каждый актъ, каждое обновленіе одной изъ нихъ, неизбѣжно передается и другой, вовлекая ее, черезъ спе-

---

[183]) Срв. напр. Enc II. 557; а также Phän 223. Log. III 145. 148. 167. 169. 216. 218. Enc. I 372. Recht. 396. [184]) „Wesentliche Verbindung". Log. II. 182.

кулятивное пріятіе, въ своеобразный, ассимилирующій откликъ и повтореніе. Жизнь и содержаніе одного момента обусловливаютъ жизнь и содержаніе другого [185]), каждый нуждается въ томъ, чтобы другой жилъ и поддерживалъ себя. А эта связь имѣетъ уже «телеологическій» и «органическій» характеръ.

Живая связь двухъ частей, взаимно нуждающихся другъ въ другѣ, есть связь *телеологическая:* каждая имѣетъ въ другой свое «средство» и въ то же время свою «цѣль» [186]), потому что она поддерживаетъ *ее для себя* и *себя для нея.* Части перестаютъ быть просто «частями», онѣ становятся «членами» [187]) и «органами» [188]). «Каждый членъ, поддерживая себя для себя, поддерживаетъ... тѣмъ самымъ другіе члены въ ихъ своеобразіи» [189]), онъ поддерживаетъ ихъ уже однимъ тѣмъ, что «наполняетъ свою собственную сферу» [190]), и каждый органъ, питая другой, поддерживаетъ этимъ самого себя [191]). Органъ—органу есть сразу и цѣль, и продуктъ [192]), и средство: каждый создается и утверждается другимъ [193]) и, питая себя, питаетъ своего «со-члена» [194]).

Это означаетъ, что «члены» органически вростаютъ другъ въ друга и пріобрѣтаютъ какъ бы единый «инстинктъ самосохраненія». Они «присутствуютъ» одинъ въ другомъ; они спекулятивно-конкретны; они имманентны другъ другу. Каждый хранитъ въ себѣ судьбу другого: его жизнь, его содержаніе: каждый служитъ другому и обслуживается имъ. Спекулятивные члены конкретнаго единства связуются другъ съ другомъ подобно органамъ естественнаго организма или друзьямъ, живущимъ въ истинной близости.

Это взаимное единеніе конкретныхъ членовъ обнаруживается съ особенною силою въ ихъ совмѣстномъ единеніи съ самою «органическою тотальностью».

Спекулятивная связь «члена» съ «тотальностью» существенно отличается отъ обычнаго отношенія «части» къ «цѣлому». Обычно «цѣлое» понимается такъ, что части сохраняютъ свою самостоятельность другъ отъ друга и отъ цѣлаго [195]). Возникаетъ представленіе о механическомъ соединеніи, объ ариѳметической суммѣ или эмпирическомъ аггрегатѣ. При этомъ «часть» представляется, какъ существующая и помимо цѣлаго [196]); она присоединяется къ цѣлому извнѣ и остается *меньше* его во всѣхъ отношеніяхъ. Внутреннее

---

[185]) Срв. „Sich bedingende Momente". Recht. 379. [186]) Enc. I. 118. [187]) „Glieder" W. Beh. 380. Log. III. 251. Enc. I. 118 Recht. 363 416. 423. [188]) „Organe". W. Beh. 380. Beweise. 457 и др. [189]) Recht. 378. [190]) Recht. 379. [191]) Beweise. 457. [192]) Срв. Recht. 379 [193]) Срв. Beweise. 343. [194]) Срв. Phän. 374. [195]) Срв. Enc. I. 269. [196]) Glaub. 71.

единеніе «тотальности» и «ея членовъ» рѣзко отличается отъ этого «безмысленнаго отношенія» [197]).

Въ конкретномъ синтезѣ «часть» въ извѣстномъ смыслѣ *равна* своему цѣлому. Это, свиду парадоксальное, утвержденіе слѣдуетъ понимать не въ смыслѣ «объема», но въ смыслѣ «содержанія». По самой природѣ спекулятивнаго «сліянія», тождество моментовъ возникаетъ въ результатѣ творческихъ усилій «средины», создающей въ каждомъ изъ нихъ свое единое, обогащенное синтезомъ, содержаніе. Поэтому содержаніе самой тотальности присутствуетъ въ каждомъ изъ сросшихся моментовъ: каждый изъ нихъ содержитъ въ себѣ индифференцію во всей ея содержательной тотальности [198]), и меньшій объемъ части не мѣшаетъ ей владѣть всѣмъ содержаніемъ цѣлаго. Гегель выражаетъ это такъ: «часть имѣетъ въ самой себѣ все Понятіе» [199]), такъ, что «единичное стоитъ въ абсолютной индифференціи со всеобщимъ и цѣлымъ» [200]); «каждая часть сама есть цѣлое или каждое опредѣленіе есть тотальность, т.-е. опредѣленіе стало вообще вполнѣ прозрачною явью, различіемъ, которое въ своей утвержденности — исчезло» [201]).

Согласно основному закону Всеобщности, тотальность входитъ цѣликомъ въ свои части и утверждаетъ себя, какъ ихъ живую сущность. Она устанавливаетъ этимъ *содержательное равенство* между собою и ими, такъ, что каждый членъ является «простою всеобщностью, въкоторой растворены всѣ опредѣленія» [202]). Каждая часть, по своему содержанію, равна цѣлому, или, что то же, есть само цѣлое [203]); природа тотальности представлена въ ней [204]), содержится въ ней [205]), творчески владѣетъ ею [206]). «Средина», боровшаяся за свое осуществленіе въ каждой изъ сраставшихся сторонъ, приводитъ всѣ свои члены къ содержательной однородности и ассимилированному богатству опредѣленій. Въ этомъ — сущность спекулятивной конкретности.

Это присутствіе тотальности въ ея членахъ имѣетъ характеръ творческаго господства и опредѣляющаго созиданія. Тотальность «живымъ образомъ проникаетъ» [207]) въ свои части, растворяетъ ихъ [208]) своимъ индифференцированнымъ содержаніемъ и превращаетъ ихъ въ текучіе процессы [209]). Въ результатѣ этого обнаруживается «господство цѣлаго» [210]) надъ частями.

---

[197]) Log. II. 170 Enc. I. 269. [198]) Срв. Log. I. 458. [199]) Log. III. 247 [200]) W. Beh. 398. [201]) Log. II. 187. [202]) Phän. 209. [203]) Срв. Diff. 182—183 Glaub. 71. Log. I. 156. Enc. I. 315. Enc. II. 470. [204]) W. Beh. 392. 392—393. [205]) Recht. 351. [206]) Срв. „wirksam". Recht. 351. [207]) „lebendig durchdringt" W. Beh. 416. [208]) „auflöst". Phän. 357. [209]) „fliessendes Moment". Phän. 208; „durchlaufende Processe". Phän. 209. [210]) „Herrschaft des Ganzen". W. Beh. 410.

«Члены» органической тотальности, или, что то же, ея «моменты»[211]), «части» [212]), «потенціи» [213]), «органы» [214]), — подчинены ей: они обусловлены ею [215]), всецѣло опредѣлены ея цѣлью [216]) и стоятъ отъ нея въ зависимости [217]). Ни одна часть ея не существуетъ сама по себѣ [218]); всѣ онѣ суть только въ тотальности и только черезъ нее [219]). Органъ имѣетъ «смыслъ и значеніе только черезъ свою связь» [220]) съ организмомъ: каждая черта, каждая деталь его «создавалась черезъ цѣлое» и остается ему подчиненной [221]). Жизнь членовъ возможна только въ тотальности [222]), такъ, что «равновѣсіе» частей въ цѣломъ [223]) есть подлинное условіе ихъ бытія.

Это соотношеніе можно выразить такъ, что органическая тотальность творитъ *себя черезъ свои части* и творитъ *свои части для себя*. Члены конкретнаго тождества возникаютъ благодаря тому, что тотальность вноситъ въ себя различіе [224]), обособляетъ [225]), расчленяетъ себя [226]) и тѣмъ создаетъ своѣ живую организованную ткань бытія. Каждый членъ создается и утверждается тотальную ткань бытія. Каждый членъ создается и утверждается тотальностью, какъ ассимилированный по содержанію, но своеобразный по внутреннему строю и незамѣнимый по объему, какъ живой и необходимый [227]) ингредіентъ цѣлаго; и въ результатѣ этого оказывается, что истинное своеобразіе частей слагается лишь въ силу спекулятивной ассимиляціи: внѣ тотальности возможно только абстрактное, мертвое своеобразіе, или, вѣрнѣе, пустое *посяганіе* на самобытность. Въ организмѣ части *не* самостоятельны: онѣ пребываютъ въ «идеализмѣ» [228]), т.-е. лишены *самостоятельной* реальности; за то, черезъ свою связь съ органическою тотальностью онѣ причастны истинному бытію и подлинному своеобразію.

Итакъ, конкретная тотальность, есть *живая смысловая субстанція*, сама себя создающая, расчленяющая [229]) и поддерживающая [230]). Эта субстанція, въ качествѣ истинной Всеобщности [231]),

---

[211]) Срв. Phän. 4. 209. Recht. 363. 419 и мн. др. [212]) Срв напр. W. Beh. 412. 412. Enc. II. 470. Log. II. 187. Log. III. 247; осужденіе этого термина и представленія: Log. III. 251. Recht. 363. 379. [213]) Срв. W. Beh. 410. 412 [214]) Срв. W. Beh. 380 и др. [215]) W. Beh. 410. [216]) Recht. 364; срв. Glaub. 125. [217]) Ibidem. [218]) Glaub. 126. [219]) Diff. 265. Log. II. 165. [220]) Diff. 183. [221]) „unterthänig". W. Beh. 417. [222]) „ihr Leben nur im Ganzen zu haben". Phän. 338 [223]) „Gleichgewicht". Phän. 344 [224]) „unterscheidet". Enc. III. 405. Recht. 263. 331. 356. [225]) „Sich besondert". Enc. III. 396 и др. [226]) „Gliederung". Phän. 446. Enc. II 590; въ примѣненіи къ діалектическому противоположенію: Phän. 136. [227]) „gleich nothwendig". Phän. 4. [228]) Срв. Recht. 363. [229]) „Sich gliedern". Enc. II. 464. 550. 590. Beweise. 458. [230]) „erhält sich". Phän. 196. 197. 198. 198. 446. Enc. II. 419. Beweise. 457. [231]) Срв. Phän. 198. 199. 200—201. 209. Enc. II. 550. Enc. III. 396.

живетъ и «движется» исключительно по собственной, «внутренней необходимости»[232]), осуществляя свою цѣль и подчиняя ей свои части. Органическая тотальность живетъ по своей внутренней цѣлесообразности [233]); она есть истинный, спекулятивный «организмъ»[234]), или, что то же, живая «система» [235]) смысловыхъ опредѣленій Она творитъ процессъ самодѣятельнаго развитія, раскрывающій ея собственную сущность и протекающій совершенно въ ея предѣлахъ: она творитъ себя, изъ себя и ради себя. Поэтому она должна быть опредѣлена, какъ «сама реальная цѣль» [236]), въ творчествѣ которой «первое», «созидающее» совпадаетъ съ «послѣднимъ», съ «результатомъ» [237]) causa efficiens есть не что иное, какъ causa finalis.

Это означаетъ, что дѣятельность конкретной тотальности протекаетъ въ *обращеніи на себя:* она опредѣляетъ только сама себя и, слѣдовательно, «возвращается въ себя» [238]) всѣмъ своимъ творчествомъ; «рефлексія въ себя» составляетъ самую сущность ея [239]) и это направленіе дѣятельности придаетъ ей характеръ «кругового» коловращенія [240]). Въ жизни конкретной субстанціи «начало» есть то самое, что обнаруживается въ «итогѣ» и что составляетъ «цѣль» всего движенія· «конецъ есть начало, слѣдствіе есть основаніе, дѣйствіе есть причина»[241]). Осуществляется лишь то, что *уже* реально[242]) и тотальность предстаетъ, какъ истинная causa sui [243]). Вотъ почему образъ «*безконечно вращающагося круга*» передаетъ ея основную природу.

Конкретная тотальность безконечна не потому, что процессъ ея продолжается «безъ конца», никогда не достигая завершенія и всегда страдая неполнотой [244]). Но именно потому, что онъ всегда отличается творческою завершенностью: онъ всегда довлѣетъ себѣ; онъ всегда обращенъ къ самой тотальности, возвращается въ нее [245]), утверждая ея «бытіе для себя»[246]); онъ, по самой природѣ своей,

---

[232]) „innere Nothwendigkeit“ W. Beh. 330. 335. Phän 195. Recht. 416. [233]) Phän. 199. Log. III. 251. Enc. I. 117. 119. [234]) Срв. Glaub. 92. Diff. 182 183. 188. 199. W.Beh. 369. [235]) Diff. 188. 188. 200. W. Beh. 406. 416. [236]) Срв. Phän. 195 197—198. [237]) Срв Phän. 196 196 196. Beweise 457. [238]) Срв Phän. 196. 196. 198. Log. III. 224. 226 233. Beweise. 457. 461. [239]) Phän. 210. 215. 226. [240]) Срв. „Kreis“, „Kreislauf“, „in sich kreisende Bewegung“. Phän. 15. 295. 577. Log. I. 65. 65. 163. Log. III. 350. 351. Enc. I. 23. 26. Beweise 457 [241]) Log. III 228; срв. Phän. 17. Enc. I. 376. [242]) Log. III. 228. [243]) Log. III. 218. [244]) Такова „дурная“ „эмпирическая“ безконечность незавершаемаго прогресса. Срв. напр. Glaub 37, 66. 69. 130 135. 153. Log. II, 239. Enc I. 120. 184. 207—208. 219. 269. Enc. III. 113. 397. 399 и др. [245]) Срв Log I. 147. 174. 183. 262. 380. 396. 467. Recht. 43. 366. Beweise. 393. [246]) Log. I. 174. 175. 282.

свободенъ отъ инобытія», и создаетъ *изъ себя* всякое различіе [247]). Конкретная тотальность не имѣетъ «конца» [248]), т.-е. такого пункта, гдѣ для нея начиналось бы инобытіе: ни въ дѣятельности — ибо она есть сама чистая активность, для которой получить воздѣйствіе значитъ, получить воздѣйствіе отъ самой себя [249]); ни въ бытіи— ибо она есть единственная реальность, сама субстанція. Поэтому смысловой организмъ обладаетъ истинною безконечностью: онъ есть infinitum actu, т.-е. онъ «*дѣйствительно* безконеченъ, потому что онъ въ себѣ завершонъ и предстоитъ» [250]).

Спекулятивный организмъ можетъ быть поэтому описанъ, какъ «цѣлое, несомое въ себѣ самомъ и завершенное» [251]); онъ «не имѣетъ основы внѣ себя, но обоснованъ черезъ самого себя, въ своемъ началѣ, въ средствахъ и въ концѣ» [252]). Онъ являетъ собою «завершонное самообразованіе» [253]), движущееся изъ единаго «фокуса» [254]) и «сливающееся», «сходящееся съ собою» [255]) въ трехъ сліяніяхъ [256]). Это есть цѣлое, самодѣятельно дифференцирующее себя на необходимые органы, содержательно ассимилированные, но, по внутреннему строю, своеобразные. Это цѣлое нуждается въ своихъ органахъ и потому вызываетъ ихъ къ жизни; и, создавъ ихъ, оно живетъ *не внѣ* ихъ, а *въ нихъ, въ видѣ ихъ, посредствомъ* ихъ. Спекулятивный организмъ есть развитая и сращенная цѣлокупность своихъ органовъ въ ихъ живомъ единствѣ; ибо онъ есть Всеобщность, состоящая изъ своихъ единичностей [257]), или, что то же, — «Субстанція, какъ тотальность своихъ акциденцій» [258]). И каждый изъ этихъ членовъ живетъ имманентнымъ ритмомъ [259]) своей тотальности, пріемлетъ въ себя ея единое содержаніе, модифицируетъ это содержаніе по своему и, воспроизводя въ себѣ жизнь субстанціи, раскрывается самъ въ особую, подчиненную «индивидуальную тотальность» [260]).

Такова природа конкретнаго синтеза. Онъ слагаетъ всегда нѣкое «синтетическое единство» [261]), «истинное» [262]), «положительное» [263]), «внутреннее» [264]), «живое» и «конкретное» [265]). Это «первоначальное и абсолютное единство» [266]), полное содержанія [267]), явля-

---

[247]) Phän. 125. Log. I. 397. [248]) Срв. Log. I. 163. [249]) Log. II. 177. Recht. 43. [250]) Log. I. 297. Курсивъ Гегеля. [251]) Diff. 199 [252]) Jbidem. [253]) Diff. 248 [254]) „Fokus". Diff. 250. [255]) Log. I. 468. Log. III 240. Enc. II. 619. [256]) Enc. II. 557; срв. Phän. 223. [257]) См. главу пятую. [258]) Срв. Enc. I. 300. [259]) Срв.: „Rhythmus des organischen Ganzen". Phän 45. [260]) Срв. Enc. II. 360. Enc. I. 23. 359. [261]) Срв. Log. I. 69. 229. Log. III. 68. Enc. I. XV. 22. 69. 157. Beweise. 341. [262]) „wahrhafte Einheit". Glaub. 45. W.Beh. 331. 339 356—357. 378. Phän. 4. [263]) Срв. W.Beh. 420. [264]) W.Beh. 420. [265]) Log. I. 33. 50. 50. [266]) W. Beh. 335. [267]) Log. I. 397.

еть собою «живой образъ» [268]), внутренно спаянный «нераздѣльною непрерывностью» [269]) и абсолютною текучестью [270]) Онъ есть совершенный организмъ, предающійся «спокойному» [271]) и «гармоническому» [272]) «самонаслажденію» [273]) и пронизывающій біеніемъ своего пульса всѣ кровеносные пути своихъ органовъ [274]). Всегда равный себѣ, всегда обращенный на себя[275]), онъ заставляетъ свои части вести «совмѣстную и богатую жизнь» [276]) и сливаться въ творческое функціональное единство. Поэтому жизнь его можетъ быть описана, какъ замкнутое пульсированіе самоутверждающейся, абсолютной индивидуальности; или какъ замкнутая система, ведущая свое «живое движеніе» [277]) во многихъ сросшихся системахъ; или, какъ реальная цѣль, творящая въ себѣ богатство конкретнаго содержанія; или, наконецъ, какъ *самоопредѣляющаяся сила мысли.*

Именно этой силѣ мысли присуща способность «исцѣлять» діалектическія раны такъ, чтобы «не оставалось шрамовъ»[278]); приводить противоположности къ «живой связи» [279]), къ «внутреннему тождеству» [280]), къ качественной индифференціи [281]) и спокойному равновѣсію [282]). И эта способность къ слиянію и сращенію не покидаетъ Понятія на всемъ протяженіи его восходящаго пути. Всюду, гдѣ живетъ мысль, — творятся ея законы, осуществляется ея способъ жизни, обнаруживается ея ритмъ. Но, такъ какъ мысль есть сама реальность [283]),—живая субстанція всего сущаго, — то все сущее творитъ въ своей жизни *ея* законъ, и обнаруживаетъ подчиненность ея ритму.

А это означаетъ, что *все сущее должно быть причастно діалектическому разложенію и спекулятивному синтезу.* По Гегелю это такъ и есть на самомъ дѣлѣ.

Вотъ почему онъ говоритъ: «Истинное конкретно» [284]); или, иначе, «все истинное конкретно» [285]). «Въ каждомъ содержаніи, такъ какъ оно конкретно, опредѣленіе можетъ быть понято, какъ опредѣленная противоположность и, тѣмъ самымъ, какъ противорѣ-

---

[268]) „lebendige Gestalt". W. Beh. 391. [269]) „ungetheilte Kontnuität". Phän. 446; „durch keine Grenze... unterbrochen". Log. I. 212. [270]) „Flüssigkeit". Срв. Phän. 4. 193. 357. [271]) Срв. Phän. 210. 246. [272]) „Harmonie". Phän. 49. Recht. 11. Beweise. 458. [273]) „Selbstgenuss". W. Beh. 380 [274]) „jeder Pulsschlag ist durch alle Pulsadern". Beweise. 446. [275]) Срв.: „die Einheit des sichselbstgleichen Sichaufsichbeziehens". Phän. 219—220; срв Log. I. 212. [276]) Diff. 242. Log. III. 251. [277]) W. Beh. 380 [278]) Phän. 505. [279]) Срв. W. Beh. 420. [280]) Срв. Diff. 263; а также Glaub. 87. Diff. 197. 296. Log. II. 166. Log. III. 117. Enc. I. 324. [281]) Срв. W. Beh. 393; а также W. Beh. 356—357. 357. Log. I. 400. [282]) Срв. Log. I. 109. [283]) См. главу четвертую. [284]) Enc. I. 67. [285]) Recht. 43.

чіе» [286]). Но вершина и достиженіе не въ противорѣчіи: «содержаніе спекулятивной идеи состоитъ въ примиреніи» [287]) и сущность философскаго знанія—въ постиженіи единства [288]). Ибо все «разумное [289]) и «все духовное» [290])—конкретно, какъ и само «абсолютное Понятіе [291]).

Но «конкретное» возникаетъ всегда черезъ сліяніе понятій. Поэтому «всѣ вещи», по своей разумной природѣ, «суть умозаключеніе» [292]); или, что то же, «все разумное есть сліяніе» [293]). Такое конкретное соединеніе составляетъ творческую «душу предмета» [294]), или, если угодно, его основу. Поэтому «сліяніе есть существенная основа всего истиннаго» [295]), и философія, познавая истинное, должна всегда имѣть въ виду, что «силлогизмъ есть принципъ идеализма» [296]).

Конкретное сліяніе, восполняя одно опредѣленіе другимъ, создаетъ всегда единое цѣлое или тотальность. Поэтому можно сказать, что «истинное есть цѣлое» [297]); или, что то же, «абсолютная истина» имѣетъ видъ «тотальности» [298]). Реальное можетъ обстоять только въ этой формѣ, ибо разумъ, въ своей «таинственной дѣятельности, возводитъ» къ ней [299]) все сущее. «Реальность есть потому реальность, что она есть тотальность и сама есть система потенцій» [300])

Это цѣлостное единство смысловыхъ опредѣленій ведетъ всегда цѣлесообразную, органическую жизнь «безконечнаго», кругового самоопредѣленія. Вотъ почему Гегель отождествляетъ *Понятіе* съ *цѣлью* [301]) и логическую необходимость съ органическою [302]). «Истинное единство» есть «органическое единство» [303]); и этотъ синтезъ есть законъ всяческаго бытія: вотъ почему «каждая пылинка есть организація» [304]).

Эта органическая природа мысли присутствуетъ во всемъ и заставляетъ признать, что все «истинное и дѣйствительное есть именно... кружащее въ себѣ движеніе» [305]). Движеніе мысли исходитъ изъ нея самой и изъ себя создаетъ конкретность опредѣленій. Вотъ почему «безконечность» составляетъ «истинный характеръ

---

[286]) Enc. I. 285; срв Enc. I. 69. Ohl. 235. [287]) „Versöhnung". Enc. I. XVIII. Log. I. 398; „Idee des Coincidirens", Ham. 87. [288]) Срв. Diff. 177. 180. 253. Log. I. 44. 167. [289]) Срв. Recht. 89; Enc. I. 404. [290]) Срв. Beweise. 296. Ph. G. 71. Log. I. 33. 64. [291]) Срв. Log. III. 41. Beweise. 352. [292]) „alle Dinge sind der Schluss". Log. III. 126. [293]) „alles Vernünftige ist ein Schluss". Log. III. 119. Enc I. 344. [294]) „Seele der Sache" Log. III. 117. [295]) Enc. I 345. [296]) „Syllogismus est principium Idealismi". Ros. 157. [297]) Phän. 16. [298]) Срв. Glaub. 123. [299]) Diff. 179. [300]) W. Beh. 402. [301]) Срв. Phän. 34. 193. 199. Log. II. 77. Log. III. 210. 216. 218 218 227 Enc. I 118. [302]) Срв. Phän. 45. [303]) Glaub. 45. [304]) Diff. 253 [305]) Phän. 577.

мышленія» [306]) и образуетъ «послѣдній источникъ всякой дѣятельности, жизни и сознанія» [307]). Безконечность есть «свѣтъ мысли», сама всеобщность и свобода [308]); это — само «абсолютное Понятіе» [309]), поддерживающее себя [310]) и слагающее «изъ самого себя»— свою форму [311]). Въ этомъ и состоитъ его «вѣчность» [312]). его бытіе есть «абсолютное присутствіе» [313]), — самодѣятельная и потому «безсмертная» [314]), «рефлектированная въ себя длительность» [315]); оно всегда «конкретно въ себѣ» [316]) и творчески возводитъ себя къ *абсолютной* конкретности.

Абсолютная конкретность осуществляется на послѣдней и высшей ступени спекулятивнаго процесса: она развертывается въ видѣ «величайшей протяженности», т.-е. богатѣйшаго содержанія [317]), и, въ то же время, въ видѣ «высочайшей интенсивности» [318]). Все множество накопившихся спекулятивныхъ опредѣленій предстаетъ въ ней съ «одинаковой устойчивостью» [319]) и въ одинаковой необходимости. Всѣ существенныя противоположности оказываются исчерпанными и доведенными, посредствомъ ассимиляціи, до непосредственной простоты [320]) и яснаго покоя [321]). Конкретное,—на своей послѣдней ступени,—есть нѣкая «простѣйшая глубина» [322]) мысли, творящей себя черезъ самосозерцаніе. Это самъ «реальный разумъ» [323]) или интуитивный интеллектъ [324]), достигшій, въ самоопредѣленіи, высшаго смыслового богатства и высшаго завершеннаго единства.

И вотъ, эта объективная мысль, какъ творческая *субъективность* [325]); эта «безусловная конкретность» [326]), завершонная и самостоятельная [327]); эта «вполнѣ конкретная истина [328]), во всей своей величайшей власти и мощи [329]); этотъ создавшій самъ себя *абсолютный организмъ смысла* — являетъ собою природу самого Божества.

---

[306]) Glaub. 70. [307]) Recht. 43. [308]) Log. I. 148. [309]) W. Beh. 343. [310]) Enc. I. 188. [311]) Log. II. 82. [312]) Log. II. 82. [313]) Enc. II. 55. [314]) Beweise. 427. [315]) „in sich reflektirte Dauer“ Enc. II. 55. [316]) Enc. II. 56. [317]) Срв. Log. III. 349. 352. Enc. I. 21. [318]) Срв. Log. III. 349. 352. [319]) Log II. 101. [320]) „einfach“. Phän. 17. 17. 18. 45. 209. 225. 568. 574. Log I. 70 212. Log. III. 349 Enc. II. 6s5. Enc. III. 326. [321]) Phän. 37. Log. I. 109—110. Enc. I. 324. [322]) Log. III. 349. [323]) Glaub. 44. Enc. II. 36. [324]) Срв. Enc. I. 117; см. главу третью. [325]) Срв. Log. III. 349. Enc. I. 324. [326]) Enc. I 324. [327]) Enc. I. 361. [328]) Beweise. 366. [329]) „das Mächtigste und Uebergreifendste“. Log III. 349.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ученіе о пути Божіемъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Понятіе и Наука.

Философія есть адэкватное познаніе абсолютнаго Предмета. Она возможна благодаря тому, что абсолютный Предметъ вступаетъ неискаженно въ сферу человѣческой души, овладѣваетъ ея силами и ея живою тканью и подлинно осуществляетъ себя въ ней, заполняя ее своимъ живымъ присутствіемъ. Не угашая сознанія, но угашая его субъективность, душа человѣка живетъ Предметомъ, творя его волю и его ритмъ; а Предметъ живетъ душою, раскрывая себя въ *ея* сознаніи, какъ въ *своемъ* сознаніи, познавая себя ею и предоставляя ей познать себя. И въ этомъ совпаденіи—душа познаетъ Предметъ, какъ свою абсолютную *сущность*, а предметъ присутствуетъ въ душѣ, какъ въ своей живой *части*.

Такое познаніе совершается силою самозабвенно созерцающей *мысли*; и потому Предметъ, который ей открывается есть Понятіе.

Ученіе Гегеля состоитъ въ томъ, что *Понятіе*, открывающееся спекулятивной мысли, *есть само Божество*, и что оно есть *единственная реальность*. Эта концепція лежитъ въ основѣ всего того, что онъ признавалъ и исповѣдовалъ; она составляетъ какъ бы спекулятивную Всеобщность всѣхъ его утвержденій.

Сколь бы порадоксальною ни показалась эта концепція постороннему взгляду, она должна быть принята и продумана съ величайшею, напряженною серьезностью. Внѣ этого—пониманіе философіи Гегеля невозможно, а критика, направленная противъ нея, безпредметна. Отвергающій долженъ сначала овладѣть отвергаемымъ, и, если овладѣетъ, то убѣдится, что внутреннія затрудненія этой концепціи имѣютъ классическій характеръ, и что они сосредоточиваютъ въ себѣ живыя нити всѣхъ, великихъ въ исторіи, философовъ. Онъ увидитъ также, какъ эти затрудненія,

порожденныя ученіемъ о *сущности Божества*, раскрываются въ ученіи о *пути Божіемъ*.

Въ чемъ же сущность *божественнаго Понятія*? Оно есть *идеальная реальность, Всеобщность, діалетически развертывающая себя къ органической конкретности.* Таковъ его „спекутятивный смыслъ“ [1]); къ этому сводится „спекулятивное понятіе Понятія“ [2]).

Постигнуть его сущность значитъ осуществить въ себѣ „*разумное* состояніе“, потому что „Понятіе есть вообще нѣчто разумное“ [3]). Разумъ же есть особый видъ мысли [4]); онъ составляетъ синонимъ „идеи“ [5]) и, въ то же время, онъ выражаетъ собою „то, что есть“ [6]). Это значитъ, что онъ сразу *идеаленъ* и *реаленъ* [7]), т. е. представляетъ изъ себя „абсолютное тождество высшей идеи и абсолютной реальности“ [8]). Разумъ есть творческая, „первотворящая“ способность: онъ мыслитъ,—и помысленное, какъ таковое, получаетъ бытіе [9]); ибо разумъ есть *интуитивный разсудокъ*. Онъ есть мыслящая сила: онъ творитъ,—и сотворенное, какъ таковое, оказывается смысломъ; ибо разумъ есть *мыслящая интуиція*.

Если Понятіе есть нѣчто разумное, то оно соединяетъ въ себѣ идеальность смысла съ подлинною реальностью. Это и имѣетъ въ виду Гегель. Говоря о Понятіи, слѣдуетъ представлять себѣ *стихію смысла*; но не хаосъ, а космосъ [10]); не безформенную стихію, а оформленную; такъ, что форма ея есть необходимый для нея способъ бытія; надо силою воображенія превратить спекулятивный смыслъ [11]) въ универсальный modus essendi, всюду вносящій свою закономѣрность и свой кованый ритмъ.

И вотъ эта, строго оформленная, ритмическая стихія смысла есть само Понятіе.

Спекулятивное Понятіе есть не что иное, какъ *бытіе*. Оно не только само есть „нѣчто сущее“ [12]), но стоитъ въ простомъ и непосредственномъ единствѣ съ бытіемъ, какъ таковымъ [13]). Понятіе, или, что то же, „логически-реальное“ [14]), есть само „истинное бытіе“ [15]); оно есть „объективная мысль“ [16]), сущая

---

[1]) Enc. I. 15.—[2]) Beweise. 342: „der spekulative Begriff des Begriffes“.—[3]) Log. III. 237.—[4]) Срв. Ph. G 16; см. главы третью и четвертую.—[5]) „Synonym“ Recht. 17-18.—[6]) „das, was ist“. Recht. 19.—[7]) Срв. Enc. I. 388; см. главу четвертую.—[8]) Glaub. 38. срв. 48. W. Beh. 346. Phän. 151 Enc. I. 381.—[9]) Срв. Enc. III. 353.—[10]) Срв. о разумности органическаго Glaub. 44. Enc. I. 117. Enc. II. 36; см. главу четвертую.—[11]) См. главу третью.—[12]) „ein Seiendes“. Phän 151; срв. Log. I. 35.—[13]) Срв. Phän. 439. 568. Enc. I. 113. 312. См. главу четвертую.—[14]) Enc. I. 147.—[15]) Log. I. 50.—[16]) Срв Log. I. 16. Enc. I. 45. 59.

„въ себѣ“ и „по себѣ“ [1]). Оно безусловно и „самостоятельно“ [2]), и тотъ, кто его позналъ,—„достигъ потусторонняго“ [3])

Въ этомъ значеніи своемъ Понятіе не множественно, а *едино* [4]). Различныя понятія суть „лишь одно и то же Понятіе“ [5]), „поддерживающее себя во всѣхъ переходахъ“ [6]) и развертывающее себя въ цѣлую систему опредѣленныхъ и сращенныхъ во едино идей [7]).

И вотъ, что бы ни познала философская мысль, она во всемъ увидитъ Понятіе, какъ безусловную и единую стихію смысла. Понятіе, есть „главное“ [8]) и „существенное“ [9]). Оно есть *сущность* [10]) сущаго, „истинная природа вещей“ [11]). Оно есть „Логосъ“, „разумъ того, что есть“, „истина того, что носитъ имя вещей“ [12]). Понятіе „содержитъ цѣнность предмета“, его „внутреннее“ [13]); оно составляетъ „собственную самость предмета“ [14]). И поэтому можно сказать, что „мысль есть принципъ и сущность міра“ [15]).

Но, такъ какъ философія признаетъ реальнымъ только существенное, самоё „природу“, „цѣнность“ или самость“, то Понятіе оказывается *самимъ* предметомъ [16]) и *единственнымъ* [17]) предметомъ истиннаго знанія. Это можно выразить такъ: „объективное Понятіе вещей составляетъ самый предметъ“ [18]); или иначе: „Понятіе въ его объективности есть самъ, по себѣ и для себя сущій, предметъ“ [19]). Тождество предмета и Понятія означаетъ не только то, что каждый предметъ, въ своей внутренней сущности, равенъ своему спекулятивному смыслу [20]), такъ, что методъ этого смысла, или „дѣятельность Понятія“ есть „собственный методъ каждаго предмета“ [21]),—его „простой жизненный пульсъ“ [22]); но еще и то, что Понятіе есть само свой собственный предметъ: оно не просто мыслится, но мыслитъ само; „абсолютное Понятіе дѣлаетъ само себя своимъ предметомъ“ [23]). Сущность абсолютнаго Понятія въ томъ, что „знаніе и предметъ знанія суть одно и то же“ [24]), такъ, что Понятіе есть „самомышленіе“ и „самосозерцаніе“, и „субъектъ“ совпадаетъ съ „объектомъ“.

Итакъ, абсолютное Понятіе есть сама подлинная, объективная сущность, реальный и во всемъ единый Предметъ. Это означаетъ,

---

[1]) „Ansichsein“ Phän 151. и др.—[2]) Срв. Enc I. 361. 389.—[3]) Срв.: „das erreichte Jenseits“ Log III. 97.—[4]) „nur Einer.“ Log. I. 21. Log III. 52.—[5]) Log. III. 52. Enc. I. 229.—[6]) Log. III. 227 —[7]) Срв. Enc. I. 385.—[8]) „die Hauptsache“. Phan 40.—[9]) „das Wesentliche“. Phän. 186. Enc I. 39.—[10]) „das Wesen“. Phän. 34 41. 45. 126. Log I. 29. 36. Beweise. 420 —[11]) Log. I. 29.—[12]) Log. I. 21.—[13]) Enc. I. 39.—[14]) Phän. 48 —[15]) Log. I. 36.—[16]) Phän. 247.—[17]) Срв.: „der einzige Gegenstand“. Log .III 328. Enc. III 464. 465.—[18]) Log. I. 16.—[19]) Log. III. 33.—[20]) Срв. Log III. 339.—[21]) Log. III. 330.—[22]) Log. I. 18.—[23]) Phän 434 —[24]) Ph. 412.

что оно есть *„субстанція“*. Стихія смысла не просто „существенна“; она „во всемъ субстанціальна“ [1]). Понятіе есть „единая, всеобщая Субстанція“ [2]), или иначе: „разумъ“ [3]) есть „субстанціальная основа“ [4]) всяческаго бытія и „жизни“ [5]). Вотъ почему философія утверждаетъ, что спекулятивный смыслъ есть „вездѣсущая душа“ [6]). Абсолютное Понятіе есть „простая сущность жизни, душа міра, такъ сказать всеобщая кровь“, которая „вездѣ присутствуя,... пульсируетъ въ себѣ, не приводя себя въ движеніе, и содрогается въ себѣ, не впадая въ безпокойство“ [7]).

Субстанціальность Понятія выражается въ томъ, что *кромѣ него—ничего нѣтъ*. „Только абсолютная Идея есть бытіе, непреходящая жизнь, знающая себя истина, и, притомъ, всяческая истина“ [8]). „Идея сама—есть все“ [9]); или, иначе: „Понятіе есть единственно дѣйствительное“ [10]). Все, что „истинно есть“—есть Понятіе [11]); а „все остальное“ есть лишь „ошибка, смутность, мнѣніе, стремленіе, произволъ и преходящее“ [12]). Субстанція не можетъ не быть единственною реальностью; иначе она будетъ ограничена инобытіемъ, пассивна; и тогда она утратитъ свою субстанціальность. Ей свойственно хранить въ себѣ источникъ своего бытія, т.-е. быть *живою силою*.

Абсолютное Понятіе есть не только „субстанція жизни“ [13]), или „сущность жизни“ [14]), но сама подлинная *сила жизни*. Спекулятивный смыслъ есть „самое живое, самое подвижное“ [15]) или, что то же: „идея есть вѣчная жизненность“ [16]). То, что пріобщается Понятію, пріобщается самой жизни; и, обратно: все живое живетъ силою смысла. Ибо разумъ есть безконечная сила“ [17]), таящая въ себѣ свой первоначальный истокъ. Понятіе есть нѣчто „могучее“ [18]) и „господствующее“ [19]); оно есть—вся сила; оно „всемогуще“ [20]).

Эта живая сила Понятія выражается всецѣло въ его *самоопредѣленіи* [21]): оно „относится къ себѣ“ [22]), „возвращается въ себя“ [23]),

---

[1]) Срв. Enc. I 229.—[2]) Срв. Enc I 386; срв Phan 307. Enc. I. 315 — [3]) Ph. G. 12 —[4]) Log. I 21.—[5]) Log. III. 247.—[6]) „allgegenwärtige Seele“. Log. III. 247. Срв. Phän. 41—42 46 126.—[7]) Phän. 126.—[8]) Log. III. 328.—[9]) Krit. 34.—[10]) Phän. 404, срв. Log. III. 238. Enc. I. 385 Recht. 17. 22 —[11]) Log III. 318.—[12]) Leg. III 328; срв. Recht 22.—[13]) Log. III 247.—[14]) Phän. 126 —[15]) Log. I. 248 —[16]) Enc. I. 389; срв. Log. III. 243. 345 249. 249. Enc. I. 391 —[17]) Ph. G. 12.—[18]) „machthabender Begriff“. Log. III. 240.—[19]) „ das Herrschende“. Phän. 393.—[20]) „Allmacht des Begriffes“. Log III. 116.—[21]) См. главы четвертую, пятую, шестую и седьмую.—[22]) Срв. Log. III. 249. 345.—[23]) Phän. 51.

„движетъ себя“ [1]), и, различаясь, самоопредѣляется [2]). Во всемъ этомъ Понятіе слѣдуетъ исключительно собственному почину и собственной необходимости: оно творитъ себя по своему закону. Эта самозаконность разума есть новое выраженіе его субстанціальности. Спекулятивный смыслъ повинуется только своей имманентной, отрѣшенной, или, что то же, абсолютной необходимости; кромѣ этой необходимости, нѣтъ вообще никакой другой и быть не можетъ. „Необходимость, какъ таковая есть сама по себѣ— Понятіе, относящееся къ нему самому“ [3]); иными словами: „необходимость есть само Понятіе“ [4]).

Имманентная необходимость Понятія состоитъ въ томъ, что оно имѣетъ въ себѣ самомъ „свое начало“ [5]) и „свои условія“ [6]). Оно обусловлено только собою и своею природою; оно не обстоитъ ни „въ другомъ“, ни „изъ другого“, ни „черезъ другое“ [7]); оно всецѣло „покоится на самомъ себѣ“ [8]), пребываетъ „у себя“ [9]) и потенціально [10]) хранитъ въ самомъ себѣ всю „внутреннюю возможность“ [11]); жизнь его проходитъ въ „согласованіи съ собою“ [12]), и во внутреннимъ „мирѣ“ [13]). А это значитъ, что Понятіе *свободно*; ибо свобода есть не что иное, какъ чистая и полная, внутренняя самозаконность, нескованная никакимъ инобытіемъ.

Вотъ почему Гегель говоритъ, что свобода есть „истина“ необходимости [14]) и поясняетъ это такъ: „Понятіе само есть для себя сила необходимости и дѣйствительная свобода“ [15]); оно есть нѣчто „свободное, въ качествѣ для себя сущей субстанціальной силы“ [16]).

Итакъ, Понятіе есть свободная [17]), разумная сила, самодѣятельно творящая свою форму [18]) и свое содержаніе [19]). Это означаетъ, что оно есть не только „субстанція», но, въ то же время, и „субъектъ“.

Смысловая субстанція есть *субъектъ* потому, что она не мертва и не коснѣетъ въ неподвижности, но является всегда, по самому существу своему, живою самодѣятельностью. Субъектъ есть начало творческаго безпокойства [20]): онъ „движетъ себя“ [21]), отно-

---

[1]) Phän. 27. 45. 177. 193.—[2]) Срв. Log. I. 49. Log. III. 208. 249. Enc. I. 386. 389. Enc III. 427. Recht. 352. 365. Ph. G. 16. 38. 63. Beweise. B. 473.—[3]) Enc. I. 405.—[4]) Enc. I. 293.—[5]) Beweise. 381.—[6]) Beweise. 379.—[7]) Beweise. 403.—[8]) Beweise 403.—[9]) Beweise 404.—[10]) Enc. III. 326.—[11]) Срв. Phän. 254.—[12]) Beweise. 404.—[13]) Beweise. 404.—[14]) Beweise. 367 —[15]) Enc. I. 313.—[16]) Enc. I. 315.—[17]) Срв. Log. III. 209. 318. 318. Enc. I. 22. 386. 390. 396. Enc. III. 427. Ph. G. 16. 38. и др.—[18]) Ph. G. 12 —[19]) Phän. 602. Ph. G. 12.—[20]) Срв. Phän. 18. 17. 48 —[21]) Phän 15. 17 45 19. 35 36

сится къ себѣ [1]) негативно [2]) и создаетъ себя [3]) въ этой рефлексіи [4]); онъ живетъ въ себѣ [5]) и жизнь его есть его „собственная дѣятельность“ [6]); онъ совершаетъ въ себѣ діалектическій процессъ [7]) вызываетъ въ себѣ противорѣчія [8]) и тѣмъ углубляется въ себя [9]). Этимъ онъ сообщаетъ себѣ „самостную форму“ [10]), форму творческой, безконечной [11]) самостоятельности [12]), и, въ то же время, „увѣренной въ себѣ“ [13]) конкретной единичности [14]).

Но именно абсолютному Понятію и только ему присущи всѣ эти свойства и притомъ въ высшей степени, такъ, что оно „само по себѣ сплошь и насквозь субъективно“ [15]). „Разумъ есть субстанція, безконечная сила, безконечная матерія, безконечная форма“ и, въ то же время, творческое созиданіе „этого своего содержанія“ [16]). Или, иными словами: Понятіе, въ качествѣ субъекта, есть не что иное, „какъ рядъ своихъ дѣйствій“ [17]), творчески сосредоточенныхъ въ единомъ, всеобъемлющемъ [18]) богатѣйшемъ и конкретнѣйшемъ результатѣ [19]). Единое и субстанціальное, оно можетъ быть опредѣлено, какъ универсальная „всеобщая самость“ [20]).

Абсолютное Понятіе, какъ «всеобщая Субстанція» и, въ то же время, какъ „субъектъ“—есть Духъ [21]). Это значитъ, что основное свойство Понятія—«самодѣятельность въ самосозиданіи» [22])—составляетъ его духовность [23]). «Духъ» есть Понятіе, имѣющее само себя своимъ объектомъ [24]); именно таковъ всегда по существу своему спекулятивный смыслъ. Поэтому можно сказать, что спекулятивныя понятія суть «духовныя сущности» [25]) или, что Понятіе есть «чистый элементъ“ духовнаго бытія [26])—«чистая самость» Духа [27]).

Это можно выразить такъ, что Духъ есть *мыслящее себя Понятіе*: въ немъ «субъектъ» совпадаетъ съ «объектомъ» [28]), «сущность» находится въ единствѣ съ «самостью» [29]), «матерія» тождественна съ „формою“ [30]). Духъ есть стихія мышленія [31]),

---

[1]) Phän. 18.—[2]) Phän. 15.—[3]) Phän 15. 20 36. Beweise. 459.—[4]) Phän. 18. 18. 43. 48. Enc. I. 386. Enc. III 385.—[5]) Phän 36.—[6]) Phan. 29; срв. Phän. 45. 602.—[7]) Phän. 52.—[8]) Log. III 342 343. Enc. II. 602: срв. Enc. I. 390.—[9]) Phän 48. 608. Beweise. 343.—[10]) Phän. 402. 609. Enc. II 423: срв. Phän. 29.—[11]) Enc. I 391. Enc. II. 237 598. Enc III. 437. 451.—[12]) Log. I. 55.—[13]) Phän. 442.—[14]) Log. III. 345.—[15]) „durch und durch“. Phän. 52.—[16]) Ph. G. 12.—[17]) Срв. Recht. 166.—[18]) Срв. Log. III. 349 Enc. I. 324.—[19]) Срв. Log III. 349. Enc I. 324.—[20]) Phän 572; срв. 442 602.—[21]) Срв. Phän. 19. Enc. I. 386.—[22]) См. главу четвертую.—[23]) Срв Phän. 20.—[24]) Enc. III. 47.—[25]) Phän. 27.—[26]) Phän. 609.—[27]) Log. III. 59.—[28]) Срв. Enc. III. 13. 283. 436.—[29]) Phän. 541.—[30]) Срв. Enc. III. 427. 436.—[31]) Срв. „das Denken überhaupt“ Recht 34.

разума [1]). Отсюда его всеобщность [2]), его внутреннее негативное [3]) безпокойство [4]) и его истинная безконечность [5]). Духъ всегда остается «въ себѣ» и «у себя» [6]); онъ имѣетъ свой центръ въ самомъ себѣ [7]) и жизнь его есть чистое самоопредѣленіе; онъ «есть лишь то, чѣмъ онъ самъ себя дѣлаетъ, и онъ дѣлаетъ себя лишь тѣмъ, что онъ есть самъ по себѣ» [8]).

Духъ „начинаетъ только со своего собственнаго бытія и относится только къ своимъ собственнымъ опредѣленіямъ“ [9]); въ этомъ его субстанціальность и его свобода [10]). Для него жить значитъ «быть для себя» [11]) и раскрывать свою сущность. Онъ есть „субстанція или реальное духовное существо“ [12]), сущность котораго въ томъ, что оно даетъ откровеніе о самомъ себѣ—самому себѣ [13]). И въ этихъ свойствахъ своихъ Духъ является самою „знающею истиною“ [14]) и критеріемъ всякой сущности: „все, что обладаетъ цѣнностью и значеніемъ имѣетъ духовную природу“ [15]).

Итакъ абсолютное Понятіе есть живая и самодѣятельная, а потому субъективная Субстанція, творческое духовное существо. Въ немъ источникъ всей и всяческой дѣятельности. Все, чему „Понятіе имманентно“ [16]),—все живетъ и дѣйствуетъ. Оно есть „вѣчное творчество“ [17]) и движеніе его есть „всеобщая абсолютная дѣятельность“ [18]). Въ этой дѣятельности оно раскрываетъ себя изъ глубины, развертываетъ свое содержаніе или, что то же, „реализуетъ себя“ [19]).

Таковъ смыслъ его внутренней негативности, его „противорѣчій“ и всѣхъ его діалектическихъ страданій. Понятіе есть тотъ духовный субъектъ, который творитъ въ себѣ внутреннее діалектическое разложеніе, сращиваетъ свои противоположности и исцѣляетъ свои надрывы такъ, что не остается никакихъ шрамовъ. Вотъ почему Понятіе имѣетъ сразу „діалектическую“ [20]) и „конкретную“ [21]) природу. Оно всегда конкретно и богато,

---

[1]) Log. I. 7.—[2]) Ph. G. 143—[3]) Enc. III. 24.—[4]) Phän. 539.—[5]) Срв. Enc. III. 35 Ph. G. 55 Beweise. 427. — [6]) Ph. G. 21. — [7]) Ph. G. 21. — [8]) Ph. G. 52; срв. Phän. 605.—[9]) Enc. III. 288.—[10]) Срв. Ph. G. 20. 53. 21. 23.—[11]) Срв. Phän. 406. Enc. III 447 —[12]) Phän. 323. Enc. III. 440.—[13]) Срв. Enc. III 27. 29 294. 411. Enc III. 447. 451. 452 Ph. G. 13.—[14]) Срв Enc III. 287.—[15]) Enc I XL.—[16]) Срв. Phän. 53.—[17]) „ewige Schöpfung“. Enc. I. 389—[18]) Срв. Log III 330. 330. 342.—[19]) Срв. Phän. 63. Log III. 239. Enc. I 386. 413 Enc. III. 427 Recht. 208—[20]) Срв. Phän. 601. Log. I. 217. Log. II 72. Log. III. 340. 342 Enc I 389. 390 Enc. II. 604. Ph. G. 63.—[21]) Срв. Log. I. 127. Log. III 41. 58 206. Enc. I. XV. 69. 323. 324. 324. 361. 386 Enc. III. 464-465. Beweise. 352. 366; срв. о конкретности духа: Ph. G. 71. Beweise. 296 427. Bhag 417. 419. 5 Rec 172 и др.

потому что остается «основою и тотальностью» всѣхъ предшествующихъ опредѣленій [1]); и, созрѣвая постепенно къ *абсолютной* конкретности и *высшему* богатству, оно являетъ, наконецъ, „высшую интенсивность субъекта въ идеальности всѣхъ конкретныхъ опредѣленій“ [2]).

Въ этомъ состояніи высшей содержательной насыщенности, Понятіе утверждаетъ себя, какъ „конкретную Всеобщность“ [3]) или какъ всеобъемлющую „органическую тотальность“ [4]). Разумъ подводитъ итогъ своей цѣлесообразной дѣятельности“ [5]), а цѣль предстаетъ въ видѣ „дѣятельнаго Понятія“ [6]). Смысловая субстанція завершаетъ свое откровеніе и Духъ выступаетъ въ видѣ *абсолютнаго богатства сращенныхъ смысловъ*. Откровеніе закончено и Понятіе обнаружило свою *божественность*.

Понятіе божественно потому, что оно совмѣщаетъ въ себѣ абсолютную реальность и абсолютное совершенство. Оно обладаетъ абсолютною реальностью и тогда, когда еще не реализовало себя сполна; оно обладаетъ ею тѣмъ болѣе, когда достигаетъ высоты и раскрываетъ все свое потенціальное содержаніе. Оно обладаетъ абсолютнымъ совершенствомъ и тогда, когда таинственно скрываетъ его въ своихъ нѣдрахъ; оно обладаетъ имъ тѣмъ болѣе, когда органическая конкретность становится его осуществленною формою.

Въ этомъ состояніи высшей и абсолютной конкретности, Понятіе предстаетъ какъ истинно осуществленная безконечность [7]): оно творитъ себя, почерпая всю свою силу и все свое содержаніе изъ собственныхъ нѣдръ. Его безконечность есть проявленіе не скудости, а богатства; не отрицанія, а утвержденія; не жажды, но обладанія; не дефекта, а наличности и завершонности. Это—„процессъ“ Гераклита, сомкнувшійся въ „сферу“ Парменида.

Поэтому Понятіе обладаетъ вѣчностью [8]), непреходящей наличностью, или, что то же, безсмертною [9]) длительностью первоосновы. Разумная стихія есть „causa sui“ и поэтому она „non potest non esse“. Это „субстанція“ Спинозы, претворенная въ „духовную активность“ Фихте Старшаго, но утвержденная въ образѣ «объективнаго смысла».

---

[1]) Log. III. 58.—[2]) Beweise. 344.—[3]) Срв. Log. III. 99. 105. Enc. I. 66. 340. 374. 398. Recht. 40-41. и др.—[4]) Срв. Log. III. 240. Enc. I. 28, 315.—[5]) Phän. 17.—[6]) Срв. Enc I. 118. Phän. 34 Log. III. 227. 233. Log. II. 77.—[7]) Срв. Glaub. 9. 9. 70. 71. W. Beh. 343. 359, Phän. 126. Log. I. 148, 297, Log. III. 213. 277. 318, Recht 40-41, Beweise. 393.—[8]) Срв. Enc. I, 389, Enc, II, 51, 55; о вѣчности Духа: Enc. III. 37, Ph. G. 13. 107. Beweise 427.—[9]) „Der Begriff selbst ist unsterblich“. Log. III. 78.

Процессъ конкретизаціи приводитъ эту живую субстанцію смысла къ тому, что она *объемлетъ все* и, въ то же время, сохраняетъ величайшую простоту [1]) въ содержаніи. Понятіе, при всемъ своемъ богатствѣ, остается „яснымъ“ и „прозрачнымъ“ [2]) и, при всей своей простотѣ,—абсолютно сложнымъ и глубокимъ. Оно являетъ собою ту великую *простоту всекачественности*, которая предносилась древнимъ мыслителямъ въ ихъ первоосновѣ.

Достигая этой высоты, Понятіе получаетъ званіе Идеи, что означаетъ его „адэкватность“ [3]), или, если угодно, полноту его объективности и реальности [4]). Идея есть высшій status Понятія [5]), до котораго оно доводитъ себя самостоятельно. И этимъ оно обнаруживаетъ, что оно есть само Абсолютное [6]), или Божество.

Понятіе, по себѣ и для себя, есть Безконечное и Абсолютное [7]). Нѣтъ ничего, что было бы реальнѣе его, выше его, совершеннѣе его; оно есть высшее и послѣднее. Все изъ него и черезъ него; все—есть оно. „Понятіе есть все“ [8]), или, обратно, „все есть Понятіе“ [9]). Абсолютная идея есть „вся истина“ [10]), или, иначе: „всякая опредѣленность“, въ ея истинномъ составѣ, есть само Понятіе [11]). Понятіе есть не что иное, какъ „знаніе себя“ и знаніе „всего какъ себя“ [12]). Въ этомъ его абсолютность и субстанціальность, ибо „Абсолютное есть всеобщая и единая идея“, превращающая себя путемъ самодѣятельныхъ „первораздѣловъ въ систему опредѣленныхъ идей“ [13]).

Именно въ этихъ свойствахъ своихъ Идея есть само Божество. „Богъ есть въ существѣ своемъ мысль, само мышленіе“ [14]); онъ есть „высшая мысль“ [15]), или, иначе: онъ есть „послѣдняя глубина мысли, абсолютное Понятіе“, самъ „Предметъ“ [16]). Эта абсолютная мысль, совпадающая съ самою реальностью [17]), эта ритмически живущая стихія смысла—божественна. Богъ—единъ [18]); онъ не только „субстанція“, но и „субъектъ“ [19]): онъ есть нѣчто „живое“ [20]), и жизнь Его состоитъ въ самодѣятельномъ

---

[1]) Phän. 8, 45, 574.—[2]) Enc. I, 324.—[3]) Log III, 236.—[4]) Срв. Log. III, 237. Enc. I, 413—[5]) Срв. Log III, 277. 329. Enc. I, 386, Enc, III, 468.—[6]) Enc. I, 22.—[7]) Log III, 213, срв. Log. I, 36, Log. II, 6, Log. III, 175, Enc. I, 22.—[8]) „der Begriff ist alles“, Log III, 330.—[9]) „Alles ist Begriff“. Enc. I, 345; „Alles an sich ist der Begriff“. Log I 242.—[10]) Log. III, 328.—[11]) Срв. Enc. I, 324.—[12]) Срв. о методѣ Log. III, 348.—[13]) Enc. I. 385.—[14]) Beweise 420; срв. Ph G. 38.—[15]) Beweise. 301—[16]) „Gott, das Tiefste des Gedankens, der absolute Begriff, der Gegenstand ist“ Beweise. 342.—[17]) Срв. Glaub 134. Enc. I. 112.—[18]) Beweise. 350—[19]) Enc. I. XVII.—[20]) Срв. Beweise 462.

откровеніи. [1]) „Богъ есть дѣятельность, свободная, къ самой себѣ относящаяся и у себя остающаяся дѣятельность“ [2]). Осуществляя ее, Божество открываетъ, манифестируетъ себя [3]), или, иными словами, „показываетъ себя“ [4]), «излагаетъ себя» [5]). Этимъ и опредѣляется „содержаніе Абсолютнаго“ [6]): «изложеніе его есть его собственное дѣло» [7]), и въ его спокойномъ самосозиданіи обнаруживается „активность“ самой субстанціи [8]). Богъ есть *самодѣятельная мысль*; онъ свободенъ потому, что онъ есть „сила“, способная оставаться собою [9]). Слѣдуя „абсолютной необходимости“ своего самоопредѣленія [10]), Божество, какъ творческая мысль, творитъ себя въ функціи *самопознанія* [11]) и тѣмъ утверждаетъ свою духовность [12]). Богъ есть Духъ [13]); онъ больше, чѣмъ живой субъектъ [14]), онъ есть мыслящая себя Всеобщность [15]), безконечное и вѣчное [16]) Понятіе, возводящее себя на ступень „конкретной тотальности“ [17]).

Въ этихъ свойствахъ своихъ „Богъ есть истина, и онъ одинъ есть истина“ [18]); въ нихъ онъ есть „самое дѣйствительное и онъ одинъ дѣйствителенъ воистину“ [19]). Къ этому познанію ведетъ вся философія [20]): она устанавливаетъ, что для Бога нѣтъ ничего „внѣшняго“; философія не признаетъ „кромѣ Бога—никакого обстоянія и ничего“ [21]). „Абсолютная идея... есть единственный предметъ и содержаніе философіи“ [22]).

Это значитъ, что истинная философія исповѣдуетъ *пантеизмъ*.

Согласно обычному пониманію, „пантеизмъ“ есть ученіе, отождествляющее Бога со *всею* и *всяческою* реальностью. „Богъ есть все“—таково общепринятое выраженіе для этой доктрины; и въ этомъ выраженіи глубина концепціи остается въ смутномъ и непроясненномъ состояніи. Выяснить сущность этой концепціи значитъ заполнить отвлеченное „тождество“ живымъ и опредѣленнымъ созерцаніемъ, метафизически-подлиннымъ и, въ то же время, религіозно-животворящимъ.

Если условиться, что терминъ „міръ“ обозначаетъ *всю и всяческую* реальность за исключеніемъ самого Божества, то усвоеніе

---

[1]) Срв. Solg. 485. — [2]) Beweise 312. срв. Phän. 57. — [3]) Срв. Log. II. 193. 200. 219. Beweise. 330.—[4]) Log. II. 193.—[5]) Log. II. 189. 218. 219.—[6]) Log II. 193. — [7]) Log. II. 189. — [8]) Log. II. 221. — [9]) Gösch. 132. срв. Beweise 313 —[10]) Срв. Log II 219. Beweise. 410.—[11]) Срв. Phän. 571 Enc. I. 141-142. Enc. III. 448. Beweise. 301.—[12]) Срв Enc. I. 141-142 Beweise. 301.—[13]) Срв. Phän. 571. Log III. 174.. Enc. III. 29. Beweise. 301. 330. Beweise. B. 470.—[14]) Срв. Enc. I. 111.—[15]) Срв. Enc. III 456 —[16]) Enc. I. 14. Beweise. 309.—[17]) Enc. I. 113. срв. Phän. 551 —[18]) Enc. I. 3.—[19]) Enc. I. 10.—[20]) Срв. Glaub 15. 19-20 Recht. 20.—[21]) Glaub 134.—[22]) Log. III. 328.

„пантеизма“ будетъ состоять въ адэкватномъ переживаніи нѣкотораго особаго соотношенія между «міромъ» и Богомъ. Это соотношеніе Божества и міра можно представлять себѣ различно.

Во-первыхъ, можно отправляться отъ реальности міра, какъ такового, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ признать его божественность. Это означаетъ, что душа пріемлетъ бытіе міра, со всѣми его свойствами и во всемъ его содержаніи: *есть міръ*: онъ таковъ, каковъ онъ есть,—въ пространствѣ и во времени, въ условіяхъ матеріальной множественности и причиннаго взаимодѣйствія, во всей своей хаотической закономѣрности.

Этотъ міръ—есть *все*, ибо онъ исчерпываетъ собою всю совокупность реальности. И вотъ, религіозно созерцающая душа постигаетъ, что кромѣ этого „міра“ нѣтъ ничего и никого, и что онъ, самъ по себѣ, какъ таковой, — божественъ. Міръ есть все; это міровое „все“—божественно.

Такую форму „пантеизма“ Гегель рѣшительно отвергаетъ. Невозможно и нелѣпо признавать подлинную и единственную реальность *конкретнаго-эмпирическаго* міра и боготворить его во всѣхъ его злосчастныхъ свойствахъ и несовершенствахъ. Сказать „Богъ есть все“ и разумѣть подъ этимъ „все“—„всѣ вещи въ ихъ существующей раздробленной единичности“ [1]), все „безконечное множество эмпирическихъ существованій“ [2]) безъ различія [3]); сказать „Богъ есть міръ“, приписать этому эмпирическому міру „бытіе и субстанціальность“ [4]) и признать, что это „бытіе мірскихъ вещей есть Богъ“ [5]),—значитъ, по истинѣ, осуществить высшее „безмысліе и извращеніе понятій“ [6]). Это значитъ обожествить „конечное“, [7]) какъ таковое, „совлечь божественное во внѣшнее и чувственное“ [8]) и произвести „безконечное раздробленіе божественной дѣйствительности на безконечную матеріальность“ [9]). Нелѣпо [10]) приписывать божественность каждой единичной вещи, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ; на этомъ пути мысль приходитъ не къ пантеизму, а къ его противоположности, ибо конечное утверждается и сохраняется, какъ *положительное* и, въ то же время, выдается за безконечное, и зло, оставаясь зломъ, исповѣдуется какъ добро [11]). Пантеизмъ не сводится къ кощунственному искаженію предметовъ; онъ не утверждаетъ *реальность зла* съ тѣмъ, чтобы выдать его за нѣчто *божественное*. На этомъ пути можетъ, быть возникнетъ, „всесатанизмъ“;

---

[1]) Beweise. 441. — [2]) Enc. III. 460. — [3]) Enc. III. 456. — [4]) Enc. III. 456 — [5]) Enc III. 456 — [6]) Enc. III 456 — [7]) Beweise. 441. — [8]) Enc. III. 462. Anm. — [9]) Enc. III. 467. — [10]) „Ungereimtheit“. Beweise 441. — [11]) Срв. Bha. 422.

быть можетъ, мысль придетъ къ какому-нибудь нелѣпому „всебожію“ [1]), исповѣдующему, что всѣ единичныя эмпирическія вещи божественны или, прямо, составляютъ Божество [2]). Но все это будетъ совершенно чуждо *пантеизму*. Слѣдовало бы даже еще „констатировать, только какъ фактъ, что *какой-нибудь философъ* или *какой-нибудь человѣкъ* дѣйствительно приписывалъ *всѣмъ* вещамъ сущую-по-себѣ-и-въ-себѣ реальность, субстанціальность, и разсматривалъ ихъ, какъ Бога“ [3]); и можно съ увѣренностью сказать, что такая нелѣпость и въ голову никому не приходила [4]). Такой „пантеизмъ“ возможенъ лишь до тѣхъ поръ, пока представленіе о мірѣ витаетъ въ неопредѣленной пустотѣ [5]). Ибо, когда истинный пантеизмъ утверждаетъ „всеобщность“ Божества, то, говоря о „всемъ“, онъ не имѣетъ въ виду „каждое существованіе въ его конечности и единичности“ [6]); „вездѣсущіе Божіе“ остается для него не совмѣстимымъ съ „истинной реальностью чувственныхъ вещей“ [7]). Метафизически-отчетливое понятіе о мірѣ освобождаетъ душу отъ „жалкаго представленія о томъ, что все есть Богъ и Богъ есть все“ [8]), и предохраняетъ человѣка отъ деградаціи Божественнаго.

Итакъ на этомъ пути ученіе получаетъ характеръ *монизма*, но только дурного, *эмпиристическаго* монизма, предметное единство котораго разсыпается на безконечное множество. Однако это единство устанавливаетъ по существу не „пантеизмъ“, а *эмпиристическій „панкосмизмъ“*, совпадающій по своему внутреннему смыслу съ *атеизмомъ*: міръ есть; онъ, какъ таковой, самъ по себѣ, божественъ; слѣдовательно,—Бога нѣтъ.

Во вторыхъ, можно отправляться сразу отъ реальности міра и Бога, сосуществующихъ параллельно, но такъ, что ихъ бытіе не исключаетъ возможности тождественнаго совпаденія. Это совпаденіе можетъ предноситься, какъ потенціальное состояніе, имѣющее осуществиться въ концѣ всяческаго развитія; или, наконецъ, какъ состояніе, характерное и для исхода, и для завершенія. Во всѣхъ этихъ концепціяхъ „тождество“ Бога и міра предполагаетъ возможность ихъ существеннаго *раздвоенія*: „міръ“ можетъ обрѣтаться въ Божествѣ, но можетъ и существовать обособленно; Божество можетъ быть растворено въ мірѣ, но можетъ и сосредоточенно противостоять ему. Единеніе обѣихъ сторонъ знаменуетъ собою высшее состояніе; но это состояніе *не* есть

---

[1]) „Allesgötterei“. Bha. 422.—[2]) Bha. 422.—[3]) Enc. III. 457. Курсивъ Гегеля; срв. 460.—[4]) Beweise. 441.—[5]) „im unbestimmten Blauen“. Enc. III. 460.—[6]) Beweise. 441.—[7]) Enc. III. §6. 467.—[8]) Enc. III. 459.

единственное возможное. Тождество міра и Божества есть результатъ ихъ соединенія, но не есть необходимый и конститутивный законъ ихъ бытія. Божество, само по себѣ, не есть міръ и не имманентно ему; и міръ, самъ по себѣ, не есть Божество и не имманентенъ ему. Міръ можетъ существовать и внѣ Бога, оставаясь для него „инобытіемъ“; Божество сохраняетъ свою божественность и тогда, когда міръ противостоитъ ему, не объятый имъ и не включающій его въ себя.

Такая концепція должна быть признана „дуалистическою“, ибо она допускаетъ возможность инобытія для Божества. И, если она даже пытается подняться къ пантеизму и установить „тождество Бога и міра“ [1]), то она придаетъ обѣимъ сторонамъ „прочную субстанціальность“ [2]) и объединяетъ ихъ въ новомъ, „неопредѣленномъ“ тождествѣ [3]), имѣющемъ высшую божественность; въ лучшемъ случаѣ создается ложное представленіе о томъ, что „Богъ слагается изъ Бога и міра“ [4]), и дуализмъ оказывается внесеннымъ въ самую сущность Божества.

Итакъ, на этомъ пути концепція получаетъ характеръ *дуализма* и ученіе о „все-единствѣ“ [5]) уступаетъ свое мѣсто ученію о великомъ раздвоеніи: міръ отдѣляется отъ Божества и Божество раскалывается въ своихъ собственныхъ предѣлахъ. Эта концепція утверждаетъ, что *тождество* Бога и міра *выше*, чѣмъ ихъ *нетождество*; но она безсильна показать подлинную реальность „пантеизма“. Само Божество утрачиваетъ въ этомъ толкованіи свою божественность и превращается то въ ограниченную реальность, то въ утраченное блаженство, то въ неосуществимый идеалъ. Пантеизмъ становится ученіемъ о томъ, *чего нѣтъ*, или, примѣнительно къ подлинной реальности,—несостоятельною доктриною.

Наконецъ, въ третьихъ, можно отправляться отъ *реальности Бога*, какъ *единственной истинной реальности*, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ усмотрѣть его подлинное отношеніе къ міру, т.-е. признать реальность міра лишь въ мѣру Божія присутствія въ немъ. Именно такъ слагается истинная концепція пантеизма.

Истинный пантеизмъ исповѣдуетъ бытіе Божіе: *есть Богъ*; онъ таковъ, каковъ онъ есть,—разумъ, субстанція, субъектъ, безконечная самодѣятельность, абсолютное Понятіе, духъ творящій себя мыслью. Въ этихъ свойствахъ своихъ Божество „есть все“, т.-е. оно исчерпываетъ собою всю совокупность реальности. И вотъ, религіозно созерцающая душа постигаетъ, что кромѣ Бога, такъ

---

[1]) Enc. III. 465.— [2]) Enc. III. 465 — [3]) Enc. III. 465.— [4]) Enc. III. 466 — [5]) „All-Eins-Lehre“. Enc. III. 467.

постигнутаго и исповѣдуемаго, нѣтъ ничего и быть не можетъ. Въ этомъ сущность пантеистическаго ученія.

Понятно, что, при такомъ пониманіи, Божество является единымъ и единственнымъ: всякій истинный пантеизмъ,—подобно ученіямъ индусовъ, Парменида и Спинозы,—есть *монотеизмъ* [1]). Такое ученіе неизбѣжно признаетъ, что міръ есть или состояніе самого Божества, или нѣчто несуществующее. Бытіе Бога, какъ единой и единственной *субстанціи*, означаетъ тѣмъ самымъ *небытіе міра*, какъ особаго, самостоятельнаго существованія. „Абсолютная самостоятельность Божества не позволяетъ ему выйти изъ себя“ [2]) и положить начало какому то самобытному міру. Поэтому все то, что носитъ названіе „міра“ и что не есть иллюзія,—представляетъ изъ себя подлинную ткань бытія Божія; а это значитъ, что *міра, какъ такового*, —нѣтъ. Вотъ почему всякій истинный пантеизмъ,—подобно ученіямъ индусовъ, Парменида и Спинозы,—есть *акосмизмъ* [3]).

Итакъ, истинный пантеизмъ учитъ отрицанію конкретнаго-эмпирическаго міра и признанію исключительной реальности Божества. Въ нѣдрахъ Божества—„бытіе внѣшнихъ вещей не имѣетъ истины“ [4]); эти вещи „не сохраняютъ своего бытія“ [5]). „Эмпирическая цѣлокупность міра исчезаетъ“ въ Богѣ [6]): все акциденціальное поглощается субстанціей [7]), все конечное оказывается безконечнымъ [8]); обнаруживается „упраздненность конечныхъ вещей“ [9]), ихъ „ничтожество“ [10]), ихъ небытіе [11]). „Единственно сущимъ“ [12]) оказывается „абсолютно-единое“ [13]) „безконечное и вѣчное“ [14]). „Только субстанція“ [15]), какъ бытіе, скрытое въ существованіи [16]),—„божественна и есть Богъ“ [17]). Только она реальна. „Есть Богъ и только Богъ“; а міра нѣтъ [18]).

Все это можно выразить такъ: „сущность Божія“ есть бездна, въ которую погружается и гдѣ гибнетъ все конечное [19]). Или иначе: „только абсолютное истинно и только истинное абсолютно“ [20]); все же остальное тлѣнъ и ничтожество [21]). Или, еще

---

[1]) Enc. III. 463.—[2]) Beweise. 339; Срв. особенно Phän. 584.—[3]) „Akosmismus“. Enc. I. 110. Enc. III. 463; срв. Bha. 422. 423. Beweise. 442.—[4]) Enc. III. 456. 463.—[5]) Enc. III. 456.—[6]) Enc. III. 459.—[7]) Срв. Enc. III. 459.—[8]) Срв. Beweise. 442.—[9]) „Aufgehobensein“. Jac. 9; „als negirte“. Bha. 423.—[10]) „ein Nichtiges“. Beweise. 442.—[11]) „kein Sein mehr“. Beweise. 442.—[12]) Hinr. 282.—[13]) Beweise. 442.—[14]) Hinr. 282.—[15]) Enc. III, 459.—[16]) „nur das Sein ihres Daseins“. Bha. 421; срв. Enc. I. 109—111. Enc. III. 459. 463.—[17]) Enc. III. 459.—[18]) Срв. Enc. I. 110.—[19]) „Untergang“, „Grund“, „Abgrund“. Log. II. 123.—[20]) Phän. 61.—[21]) См. главы первую, третью и четвертую.

проще: „мышленіе есть реальное и притомъ единственно реальное“ [1]).

Пантеистическое исповѣданіе въ устахъ Гегеля означаетъ, что онъ усматриваетъ *всю реальность въ абсолютномъ Понятіи и его жизни*, и что абсолютное Понятіе, или, что то же, спекулятивный Смыслъ есть, въ его пониманіи—само Божество. Но жизнь абсолютнаго Понятія развертывается въ систему, и система эта есть не что иное, какъ *Наука*. Отсюда возникаетъ исключительная по смѣлости концепція *панэпистемизма*.

Въ самомъ дѣлѣ, утверждаемый Гегелемъ пантеизмъ имѣетъ „панлогистическій“ характеръ. Его ученіе о томъ, что вся реальность принадлежитъ исключительно Божеству, раскрывается только тому, кто пріучилъ свой внутренній взоръ къ созерцанію абсолютнаго Понятія, какъ источника божественнаго откровенія. Абсолютное Понятіе божественно не потому, что оно „причастно“ силѣ и благодати Божества, но потому, что оно есть *само Божество*: оно есть субстанція, и субъектъ, и безконечное, и всеобщее, и Духъ. Поэтому „пантеизмъ“ Гегеля точнѣе всего выражается тезисами: „Понятіе есть все“ [2]); „все есть Понятіе“ [3]); „все есть по себѣ Понятіе“ [4]); „единое Понятіе есть субстанціальное во всемъ“ [5]); „Понятіе есть единственно дѣйствительное“ [6]); „только абсолютная Идея есть бытіе“ [7]); „то, что есть, есть лишь постольку, поскольку оно есть мысль“ [8]); природа всего сущаго въ томъ, чтобы „быть въ своемъ бытіи своимъ Понятіемъ“, и въ этомъ состоитъ вообще „логическая необходимость“ [9]); и т. д. Пантеизмъ утверждаетъ, что кромѣ спекулятивнаго Смысла—нѣтъ ничего, ибо онъ есть единственная реальность. Итакъ: все, реальное во истину, есть Богъ; Богъ есть абсолютное Понятіе; абсолютное Понятіе есть все, реальное во истину. Пантеизмъ задуманъ Гегелемъ въ терминахъ панлогизма.

Однако, абсолютное Понятіе не есть нѣчто мертвое и неподвижное; напротивъ оно есть живой субъектъ, самъ себя творящій и раскрывающій. Въ этомъ творчествѣ Понятіе слѣдуетъ своей внутренней необходимости—*логической* и, въ то же время, *органической*; оно слѣдуетъ ей *исключительно*, и потому оно *свободно*. Понятіе раскрываетъ себя, какъ органическое цѣлое конкретныхъ содержаній, какъ сращенное единство многихъ опредѣленій. Этотъ рядъ опредѣленій, все болѣе раскрывающійся, но всегда конкрет-

---

[1]) Ohl. 243—[2]) Log. III 330. 330. 348.—[3]) Enc. I. 345.—[4]) Log I. 242.—[5]) Enc. I. 229—[6]) Phän. 404.—[7]) Log. III. 328.—[8]) Enc. III. 353—[9]) Phän. 45.

ный, есть не что иное, какъ *спекулятивная Наука*, или, что то же *философія*.

Когда спекулятивный философъ говоритъ о „Наукѣ“, то необходимо отрѣшиться отъ обычнаго пониманія ея, какъ „совокупности продуманныхъ человѣкомъ правдоподобныхъ утвержденій“. Наука, по Гегелю, не есть нѣчто „субъективное“ и „антропологическое“; наоборотъ, она *объективна* и *божественна*. Она есть *раскрытая и осуществленная система подлиннаго бытія Божія*.

Наука столь же мало „субъективна“, какъ само абсолютное Понятіе, потому что именно Понятіе составляетъ чистый „элементъ“ ея бытія [1]), ея стихію, ея „эфиръ“ [2]), ея modus essendi. Понятіе есть объективная и чистая смысловая „сущность“; оно само себя движетъ и развиваетъ; это-то движеніе, взятое какъ систематическое цѣлое, и есть Наука [3]). „Наука есть саморазвитіе Понятія“ [4]), его „органическое, въ немъ самомъ коренящееся движеніе“ [5]).

Если угодно, Науку можно опредѣлить, какъ систему „познаній“, но съ тѣмъ существеннымъ поясненіемъ, что „знаніе“ есть не субъективное состояніе души, и не содержаніе, усвоенное человѣческою мыслью, а *объективное состояніе самого Понятія*. Человѣкъ, предавшій себя жизни Понятія [6]), участвуетъ въ познаніи уже не какъ человѣкъ, но какъ подлинный, живой, субъективный modus Понятія. Поэтому въ познаніи не человѣкъ познаетъ Понятіе или Предметъ, но самъ Предметъ познаетъ себя, или, что то же, само Понятіе осуществляетъ свое сомопознаніе. Научное познаніе есть „самопознаніе Разума“ [7]) или, иначе, „самопостиженіе Понятія“ [8]). Поэтому сама Наука есть система актовъ познанія, выполненныхъ „собственною работою предметнаго разума“ [9]). Она организуется исключительно „собственною жизнью Понятія“ [10]) въ функціи его „самосознанія“ [11]); она создается „имманентною самостью содержанія“ [12]), самостоятельно „опредѣляющею свой ритмъ“ [13]). Въ научномъ процессѣ „знаніе и предметъ знанія суть одно и то же,—абсолютное Понятіе“ [14]): оно есть само субъектъ и само свой объектъ [15]),—Предметъ, самъ по себѣ разумный [16]) и субъективно себя познающій [17]). Иными словами, Наука есть подлинная жизнь

---

[1]) Phän. 22 603 —[2]) Срв. Phän 20. 609.—[3]) Phän. 27. 37 56 Log. I. 8 —[4]) Enc I. XXVIII.—[5]) Phän. 609.—[6]) Phän. 42—43. См. главу третью.—[7]) Phän. 412.—[8]) Log. III. 244; срв Phän. 20—[9]) Recht. 81.—[10]) Phän. 41.—[11]) Срв. Phän. 20. Log. I. 35.—[12]) Phän. 44.—[13]) Phän. 45.—[14]) Phän. 412 —[15]) Срв. Log. III. 245. 331; срв. Log. III 262 —[16]) Recht. 66.—[17]) Log III. 331.

Духа, его существованіе [1]), его развитое само-вѣдѣніе [2]), вѣнецъ его бытія [3]). Наука есть истина, познавшая себя [4]) въ своемъ завершонномъ откровеніи, — манифестація [5]) Божества самому себѣ. И потому она являетъ собою подлинную ткань Божіей жизни.

Наука есть подлинная *реальность*: она вся слагается изъ спекулятивнаго смысла, а этотъ смыслъ есть истинная „вещь сама по себѣ“ [6]). Наука есть абсолютная *сущность*: ея „дефиниціи“ содержатъ „существеннѣйшую, собственнѣйшую природу“ предмета [7]). Наука и только Наука есть „абсолютная *истина*“ [8]),— „органическое цѣлое“ [9]), состоящее изъ спекулятивныхъ опредѣленій Божества. „Движущая душа“ діалектики [10]) развертываетъ всѣ состоянія Божіи, а сила конкретнаго возсоединенія связываетъ ихъ въ „тотальность“ божественной Идеи [11]). Истинна только Наука; истинно только Божество [12]). Это понятно, потому что наука становится истинною Наукою только черезъ присутствіе Абсолютнаго [13]); ибо Богъ есть Наука.

Это означаетъ, что самоопредѣленіе Понятія есть сразу *теогоническій* и *научный* процессъ; что каждый научный „законъ“ есть тѣмъ самымъ способъ бытія Божія; что система научной философіи, какъ таковая, развертываетъ живую „исторію“ божественнаго страданія и восхожденія.

Въ самомъ дѣлѣ, каждая научная категорія являетъ собою особое классическое состояніе Божества; но не потому, что она „вѣрно“ „рисуетъ“ или „передаетъ“ это состояніе, а потому, что она сама *есть* это состояніе. Содержаніе каждой научной категоріи есть тѣмъ самымъ содержаніе самого Божества; и тотъ, кто мыслитъ ее адэкватно, тотъ *одержимъ подлиннымъ присутствіемъ божественной Субстанціи*, которая въ немъ, силами его души, достигла *самопознанія*.

Богъ есть живой Смыслъ; и кромѣ этого живого Смысла нѣтъ вообще *ничего*; и Наука есть *система* живого Смысла. Поэтому каждое измѣненіе живого Смысла въ Наукѣ есть измѣненіе, создаваемое Божествомъ въ его собственной и подлинной ткани. И

---

[1]) Enc. III. 294; срв. Phän. 693.—[2]) Phän. 20. 418. 606. 612.—[3]) „Krone“. Phan 11.—[4]) Срв. Phän. 541 —[5]) Срв. Enc. III. 447.—[6]) Срв. Log. I. 35. 127. [7]) Log. I. 37.—[8]) Log. I. 35.—[9]) Phän. 27. 39. Срв. Enc. I. 26.—[10]) Срв. Phän. 41—42. Enc. I. 152.—[11]) Срв. Beweise. 399.—[12]) „Gott und er allein ist die Wahrheit“ Enc. I. 3; „Gott ist allein das Wahre“. Hinr. 302; о наукѣ: „dass ihr Inhalt vielmehr allein das absolute Wahre“. Log. I. 35; „die wahre Gestalt in welcher die Wahrheit existirt, kann allein das wissenschaftliche System derselben sein.“ Phän. 6.—[13]) Срв W. Beh. 324.

когда человѣкъ предается спекулятивно-научному мышленію, то этотъ процессъ имѣетъ *объективно-метафизическое* значеніе: это Божество познаетъ *имъ*, какъ своимъ органомъ, *себя*, въ своей чистой сущности, т. е. въ образѣ чистаго, діалектически-развивающагося и конкретно-обогащающагося научнаго Понятія. Вотъ почему *діалектика* есть не просто „научный“, но *божественно-научный* законъ: форма *откровенія* божественнаго. И, точно такъ же, *всеобщность* есть не просто „логическая“ категорія, но *божественно-научный способъ бытія*: форма *обстоянія* божественнаго. И *конкретность* есть не просто разновидность „синтеза“, но *божественно-научное достиженіе*: форма *совершенства* Божія.

Понятно, что процессъ научнаго самопознанія, выполняемый абсолютнымъ Понятіемъ, единъ и единственень потому, что едино и единственно Божество. Въ этомъ сущность *монотеизма* и *пантеизма*. Многократность осознанія этого процесса въ человѣческихъ душахъ не нарушаетъ этого единства потому, что самая раздѣльность человѣческихъ душъ, а потому и множественность ихъ, есть эмпирическая иллюзія: каждое восхожденіе каждой человѣческой души въ сферу Науки есть дѣло самого Понятія, единаго и единственнаго по существу,—это одинъ изъ „актовъ“ единаго само-откровенія Божія.

Наука *едина*; въ этомъ сущность монотеизма. Кромѣ Науки *нѣтъ ничего*; въ этомъ сущность пантеизма. Но Божество есть не просто Субстанція, а Субъектъ; и потому Наука есть живой, систематическій процессъ: система самораскрытія, сверхвременно осуществляемая Божествомъ.

Эта система жизни имѣетъ свою особую послѣдовательность, не временную, но метафизическую [1]). Наука развивается въ строгомъ *діалектически-органическомъ* порядкѣ, отъ бѣдности къ богатству, отъ простоты къ сложности, отъ непосредственности къ опосредствованному итогу. Она имѣетъ свой строй, раздѣляющій ее на систему отдѣльныхъ наукъ, и каждая изъ этихъ подчиненныхъ сферъ божественнаго бытія повторяетъ собою ритмъ цѣлаго. Каждая Наука возвращается послѣднимъ актомъ своимъ къ своему исходному пункту, повторяя его содержаніе, но уже въ совершенно раскрытомъ и осуществленномъ видѣ. И весь циклъ Наукъ утверждаетъ въ своемъ высшемъ звенѣ только то, что было положено въ началѣ всѣхъ началъ: единое и единственно реальное, творчески живущее Божество остается собою и на высшей ступени, и всѣ измѣненія его не искажаютъ и не мѣ-

[1]) См. главу шестую.

няютъ его природу. Наука есть *органическое единство* потому, что Божеству свойственно быть органической тотальностью; и, въ то же время, Божество есть *система идей* потому, что Наукѣ свойственно быть логическою системою. Въ этой органической системѣ начало есть потенція конца, а завершеніе есть раскрытое начало. Божество—„безконечно“, или, что то же, Наука есть „кругъ“, состоящій изъ системы органически-сопринадлежащихъ „круговъ“ [1]).

Если вся Наука въ цѣломъ есть не что иное, какъ процессъ божественнаго развитія, осуществляемый самимъ Божествомъ, то каждая изъ *подчиненныхъ* наукъ являетъ собою одинъ изъ этаповъ этого теогоническаго процесса. Этотъ великій процессъ не „былъ“, не „будетъ“ и не „бываетъ“: онъ вѣчно *есть* и не можетъ не быть. Онъ не начинается, не кончается и не исчезаетъ; но все, что есть, несетъ его въ себѣ, сосредоточиваетъ его въ своемъ реальномъ составѣ. То, что люди называютъ міромъ, есть его явленіе,—явленіе Бога, явленіе Науки; и бѣда лишь въ томъ, что люди не всѣ и не сразу постигаютъ истинность этого обстоянія.

Богъ есть подлинная, живая сущность міра и реальность міра опредѣляется всецѣло *его* присутствіемъ. Поэтому необходимо признать, что *кромѣ Бога нѣтъ ничего*; и въ этомъ сущность пантеизма. Это означаетъ, что Наука есть подлинная, живая сущность міра и реальность міра опредѣляется всецѣло *ея* присутствіемъ. Поэтому философія утверждаетъ, что *кромѣ Науки нѣтъ ничего* и этимъ она превращаетъ пантеизмъ въ *панлогизмъ* или въ своеобразный *панэпистемизмъ*.

Богъ есть Философія, т.-е. система научнаго Знанія; и кромѣ Философіи ничто не реально. Таково высшее дерзаніе метафизическаго замысла Гегеля.

---

[1]) Срв. Log. I. 65. Log. III. 351. Enc. I. 23.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Логика.

Все философское ученіе Гегеля посвящено адэватному раскрытію *сущности Божества* и описанію того *творческаго пути*, который совершается Субстанціею Божественнаго Смысла. Этотъ путь есть путь непрерывнаго восхожденія и само-обогащенія,— единый великій процессъ, не подчиненный въ цѣломъ законамъ эмпирическаго времени, но, тѣмъ не менѣе, происходящій въ извѣстномъ послѣдованіи и потому распадающійся на опредѣленныя „эпохи". Каждая изъ этихъ эпохъ описывается въ особой наукѣ, такъ что чистая сущность теогоническаго процесса, изображенная въ рядѣ научныхъ категорій, не только адэкватно *отображается* въ нихъ и *воспроизводится* въ сознаніи философа, но подлинно, реальностью и силою своею, *присутствуетъ*, *состаивается* въ его душѣ. Наука есть живая сущность Божія и первая изъ этихъ наукъ, Логика, составляетъ первую эпоху божественной жизни.

Логика есть первая „эпоха" Божественной жизни.

Согласно основной концепціи, каждое спекулятивное событіе научнаго ряда есть актъ самоопредѣленія, совершаемый живымъ смысломъ. Логика представляетъ изъ себя цѣлую систему такихъ событій, состоящую свиду изъ множества актовъ самоопредѣленія; эти акты срастаются однако въ одно грандіозное событіе: они объединены единымъ *субъектомъ*, который въ нихъ дѣйствуетъ, единой *средой*, въ которой они происходятъ, процессуальной *непрерывностью*, въ которой они совершаются, и, наконецъ, единымъ *результатомъ*, въ который они изливаются.

Субъектъ, совершающій въ себѣ логическіе акты, есть Богъ. Логическій рядъ, какъ и всякое иное бытіе есть творческое проявленіе и состояніе самодѣятельнаго Божества. Только единый Богъ, живая смысловая субстанція, единственная, всеобъемлющая и творчески всепроникающая, — можетъ быть этимъ субъектомъ.

Самоопредѣленіе свое Богъ совершаетъ здѣсь въ „элементѣ“ или въ „стихіи“ *чистаго понятія*. Подъ „чистымъ понятіемъ“ слѣдуетъ разумѣть спекулятивный смыслъ, свободный отъ всякой примѣси эмпирическаго, „несмѣшанный“ [1]) и не осложненный иными, низшими формами бытія, — „независимый“ отъ нихъ [2]); „чистое понятіе“ есть понятіе, сохраняющее свою подлинную спекулятивную форму, остающееся вѣрнымъ своей основной спекулятивной природѣ; это есть понятіе въ его первоначальной классической простотѣ,—понятіе, вѣрное себѣ. Именно благодаря этому—чистому понятію присущи всѣ тѣ основныя формы жизни, которыя были установлены выше. Оно отправляется отъ недифференцированнаго, такъ сказать, „завернутаго“ состоянія; оно движется діалектически, порождая въ себѣ внутреннія противоположности и сохраняя ихъ въ мѣру ихъ истинности; оно опредѣляетъ себя, развиваясь отъ всеобщаго къ единичному; оно сращиваетъ свои опредѣленія органически, образуя богатство опредѣленій и восходя къ спекулятивно-конкретной органической тотальности [3]). Въ Логикѣ Божество осуществляетъ этотъ способъ жизни въ его „чистомъ“, т. е. несмѣшанномъ, неосложненномъ и не затрудненномъ видѣ. Логическая ткань слагается въ этихъ формахъ съ тою легкостью, которая присуща движенію, свободному въ своей необходимости и необходимому въ своей свободѣ. Это возможно именно потому, что „чистое понятіе“ есть устойчивый и необходимый ингредіентъ, присутствующій на всѣхъ ступеняхъ логики.

Логика не покидаетъ своего уровня; она не выходитъ изъ элемента чистаго понятія. Но въ предѣлахъ этого послѣдняго Божество проходитъ послѣдовательно и непрерывно черезъ *всѣ* возможныя состоянія и замыкается въ стройную круговую законченность. Весь ходъ его движется къ единой цѣли: къ осуществленію въ себѣ *спекулятивной конкретности, т. е. высшаго, органически сращеннаго, максимальнаго богатства чистыхъ мыслеопредѣленій*; и процессъ логическій не законченъ, и понятіе не готово, пока оно не дастъ себѣ всю полноту опредѣленія. Понятно, что первые члены логической цѣпи будутъ отличаться наибольшей спекулятивной „абстрактностью“, а послѣдніе—наибольшей спекулятивной „конкретностью“. Начиная отъ первой „бѣднѣйшей“ категоріи, и кончая послѣдней „богатѣйшей“ категоріей, происходитъ непрерывное накопленіе категоріальнаго богатства. Каждая логическая категорія есть sui generis „чистое понятіе“,

[1]) Срв. Enc. I. 28.—[2]) „Unabhängig“ Log. III. 18. 19.—[3]) См. главы: четвертую, пятую, шестую и седьмую.

т. е. особое состояніе или модификація этого послѣдняго [1]). Каждая категорія есть, какъ таковая, особое метафизическое ens reale; ибо „бытіе и чистое понятіе“ просто совпадаютъ [2]). И, въ то же время, каждая послѣдующая категорія является новымъ состояніемъ, которое создано предшествующей категоріей въ себѣ самой и которое теперь, сработавшись съ нею въ единство, оказывается включеннымъ въ нее и обогащающимъ ее собою. Всѣ пройденныя звенья „лежатъ въ основѣ“ новаго звена [3]); они представляютъ изъ себя тотъ „элементъ“, ту необходимую внутреннюю стихію, изъ которой состоитъ новая категорія. Всѣ категоріи, сложившіяся послѣ первой, имѣютъ въ себѣ эту первую въ видѣ актуальной основы; каждая послѣдующая категорія есть „Бытіе“, ибо первая категорія есть именно категорія „Бытія“; и „Количество“, и „Мѣра“, и „Сущность“, и „Дѣйствительность“, и „Понятіе“, и „Идея“, и вообще всѣ понятія философіи [4]) суть разновидности „Бытія“. Подобно этому, всѣ категоріи, сложившіяся послѣ второй, имѣютъ въ себѣ въ видѣ актуальной основы эту вторую, которая сама есть наиболѣе близкая и наиболѣе общая разновидность первой категоріи. Всѣ послѣдующія категоріи суть состоянія, осложненныя модификація, или „примѣры“ [5]) предшествующей; онѣ суть ея *необходимыя* состоянія, въ которыя она сама „*реально переходитъ*“ [6]), въ которыхъ она сама актуально присутствуетъ. Соотвѣтственно этому, предшествующая категорія есть всегда зерно или сѣмя всего послѣдующаго. Она содержитъ въ себѣ съ самаго начала *въ потенціи* всѣ тѣ дальнѣйшія опредѣленія, которыя ей предстоитъ создать въ себѣ или „положить“. Начало есть *потенція* процесса и конца, а конецъ есть раскрытое, развернутое, *актуализировавшее* себя начало.

Естественно, что въ этомъ ряду каждая категорія должна разсматриваться, какъ „Бытіе“, раскрывшее и обогатившее себя до опредѣленной высоты и степени; каждая категорія есть органически сращенная тотальность всѣхъ предшествующихъ [7]), сохранившихся въ ней и необходимо въ ней присутствующихъ. И, если откинуть дѣленіе Логики на главы и параграфы, не имѣющее систематическаго значенія [8]), то окажется *что расположеніе категоргій въ Логикѣ опредѣляется степенью ихъ спекулятивной конкретности и зависитъ отъ наличнаго въ каждой изъ нихъ содержательнаго богатства*. Чѣмъ позднѣе расцвѣтаетъ категорія, тѣмъ совершеннѣе она въ своей органической конкретности. „Бытіе“,

---

[1]) Срв. Log. III. 244.—[2]) Log. I. 50.—[3]) Срв. Log. I. 82.—[4]) Ibidem.—Ibidem.—[6]) Срв. Log. II. 124.—[7]) Срв. Log. III. 58. 66.—[8]) Log. I. 42—43

все болѣе обогащаясь, становится „опредѣленнымъ Бытіемъ“ [1]) и. притомъ, въ высшей степени и въ конкретнѣйшемъ значеніи. И тогда оно достигаетъ конца и получаетъ значеніе „Абсолютной Идеи“.

„Абсолютная Идея“ есть, слѣдовательно. — „Бытіе“, развернувшее *все* свое содержаніе, вскрывшее *всю* свою природу, осуществившее сполна свою потенцію въ элементѣ чистаго понятія. Все сокровенное и потенціальное стало откровеннымъ и актуальнымъ. Понятіе пробѣжало и охватило „всю тотальность своихъ опредѣленій“ [2]) и предстоитъ оку въ видѣ ихъ органическаго, сросшагося единства. Логика изображаетъ путь „Бытія“ (Sein), „Качество“ (Qualität) котораго нашло въ „Количествѣ“ (Quantität), свою „Мѣру“ (Maass); „Сущность“ (Wesen), этого „Мѣрнаго Бытія“ обрѣла въ своемъ „Явленіи“ (Erscheinung), свою „Дѣйствительность“ (Wirklichkeit); „Понятіе“ (Begriff), этой „Явленной Сущности Мѣрнаго Бытія“, самоопредѣляясь, опустилось отъ неопредѣленной „Всеобщности“ (Allgemeinheit) къ слиянію съ „Единичностью“ (Einzelnheit), выстрадало себѣ черезъ „Первораздѣлы“ (Urtheil) спекулятивное „Сліяніе“ (Schluss) и развернуло на этомъ пути свою „Органическую“ природу (Teleologie), въ которой „идеальное“ совпадаетъ съ „реальнымъ“; такъ сложилась „Идея“ (Idee), какъ тождество идеальнаго и реальнаго, „Идея“ есть реальная „Жизнь“ (Leben), совпадающая съ идеальнымъ „Знаніемъ“ (Erkennen), т. е. живая всеобъемлющая система смысловъ, или — „Истина“ (Idee des Wahren); *живая*, *реальная* „Истина“ есть, очевидно, верховное „Благо“ (Idee des Guten) и совпаденіе ихъ порождаетъ послѣднее увѣнчаніе процесса — „Абсолютную Идею“ (Absolute Idee). Все это богатство категоріальныхъ опредѣленій [3]) создано и порождено „Бытіемъ“ въ его собственныхъ предѣлахъ; или иначе: „Бытіе“ опредѣлило себя изъ себя, какъ тотальность всѣхъ этихъ категорій. Поэтому, если Абсолютная Идея раскрывается, какъ верховное благо, т. е. реальная истина, живущая въ видѣ органически-раздѣляющейся и сливающейся системы смысловъ, образующихъ вмѣстѣ единую дѣйствительность, или, что то же, явленную сущность мѣрнаго бытія, то она есть не что иное, какъ само начальное Бытіе; начальное же Бытіе есть мѣрная явленная сущность дѣйствительнаго понятія, или всеобщности, слившейся черезъ первораздѣлы съ единичностью и органически живущей въ видѣ осуществлен-

---

[1]) Срв. Log III. 66 —[2]) Log. III 352.—[3]) Здѣсь приведены лишь наиболѣе существенныя категоріи.

ной истины, т. е. верховнаго блага, совпадающаго съ Абсолютной Идеей.

Абсолютная Идея есть, такимъ образомъ, органическій итогъ логическаго развитія, перебравшаго всѣ опредѣленія [1]). Она сосредоточиваетъ въ себѣ весь результатъ того непрерывнаго процесса, въ которомъ движется Логика. Она можетъ быть опредѣлена поэтому, какъ актуальное Бытіе, или какъ раскрытый Разумъ. Она есть просто синонимъ „разумнаго“ [2]) и поэтому можно сказать: логика открываетъ, что Разумъ есть *субстанціальное и абсолютно-конкретное единство всѣхъ категорій* [3]).

Таковы основные элементы логическаго процесса, превращающіе его въ цѣлостное единство, въ простое смысловое обстояніе, поддающееся непосредственному исчерпывающему охвату въ единомъ актѣ мысли. Этотъ простой и непосредственный актъ мысли, охватывающій всю Логику сразу, необходимо выработать въ себѣ всякому, кто хочетъ дѣйствительно *понять* Гегеля. Вся Логика содержится explicite и, въ то же время, implicite, въ „Абсолютной Идеѣ“, какъ въ простомъ и органически-цѣлостномъ порожденіи всего процесса. Отъ конца до начала *нѣтъ* разстоянія и удаленія; „Бытіе“ не уходитъ въ глубину перспективы, но присутствуетъ цѣликомъ на переднемъ планѣ все завершающей тотальности; и это относится также ко всѣмъ категоріямъ безъ исключенія; вся Логика должна быть какъ бы выражена въ двухъ измѣреніяхъ: конецъ ея подобенъ кругу, собравшему въ себѣ всѣ цвѣта радуги и слившему ихъ черезъ вращеніе въ классическую простоту *бѣлаго* цвѣта.

Въ чемъ же философское значеніе этого событія и куда ведетъ его имманентная ему необходимость?

Логическій процессъ имѣетъ по Гегелю троякое значеніе: *религіозное, систематическое и космологическое.* Всѣ эти три аспекта сливаются, въ сущности говоря, въ одинъ и поддаются разъединенію лишь въ анализѣ.

Религіозное значеніе логическаго процесса состоитъ въ томъ, что логика есть не что иное, какъ *первое самораскрытіе и самоизложеніе Бога, совершающееся до созданія міра и человѣка.* Содержаніе ея есть „изображеніе Бога, какъ онъ есть въ своей вѣчной сущности, до созданія природы и конечнаго духа“ [4]) Логика есть наука, раскрывающая „только Божественное поня-

---

[1]) Срв. Log. III. 329.—[2]) Recht 17.—[3]) Log I. 33.—[4]) Гегель печатаетъ эти слова курсивомъ: „*die Darstellung Gottes..., wie er in seinem ewigen Wesen, vor der Erschaffung der Natur und eines endlichen Geistes ist*“. Log. I. 36.

тіе“ [1]), непосредственно изображающая въ своемъ „логическомъ теченіи“—„самоопредѣленіе Божіе къ бытію“ [2]). Всѣ категоріи ея суть „опредѣленія Абсолютнаго, метафизическія дефиниціи Бога“ [3]). Но изображеніе того, „что̀ есть Абсолютное“,—„есть собственное изложеніе Абсолютнаго и только обнаруженіе (ein Zeigen) того, что̀ оно есть“ [4]). Поэтому логическій процессъ есть сама подлинная *ткань* Божественной сущности, и *философъ*, предавшій свою мысль „движенію“ логическихъ категорій—*исполненъ реальнаго присутствія Божія*. Однако въ *первомъ* самораскрытіи Божіемъ нѣтъ еще человѣческаго сознанія; нѣтъ ни міра, ни конечнаго духовнаго существа, т.-е. человѣка и его субъективнаго самосознанія. Богъ живетъ и опредѣляетъ себя, или, что то же, созидаетъ свою природу, въ ея чистомъ, еще не смѣшанномъ и не осложненномъ „покровами“ [5]) видѣ. Чистое понятіе „есть само абсолютное Божественное Понятіе“ [6]), спекулятивный характеръ котораго присутствуетъ въ каждой категоріи, какъ имманентный ея природѣ [7]).

Раскрывая свою сущность въ этой системѣ чистыхъ понятій, Богъ какъ бы впервые находитъ въ нихъ свою природу, осуществляя ихъ и *себя въ нихъ*; и они впервые начинаютъ „быть“ въ своемъ простомъ и кристальномъ существѣ [8]) Это означаетъ, что Богъ „полагаетъ“ себя, или „утверждаетъ“ себя, какъ „Бытіе“, „Качество“, „Количество“, „Мѣру“, „Дѣйствительность“ и т. д., съ тѣмъ, чтобы, признавъ себя *сущимъ* въ каждомъ изъ этихъ состояній, сохранить его, но перейти отъ него къ бо̀льшему. Логика содержитъ создаваемые Богомъ *впервые*, и отнынѣ имманентные ему, способы быть и дѣйствовать. Она есть какъ бы начальное творческое слово божественнаго самоопредѣленія: „Я есмь Бытіе и Качество. И болѣе того: Я есмь Количество. И Мѣра. И Сущность. И Дѣйствительность. И болѣе того: Я есмь Понятіе.

---

[1]) „die Wissenschaft nur des göttlichen Begriffs“. Log III. 352.—[2]) „jener logische Verlauf die unmittelbare Darstellung der Selbstbestimmung Gottes zum Sein wäre“. Log. III. 175.—[3]) Согласно дальнѣйшимъ разъясненіямъ Гегеля, это относится только къ первымъ и третьимъ ступенямъ логической діалектики, тогда какъ вторыя ступени, какъ пребывающія „въ дифференціи“ суть „Definitionen des Endlichen“. Enc. I. 163. Срв. Enc. I. 170.—[4]) Log. II 186 189 218 219.—[5]) „ohne Hülle“. Log. I. 35, или иначе. „von aller sinnlichen Konkretion befreit“. Log I. 47.—[6]) Log. III. 175.—[7]) „es ist eine Bedeutung“, говоритъ Гегель, „mit der man vor der Logik im reinen sein muss“. Log. III 18. 19. При этомъ онъ имѣетъ въ виду, конечно, Феноменологію Духа.—[8]) Это относится, между прочимъ, и къ понятію „метода“, и къ понятію „науки“. См. напр Log. I. 6. Anm. 26. 41. 42. Log. III. 329. 330.

И Всеобщность. И Сліяніе. Я есмь Истина. И Благо. Я есмь Идея. И Абсолютная Полнота Всего".

Логика есть подлинное и первое откровеніе Бога себѣ самому въ элементѣ чистой мысли.

Отсюда и весь логическій процессъ получаетъ религіозное значеніе. Въ началѣ всѣхъ началъ, въ силу одной природной сущности своей, Богъ есть *Бытіе*; это тождество его съ Бытіемъ относится къ самому подлинному, но еще сокровенному естеству его: сказать „Бытіе", — значитъ сказать „субстанціальное бытіе", значитъ назвать самого Бога. Именно поэтому первое состояніе Божіе въ Логикѣ не доказывается и не нуждается въ доказательствѣ, такъ же, какъ не доказуется вообще и самое бытіе Божіе: необходимо достигнуть *спекулятивнаго відьнія*, *подняться* духомъ до этой первой истины, и узрѣть ее,—что она обстоитъ. Это подъятіе выстрадано Гегелемъ въ Феноменологіи Духа.

Богъ есть Бытіе. Это есть первое и неотъемлемое опредѣленіе его; точнѣе—*исконно имманентное ему состояніе*. Но это *бытіе* Божіе пребываетъ въ нѣкоторой „безвидности и пустотѣ"; содержа „въ потенціи" все возможное и грядущее, весь дальнѣйшій процессъ, всѣ формы и состоянія, это первоначальное Бытіе страдаетъ неопредѣленностью и нераскрытостью. оно насыщено своими грядущими возможностями, всѣмъ дальнѣйшимъ богатствомъ своимъ, но все это обрѣтается въ немъ въ недифференцированномъ видѣ; и ни одно изъ позднѣйшихъ опредѣленій не присуще ему актуально. Развернуть ихъ—значитъ для Бога осуществить себя, значитъ придать себѣ развернутую форму, „*реализовать*" себя, создать себѣ соотвѣтственную, достойную; объективную реальность; это значитъ „начать быть" актуально, во всемъ своемъ значеніи, во всемъ своемъ содержательномъ расцвѣтѣ. Это можетъ быть выражено такъ, что логическій процессъ есть первоначальное „самоопредѣленіе Божіе къ бытію" [1]) или къ „реальности" [2]). Этотъ процессъ божественнаго самоосуществленія, реализаціи себя, выявленія своей природы [3]), совершаетси такъ, что Божество „выходитъ" изъ своего начальнаго состоянія [4]), развертываетъ его [5]), и, въ то же время, eo ipso, „уходитъ въ себя" [6]), „углубляется въ себя" [7]); и отъ этого „разоблачается" его внутренній составъ [8]): изъ „*менѣе совершеннаго*" возникаетъ „*болѣе совершенное*" [9]), или, иначе: изъ несовершеннаго *бытія* возникаетъ

---

[1]) Log. III. 175 —[2]) Срв. о понятіи Enc. I. 386. Log III. 66 —[3]) „aufzeigen". Log. III. 333.—[4]) „ein Heraussetzen". Enc. I 163.—[5]) „Entfalten". Enc. I 163. [6]) „in sich gehen". Ibidem —[7]) „vertiefen in sich selbst". Ibidem —[8]) „enthüllen". Enc. I 311.—[9]) „Hervorgang desVollkommnern aus dem Unvollkomnern".Enc I 311.

совершенная *реальность*. Въ началѣ Богъ есть „*сущее* Божество, *потенціально*-совершенное“; въ концѣ онъ есть „*реальное* Божество, *актуально*-совершенное“. Съ каждой новой категоріей, т.-е. съ каждымъ новымъ „опредѣленіемъ Абсолютнаго“ [1]) съ каждой новой „формой“ его [2]) или новымъ, обрѣтеннымъ „способомъ быть и творить“—реальность Божія все возрастаетъ и совершенствуется, и достигаетъ, наконецъ, въ Абсолютной Идеѣ, которая есть неизбѣжно „основа и тотальность“ всѣхъ „прежнихъ опредѣленій“ [3]),—завершонной спекулятивной реальности. Здѣсь „понятіе“ Божества и „реальность“ его – адэкватны другъ другу [4]), ибо идея есть не что иное, какъ объективное и реальное понятіе [5]), или—„единство понятія и объективности“ [6]). Осуществленіе Идеи означаетъ, что Божество обрѣло себя, создало себя, реализовало себя; оно само есть предметъ, создававшій себя и нынѣ оно вполнѣ совпадаетъ съ этимъ предметомъ [7]).

Отсюда ясно, что этотъ процессъ, въ которомъ Божество творитъ свою „реальность“ состоитъ именно въ созданіи и осуществленіи *спекулятивной конкретности мысле-опредѣленій*. *Реализація* есть не что иное, какъ *спекулятивная конкретизація*, *т. е.* прогрессивное обогащеніе и органическое сращеніе созданныхъ богатствъ. Божество достигаетъ совершеннаго состоянія тогда, когда оно превращается въ *органическую тотальность*, т. е. въ единственный, всеобъемлющій, живой организмъ категорій. *Спекулятивная конкретность есть высшая цѣль* и *высшая форма жизни Божіей;* именно *ею* опредѣляется *и къ ней* направляется Божій путь въ своемъ предвѣчномъ возникновеніи и завершеніи.

Понятно, что ученіе о „реализаціи“ Божества въ логическомъ процессѣ не можетъ быть истолковано въ томъ смыслѣ, что Богъ возникаетъ въ немъ изъ небытія къ бытію; или, что въ „началѣ Логики“ Бога нѣтъ, а есть только его „понятіе“. Богъ не можетъ не быть; ибо „бытіе“, въ истинномъ значеніи этого слова, есть уже не что иное, какъ самъ Богъ; отрицаніе же истиннаго, абсолютнаго бытія есть не болѣе, какъ разсудочная фикція. *Но въ Божественномъ бытіи есть низшія и высшія ступени и состоянія;* такъ, что Божество, не теряя своей божественной природы, можетъ „быть“ въ меньшемъ совершенствѣ и въ большемъ совершенствѣ. Степень этого *совершенства* Гегель выражаетъ нерѣдко, какъ степень *„реальности“* и видитъ сущность ея въ

---

[1]) Срв. напр. Log. I. 147 163; особенно Enc. I. 170; срв. также Log. II. 3 и др.—[2]) Срв. Log. III. 25.—[3]) Срв. Log. III. 58. 66.—[4]) Срв. Log. III. 236.—[5]) Log. III. 237.—[6]) Log III. 238—[7]) Срв. Log. III. 249. 352.

спекулятивной конкретности, постепенно превращающей Божество во *всеобъемлющую органическую тотальность*. Именно при такомъ пониманіи съ особенной ясностью обнаруживается то обстоятельство, что Гегель вынужденъ былъ съ первыхъ же шаговъ вступить на путь, неизбѣжный для всякаго пантеиста. Признаніе Бога всеобъемлющей субстанціей влечетъ за собою или отказъ отъ идеи „цѣнности“ вообще, или *переложеніе въ предѣлы самого Божества несовершенныхъ состояній*. И, если Спиноза, склоняясь болѣе къ первому исходу, вынужденъ былъ допустить и второй, то Гегель избралъ второй исходъ открыто и съ самаго начала. Это не значитъ, что Гегель освободилъ себя совсѣмъ отъ первой возможности. Это не значитъ также, что онъ категорически призналъ наличность зла въ нѣдрахъ Божества, подобно тому, какъ къ этому склонялся Шеллингъ въ ученіи о „темной основѣ“ или „природѣ въ Богѣ“. Однако допущеніе возможности „*меньше совершенныхъ*“ состояній въ Богѣ Гегель положилъ въ самое основаніе своей пантеистической философемы, и утвердилъ свою концепцію на ученіи о томъ, *что путь Божій есть путь прогрессивнаго самосовершенствованія*. Чѣмъ болѣе „абстрактности“, тѣмъ несовершеннѣе состояніе Божества; чѣмъ болѣе „конкретности“, т. е. *сращеннаго богатства*, тѣмъ оно совершеннѣе. На чистомъ и высокомъ уровнѣ бытія, свойственномъ Божеству, есть возможность нѣкотораго „лучше и хуже“; и внутренній смыслъ этой квалификаціи открывается яснѣе всего при томъ соображеніи, что для міра и человѣка критерій совершенства и несовершенства остается тотъ же самый. Именно въ этомъ пунктѣ, на этой глубинѣ метафизической спекуляціи необходимо искать корней для ученія Гегеля о нравственности, государствѣ и историческомъ развитіи. Ибо высшій смыслъ Божія *пути* состоитъ именно въ томъ, что это есть путь *Божій*: самая *природа* великаго Субъекта жизни утверждаетъ и обезпечиваетъ характеръ, направленіе и свѣтлый итогъ діалектически выстраданнаго развитія.

Таковъ *религіозный* смыслъ логическаго процесса. Онъ опредѣляетъ собою какъ *систематическое* значеніе послѣдняго, такъ и скрытое въ немъ *космологическое* содержаніе.

Богъ есть субстанціальная сущность *всего*, что только имѣетъ какое нибудь бытіе и значеніе. И, если Логика раскрываетъ и осуществляетъ необходимыя категоріи его природы, то это означаетъ, что конкретное единство этихъ категорій присутствуетъ въ качествѣ сущности во *всякомъ* бытіи и становленіи. Это можетъ быть выражено еще такъ: „мысль есть принципъ и сущность міра“; логика содержитъ чистый образъ этого „интеллек-

туальнаго воззрѣнія на универзумъ“ [1]). Она открываетъ, слѣдовательно, то внутреннее содержаніе мысли, которое дѣйствительно обрѣтается во всякой реальности: ибо мысль не можетъ не внести его въ каждый изъ своихъ „модусовъ“. Каждый фрагментъ міра есть неизбѣжно въ сущности своей—*конкретность логическихъ категорій*, сработавшійся конгломератъ „чистыхъ“ опредѣленій Божества. Правда, въ „природѣ“ къ этому конгломерату чистыхъ логическихъ категорій присоединяется рядъ „естественныхъ“ опредѣленій; а въ сферѣ человѣческаго „духа“—цѣлая сѣть „опредѣленій сознанія“. Но эти „естественныя“ и „духовныя“ опредѣленія имѣютъ *всегда* въ основѣ своей центральное ядро, образованное логическими категоріями. Всѣ послѣдующія состоянія Бога, всѣ части мірового бытія насыщены прежде всего этими категоріями, составляющими ихъ субстанціальное зерно. И, если называть „устойчивый“ или „во всемъ присутствующій“ элементъ—формальнымъ элементомъ, то логика есть несомнѣнно „*формальная*“ система смысловъ [2]). Это не значитъ конечно, что категоріи формальны въ обычномъ, разсудочномъ, смыслѣ слова: наоборотъ, категоріи всегда реальны и притомъ истинной, абсолютной реальностью [3]). Но это значитъ, что „Абсолютная Идея“, какъ органическая тотальность всѣхъ логическихъ категорій, имѣетъ значеніе *все-пронизывающей и во-все-проникающей спекулятивной всеобщности*.

Именно такъ только и можетъ обстоять на самомъ дѣлѣ. *Логика*, какъ *система* категорій, по основному замыслу, должна имѣть характеръ *субстанціальной всеобщности*: она должна включать въ себя всѣ подчиненныя сферы и системы, какъ свои живыя части, и сама входить въ нихъ, въ качествѣ ихъ живой сущности [4]). Изъ всѣхъ „способовъ быть“, присущихъ Абсолютной Идеѣ,—Логика есть именно „всеобщій способъ, въ которомъ сняты и завернуты всѣ особенные (способы)“ [5]). „Логическое“ есть то всеобщее, которое „охватываетъ собою богатство особеннаго“ [6]). Логика содержитъ сущность „всего остального содержанія“, „всеобщую истину“ [7]), все пронизывающую, во всемъ наличную, всему присущую. Если признать, что душа есть сущность тѣла, и что она, въ отрывѣ отъ тѣла, подобна его „субстанціальной тѣни“, то можно назвать логику „царствомъ“ субстанціальныхъ „тѣней“, или „простыхъ сущностей, освобожденныхъ отъ всякой чувственной конкретности“. [8]) Логика раскрываетъ субстанціальную „сущность того богатства“, которое именуется „природой и духомъ“,—ихъ „вну-

---

[1]) Log. I. 36.—[2]) Срв. Log III. 27.—[3]) Срв. Log III. 27.—[4]) См главу пятую.—[5]) Log. III. 328.—[6]) Log. I. 47.—[7]) Log. I. 47 Log. III. 27.—[8]) Log. I 55.

треннюю природу“ [1]); она излагаетъ не вещи(Dinge)[2]) и не отдѣльные образы (Gestalten) [3]) подчиненныхъ и осложненныхъ, „особенныхъ“ сферъ,—но самый предметъ (die Sache), *сущность* вещей, ихъ *Понятіе*. [4]) Она излагаетъ ту существеннѣйшую ткань міра, ту „чистую“ логическую стихію всякаго бытія, которая подлинно, актуально зиждетъ каждое ens reale, и по отношенію къ которой все является не болѣе, какъ „модусомъ“, т.-е. осложненнымъ, „специфическимъ“ видоизмѣненіемъ.

Поэтому каждая категорія Логики представляетъ изъ себя (по основному замыслу) не только особую дефиницію Абсолютнаго, особое состояніе Бога, но въ то же время, тѣмъ самымъ,—*всеобщій* предикатъ, *приложимый ко всему реальному*. Каждая категорія можетъ быть формулирована двояко: во первыхъ, въ видѣ предиката, присущаго Богу и выражающаго его реальное состояніе; во вторыхъ, въ видѣ предиката, присущаго *всему* и выражающаго сокровенное субстанціальное состояніе всякой реальности [5]). Такъ, категорія „Бытія“ означаетъ, какъ таковая: *Богъ есть Бытіе*; и кромѣ того: *все есть Бытіе*. И такъ—каждая категорія. Напримѣръ. „ни въ небѣ, ни на землѣ нѣтъ ничего такого, что не содержало бы въ себѣ оба опредѣленія—Бытіе и Ничто“ [6]) (т. е. „Становленіе“); это означаетъ: „*Богъ* есть Становленіе“; и кромѣ того: „*все* есть Становленіе“. Всѣ категоріи: Качества, Количества [7]), Мѣры, Сущности, [8]) Дѣйствительности, Всеобщности и т. д. суть предикаты *всего*. „Абсолютное опредѣленіе Сущности должно находиться во всякомъ опытѣ, во всякой дѣйствительности, также, какъ и въ каждомъ понятіи“ [9]). „Все есть Понятіе“ [10]). „Всѣ вещи суть первораздѣлъ (Urtheil)“ [11]). „Все есть Сліяніе (Schluss)“ [12]).

Такимъ образомъ, каждое изъ логическихъ опредѣленій, вошедшихъ въ субстанціальное ядро Абсолютной Идеи, оказывается затѣмъ необходимо присущимъ каждой реальности, каждому новому состоянію Духа и міра. Согласно основному закону спекулятивной конкретизаціи, ни одна іота изъ накопленнаго богатства не исчезаетъ и не утрачивается въ дальнѣйшемъ развитіи, и вся тотальность мыслеопредѣленій входитъ во всѣ, вновь возникающія, состоянія.

Это означаетъ, что всѣ ступени міра и всѣ ступени философскихъ наукъ пропитаны и пронизаны категоріями логики, обра-

---

[1]) Log. I. 46.—[2]) Log. I 20.—[3]) Log. III. 18 26.—[4]) Log. I 20; срв. Log. I. 435—436.—[5]) См. Log. II. 27. 28. 68. 120.—[6]) Log. I. 81.—[7]) Срв., напр., Log. II. 27—28.—[8]) Срв. Log. II. 68. Enc. I. 230.—[9]) Log. II. 68; срв. еще Log. II. 120. Log. III. 18 и др —[10]) Enc. I. 345 —[11]) Enc. I. 329.—[12]) Enc I. 345. 344.

зующими ихъ сущность. Логика создаетъ живую основу міра, она сплетаетъ ту канву, которая будетъ неизбѣжно присутствовать на всѣхъ дальнѣйшихъ путяхъ, въ качествѣ *субстанціи*, обрастающей новыми содержательными опредѣленіями. Въ систематическомъ отношеніи это можетъ быть выражено такъ, что логика занимаетъ въ ряду наукъ положеніе *родового* элемента, содержаніе котораго имѣется на лицо *во всѣхъ подчиненныхъ видовыхъ формаціяхъ*. Логическій Духъ занимаетъ какъ бы „высшее мѣсто“ въ систематической классификаціи, съ тѣмъ, чтобы предстать въ качествѣ „природы“ и „духа“,—въ содержательно обремененномъ видѣ. Эта формальная конценція должна быть, конечно, исправлена въ спекулятивномъ смыслѣ: „всеобщее родовое“ должно не только „присутствовать“ во всѣхъ элементахъ своего объема, но пронизывать ихъ на правахъ живой субстанціи и включать ихъ въ себя, какъ свои живыя части: „особенное“ не можетъ быть „внѣ“ всеобщаго и „независимо“ отъ него, также, какъ и „всеобщее“ не можетъ уйти въ пустоту отрѣшенной абстракціи [1]). Понятіе должно неизбѣжно соблюсти и здѣсь свою природу и сохранить имманентный ему способъ жизни.

И вотъ, передъ Гегелемъ возникаетъ желѣзная необходимость не только *признать логическія категоріи—живой субстанціей подчиненныхъ сферъ*, *но и включить содержаніе этихъ подчиненныхъ сферъ въ организмъ логическаго процесса*. Признаніе перваго дается у него прямо и недвусмысленно. Категоріи Логики суть по истинѣ живыя силы, двигатели, создающіе изнутри основу „природы“ и „духа“. Логическія формы понятія представляютъ изъ себя „въ самомъ дѣлѣ живой Духъ дѣйствительнаго, и изъ дѣйствительнаго истинно только то, что истинно въ силу этихъ формъ, черезъ нихъ и въ нихъ“ [2]). „Все то, что есть не эта дѣйствительность, утвержденная самими понятіями,—есть преходящее бываніе, внѣшняя случайность, мнѣніе, несущественное явленіе, неистинность, обманъ и т. д.“ [3]). Категоріи, органически сросшіяся въ Абсолютную Идею, представляютъ то абсолютное единство, ту субстанцію, которая есть творческій субъектъ міра. Идея есть „душа всякой объективности“ [4]), субстанція всякаго „инобытія“,—міровая душа. Она дѣйствительно насыщаетъ собою всякую реальность, въ качествѣ ея живой сущности. Природа и Натурфилософія, человѣческая душа и Философія Духа—суть ея творческія самоизмѣненія, ея собственные способы быть.

---

[1]) См. главы вторую и пятую.—[2]) Enc. I 319.—[3]) Recht. 22.—[4]) Srb. Log. III. 329—330. Абсолютная идея есть самъ „методъ“.

Иначе обстоитъ дѣло со второю частью задания. Здѣсь передъ Гегелемъ встало существенное затрудненіе, путь раздвоился и ему пришлось обратиться къ компромиссу. Съ одной стороны, основная природа Понятія требуетъ *включенія всего объема въ сущность родового образованія* [1]): Логика должна поглотить и впитать въ себя все содержаніе Натурфилософіи и Философіи Духа, ибо „виды“ *не могутъ не быть* органическими, живыми частями „рода“. Содержаніе „всеобщаго“ не можетъ не совпадать съ содержаніемъ особеннаго; члены объема не могутъ быть просто „подчинены“ родовой сущности: они не только „несутъ“ ее въ себѣ, но и сами входятъ въ нее, и притомъ „входятъ“ не только въ ея „объемъ“, какъ это имѣетъ мѣсто въ разсудочной Логикѣ, но именно въ ея *содержаніе*. Таковъ способъ жить, имманентно присущій спекулятивному Понятію. Но, если бы Гегель вступилъ послѣдовательно на этотъ путь, то онъ долженъ былъ бы признать Логику единственной, всеобъемлющей наукой. Натурфилософія и Философія Духа были бы поглощены ею, оказались бы въ органическомъ тождествѣ съ нею; а это означало бы, что между Логикой и такъ называемыми „конкретными“ науками [2]) установился тотъ „обмѣнъ спекулятивными дарами“ [3]), который лежитъ въ основаніи всякой органической сращенности и который приводитъ къ тому, что всѣ члены и части организма получаютъ единое, общее имъ всѣмъ содержаніе. Но такое послѣдствіе было бы совершенно непріемлемо, ибо оно неминуемо разрушило бы всю концепцію Абсолютнаго въ ея существенныхъ основахъ. Въ *систематическомъ* отношеніи это означало бы—ввести въ Логику содержаніе, не принадлежащее къ сферѣ чистаго понятія, не разложимое на его категоріи и не укладывающееся въ нихъ; познавательно говоря,—то „низшее“ содержаніе, которое предполагаетъ не только „внутренно-мыслительный“, но и „внѣшне-созерцательный“ подходъ къ предмету. Въ *религіозномъ* отношеніи это означало бы лишить Логику ея чистаго, первоначально божественнаго характера, смѣшать всѣ эпохи и этапы Божественной жизни и раскрыть въ Логикѣ категоріальный составъ такихъ реальностей, которыя „еще не реальны“; тогда оказалось бы, что Богъ живетъ въ элементахъ „пространства“, „времени“ и „чело-

---

[1]) См. особенно Log.I. 47. 47 55, гдѣ Гегель самъ признаетъ необходимость этого.—[2]) Гегель называетъ Натурфилософію и Философію Духа, а также систематически включенныя въ эту послѣднюю Философію Права, Философію Исторіи, Философію Религіи и Эстетику—„конкретными“ науками именно потому, что содержаніе ихъ является осложненнымъ и обремененнымъ по сравненію съ логическимъ содержаніемъ.—[3]) См. главу седьмую.

вѣческаго сознанія“ тамъ, гдѣ нѣтъ еще ни пространства, ни времени, ни человѣческой души. Органическое совпаденіе Логики съ подчиненными „сферами“ означало бы не только смѣшеніе и сращеніе наукъ и путей познанія, но еще нѣчто гораздо большее. Переходъ отъ Логики къ этимъ сферамъ представляетъ у Гегеля *творческій* актъ Божества, создающаго міръ природы и человѣка, и обновляющагося этимъ въ своемъ содержательномъ составѣ. Это обновленіе настолько существенно, настолько чревато послѣдствія ми, имѣетъ настолько пертурбаціонный характеръ, что о спекулятивномъ тождествѣ содержанія по обѣ стороны этого творческаго акта говорить невозможно. Гегель самъ признаетъ это, открыто объявляя, что Логика не раскрываетъ „конкретнаго“ содержанія подчиненныхъ сферъ [1]).

Но, въ такомъ случаѣ, остается только признать, что спекулятивный способъ жизни, свойственный Понятію, *не осуществляется* въ отношеніи Логики къ подчиненнымъ сферамъ, или осуществляется только односторонне. Именно: всеобщее *входитъ* своимъ содержаніемъ въ особенное и единичное [2]), въ качествѣ ихъ живой сущности; но особенное и единичное *не* входятъ своимъ содержаніемъ во всеобщее и *не* сливаются съ нимъ въ органическое единство. Иными словами: *Логика есть субстанція „природы“ и „духа“; но „природа“ и „духъ“ остаются не ассимилированными чистому понятію. Спекулятивное понятіе оказывается невѣрнымъ спекулятивному строю* и способу жизни, и при томъ въ самомъ центральномъ и существенномъ пунктѣ: *въ вопросѣ объ отношеніи міротворящаго Бога къ создаваемому имъ міру.*

Вскрыть этотъ глубокій систематическій дефектъ въ философіи Гегеля значитъ перейти къ космологическому, или, точнѣе, *космогоническому* значенію логическаго процесса.

Логика получаетъ свое космогоническое значеніе вслѣдствіе того, что она объявляется у Гегеля своеобразнымъ „аргіогі *міроздапія*“. Этотъ апріорный характеръ Логики обнаруживаетъ при аналитическомъ разсмотрѣніи сложную природу. По основному замыслу *апріорность Логики* по отношенію къ міру можетъ имѣть только *спекулятивный* характеръ: именно, Логика есть органическая Всеобщность и Субстанція, а подчиненныя сферы суть ея органическія части или члены, при чемъ обѣ стороны стоятъ въ отношеніи конкретнаго взаимо-проникновенія. При такомъ пониманіи Логика апріорна въ томъ смыслѣ, въ какомъ у Аристотеля

[1]) Срв. напр. Log. I. 201. Log. III. 18; особенно Log. III 26.—[2]) Подъ „особеннымъ“ здѣсь слѣдуетъ разумѣть категоріи „конкретныхъ“ наукъ, а подъ „единичнымъ“—явленія міра.

„цѣлое“ было первѣе своихъ „частей“, а государство было первѣе индивидуума. Однако, какъ уже обнаружилось, спекулятивное отношеніе не осуществляется между Логикой и низшими сферами. Это создаетъ глубокое и утонченное затрудненіе, которое Гегель пытается устранить на пути компромисса.

Именно *религіозное* значеніе логическаго процесса позволяетъ ему найти здѣсь компромиссъ, кототорый все же нѣсколько затушевываетъ, хотя и не устраняетъ создавшееся затрудненіе. Компромиссъ этотъ состоитъ въ томъ, что логическій процессъ получаетъ значеніе творческаго *предобразованія міра* въ его основной сущности Строй міра, послѣдовательно располагающійся отъ низшей ступени (пустого пространства) до высшей (нравственность народа),—развертывается какъ бы *уже* въ Логикѣ, *провиденціально* творимый чистымъ Божественнымъ Понятіемъ. Логика какъ бы *уже* содержитъ строй міра, но не актуально, а потенціально; чистое понятіе живетъ въ ней какъ бы мистическимъ предчувствіемъ своихъ грядущихъ путей и судебъ. *Логика таинственно населена тѣнями будущаго міра*; чистое понятіе, раскрываясь, какъ бы провидитъ въ вѣщемъ снѣ свою позднѣйшую судьбу. Поэтому строй Логики какъ бы предначертываетъ то развитіе, которое имѣетъ осуществиться въ дальнѣйшемъ. Это выражается въ томъ, что логическія категоріи развертываются въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ предстоящему развитію міра. Логика не просто открываетъ „внутреннюю природу духа и міра“ [1]) въ ея существенныхъ категоріяхъ; она открываетъ ее именно въ той самой послѣдовательности, въ которой ей предстоитъ развернуться въ дѣйствительности. Понятіе предобразуетъ [2]) „конкретныя науки“ въ Логикѣ такъ, какъ оно образуетъ ихъ изнутри [3]) въ ихъ собственной сферѣ. Ходъ логики и ходъ конкретныхъ наукъ согласованы. Такъ, первая часть „объективной“ Логики („Sein)“ изслѣдуетъ именно категоріи неорганической природы: бытія, опредѣленнаго качественно и количественно [4]). Вторая часть „объективной“ Логики („Wesen“) раскрываетъ категоріи „переходныхъ“ состояній, ведущихъ отъ непосредственной безсознательности природы къ постепенному образованію внутренней жизни (das Innere) [5]): „сущность“ выдѣляется отъ „явленія“, срастается съ нимъ въ единую „дѣйствительность“, и „бытіе“ оказывается углубленнымъ въ себя (zum Insichsein) [6]), опосредствованнымъ [7]), и способнымъ къ рефлексіи (Reflexionsbestimmun-

---

[1]) Log I. 46.—[2]) „Vorbildner“ Log. III. 27.—[3]) „innerer Bildner“ Log. III. 27.—[4]) Срв. Log. I 51.—[5]) Log. I. 52.—[6]) Log.I. 52.—[7]) Log. I. 51.

gen) [1]). Третья часть Логики,—„субъективная“ Логика, имѣетъ уже дѣло съ „субъектомъ“ [2]), т. е. съ жизнью рефлектирующаго въ себя понятія, сущаго „для себя“ [3]): таковы первые проблески жизни „понятія“ въ „органической индивидуальности вообще“, въ „ощущеніи животнаго“ и, наконецъ, въ „мыслящемъ человѣкѣ“ [4]); всѣ эти „конкретныя“ образованія живутъ уже внутренней жизнью и притомъ именно въ формѣ единства („по-ятія“, Begriff), подвергающаго себя „первораздѣлу“ („Urtheil“) и сліянію („Schluss“); они создаютъ себѣ, далѣе, „объективный составъ“ [5]), т. е матеріальный субстратъ, адэкватно согласованный съ формою ихъ внутренней жизни, и въ этой работѣ преодолѣваютъ „механизмъ“ и „химизмъ“, восходя къ телеологической жизни „организма“. Организмъ, какъ „тождество“ реально-объективно-внѣшняго состава съ идеально-субъективно-внутреннимъ состояніемъ,— есть Идея. Идея опредѣляетъ себя сначала, какъ живую индивидуальность, которая сливается затѣмъ въ тождество со всеобщностью рода [6]), и растворяется въ немъ; изъ этого растворенія возникаетъ Духъ, какъ тождество единичнаго (напр. человѣка, смыслового фрагмента) со всеобщимъ (напр. съ народомъ, идейной системой), какъ знаемая истина, которая въ осуществленіи своемъ есть „добро“. Такъ слагается „объективный міръ, для котораго понятіе есть внутренняя основа и дѣйствительное пребываніе“ [7]).

Отсюда ясно, что если первая часть Логики развертываетъ категоріи для низшихъ сферъ мірового бытія, то послѣдняя часть,— „субъективная“ Логика,—содержитъ категоріи, конституирующія *высшее* духовное состояніе, осуществляющееся въ мірѣ: это есть *народъ, живущій въ состояніи философской добродѣтели.* Это можетъ быть выражено еще такъ, что первыя категоріи Логики развертываются въ предчувствіи простѣйшаго природнаго бытія, но сохраняются, какъ подразумѣваемый фундаментъ и на всѣхъ дальнѣйшихъ ступеняхъ міра. Послѣднія же категоріи Логики предобразуютъ высшія ступени жизни Божіей въ мірѣ (нравствен-

---

[1]) Log I. 52.—[2]) Log. I. 52.—[3]) Log. I. 51.—[4]) Log. I. 51. Срв. Log. III. 18: „Das Leben oder die organische Natur ist diese Stufe der Natur, auf welcher der Begriff hervortritt, aber als blinder, sich selbst nicht fassender, d. h. nicht denkender Begriff; als solcher kommt er nur dem Geiste zu“.—[5]) Срв Log. III. 25: въ „Субъективной Логикѣ“ „der Begriff bildet in und aus sich die Realität, welche in ihm verschwunden“; а также Log. III. 33. „der Begriff in seiner Objektivität...—der aus seiner Innerlichkeit hervorgetretene und in das Dasein übergegangene reale Begriff“.—[6]) Log. III 262: „Der Process der Gattung nämlich, in welchem die einzelnen Individuen ihre gleichgültige, unmittelbare Existenz einander aufheben und in dieser negativen Einheit ersterben“... [7]) Log. III. 327; срв. Enc. I. 385

ность народа), но не могутъ не содержаться въ зачаточномъ видѣ и на низшихъ ступеняхъ мірового бытія [1]) (этого требуетъ основной спекулятивный законъ *все соблюдающаго* нарастанія опредѣленій). Итакъ: Логика есть реальная основа всего міра; и, въ то же время,—*предначертанный Божествомъ въ его до-міровомъ состояніи потенціальный образъ его собственнаго грядущаго роста въ Мірѣ* [2]).

Этимъ своеобразнымъ введеніемъ „потенціальнаго міросданія“ въ подлинную ткань Логики Гегель въ утонченномъ видѣ возрождаетъ древнее представленіе о томъ, что „вещи“ до созданія существовали въ Богѣ, въ видѣ его „вѣчныхъ идей“. Конкретныя науки и созидаемый міръ *не* входятъ въ Логику *актуально*; но *присутствуютъ* въ ней *потенціально*, опредѣляя въ извѣстной степени ея ходъ и скрыто обременяя ее собою. То, что еще только имѣетъ состояться,—уже осуществлено въ Богѣ, въ видѣ нѣкоего „первоначальнаго слова“ [3]), въ видѣ такого „изъявленія“ (Aussserung), которое „имѣетъ бытіе“, но въ бытіи этомъ „опять непосредственно исчезло“ [4]). „In principio erat Sermo ille, et Sermo ille erat apud Deum, eratque ille Sermo Deus“. Міросданіе еще до осуществленія своего пребываетъ въ Богѣ, въ единствѣ, въ „тождествѣ“ съ нимъ, подобно тому, какъ Богъ - Слово пребываетъ въ „тождествѣ“ съ Богомъ-Отцомъ до сошествія своего въ міръ. И низшій, простѣйшій предѣлъ міра, и высшій, конкретнѣйшій предѣлъ его,—предувидѣны и предустановлены Богомъ до міросозданія; и сущность міра, и способъ его жизни, и цѣль его—предначертаны въ Логикѣ. Она категоріально предуготовляетъ возможность этого высшаго въ мірѣ достиженія, такъ, что послѣдняя ступень *логическаго* процесса потенціально содержитъ въ себѣ высшую ступень *мірового* развитія: именно *нравственная жизнь народа* есть то субстанціальное ens, категоріи котораго, какъ богатѣйшаго и конкретнѣйшаго въ мірѣ состоянія Божія, раскрываетъ Логика. Не даромъ Гегель настаивалъ на томъ, что жизнь

---

[1]) Срв. напр. оріентированіе категоріи „Maass“ на политикѣ, психологіи, хозяйствѣ, Log. I. 400—402. 421—422; срв. еще указаніе на то, что объективная логика изслѣдуетъ „das Ens überhaupt“ Log. I. 55, а также разъясненіе, что вторая часть объективной Логики, „Wesen“, содержитъ „Vornehmlich die Kategorien der Metaphysik und der Wissenschaft überhaupt“. Enc. I. 229.—[2]) При такомъ истолкованіи логики не трудно понять, какъ могли найти въ ней мѣсто такія категоріи, какъ „Dasein“, „Erscheinung“, „Mechanismus“, „Chemismus“ и др, которымъ, строго говоря, надлежало бы появиться лишь въ конкретныхъ наукахъ.—[3]) Log. III. 328 —[4]) Log III. 328.

Бога въ мірѣ есть восхожденіе его къ состоянію спекулятивной конкретности, и что именно „*государство*“ есть осуществленіе жизни Божіей на землѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, если „субстанціальныя тѣни“, слагающія собою корпусъ логическаго процесса, предвосхищаютъ и предустанавливаютъ *всю* грядущую систему міровыхъ „потенцій“ [1]) въ порядкѣ ихъ спекулятивной послѣдовательности, то естественно, что начало Логики предначертываетъ низшее состояніе міра, а конецъ Логики—его высшее состояніе. И, если именно Абсолютная Идея, въ ея законченности и совершенствѣ, являетъ бытіе Божіе въ его полномъ и адэктномъ значеніи, то въ „земномъ“ бытіи это значеніе и эта роль адэкватнаго „представленія“ Божества выпадаетъ повидимому на долю государства. Наивно говоря, это можно выразить такъ: Абсолютная Идея есть „на небѣ“ то самое, что Государство „на землѣ“; или иначе: Абсолютная Идея есть прообразъ земного Государства, а Государство есть осуществленіе на землѣ небесной Идеи. Логика Гегеля и въ систематическомъ и въ космогоническомъ отношеніи скрываетъ въ себѣ глубокую близость къ *платонизму*.

Эта необходимость осмыслить логическій процессъ, какъ *пророчество о земномъ* и о его высшемъ достиженіи, обнаруживается съ особенной силой при соображеніи о томъ, что „небесное“ и „земное“ представляютъ изъ себя строгое субстанціальное единство въ качествѣ *послѣдовательныхъ состояній единаго Божества*. Если процессъ Божественнаго самоопредѣленія не заканчивается въ Логикѣ, но движется далѣе, черезъ новыя состоянія и эпохи, то логическая эпоха неминуемо получаетъ значеніе чего то первоначальнаго и подготовительнаго. Понятно, что по основнымъ спекулятивнымъ законамъ, раскрытымъ выше, „предшествующее“ осуществляется всегда *исключительно ради „послѣдующаго“* и вся напряженная творческая работа Логики имѣетъ предъ собою нѣкую *высшую* цѣль и задачу. „Небесному“ свершенію предносится высшее увѣнчаніе „на землѣ“ и увѣнчаніе это есть не что иное, какъ *спекулятивная конкретность въ жизни человѣка*. Именно *Государство*, какъ *идея добра*, или осуществленная на землѣ *истина*, есть та *органическая тотальность* или *единичная всеобщность*, слившаяся черезъ первораздѣлы, которая представляетъ изъ себя земную *дѣйствительность*, т.-е. *явленную* на землѣ *сущность мірнаго бытія*. Изъ всего сущаго на землѣ—только Государство конституируется категоріями Логики въ цѣломъ и притомъ именно

[1]) Терминъ Шеллинга.

всѣми и только *всѣми* ея категоріями, сочетающимися, конечно, съ категоріями специфическаго ряда.

Въ этомъ компромиссѣ, къ которому обращается Гегель, обнаруживается, такимъ образомъ, новое нарушеніе основного спекулятивнаго закона. Согласно этому послѣднему, *каждая* „послѣдующая“ категорія содержитъ въ себѣ *всѣ* „предшествующія“ опредѣленія, сросшіяся въ ней въ органическую тотальность; каждая „утрата“, сколь бы незначительна она ни была, является отпаденіемъ Понятія отъ своего строя, или, что то же,—уклоненіемъ Божества отъ своей природы. И вотъ, если порядокъ „міра“ предначертывается порядкомъ „Логики“, такъ, что низшія состоянія міра могутъ довольствоваться, помимо своихъ „специфическихъ“ опредѣленій, *одними первыми* категоріями Логики, не включая въ свой составъ высшихъ логическихъ опредѣленій (напр. „телеологіи“, „жизни“, „идеи добра“),—то законъ *спекулятивной непрерывности и послѣдовательности*, т.-е. основной законъ *спекулятивной конкретизаціи*, является существенно искаженнымъ или нарушеннымъ. А, между тѣмъ, космогоническое значеніе Логики не можетъ быть исчерпано или постигнуто внѣ указаннаго компромисса. Итакъ, если Логика дѣйствительно предначертываетъ рядъ мірового развитія и категоріи ея должны быть послѣдовательно *распредѣлены между различными потенціями міра*,—то этимъ нарушается основной способъ жизни спекулятивнаго понятія. Если же отказаться отъ „пророческаго“ значенія Логики, то, вмѣстѣ съ отпаденіемъ компромисса, содержаніе „особенныхъ“ сферъ окажется исключеннымъ изъ содержанія Логики: „всеобщее“ будетъ, правда, включено въ „особенное“, въ качествѣ его живой сущности, но „особенное“ будетъ исключено изъ „всеобщаго“ и утратитъ значеніе его „органической части“. Этимъ будетъ нарушенъ другой основной законъ спекулятивной жизни: *законъ „всеобщности мысли“*.

Изо всего этого ряда утонченныхъ метафизическихъ затрудненій Гегель выходитъ такъ, что придаетъ „апріорному“ значенію Логики, *наряду* со спекулятивнымъ истолкованіемъ,—*„формально-логическое“* и даже какъ бы *„хронологическое“* истолкованіе.

„Апріорность“ Логики получаетъ *формально-логическое* истолкованіе постольку, *поскольку* основное дѣленіе на *„Логику“*, *„Натуръ-Философію“* и *„Философію Духа“* берется въ смыслѣ познавательной, философской *классификаціи* предмета. Логика есть наука *родовая*, изслѣдующая общее, родовое содержаніе всѣхъ научныхъ понятій, т.-е. то содержаніе, которое присуще всѣмъ научнымъ опредѣленіямъ, но которое *не включаетъ въ свой составъ*

содержанія специфическихъ модификацій. Другія же науки суть науки *видовыя*, изслѣдующія частное, спеціальное содержаніе отдѣльныхъ группъ понятій, слагающееся неизмѣнно въ видѣ добавленія къ „субстанціальному“ родовому содержанію. Родъ присутствуетъ въ видахъ, но видъ не содержится въ родѣ. „Конкретныя“ науки въ систематическомъ отношеніи невозможны помимо Логики; *Логика* есть необходимая основа „конкретныхъ“ наукъ. *Но сама Логика вполнѣ возможна безъ „конкретныхъ“ наукъ* и *до* нихъ; ибо содержаніе ея, какъ родовое,—самозаконно и *не проникнуто ихъ содержаніемъ*. Все дѣленіе философіи получаетъ при такомъ истолкованіи формальный и *разсудочный* характеръ. Это уже не есть „діалектически-спекулятивное“ перво-дѣленіе единой метафизической субстанціи, неизбѣжно заканчивающееся спекулятивно-ассимилированнымъ сращеніемъ сторонъ; но *разсудочная*, *схематическая* и уже *не „срастающаяся“* классификація наукъ. Именно въ этой схемѣ *философія Гегеля получаетъ свое систематическое дѣленіе на „отдѣльныя“ философскія науки.*

„Апріорность“ Логики получаетъ, далѣе, какъ бы *„хронологическое“* истолкованіе постольку, поскольку основное дѣленіе на *„Логику“*, *„Природу“* и *„Человѣческій духъ“* берется въ смыслѣ законченной *послѣдовательности* живыхъ, *реальныхъ событій*. Въ такомъ пониманіи „Логика“ оказывается тѣмъ реальнымъ „сначала“, по отношенію къ которому „Природа“ является нѣкоторымъ реальнымъ „потомъ“, а „Человѣческій духъ“ послѣднимъ живымъ „наконецъ“. Все дѣленіе предстаетъ какъ бы въ нѣкой *исторической* послѣдовательности; принципомъ его является уже не соотношеніе внутреннихъ содержаній, располагающее эти этапы въ порядкѣ родовъ и видовъ, но дѣйствительный порядокъ, въ которомъ „развитіе“ происходитъ и осуществляется. Условные и иносказательные термины: „ранѣе“, „позднѣе“, „до“, „еще не“ и т. п., получаютъ при такомъ пониманіи болѣе обычное и не переносное значеніе,—и схема времени вторгается въ спекулятивный рядъ. „Время“ расширяетъ свою компетенцію за предѣлы конечнаго міросданія и *весь путь Божій* начинаетъ созерцаться въ аспектѣ временной послѣдовательности. *Спекулятивный процессъ* получаетъ характеръ какъ бы *эмпирическаго процесса*, а ученіе о спекулятивномъ пути Божіемъ становится *историческимъ пересказомъ событій*. *Теологія* заимствуетъ свою схему у *космологіи*; и Богъ превращается какъ бы въ „часть міра“ или „эпоху міра“.

„Формально-разсудочное“ и „конкретно-эмпирическое“ истолкованіе „апріорности“ Логики—становятся возможными и даже необходимыми вслѣдствіе того, что всеобщее не сочетается съ

особеннымъ въ спекулятивномъ порядкѣ. Исключенность низшихъ сферъ изъ „Логики“ нарушаетъ и отмѣняетъ спекулятивное соотношеніе между ними. Возникаетъ необходимость истолковать ихъ такъ, чтобы „всеобщее“, т.-е. логическое, было включено въ низшія сферы, но въ свою очередь не включало бы ихъ въ себя; логическое должно имѣть независимость [1]) отъ низшихъ сферъ, оно должно быть „возможно“ и безъ нихъ. Это объяснимо именно *не* въ спекулятивномъ порядкѣ, но или въ „формально-разсудочномъ“ (независимость рода отъ видовъ, при включенности „содержанія“ перваго въ содержаніе послѣднихъ), или въ „конкретно-эмпирическомъ“ (независимость предшествующаго событія отъ послѣдующихъ, при включенности „вліянія“ перваго въ составъ послѣднихъ). И вотъ, происходитъ чрезвычайно поучительная и своеобразная *реградація спекулятивнаго порядка. строеніе его расщепляется и вся концепція начинаетъ двоиться и колебаться между отвергнутыми способами познанія и бытія.* Спекулятивное соотношеніе Логики и низшихъ сферъ не отвергается принципіально: наоборотъ, исповѣдуется попрежнему, какъ единственно вѣрное, и поддерживается всѣми силами [2]). Однако при внимательномъ анализѣ оно то и дѣло впадаетъ въ стиль одного изъ сращенныхъ въ немъ ингредіентовъ, то получая разсудочно-формальное значеніе, то развертываясь въ эмпирически-временный рядъ.

Естественно, что при формально-логическомъ истолкованіи основного дѣленія, членами дѣленія оказываются *понятія и ихъ системы*, т. е. *науки*; а при эмпирически-временномъ пониманіи членами дѣленія оказываются *эпохи* и заполняющія ихъ *реальныя событія*. Между тѣмъ, по основному спекулятивному замыслу, *научный процессъ* есть не что иное, какъ подлинное и единственно существенное *реальное совершеніе*; наука есть единственная субстанціально-реальная система событій, или, иначе: событіе, трактуемое въ философіи, есть тѣмъ самымъ творческое самоизмѣненіе научнаго понятія. Разложеніе спекулятивнаго порядка создаетъ *два* различныхъ ряда: *Логика, какъ наука*, систематически и по содержанію своихъ понятій связана съ *Натуръ-Философіей и Философіей Духа*; напротивъ *Логика, какъ процессъ Божественной жизни*, протекающій до созданія міра, связана исторически и по живому преемству событій—съ реальной *Природой* и реальной жизнью *Человѣческаго духа*. Эта двойная или дву-рядная пер-

---

[1]) „unabhängig“ Log. III. 18.—[2]) Срв. Recht. 66, гдѣ „Begriffliches vorangehen“ отчетливо противопоставляется временному предшествованію — „zeitliches Vorangehen“.

спектива намѣчается уже въ предѣлахъ Логики, несмотря на то, что логическій рядъ сохраняетъ вполнѣ свое единство. Оба ряда,— порядокъ систематически-научный и порядокъ космически-историческій, — расходятся изъ Логики, какъ изъ своего единаго источника или лона. Эти расходящіяся нити сплетены въ Логикѣ въ единую нить и отъ нея ведутъ свое начало; однако *органическаго единства* онѣ не образуютъ и въ Логикѣ.

Послѣ всего сказаннаго ясно, что Логика Гегеля является попыткой разрѣшить ту же метафизическую задачу, которую поставило передъ собой Наукоученіе Фихте Старшаго. Именно, построить ученіе о категоріяхъ такъ, чтобы философское содержаніе его сразу выразило реальную жизнь Духа и установило природу реальнаго мірозданія. Гегель подошелъ къ этой задачѣ и разрѣшилъ ее во многомъ иначе: онъ освободилъ ее отъ антропоцентрической постановки; онъ отождествилъ жизнь Духа съ научно-логической тканью понятія; онъ отточилъ діалектику, объективировалъ ее и установилъ совершенно новые законы „всеобщности“ и „спекулятивной конкретности“. И, тѣмъ не менѣе, то внутреннее расщепленіе проблемы и ея разрѣшенія, которое встало передъ Наукоученіемъ, выдвинулось и въ Логикѣ, какъ только поднялся вопросъ о ея систематическомъ значеніи и положеніи. И, если здѣсь возможенъ все таки единый отвѣтъ, то онъ будетъ таковъ: отношеніе Логики къ „низшимъ сферамъ“ есть отношеніе спекулятивной „всеобщности“, къ признанной и созданной ею, но не включенной ею въ себя спекулятивной „особенности“; это отношеніе не совпадаетъ все же ни съ формально-разсудочнымъ, потому что „родовое понятіе“ остается живой и субстанціально реальной силой, ни съ эмпирически-временнымъ, во первыхъ, потому, что „предшествующее“ implicite и реально присутствуетъ въ „послѣдующемъ“, и, во вторыхъ, потому, что ни одно изъ нихъ не можетъ быть опредѣленно локализовано во временномъ ряду. Содержательная переобремененность самой проблемы допускаетъ и требуетъ здѣсь чрезмѣрно сложнаго и утонченнаго разрѣшенія, едва поддающагося закрѣпленію въ единомъ актѣ мысли.

Такова въ своей сущности первая „эпоха“ Божественной жизни: она осуществляетъ впервые реальность Бога въ свойственныхъ ему способахъ творчества; въ то же время она подготовляетъ органически срастающуюся систему, или „конкретную тотальность“ категорій, имѣющихъ составить метафизическую „вездѣсущую“ субстанцію міра; наконецъ въ этомъ „предварительномъ“ процессѣ само-осуществленія, Богъ предначертываетъ въ элементѣ чистаго

понятія свой дальнѣйшій путь, создавая въ себѣ потенцію міра отъ низшей ступени до высшей. Понятно, что вся эта сложная и кипучая дѣятельность Понятія есть не что иное какъ осуществляемое имъ *„мышленіе“ самого себя* [1]). Понятіе, какъ и въ другихъ наукахъ, есть самостоятельное *объективное мышленіе* [2]). И, такъ какъ въ Логикѣ Богъ живетъ *до* созданія человѣка, и жизнь человѣческаго сознанія еще не впитана и не „абсорбирована“ въ этомъ процессѣ, то отсюда съ очевидностью вытекаетъ, что *мышленіе присуще Понятію и помимо человѣка*: процессъ живого смысла совершается въ Богѣ и „тогда, когда нѣтъ еще“ ни природы, ни человѣка. Богъ мыслитъ себя и внѣ своего мірового состоянія; *смыслъ тождественъ съ мышленіемъ и помимо человѣческаго сознанія и мышленія*. И, если Гегель утверждаетъ, что „духъ, сознающій себя, не разсматривается въ логической наукѣ“ [3]), и что въ Логикѣ понятіе не есть „актъ (Aktus) сознающаго себя разсудка“ [4]), то спекулятивный характеръ логическаго понятія нисколько этимъ не отрицается [5]). Мысль живетъ спекулятивно уже до созданія міра и человѣка; но спекулятивность эта имѣетъ характеръ безсознательной, непосредственной [6]) погруженности въ себя.

Это означаетъ, что „Логика“ есть состояніе Бога, осуществляющееся *два раза* въ общемъ и единомъ процессѣ: первый разъ въ самомъ началѣ и второй—въ самомъ концѣ. Логика есть „первое“ и „послѣднее“ [7]): „Логика начала“ и „Логика конца“. Божественный процессъ начинается съ непосредственной жизни въ элементѣ чистаго понятія и кончается осуществленіемъ той же жизни, но уже въ состояніи опосредствованности. Логика есть первая наука, или, что то же, первая эпоха Божественной жизни, „изъ которой идея впервые переходитъ въ природу“ [8]); она еще не вступила въ сферу явленія, еще не возсіяла въ своихъ видовыхъ опредѣленіяхъ [9]); ея различія не составляютъ еще инобытія [10]); ея содержаніе не развило еще изъ себя всей системы своихъ единичныхъ модификацій: міръ созданъ *еще только* въ потенціи. Въ „Логикѣ начала“ понятіе мыслитъ себя непосредственно, еще не оторвавшись отъ себя, не отойдя отъ себя, не распавшись на ту *двойственность* „субъекта“ и „объекта“, „души“ и „предмета“, изъ которой только и можетъ возникнуть *„сознаніе“*. Идея на *этой* ступени есть завершеніе Божественной жизни въ

---

[1]) Срв. Enc I. 408 и др.—[2]) Срв. Log I. 35.—[3]) Log. III 18.—[4]) Log. III. 18.—[5]) Срв., напр., Log. III. 244 —[6]) Срв. Enc. III. 468 —[7]) Log. III. 272 —[8]) Log. III. 272—273.—[9]) „in das Scheinen in einer Formbestimmtheit noch nicht eingetreten ist“ Log. III. 328.—[10]) „noch kein Anderssein“. Log. III. 328 —329

ея *непосредственномъ самомышленіи*, но не есть высшее состояніе Духа въ его общемъ процессѣ. Въ „Логикѣ начала“ Духъ реаленъ „самъ по себѣ“ (какъ подлинная сущность) и „для себя“ (ибо онъ есть чистое само-опредѣленіе); онъ есть causa sui, и, въ качествѣ мысли, — непосредственное *само-знаніе*; но онъ *не* существуетъ еще въ элементѣ *со-знанія и само-со-знанія*. Поэтому его первоначальное логическое „бытіе-въ-себѣ-и-для-себя“ есть, по сравненію съ высшими возможностями, *только* еще непосредственная примитивность, не настоящее—„*для себя—бытіе*“: ему предстоитъ путь, восходящій къ самосознанію.

Сущность духа состоитъ въ откровеніи: его внутренней природѣ свойственно открывать себя; вся дѣятельность его состоитъ въ раскрытіи имъ своей сущности. Этотъ процессъ откровенія совершается такъ, что въ «Логикѣ начала» Богъ открываетъ себя *непосредственно самому себѣ*. субъектъ, открывающій себя, и субъектъ, воспріемлющій откровеніе,—непосредственно совпадаютъ, не будучи раздѣльны и не пройдя черезъ раздѣленность. Въ дальнѣйшемъ «логическое становится природой, а природа—духомъ» [1]). Въ этомъ новомъ процессѣ *созидается новый субъектъ*, *могущій воспринять откровеніе Божественное*; этотъ субъектъ существуетъ въ элементѣ раздвоенности, инобытія и обладаетъ „*со-знаніемъ*“; и вотъ, ему то, обогащенному и обремененному формою инобытія, вновь открывается сущность Божества; человѣческое сознаніе, спекулятивно-растворенное въ понятіи, познаетъ путь Божій и черезъ это подъемлется къ финальному моменту возсоединенія распавшагося. Богъ открывается человѣку въ элементѣ „чистаго понятія“, въ видѣ организма логическихъ категорій, который однако уже пострадалъ весь процессъ міротворенія и распада, и нынѣ, слѣдовательно, является „опосредствованнымъ“. Въ осуществленіи „Логики конца“ спекулятивное познаніе очищаетъ человѣческое мышленіе отъ „антропологической и психологической стороны“ [2]) и устанавливаетъ опять *непосредственную* слитость его съ объективнымъ процессомъ въ понятіи [3]). Однако эта непосредственность есть уже въ элементѣ „сознанія“ и „самосознанія“; она осуществляется, какъ истинное и законченное „бытіе-для-себя“, какъ новая и высшая *спекулятивная конкретность* субъекта и объекта.

Такимъ образомъ высшее откровеніе, совершающееся въ „Логикѣ конца“ есть откровеніе Бога—человѣку. Но человѣкъ, самъ

---

[1]) Enc. III. 468: „das Logische wird zur Natur und die Natur zum Geiste“ — [2]) Log. III. 244.—[3]) Enc. III. 468.

по себѣ, есть не болѣе, какъ модификація или состояніе Божества, сущаго въ инобытіи; это означаетъ, что высшее откровеніе есть откровеніе, исходящее отъ Бога и воспринимаемое *самимъ Богомъ*, но въ его опосредствованномъ состояніи, ибо *Божество*, воспринимая свое откровеніе въ „Логикѣ конца“, — *существуетъ въ видѣ человѣческаго сознанія*. Процессъ въ Богѣ совершаетъ круговоротъ и „логическое“ есть его послѣдній и высшій результатъ[1]); ибо „Логика конца“ имѣетъ по сравненію съ „Логикой начала“ новое и совершеннѣйшее значеніе: это есть „всеобщность, оправдавшаяся въ конкретномъ содержаніи, какъ въ своей дѣйствительности“ [2]).

Это удвоеніе логическаго процесса и отнесеніе его къ началу и къ концу, открыто формулированное Гегелемъ, придаетъ особенный вѣсъ „временной“ концепціи Божественнаго пути. Трудно представить себѣ, какъ *сверхвременное*, то, что ограничено и опредѣлено реальной жизнью природы, появленіемъ человѣческаго сознанія и его субъективнымъ актомъ спекулятивнаго самоотреченія. „Логика конца“ есть увѣнчаніе Божія пути, слагающееся въ итогѣ *мирового развитія* и спекулятивный „путь“ получаетъ характеръ и значеніе *историческаго процесса въ Богѣ*.

Таковы тѣ внутреннія философскія затрудненія, которыя вытекаютъ изъ религіозной и метафизической природы логическаго процесса. Дальнѣйшее развитіе ученія должно обнаружить ихъ съ еще большей силой и опредѣленностью.

---

[1]) Enc. III. 468.—[2]) Enc. III. 468.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Міроздані̀е.

Среди проблемъ, съ которыми приходится имѣть дѣло историку метафизическихъ ученій, проблема „возникновенія міра“ занимаетъ особое мѣсто. Великій переходъ отъ „абсолютнаго“ к „безконечнаго“ къ относительному и конечному, облеченный въ живую форму „историческаго“ возникновенія, представляетъ чрезвычайно благодарную тему для того, чтобы раскрыть въ ея трактованіи основную концепцію „абсолютнаго“.

Повидимому, дѣло обстоитъ такъ, что самое существованіе относительнаго и конечнаго міра дѣлаетъ невозможнымъ бытіе Абсолютнаго, ибо такой міръ явно полагаетъ предѣлъ *абсолютности* Божественнаго первоначала, отличаясь отъ него и противостоя ему во всѣхъ отношеніяхъ и въ качествѣ, и въ объемѣ, и по структурѣ, и по способу жизни, и, наконецъ, по своей минувшей и грядущей судьбѣ. И вотъ, проблема состоитъ именно въ томъ, чтобы показать не только *совмѣстимость* „Абсолютнаго“ и „относительнаго“,—Бога и міра,—но ихъ существенную *связанность* и взаимную *необходимость* другъ для друга. Въ разрѣшеніи этой проблемы „Абсолютное“ изслѣдуется, раскрывается и утверждается въ самый героическій, въ самый критически-напряженный моментъ своего бытія, когда оно само ставитъ себя въ „не-абсолютное“ *положеніе* и, даже больше,—само приводитъ себя въ *состояніе* относительности, и, тѣмъ не менѣе, сохраняетъ свою божественную абсолютность. Оно, повидимому, завязываетъ *отношеніе* съ чѣмъ-то „другимъ“,—съ „инобытіемъ“; оно „относится“ къ нему и тѣмъ пріобщается къ *относительности* и *ограниченію*; но сила его такова, что его „абсолютный“ характеръ загорается отъ этого лишь новымъ свѣтомъ. Обнаружить это съ наглядностью и убѣдительностью,—значитъ, поистинѣ разрѣшить одну изъ труднѣйшихъ проблемъ метафизической космологіи, и притомъ такую, которая сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ систематическія нити ученія.

Правильное разрѣшеніе этой проблемы требуетъ прежде всего правильной постановки ея. Именно, должна быть обнаружена совмѣстимость „абсолютнаго“, въ его *подлинной* и *не искаженной* природѣ, съ „относительнымъ міромъ“, взятымъ въ его *дѣйствительныхъ* чертахъ и свойствахъ. Ибо, если, съ одной стороны, относительный міръ не будетъ принятъ такимъ, каковъ онъ есть, то возникаетъ опасность *упрощенія* задачи: будетъ преуменьшенъ или совсѣмъ утраченъ тотъ специфическій ядъ относительности, отрава котораго слагаетъ сущность самой проблемы Если же, съ другой стороны, „абсолютное“ въ созданіи міра и въ сосуществованіи съ нимъ *измѣнится* и *потеряетъ* свою абсолютность, то проблема останется неразрѣшенною: обнаружится, что возникновеніе міра полагаетъ предѣлъ бытію Бога. Въ первомъ случаѣ эмпирическій міръ во *всей* своей конечности и относительности останется внѣ разсмотрѣнія; но зато абсолютность Божества будетъ утверждена. Во второмъ случаѣ эмпирическій міръ будетъ привлеченъ и разсмотрѣнъ во всей своей злосчастной хаотичности; но зато утвердится окончательно, что онъ *не* божественъ и что бытіе Божіе съ нимъ *несовмѣстимо*.

Повидимому, рѣшеніе проблемы лежитъ гдѣ-то въ серединѣ между этими двумя крайностями. Однако найти его представляется дѣломъ весьма нелегкимъ. Множество соблазновъ встаетъ передъ изслѣдователемъ на этомъ пути; растворить и утратить „качество“ въ процессуальной постепенности; принять „понятіе“ за „предметъ понятія“; обѣднить сущность „абсолютнаго“; схематезировать дѣйствительный міръ; отождествить „смыслъ“ и „благо“, „благо“, и „цѣль“, „цѣль“ и „смыслъ“... И всѣ эти соблазны, увлекая изслѣдователя, заставляютъ его обнаружить съ наибольшею очевидностью внутреннюю природу осуществляемаго имъ „спекулятивнаго мышленія“.

Философія Гегеля напряженно выстрадала всю сложность этой проблемы. Она осуществила *первую* крайность въ своемъ основномъ *замыслѣ*; она была увлечена во *вторую* крайность въ *приступѣ къ осуществленію*, она стремилась обрѣсти *центральное* рѣшеніе и, повидимому, достигала его въ извѣстныхъ областяхъ. При этомъ она пріобщилась всѣмъ указаннымъ соблазнамъ, пережила великій кризисъ „панлогизма“ и нашла свое завершеніе въ ученіи о „дѣйствительности“ и объ „образахъ“ міра. Замѣчательно, что всѣ эти разрѣшенія осуществляются Гегелемъ *сразу* и *параллельно*, сильно затрудняя адэкватное пониманіе его ученія; такъ, онъ всегда *мечтаетъ* о максимальныхъ перспективахъ замысла, но говоритъ о нихъ въ тонѣ *достиженія*; онъ неоднократно впа-

даетъ въ пессимистическіе выводы второй крайности и тщетно пытается поправить дѣло ссылкою на то, что конкретный-эмпирическій міръ не имѣетъ самостоятельной реальности; и, наконецъ, медленно и не безъ колебаній, онъ пролагаетъ себѣ дорогу къ центральному исходу, слагающему ткань Натуръ-Философіи, Этики, Эстетики и Философіи Религіи. Одна наличность нѣсколькихъ параллельныхъ рѣшеній проблемы свидѣтельствуетъ о томъ, что ни одно изъ нихъ не давало искомаго удовлетворенія. Средній исходъ до самаго конца тяготѣлъ къ максимальному абсолютизму первой крайности и укрывалъ въ себѣ разлагающій ядъ второй крайности. При такомъ положеніи дѣлъ только осуществленіе указанныхъ соблазновъ могло создать нѣкоторое убѣжище для философскаго оправданія „теодицеи".

Спекулятивный замыселъ Гегеля (первая крайность) слагается въ своеобразную форму „пан-эпистемизма" (*наука есть все*) [1]). Согласно этому замыслу, необходимо показать, что весь рядъ научныхъ спекулятивныхъ категорій образуетъ „всеобщую" субстанцію міра; что все то, что называется „природой", въ обширномъ смыслѣ этого слова, есть дѣйствительно реальное *видоизмѣненіе* (модусъ) Понятія. Стихія „спекулятивнаго смысла" [2]), слагающая, въ своемъ „сознательно-научномъ" развитіи, замкнутый хороводъ *научныхъ категорій*, творитъ въ своей „космически-осложненной" и модифицированной жизни *природу* и *міръ*. Раскрыть и утвердить что Богъ есть Понятіе и Наука, а *система единичныхъ модификацій Понятія* есть міръ,—значитъ „оправдать міръ".

Согласно этому замыслу, Наука есть живая и абсолютная сущность міра. Это означаетъ, что спекулятивное Понятіе, которое и есть сама истинная и абсолютная реальность, имѣетъ помимо научной формы, еще иную, *міровую* форму бытія. Однако, въ этой осложненной формѣ мірового бытія *Понятіе отнюдь не утрачиваетъ своей сущности* [3]) *и своего спекулятивнаго способа жизни.* Природа есть „живое выраженіе и образъ разума" [4]); она, несмотря на свою конечность, стоитъ выше конечнаго и разсудочныхъ формъ [5]); ея устройство — разумно [6]); она есть „имманентная идеальность". [1]). „Разумъ и природа абсолютно

---

[1]) Срв. главу восьмую — [2]) Срв. главы третью—седьмую — [3]) Срв Aphor. I 548. — [4]) „Rationis vivam expressionem ejusque imaginem esse voluit natura". Diss 26. — [5]) „Ueber die Endlichkeit und den Verstand erhaben" Glaub. 33. — [6]) Glaub. 49.

гармонируютъ; они въ себѣ блаженны“ [2]). Напрасно думать, что природа есть не болѣе, чѣмъ „аггрегатъ міровыхъ вещей“ [3]); собраніе множества безразличныхъ акциденцій [4]); нѣтъ, она есть система жизни [5]), органически живущій „универзумъ“ [6]), *κοσμος* [7]); она есть нѣкое „систематическое цѣлое“, система „порядковъ, ступеней и законовъ“ [8]). Она имѣетъ свою „первоначальную, незаимствованную, реальную красоту“ [9]) и въ этой жизни своей она есть нѣчто истинное, живое и священное [10]). Природа развивается по имманентному ей закону цѣли [11]); именно поэтому она живетъ, какъ единый организмъ, опредѣляя себя свободно [12]) и „полагая себя, какъ цѣлое“ въ каждое свое созданіе [13]). Природа движется „равномѣрно усьореннымъ движеніемъ“ и „наслаждается“ каждымъ новымъ созданіемъ своимъ [14]). Она опредѣляетъ себя *сама*, она есть субъектъ-объектъ [15]), она есть „абсолютное самосозерцаніе“ [16]). „Подобно тому, какъ тотальность жизни содержится столь же въ природѣ полипа, сколь въ природѣ соловья и льва,—подобно этому міровой духъ раскрывалъ въ каждомъ образованіи (Gestalt) свое болѣе смутное или болѣе развитое, но абсолютное самочувствіе (Selbstgefühl) и наслаждался своею сущностью и собою самимъ—въ каждомъ народѣ, въ каждой цѣлокупности нравовъ и законовъ“ [17]).

При такой разумной и органической структурѣ природнаго и мірового бытія, концепція „пан-эпистемизма“ слагается сама собою безъ дальнѣйшихъ затрудненій. Міръ есть царство Разума, т.-е спекулятивнаго Понятія, и философская наука формулируетъ то самое, что совершается въ мірѣ и природѣ. Всякая „природная вещь“ есть не что иное, какъ модусъ Понятія, т.-е., въ сущности говоря,—само Понятіе. „Тѣло есть не что иное, какъ явленіе физической силы, или, что то же, истинной Идеи“ [18]). Вещи—это „Понятія, поскольку они сначала являются представленію и рефлексіи въ видѣ иного“ [19]) (т.-е. инобытія): какъ тѣло [20]), такъ и душа [21]) суть модификаціи спекулятивнаго Поня-

---

[1]) Diff. 264.—[2]) „Absolut harmoniren und in sich selig sind“. Glaub. 49. [3]) Beweise. 359.—[4]) Beweise. A. 463.—[5]) „Ein System der Lebendigkeit“. Beweise. A. 463.—[6]) Срв., напр., Glaub. 113 148. Enc. I. 396 Beweise. A. 462. 463 Beweise. B. 469.—[7]) Beweise B 470.—[8]) Beweise. 359.—[9]) „Ihre ursprüngliche ungeborgte reelle Schönheit“ Glaub. 148.—[10]) Срв. Glaub. 142. 143.—[11]) Log III 210.—[12]) „Natur hat Freiheit“ Diff 265. 266.—[13]) Diff. 265. [14]) W Beh. 421.—[15]) Diff. 257. 258. 261.—[16]) W. Beh. 395. Aphor. I. 548.—[17]) W Beh. 415.—[18]) „Nihil enim aliud est corpus, quam vis physicae, sive verae ideae phaenomenon“. Diss 21.—[19]) Log. III. 330—331.—[20]) Enc II. 344. [21]) Enc. III. 150

тія, „населенныя“ или „одушевленныя“ имъ. *Законъ Понятія есть законъ міра*; *реальность Понятія есть реальность міра*. Спекулятивная наука не только „познаетъ“, но *содержитъ въ себѣ абсолютную реальность природы и міра*.

При такой концепціи остается, конечно, видимое различіе между „міромъ“ и философской „наукой“; но это различіе есть различіе не качественное, а *лишь по способу бытія*. „Вещь“— это такое состояніе Понятія, при которомъ оно только *создаетъ* себя, но еще *не сознаетъ себя* въ этомъ самотворчествѣ. Но именно поэтому міръ и природа вполнѣ поддаются философскому познанію, ибо научное познаніе есть только *осознаніе Понятіемъ самого себя*. *Познаніе* есть не что иное, какъ *освобожденіе объективнаго Понятія субъективнымъ Понятіемъ отъ безсознательной формы*. Спекулятивное Понятіе, придавшее себѣ въ мірѣ безсознательную форму (напр. планеты, растенія), достигаетъ черезъ творчество спекулятивно-научной мысли—осознанія; а такъ какъ Понятіе и въ своей безсознательной жизни, и въ своемъ сознательномъ состояніи—*остается единымъ*, то это познаніе есть *самопознаніе*. Вещь, какъ „модусъ“ *сознательной* жизни Понятія *совпадаетъ* съ вещью, какъ „модусомъ“ *безсознательной* жизни Понятія. Первая есть истинная и подлинная сущность второй,— ея „истина“; вторая есть не болѣе, какъ низшая ступень, низшая „потенція первой. Спекулятивный смыслъ, жившій безсознательно въ дѣйствительномъ организмѣ есть тотъ самый *смыслъ организма*, который положенъ въ себѣ Понятіемъ, раскрывающимъ свое содержаніе въ *наукѣ*. Созерцающая мысль видитъ во всемъ только себя; и она *права* въ этомъ; ибо кромѣ нея *нѣтъ ничего*; кромѣ нея, есть только *она же* въ спекулятивно не-до-освобожденномъ видѣ. Понятіе въ его низшемъ состояніи открыто Понятію въ его высшемъ состояніи, ибо міръ и наука суть состоянія одной и той же *единой* и *абсолютной самоопредѣляющейся субстанціи*: *живой и творческой мысли*. Спекулятивной философіи достаточно обратиться къ природѣ, и покрывало Изиды „растаиваетъ“ [1]): мысль узнаетъ во всемъ кровь отъ крови своей [2]) и видитъ только свои собственныя опредѣленія [3]). А такъ какъ по общему правилу высшая ступень спекулятивнаго процесса есть истина и сущность низшей ступени, то Понятіе, сложившееся въ *спекулятивной наукѣ*, есть истина и сущность одноименнаго *мірового фрагмента*.

---

[1]) Enc. II. 17 (Z.).—[2]) Срв Recht. 35 (Z.).—[3]) Enc II. 271, срв. Enc II 995 (Z.). 696 (Z.).

Это соотношеніе можно представить себѣ такъ, что Понятіе, всегда и невозбранно сохраняющее свою природу (въ этомъ его „свобода“!), какъ бы *дважды создаетъ каждую вещь*: одинъ разъ—безсознательно, полагая ее, какъ *смыслъ „въ инобытіи“*; другой разъ—сознательно, полагая ее въ научномъ знаніи, какъ *смыслъ, вернувшійся къ себѣ*. Поэтому чудесная съ виду встрѣча „объекта“, „вещи“,—съ „субъектомъ“, „понятіемъ“, обнаруживающая ихъ „*тождество*“ и заканчивающаяся ихъ „совпаденіемъ“, есть встрѣча „*двухъ*“ сторонъ только для поверхностнаго взгляда. По существу же въ нѣдрахъ субстанціальной жизни это есть актъ *само-освобожденія*. Говоря обычнымъ языкомъ, можно сказать: *спекулятивная сущность явленія реально содержится въ понятіи, формулированномъ въ спекулятивной наукѣ*. Научное Понятіе есть не „абстрактное представленіе“, но *живая метафизическая сила*, „невѣсомый дѣятель“ [1]), творящій себя *сначала въ видѣ „міра“, а потомъ въ видѣ „научной категоріи“*. Понятіе организма, сложившееся въ спекулятивной наукѣ, не просто „соотвѣтствуетъ“ жизни реальнаго организма, или „вѣрно выражаетъ“ ее: нѣтъ, философъ, „построяя“ идею организма, *движимъ въ сознаніи своемъ тою самою подлинною реальною сущностью организма*, тою живою органическою силою Понятія, *которая творитъ себя безсознательно въ явленіи организма*, еще не имѣя возможности спекулятивно осознать себя. То, что бьется, и борется, и страдаетъ въ живомъ организмѣ, то самое осуществляетъ себя въ сознаніи философствующей души, и то самое зритъ себя освобожденнымъ и преображенно-возставшимъ въ формѣ научной категоріи. Живое творческое Понятіе само заколдовало себя въ образъ вещи; и само чаетъ освобожденія; и само освобождаетъ себя къ высшей жизни. Смыслъ спекулятивнаго понятія „вещи“ и смыслъ, скрытый въ явленіи „вещи“, есть одинъ и тотъ же реальный смыслъ, создавшій себѣ въ творческомъ бореніи достойную форму жизни. *Міръ и наука слагаютъ единый спекулятивный рядъ* восхожденія, совершаемаго Понятіемъ. Наука есть результатъ этой борьбы, ея завершеніе, ея побѣдоносное увѣнчаніе. Отсюда ея покой [2]).

„Научная истина есть спокойный, все освѣщающій и радующій свѣтъ и въ то же время теплота, въ которой все сразу произрастаетъ, и распускается, и раскрываетъ на просторѣ жизни свои внутреннія сокровища“ [3]). Она есть та Всеобщность, которая дѣйствительно „во все проникаетъ“, все наполняетъ и живо-

---

[1]) Срв. „Imponderable Agentien“. Log III. 187.—[2]) „Ruhe des Erkennens“. Aphor. I. 541.—[3]) Aphor. I. 541.

творитъ: живая сущность міра, включающая его въ себя и напояющая его своею силою" и „любовью". Разумъ какъ бы просто „говоритъ всему, что оно есть" и тѣмъ утверждаетъ себя властелиномъ міра [1]). *Наука есть сознательно развернувшая себя сущность мірового бытія и эта сущность есть всеблагая субстанція,—Божество.*

Мечта о божественности міра, о космосѣ-организмѣ, разъ осѣнивъ душу Гегеля не оставляла ее до конца. Слѣды этой мечты, съ такимъ огнемъ формулированной въ его первыхъ напечатанныхъ при жизни статьяхъ, можно найти въ самыхъ позднихъ произведеніяхъ его, надъ которыми онъ работалъ въ послѣдніе годы жизни [2]). Эта мечта, нашедшая себѣ выраженіе въ концепціи „панэпистемизма", повидимому представлялась ему иногда осуществленной въ его системѣ или, по крайней мѣрѣ, осуществимой средствами спекулятивной философіи.

Однако, если даже его ученіе и пытается иногда признать въ мірѣ качественно-подлинный спекулятивный строй (т.-е. что міръ діалектически движется къ органической всеобщности), то оно *не* пытается утвердить этотъ строй для мірозданія *въ цѣломъ*. Строго говоря, Гегель *никогда* не вѣрилъ въ возможность „принять" и „оправдать" *всѣ эмпирически-конечныя вещи и состоянія міра*. Даже въ самый оптимистическій періодъ своего философствованія, когда онъ выступалъ съ первыми статьями, полными зрѣлаго интуитивнаго видѣнія и открывавшими, повидимому, безпредѣльную перспективу,—онъ не считалъ возможнымъ цѣлостное, эмпирически-исчерпывающее мірооправданіе. Нельзя „вывести", „обосновать", или „построить" *все*, данное въ конечномъ чувственномъ мірѣ [3]); это недоступно даже для истинной, всевидящей спекулятивной философіи. „Дедукція" и „конструкція" *единичныхъ, конкретно-эмпирическихъ вещей* не входитъ въ ея задачу, и притомъ не только потому, что это познавательно неосуществимо, но и въ силу болѣе глубокихъ, онтологическихъ основаній.

Гегель, повидимому, никогда не дѣлалъ попытки *осуществить* послѣдовательно, до конца, концепцію „панэпистемизма", и даже тогда, когда философія исторіи поставила передъ нимъ задачу

---

[1]) Срв. Aphor. 541.—[2]) Срв аутентическій текстъ лекцій „Beweise für das Dasein Gottes". SS 359. 383. 390. 412. Срв. также Beweise. A. 462—463. Beweise B. 468—469. 469. 470 Свѣдѣнія объ этомъ текстѣ даетъ Марейнеке въ предисловіи къ первому тому Лекцій Гегеля о Философіи Религіи.— [3]) Срв. Krug 58. Phän. 78. См. главу первую.

осмыслить *эмпирически-единичное*, какъ *спекулятивно-единственное*, Гегель не рѣшился выговорить всего и принять *всѣ* выводы.

Но именно въ силу этого нельзя приписывать ему *даже въ замыслѣ* спекулятивное пріятіе *эмпирическаго міра* въ цѣломъ, какъ такового. Панэпистемизмъ Гегеля, въ его самыя рѣшительныя и послѣдовательныя минуты, не пріемлетъ „дискретнаго хаоса“ для спекулятивнаго оправданія. Это означаетъ, что Гегель созерцаетъ „конечный міръ“ не въ труднѣйшемъ и не въ злѣйшемъ составѣ его и *упускаетъ* въ разрѣшеніи основной проблемы *отраву относительности*. *Формально* это упущеніе не мѣшаетъ его замыслу сохранять характеръ „панэпистемизма“: отвлекаясь отъ всѣхъ тѣхъ трудностей, которыя раскрываются въ составѣ предметнаго матеріала, Гегель обнаруживаетъ склонность изображать эмпирическій міръ, въ его специфическихъ чертахъ и свойствахъ, какъ продуктъ простой познавательной ошибки человѣческаго сознанія. Этотъ „міръ“—не есть ни „объективный“, ни „самостоятельный“, ни „реальный“; познавательно—онъ есть „иллюзія“, онтологически—„ничто“. Онъ *не* участвуетъ въ „космосѣ“ и не входитъ въ тотъ великій „панъ“, о научности и разумности котораго говоритъ философія. „Міръ“—спекулятивенъ и божественъ. Проблема разрѣшается—цѣною отреченія отъ „эмпирическаго міра“.

И вотъ, смѣлая и глубокая мечта „панэпистемизма“, оригинально и глубоко возрождавшая *спинозизмъ* въ духѣ *романтики*, должна была потерпѣть крушеніе. Ядъ эмпирической относительности долженъ былъ неизбѣжно напомнить о своемъ *объективномъ существованіи* и заставить считаться со своею не иллюзорною и не мнимою, но *реальною* противоразумною силою.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ возможно гармоническое и радостное „самосознаніе“ мірового понятія въ наукѣ, если въ самомъ мірѣ обнаружится стихія противоразумной самобытности? Если гармонія между „разумомъ“ и „природой“ нарушится тѣмъ, что одна изъ этихъ сторонъ *сохранитъ* свой божественный строй, а другая *смѣшается*, растеряется или закружится въ хаосѣ? Если окажется, что міръ, хотя бы и порожденный божественной необходимостью, сталъ все-таки жертвою дурной случайности? Если въ глубинѣ его вспыхнетъ жажда разъединенія, если способъ его бытія противостанетъ разуму, а за „красотою“ и „блаженствомъ“ природы откроется нескончаемая цѣпь зла, уродства и страданія? Тогда, дурной, конечный, единичный, чувственный міръ противостанетъ совершенной, безконечной Всеобщности, сверхчувственной, спекулятивной субстанціи Божества. Тогда *теогонія* не включитъ

въ свой путь *міра*, а *космогонія* явится извергнутой изъ *божественной сферы*.

Попытка *осуществить* философски великій переходъ отъ абсолютнаго къ относительному поставила Гегеля лицомъ къ лицу именно съ такимъ возстаніемъ хаоса.

Начало этого „перехода“ описывается у Гегеля въ исходѣ „логическаго“ процесса.

Согласно основному закону конкретности, требующему непрерывнаго обогащенія Абсолютнаго, Идея не можетъ остановиться на достигнутомъ ею въ Логикѣ состояніи. Дальнѣйшаго прогресса требуетъ и законъ „всеобщности“, по которому Субстанція должна развернуть себя до конца и, не выходя изъ своихъ предѣловъ, предстать въ видѣ исчерпывающей системы создаваемыхъ ею и проникнутыхъ ею міровыхъ „единичностей“. Однако, дальнѣйшее „движеніе“ и обогащеніе, нисходящее къ единичностямъ міра, не можетъ совершаться въ томъ же самомъ элементѣ „чистаго понятія“, потому что *всѣ* возможныя состоянія и опредѣленія этого послѣдняго уже осуществлены, раскрыты и сосредоточены въ порядкѣ діалектическаго накопленія и органическаго сращенія. Дальнѣйшій путь Божій требуетъ обновленія *самаго элемента*, т.-е. того *уровня*, или, того *матеріала*, изъ котораго или въ которомъ слагаются состоянія Божества.

Это обновленіе должно, согласно закону „діалектики“, увести Божество въ „противоположное“ состояніе, съ тѣмъ, чтобы, далѣе, осуществилось состояніе высшаго примиренія между этими противоположными состояніями. И вотъ, если первая (въ систематическомъ отношеніи) наука, Логика, *„изображаетъ Бога, какъ онъ есть въ своей вѣчной сущности до созданія природы и конечнаго духа“* [1]), то послѣдующія науки должны изобразить бытіе Божіе въ его „естественномъ“ и, далѣе, „антропоморфномъ“ состояніи [2]), такъ, чтобы достойнымъ увѣнчаніемъ всего этого „процесса“ явилась бы жизнь спекулятивно созрѣвшаго и философски мыслящаго человѣческаго сознанія, посвящающаго свои силы созерцательному мышленію Божества. Отсюда возможность и необходимость говорить о „Логикѣ“ дважды—въ началѣ мірозданія („Логика начала“) и въ концѣ міро-развитія („Логика конца“) [3]).

Въ „Логикѣ-начала“ Понятіе „движется“, какъ и вездѣ, внутреннимъ, творческимъ процессомъ; при этомъ оно остается вѣрнымъ своей „чистой“ природѣ и процессъ его—есть процессъ

---

[1]) Log. I. 36. Курсивъ Гегеля.—[2]) Срв. напр. Enc. III. 468.—[3]) Log. III. 272.

„самомышленія“ [1]). Однако это „самомышленіе“ совершается въ ней *безъ* всякаго сознанія и *до* всякаго самосознанія, въ безсознательной „непосредственной погруженности“ Понятія въ его собственную сущность [2]). Вся „Логика начала“, сравнительно съ высшимъ, грядущимъ достиженіемъ, есть лишь безсознательная, наивная первобытность, непосредственно осуществленная въ себѣ Божествомъ. И вотъ, для того, чтобы осуществить въ себѣ „сознаніе“ и „само-со-знаніе“, Идея, жившая въ „Логикѣ начала“ *до-со-знательной* или *внѣ-со-знательной* мыслью (т.-е. въ еще не нашедшей *себя* спекулятивно-мыслительной растворенности),— творитъ въ себѣ состояніе *вполнѣ без-мысленное* и *незнающее*. *Непосредственное* „самомышленіе Понятія“, состоявшееся въ „Логикѣ начала“, должно замѣниться *опосредствованно непосредственнымъ* „самомышленіемъ Понятія“, осуществляющимся въ „Логикѣ конца“ и зрѣлой философіи. Это „опосредствованіе“ состоитъ въ отрывѣ *объекта* отъ *субъекта*. Объективный, предметный элементъ Божества (то, *что мыслится* въ „Логикѣ начала“) отрывается отъ его субъективнаго, мыслящаго элемента (отъ того что само *мыслитъ* въ „Логикѣ начала“) и полагается самостоятельно. Субъективный элементъ,—„смыслъ мыслящій“,— „снимается“ [3]) и какъ бы угашается. Остается одинъ объективный — „смыслъ мыслимый“, „голая объективность“ [4]), „внѣшняя объективность“ [5]), objectum, т.-е. противо-брошенное и слѣдовательно, противолежащее; это есть нѣкое ἀντικείμενον, предметъ (отъ „метать“), въ его самостоятельности и самобытности. Божество, творившее себя доселѣ посредствомъ *до-сознательнаго само-мышленія* и поднявшееся на этомъ пути до максимальнаго богатства, предается теперь *до-со-знательному не-мыслящему* самосозиданію, для того, чтобы черезъ утрату *всякаго* мышленія осуществить *со-знательное мышленіе*, и, далѣе, *спекулятивно-самозабвенное, объективное сознаніе*,—въ философіи вообще и, особенно, въ „Логикѣ конца“.

Это обновленіе элемента и получаетъ у Гегеля значеніе „созданія міра“. Оно происходитъ такъ, что въ Идеѣ осуществляется нѣкоторый, ею самою производимый актъ, который Гегель описываетъ, какъ „свободное отпусканіе“ [6]) себя въ состояніе „инобытія“ [7]). Съ внѣшней точки зрѣнія дѣло сводится къ тому,

---

[1]) Срв.: Enc. I 408. Log 35. Log. III 244.—[2]) Срв.: Log. III. 18. Enc. III. 468 Log. III. 272—273. Log. III. 328 328-329.—[3]) Log. III. 352.—[4]) Log. III. 353.—[5]) Enc. III. 13.—[6]) Log. III. 353; срв. Phan. 610. Log. I. 64. Rel. II. 47, срв. также „ausgleitet“, „fällt“ Aphor. I. 540.—[7]) „Anderssein“ Срв. напр. Log. I. 124. Log. III. 27. 328—329. Enc. I 26. Enc. II. 23. Beweise. 392 и др.

что „Абсолютную Идею“, какъ послѣднюю ступень Логики-начала, надлежитъ понять или усмотрѣть въ нѣкоторомъ новомъ смыслѣ: сила разумѣющаго воображенія должна подставить другое значеніе въ тѣ же самые аттрибуты и свойства. Но въ метафизическомъ отношеніи эта перемѣна означаетъ *исходный актъ міро-созиданія*.

Къ концу логическаго процесса Идея доходитъ до исчерпывающей и конкретной (т.-е. органически-сращенной) полноты бытія. Она достигаетъ полнаго „единства съ собою“ [1]), или, что то же, непосредственнаго [2]) отношенія къ себѣ, или, что то же, — „созерцанія“ себя [3]); въ этой *созерцающей непосредственности бытія* она и должна двинуться дальше, т.-е. перейти отъ всеобщаго къ особенному [4]), сообщить себѣ болѣе специфическія опредѣленія, принявъ все свое добытое богатство за бѣдную и пустую, *неопредѣленную* „*тотальность*“ [5]). Она должна „отпустить“ себя въ новый „чисто-объективный“ путь, „рѣшиться“ [6]) на новое самоотрицаніе. Богатство, уже осуществленное ею въ себѣ, гарантируетъ ей въ грядущемъ побѣду и придаетъ ей въ этомъ „свободномъ“ [7]) самоотпусканіи „абсолютную увѣренность и внутренній *покой*“ [8]); она сохраняетъ свою „совершенную *прозрачность*“ [9]) и только творчески мѣняетъ форму или способъ своего бытія.

Именно. отпадаетъ „субъективное“ и остается „объективное“; угашается „созерцающее“, и остается только „созерцаемое“. Возникаетъ нѣкое, доступное непосредственному созерцанію, „простое бытіе“ [10]); нѣкая неопредѣленная, покоющаяся, прозрачная тотальность: *пустое пространство*, первая и бѣднѣйшая ступень природной жизни. Отъ нея и начинается все дальнѣйшее: Идея начинаетъ жить въ формѣ объекта, она получаетъ видъ „внѣшности пространства и времени, сущей безъ субъективности“ [11]).

„Дальнѣйшее“ является прежде всего не спекулятивнымъ рядомъ научнаго развитія. но *эмпирическимъ рядомъ міросозданія*: *природы* и *человѣческой души*. Это могло бы быть ясно уже изъ одного того, что Идея нуждается въ *діалектическомъ обновленіи* своего элемента, т.-е. въ удаленіи изъ своего первоначальнаго

---

[1]) Enc. I. 413.—[2]) Срв. напр. Enc. I. 414; а также Log. I. 64—65. Log. III. 26—27. 352—353.—[3]) Enc. I. 413.—[4]) Enc I 414 Beweise 449.—[5]) Срв. Log III. 352—353.—[6]) Enc. I. 414 —[7]) Log. III. 353. Enc. I. 413.—[8]) „Ihrer absolut sicher und in sich ruhend“. Log. III. 353.—[9]) „Vollkommen durchsichtig“. Log. III. 353.—[10]) „Das einfache Sein“. Log. III. 353.—[11]) „Die absolut fur sich selbst ohne Subjectivität seiende Aeusserlichkeit des Raums und der Zeit.“ Log. III. 353.

спекулятивнаго (т.-е. мыслящаго, „субъектъ-объективнаго") состоянія. Задача этого удаленія состоитъ именно въ томъ, чтобы создать *реально-сущее инобытіе*. Для того, чтобы могло осуществиться *сознательное тождество субъекта и объекта*, необходимо, чтобы сначала „объектъ" получилъ отдѣльное, обособленное отъ „субъекта" существованіе, съ тѣмъ, чтобы имѣющій „привзойти" къ нему впослѣдствіи „субъектъ" могъ сдѣлать его „предметомъ" своего „со-знанія". Этотъ процессъ Гегель описываетъ словами: „Логическое становится природой, а природа—духомъ" [1]).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ *философски-систематическомъ* ряду за „Логикой" слѣдуетъ не природа, а „Натуръ-Философія". Однако въ *космологическомъ* порядкѣ Идея „уходитъ" именно *не въ науку о природѣ*, а въ *природу*. И съ этимъ уходомъ Понятіе теряетъ свой спекулятивно-мыслящій видъ и облекается въ форму *немыслящей, безсознательной, пространственно-временной вещи*. Создается *не новая наука*, пребывающая въ элементѣ спекулятивной сознательности, но *вещественная среда, міръ конечнаго существованія*. Отпуская себя, Идея какъ бы „перевертывается" и превращается въ „непосредственность внѣшняго и единично оформленнаго бытія" [2]). Понятіе изображаетъ себя въ формѣ вещественности и чувственнаго бытія [3]); оно облекается въ смертныя одежды и принимаетъ видъ *конкретнаго-эмпирическаго*.

Таково космологическое значеніе этого перехода, влекущаго за собою чрезвычайно серьезныя и глубокія метафизическія послѣдствія. Эти послѣдствія выражаются въ томъ, что Идея погружается въ состояніе *немыслящее, безвластное и растерянное*.

Идея существуетъ въ природѣ въ *безсознательной* формѣ. Однако эта „безсознательность" ея не имѣетъ уже того невиннаго и безвреднаго характера, который предносился Гегелю въ стадіи замысла. Въ ряду естественныхъ ступеней [4]), восходящихъ отъ пространства, какъ простѣйшаго элемента природы, къ человѣческой душѣ, погруженной въ философское созерцаніе, какъ высшему моменту мірового бытія, сознаніе и мышленіе есть значительно „позднѣйшій" продуктъ идеи: даже въ предѣлахъ *душевной* жизни вся естественная, психо-физіологическая и чувствующая жизнь стоитъ ниже той ступени [5]), на которой совершается „пробужденіе души" [6]) къ сознанію и самосознанію. На всѣхъ же низ-

---

[1]) „Das Logische wird zur Natur, und die Natur zum Geiste". Enc. III. 468 — [2]) „Umschlagen der Idee in die Unmittelbarkeit ausserlichen und vereinzelten Daseins". Enc. III. 30.—[3]) Срв. Phän. 189.—[4]) Enc. II. 22.—[5]) Срв. Enc III. § 388—§ 417.—[6]) Срв. Enc. III. 246—247. 249.

шихъ ступеняхъ сознаніе, какъ таковое, *вовсе не присуще Понятію*: оно ведетъ жизнь безмысленной погруженности въ *свое инобытіе*. „Солнце, животное“—„не имѣютъ понятія“ [1]), т.-е. *мысленно не владѣютъ своей смысловою сущностью*; Понятіе не становится для нихъ предметомъ [2]), оно не существуетъ въ нихъ „для себя“ [3]); оно существуетъ въ нихъ только „внутреннимъ“ [4]), т.-е. существенно-скрытымъ образомъ, и потому оно пребываетъ въ нихъ *не въ истинномъ видѣ своемъ* [5]). На всѣхъ этихъ ступеняхъ Понятія есть лишь „внутреннее“, въ себѣ сущее естество природы, „безсознательный творецъ“ [6]), безсознательный телосъ [7]), безсознательно проникающій дѣятель [8]). Здѣсь Понятіе—„слѣпо“, оно „не ухватываетъ себя“, т.-е. „оно есть немыслящее Понятіе“ [9]). „Не сознающее“ ничего. „незнающее“ [10]), оно какъ бы „спитъ въ природѣ“ [11]); и даже „глухое самочувствіе“ [12]) пробуждается у него лишь на ступени „животнаго организма“.

Мышленіе, эта абсолютная сила и власть, *измѣняетъ Понятію*, отпавшему въ инобытіе. Эта измѣна наноситъ жизни Понятія и его строю тяжелый ударъ: *Идея лишается своей спекулятивной власти*. Новый „элементъ“ овладѣваетъ положеніемъ дѣлъ; онъ преодолѣваетъ силу Понятія, вовлекаетъ его въ вихрь своей дискретной жизни и попираетъ его стальной ритмъ. Съ нескрываемой растерянностью и безпомощностью говоритъ нерѣдко Гегель о той безпомощности и растерянности, въ которой внезапно оказывается Понятіе.

Вступивъ во „внѣшнее существованіе“ [13]), опустившись въ „чувственный элементъ“ [14]), Понятіе „облекаетъ свое зерно пестрою корою“ [15]) и оказывается въ ея власти. Жизнь его утрачиваетъ свое высшее, стройное единство: воцаряется *множество*; множество получаетъ значеніе *положительное* и *преобладающее* [16]). Обнаруживается „лишенное Понятія, слѣпое многообразіе“ [17]), „безконечное богатство формъ, явленій и образованій“ [18]). Понятіе дѣйствительно „выходитъ изъ себя“ [19]) и разбредается [20]); оно

---

[1]) Beweise. B. 475 —[2]) Ibidem —[3]) Enc. II 636 (Z).—[4]) Срв Log. II. 182.—[5]) Ibidem —[6]) „Nur der bewusstlose Werkmeister“. Enc. II. 636. (Z) Срв Enc III. 30 (Z).—[7]) Срв Enc. II. 607. Enc. III. 105.—[8]) Log. III. 187—188.—[9]) „Blind“, „sich selbst nicht fassend“, „d. h. nicht denkender Begriff“ Log III 18.—[10]) „Nicht als bewusster, noch weniger als gewusster Begriff“. Log I. 51.—[11]) Enc. III. 30 (Z).—[12]) W. Beh. 415 —[13]) „Äussere Existenz“ Recht. 17—18 —[14]) „Das Sinnliche Element“ Enc. III. 32 (Z).—[15]) Recht. 18. Срв. Briefe II. 37 —[16]) „Das Viele—das Erste, das Positive ist“. W. Beh 347. 395 Срв. Enc III 51 (Z).—[17]) Log III. 45.—[18]) Recht. 18.—[19]) Log. III. 63.—[20]) Срв. „treibt sich herum“. Log. III. 45.

распространяется [1]), разсѣивается [2]), разбѣгается [3]). „Природѣ, такъ какъ она есть бытіе Понятія *вић себя*, предоставлено разойтись въ этомъ различіи“ [4]), разбросаться [5]) въ потокѣ перепутавшихся [6]) единичностей [7]). Естественно, что при такой „безконечной дифференціаціи“ [8]), природа оказывается „безсильной удержать и изобразить строгость Понятія“ [9]), а Понятіе оказывается слишкомъ слабымъ [10]) для того, чтобы сдержать множество природныхъ явленій и подчинить ихъ своему строю. Но именно поэтому въ эмпирическомъ мірѣ воцаряется „равнодушная случайность“ и „неопредѣленная безпорядочность“ [11]). Природа есть „утрата Понятія“ [12]), „отпаденіе идеи отъ себя самой“ [13]). Въ томъ видѣ, какъ „она есть,—ея бытіе не соотвѣтствуетъ ея Понятію“ [14]). Идея остается въ ней несогласованною съ собой, несоразмѣрною себѣ [15]), ибо „природныя вещи изображаютъ разумность лишь совершенно внѣшнимъ и единичнымъ образомъ“ [16]).

Это несоотвѣтствіе Понятію превращаетъ природу въ сферу конечнаго [17]), въ „неистинный, дурной предметъ“ [18]), въ „неразрѣшенное противорѣчіе“ [19]), въ нѣчто „противоположное Понятію“ [20]). Въ природѣ обнаруживается прямое *сопротивленіе Понятію* и его спекулятивно-сдерживающему единству [21]) и поэтому *происшествія ея* и *фрагменты ея бываютъ нерѣдко лишены спекулятивнаго значенія*. Многообразные „роды и виды“, создаваемые ею, слѣдуетъ разсматривать, какъ *произвольныя выдумки* и *причудливыя представленія*, встрѣчающіяся и въ жизни души [22]), и Натуръ-Философія совсѣмъ не должна [23]) считаться со всѣми, нерѣдко совершенно непонятными [24]), явленіями природы. Въ этомъ мірѣ даже не все имѣетъ жизнь; но то, что *не* скрываетъ въ себѣ жизни,—то не есть Понятіе [26]), то имѣетъ на себѣ только „ви-

---

[1]) „Sich ausbreiten“. Phän. 9.—[2]) „Sich zerstreuen“. Beweise. 438.—[3]) „Sich verlaufen“. Log. III. 45.—[4]) Log III. 45.—[5]) „Auseinandergeworfen“ W. Beh. 395.—[6]) „Bunte verworrene Gesellschaft“. Briefe II. 37.—[7]) Log. III. 63. срв. Enc. III. 32 (Z).—[8]) „Unendlich differentiirte Vermittelung“ W. Beh. 395.—[9]) „Ohnmacht der Natur“... Log. III. 45.—[10]) „Schwäche des Begriffs in der Natur überhaupt“. Enc. II. 651—[11]) „Gleichgültige Zufälligkeit“, „unbestimmbare Regellosigkeit“. Enc. II. 36.—[12]) „Verlust des Begriffs“. Log. III. 63: срв. Phän. 9—[13]) „Abfall der Idee von sich selbst“. Enc. II. 28.—[14]) Enc. II. 28.—[15]) „Unangemessenheit mit sich“. Enc. II. 28.—[16]) Recht. 212.—[17]) Срв. Beweise. B. 476.—[18]) Briefe. II. 79.—[19]) „Der unaufgelöste Widerspruch.“ Enc. II. 28 36.—[20]) „Das Gegentheil des Begriffs“. Niet. 341.—[21]) Срв. Enc. II. 696. (Z). Briefe. II. 37.—[22]) „Als die willkürlichen Einfälle des Geistes in seinen Vorstellungen“. Log. III. 45.—[23]) Enc. II. 124—[24]) Enc. II. 93. (Z).—[25]) Enc. II. 602: срв. Enc. II. 40. (Z).—

димость бытія“ [1]); это есть „лишь трупъ жизненнаго процесса“ [2]), не болѣе, чѣмъ „реальная возможность“ [3]).

Напрасно было бы думать, что дѣло обстоитъ лучше въ эмпирической жизни души II здѣсь духъ разбредается въ безконечномъ множествѣ случайныхъ и произвольныхъ представленій [4]), въ хаосѣ душевныхъ явленій [5]), уходя въ непостижимый и „смутный“ [6]), „лабиринтъ“ психическаго [7]) Жизнь души—это „темная сфера“, гдѣ нѣтъ ничего „прочнаго, опредѣленнаго и вѣрнаго“, гдѣ всюду сверкаютъ обманчивые свѣты и отсвѣты, гдѣ всѣ нити теряются и обрываются [8]). И здѣсь, какъ во всемъ эмпирическомъ мірѣ, всѣ „дѣятельности, направленія, цѣли и дѣйствія“ духа разорваны [9]) и перепутаны; душа живетъ въ смутныхъ взаимодѣйствіяхъ съ природой и съ тѣломъ, предоставленная въ жертву „внѣшнимъ вліяніямъ“ и единичнымъ обстоятельствамъ“, обреченная снамъ, предчувствіямъ и игрѣ субъективныхъ представленій [10]). Здѣсь царитъ неразумное [11]) существованіе.

Однако эмпирическій міръ, объемлющій природу и человѣка, не только уклоняется отъ слѣдованія спекулятивнымъ законамъ и отъ осуществленія истиннаго строя; онъ осуществляетъ *свой* строй, подобный полному отсутствію строя, и *свой* порядокъ, изливающійся въ отсутствіе истиннаго порядка. Этотъ строй и порядокъ рѣзко отличается отъ спекулятивной закономѣрности. Спекулятивный рядъ единъ и единственъ; эмпирическій міръ сплетается изъ множества пересѣкающихся и обрывающихся рядовъ [12]). Спекулятивное развитіе осуществляется, движимое „абсолютной необходимостью“ [13]); эмпирическая эволюція [14]) знаетъ только внѣшнюю [15]), банальную [16]), механическую [17]) необходимость, которая есть не что иное, какъ разсудочное выраженіе слѣпой случайности [18]). Члены спекулятивнаго порядка связаны другъ съ другомъ діалектически и конкретно, т.-е. внутренней, органической связью сращенія [19]);—фрагменты эмпирическаго міра стоятъ во внѣшнемъ взаимодѣйствіи [20]) и подвержены закону причинности [21]).

---

[1]) „Nur den Schein des Seins“. Beweise. A. 461 —[2]) „Nur der Leichnam des Lebensprocesses“. Enc. II. 423; срв. Phän. 259. 260 и др.—[3]) Log. III. 335.—[4]) Log. III. 45.—[5]) Briefe. I. 264.—[6]) Briefe. I. 263.—[7]) Срв. Briefe. I. 264.—[8]) Срв Briefe. I. 263—264.—[9]) Beweise. 351.—[10]) Срв. Log. III. 271.—[11]) Ibidem.—[12]) „gestört“ „unterbrochen“ Beweise 397.—[13]) Срв. Log. II. 215 216. Enc. I. 293. 299—300. 405. Beweise. 438.—[14]) Срв. „Entstehungsweisen“. Enc. II. 300.—[15]) Log. III. 46.—[16]) „gemein“. Glaub. 127. W. Beh. 368.—[17]) Ros. 481. Log. III. 213. 241, срв. W. Beh. 332. 368—[18]) Срв. Diff. 265. Glaub. 146. W. Beh. 358. Enc. I. 24. Enc. II 28. 36. Beweise. 397. 398. 400 437—438—[19]) Срв. примѣнительно къ Натуръ-Философіи: Enc. II. 32. 32. 38—39. 423—424.—[20]) Enc. II. 36 Beweise 438.—[21]) Glaub. 142 Briefe. II. 117 и др.

Время, безсильное въ спекулятивномъ ряду, есть существенная форма конечнаго міра [1]); поэтому фрагменты его смертны и подлежатъ распаденію [2]). Жизнь Понятія свободна, ибо вѣдаетъ только свой внутренній законъ [3]); природа же въ своемъ существованіи не знаетъ свободы [4]), пребывая во внѣшнихъ взаимодѣйствіяхъ и „безсознательномъ отупѣніи“ [5]).

Спекулятивный порядокъ нарушается въ природѣ болѣе всего тѣмъ, что ея „особенныя ступени и опредѣленія“ остаются въ видѣ самостоятельныхъ существованій (Existenzen) позади и *не включаются органически въ высшія*, или, что то же, „болѣе глубокія“ *формаціи* [6]). Отсюда въ природѣ такое обиліе повтореній и „скука“ отъ безплоднаго и ненужнаго избытка [7]). Идея оказывается безсильной „проработать“ [8]) это обиліе случайныхъ событій и обстоятельствъ, и въ результатѣ всего этого „развитіе индивидуальности“ оказывается подверженнымъ „внѣшнимъ случайностямъ“ и уродливымъ уклоненіямъ (Monstrositäten), болѣзнямъ, „угрозамъ и опасностямъ“ [9]). *Единичности эмпирическаго міра не включены органически во всеобщность божественной субстанціи*: „физическая природа“ имѣетъ „свой собственный ходъ и свои собственные законы“ [10]), а естественный составъ человѣка заставляетъ его служить „партикулярнымъ цѣлямъ“ и уклоняетъ его отъ высшаго спекулятивнаго закона добра [11]). Затерянный въ этомъ мірѣ и оторванный отъ Божества, человѣкъ ведетъ жизнь, „неувѣренную, боязливую и несчастную“ [12]).

Изо всего этого съ очевидностью выясняется, что самоотпусканіе Идеи повергаетъ ее въ злосчастную бездну *„конкретнаго-эмпирическаго“*. *„Отпаденіе“* Идеи оказывается ея *„паденіемъ“*, и къ новому состоянію ея должно быть отнесено и примѣнено все, что Гегель формулировалъ и выговорилъ объ эмпирической конкретности. И, прежде всего, этотъ міръ чувственнаго бытія оказывается *спекулятивно-непріемлемымъ*: Понятіе стоитъ здѣсь въ безысходной необходимости *отвергнуть себя за отпаденіе отъ себя*. Міръ не можетъ быть „оправданъ“.

Таковъ тотъ второй исходъ, къ которому былъ приведенъ Гегель: относительный міръ, взятый въ своемъ подлинномъ

---

[1]) Enc. II. 54. Enc. III. 89. Recht. 66: см. также Феноменологію Духа и Философію Исторіи.—[2]) Beweise. 351.—[3]) См. главу восьмую.—[4]) Enc. II. 28. Recht. 87. Ph. G. 58.—[5]) „bewusstlose Stumpfheit“. Ph. G. 58.—[6]) Срв. Enc. III. 12—13.—[7]) Срв. Ph. G. 51.—[8]) „nicht vollkommen durchgearbeitet“. Log. III. 239.—[9]) Enc. II. 651.—[10]) Beweise. A. 465.—[11]) Срв. Beweise. A. 464—465.—[12]) Enc. II. 651. Aesth. I. 194. 199.

составѣ,—не живетъ жизнью спекулятивной разумности. Онъ—самобытенъ, имѣетъ *свой* строй и *свою* судьбу. Ритмъ божественнаго процесса *не* есть его ритмъ, и достиженіе „конкретнаго“ состоянія оказывается этому міру не по силамъ. Космогонія не можетъ быть включена въ линію Божія пути, а теогонія не можетъ обогатиться міровыми состояніями.

Понятно, что и въ этомъ случаѣ великій переходъ отъ абсолютнаго къ относительному остается не обоснованнымъ и не раскрытымъ.

Въ первомъ исходѣ (замыселъ „панэпистемизма“) Божество и міръ стояли въ гармонической примиренности: но міръ былъ освобожденъ отъ специфической отравы относительности и, слѣдовательно, „перехода“ отъ абсолютнаго къ относительному просто „не было“. Божество оставалось *высшей* абсолютностью; природа являлась *низшей* абсолютностью. *Око спекулятивной философіи не видѣло эмпирической относительности*, и потому доступъ къ основной проблемѣ „перехода“ былъ закрытъ для философа.

Во второмъ исходѣ (осуществленіе эмпирической растерянности) отрава относительности оказывается включенною въ міръ: *око спекулятивной философіи узрѣло сущность конкретнаго эмпирическаго* и тѣмъ открыло себѣ доступъ къ *проблемѣ* „перехода“. Философія пытается даже разсказать о томъ, какъ этотъ „переходъ“ совершается, но результаты „перехода“ ставятъ ее въ безпомощное положеніе. Абсолютное, отпустивъ себя въ міръ, подчиняется хаосу и увлекается его беззаконіемъ. Это не Богъ создалъ міръ и возсіялъ въ немъ; это *міръ возсталъ на Бога, поглотилъ его и увлекъ его въ бездну*. Если „переходъ“ состоялся, то онъ былъ крушеніемъ для „абсолютнаго“. Но „абсолютное“, какъ таковое не можетъ потерпѣть крушенія; ибо то, что подвержено умаленію или вырожденію,—то не есть „абсолютное“. И потому, если „переходъ“ состоялся, то это былъ переходъ *не* абсолютнаго, а чего-то иного. Но это означаетъ, что основная *проблема остается не рѣшенной*.

Это философское затрудненіе можетъ быть изложено еще такъ. Если допустить, что „абсолютное“ дѣйствительно совершило этотъ „переходъ“, то необходимо признать, что оно послѣ него *утратило* свою абсолютность. Ибо возникъ конечный міръ, самобытный и самозаконный, — „инобытіе“ для абсолютнаго. Но абсолютное не можетъ имѣть инобытія; въ этомъ его основная сущность. Поэтому Идея, растерявшаяся въ мірѣ чувственной эмпиріи, не есть уже болѣе Идея: *Понятіе погибаетъ въ созданномъ имъ самимъ хаосѣ*. И Гегелю предстоитъ взять на себя роль чародѣя, спаса-

ющаго своего ученика отъ вызванныхъ имъ къ бытію силъ непокорнаго мрака.

Спекулятивная мечта, зажегшая Шеллинга и взлелѣянная Гегелемъ, терпитъ, повидимому, великое крушеніе. Все философское ученіе Гегеля должно быть разсмотрѣно подъ знакомъ этого крушенія; ибо каждая ступень его, зримо или незримо, насыщена этою мечтой; каждое новое произведеніе *спасаетъ то, что осталось отъ этого крушенія и дѣлаетъ своеобразныя уступки.* Гегель *кончаетъ не тѣмъ, съ чего начинаетъ.* И *не* доводитъ этого до полнаго осознанія. Это и даетъ ему возможность причудливо сплетать *нѣсколько различныхъ рѣшеній проблемы* въ одно, выговаривая почти *сразу*, единымъ духомъ—*свою мечту, ея крушеніе и средній, компромиссный исходъ.* Слагается *единое, но многоголосое рѣшеніе*, подчасъ лишь съ большимъ трудомъ поддающееся дешифрированію. И это внутреннее разногласіе совмѣщается съ нѣкоторой глубокой и существенной эволюціей въ отношеніи къ конкретному-эмпирическому, коренящейся и протекающей нерѣдко въ полу-осознанныхъ струяхъ и оттѣнкахъ.

Мечта о томъ, что міръ цѣлостно прекрасенъ, наталкивается на упорство эмпирическаго множества и приводитъ философа къ гнѣвнымъ попыткамъ *отвергнуть бытіе чувственнаго міра.* Освободиться, очиститься, отдѣлаться отъ него такъ или иначе было однимъ изъ его основныхъ стремленій. Здѣсь лежитъ негативный пафосъ его философіи [1]) и этому негативному пафосу Гегель остался вѣренъ съ начала и до конца. Съ исключительной неутомимостью, свидѣтельствующей объ интенсивности и глубинѣ скрытаго здѣсь аффекта, Гегель пользуется каждымъ поводомъ для того, чтобы *скомпрометировать бытіе конкретнаго-эмпирическаго* и совлечь съ него всѣ опредѣленія и всѣ украшенія, приданныя ему наивно-реалистическимъ міровоспріятіемъ и біологически-прагматическимъ отношеніемъ [2]). Цѣлью всѣхъ этихъ нападеній является обнаруженіе того, что конкретное-эмпирическое, какъ таковое, не имѣетъ бытія, что оно, въ сущности говоря, есть—ничто [3]). То, что *имѣетъ видимость противоразумнаго*, то *и есть пустая видимость.* Задача человѣческаго духа состоитъ въ томъ, чтобы не поддаться этой чувственной видимости, проникающей въ душу, заражающей ее своею природою и растворяющей ее въ животно-образной непосредственности, но отвернуться отъ нея и освободиться отъ ея

---

[1]) См. главу первую.—[2]) Срв., напр., о „Begierde“ Aesth I. 48. 49. 51.—[3]) См. главу первую.

власти. Конкретное-эмпирическое — это то, чего *нѣтъ* и что *только кажется*.

Бытіе Божіе и бытіе чувственнаго хаоса *несовмѣстимы*. Но бытіе Бога *очевидно* силою высшей и послѣдней очевидности и философъ *предпочитаетъ не вѣрить своимъ земнымъ очамъ*. Онъ не разъ поясняетъ и открыто настаиваетъ на томъ, что истинный пантеизмъ есть *акосмизмъ* [1]). И это „міро-отрицаніе“ слѣдуетъ понимать не только въ томъ смыслѣ, что спекулятивный составъ „міра“, есть не „міръ“, а подлинная ткань Божественной жизни, но еще и въ томъ значеніи, что *бытіе Божіе равносильно небытію конкретнаго-эмпирическаго*.

Понятно, что такая гнѣвная попытка отвергнуть міръ, при всемъ ея *спекулятивно-педагогическомъ* значеніи и при всей ея *гносеологической* глубинѣ и продуктивности, не рѣшаетъ основную проблему „перехода отъ абсолютнаго къ относительному“, но снимаетъ ее и оставляетъ безъ разрѣшенія. Если конкретный эмпирическій міръ есть „*ничто*“, то самая проблема отношенія Бога къ нему есть *мнимая* проблема. И вотъ, если „замыселъ панэпистемизма“ не замѣчалъ эмпирическаго міра, то исходъ „эмпирической растерянности“ стремится разоблачить его и отвергнуть.

Однако здѣсь возникаетъ великое недоумѣніе: какъ же могло случиться, что *спекулятивно-необходимое и абсолютно-реальное творчество Идеи излилось въ пустую иллюзію*? Если эмпирическій міръ въ его самобытности и самозаконности есть дѣйствительно продуктъ Идеи, то невозможно допустить его иллюзорность. Если же онъ не есть продуктъ Идеи, то спекулятивной философіи лучше будетъ умолкнуть, ибо тогда подорвано въ корнѣ ея основное откровеніе о *единствѣ* и *благодатности* сущаго.

Всѣ эти затрудненія достигаютъ своего апогея именно тогда, когда Гегель видитъ *содержательную прикованность* философскихъ наукъ къ эмпирическому бытію. Въ раннюю эпоху своихъ исканій онъ полагалъ по крайней мѣрѣ, что можно поставить спекулятивную „дедукцію“ *надъ* опытнымъ изслѣдованіемъ, въ качествѣ высшаго судьи: „то, относительно чего философія докажетъ (erweist), что оно не реально, не можетъ во истину встрѣтиться (wahrhaft vorkommen) въ опытѣ“ [2]). Пусть послѣ этого *доказательства* останется еще несогласное „мнѣніе“, но объ „истинности мнѣній“ и объ „объективности представленій“ „можетъ рѣшать (ausmachen) только философія“ [3])...

Однако съ годами и съ переходомъ къ осуществленію „кон-

---

[1]) См. главу восьмую.—[2]) W. Beh. 403 —[3]) W. Beh. 403.

кретныхъ наукъ", посвященныхъ міру, Гегель убѣдился, что философскія дисциплины получаютъ свой „матеріалъ" отъ эмпирическаго изслѣдованія [1]). Тогда онъ заговорилъ не объ отверженіи эмпирическихъ мнѣній, но о мудрой организаціи симбіоза между философіей и эмпирическимъ знаніемъ. „Философія не только должна согласоваться съ испытаніемъ природы (Natur-Erfahrung), но развитіе и образованіе философской науки имѣетъ своей предпосылкой и своимъ условіемъ—эмпирическую физику" [2]). „Натуръ-Философія беретъ тотъ матеріалъ (Stoff), который физика подготовляетъ для нея изъ опыта... и преобразуетъ его", не полагая впрочемъ „въ основаніе опытъ, въ качествѣ послѣдняго подтвержденія" [3]), но имѣя въ виду законы спекулятивнаго понятія. Гегель открыто признаетъ, что только „дурной предразсудокъ" можетъ привести къ воззрѣнію, будто философія стоитъ во враждѣ „съ осмысленнымъ (sinnig) опытнымъ познаніемъ"; напротивъ, философія „признаетъ" его „и даже оправдываетъ" [4]). Необходимо, чтобы между философіей и эмпирическими науками установились „согласіе и дружба" [5]), ибо философія *нуждается* въ точномъ и объективномъ знаніи о бытіи, свойствахъ и связяхъ эмпирическаго міра. Гегель иногда даже не настаиваетъ на томъ окольномъ пути, который ведетъ отъ чувственно-эмпирическаго,—черезъ формальную абстракцію,—къ спекулятивному знанію [6]). Увлеченный художественнымъ методомъ Гете, онъ говоритъ о *мыслящемъ „наблюденіи"*, какъ правомѣрномъ пути въ познаніи природы [7]) и искусства. Это уже *не созерцающее мышленіе*, направленное на „живой смыслъ", но *„мыслящее созерцаніе"*, имѣющее дѣло съ *чувственно-воплощеннымъ Понятіемъ* и восходящее непосредственно отъ эмпирической „конкретной данности" къ спекулятивной „конкретной всеобщности, къ роду" [8]) въ его метафизическомъ значеніи.

Понятно, что при такомъ отношеніи къ конкретному-эмпирическому отрицать его бытіе и его значеніе оказывается невозможнымъ. Если эмпирическій міръ имѣетъ бытіе и притомъ столь самобытное и самозаконное, что философія вынуждена допустить для его раскрытія особый способъ, или даже нѣсколько способовъ [10]), то *исключеніе его изъ пути Божія противопоставитъ*

---

[1]) Срв., напр., Ph G. 13. 14 и др.—[2]) Enc. II. 11.—[3]) Enc. II. 18. (Z) —
[4]) Enc. I. S XIII, изъ предисловія ко второму изданію Энциклопедіи подписаннаго въ 1827 г.—[5]) „Neutiquam repugnare illi consensui et amicitiae, quam inter philosophiam et eas scientias, quae uno vocabulo empiricae nuncupari solent, revera obtinere reputamus". 3 lat 308, отъ 1829 года — [6]) См. главу вторую —[7]) „begreifende Betrachtung". Enc II 11.—[8]) „denkende Betrachtung" Aesth. I. 16.—[9]) Срв. Enc. I. 398.—[10]) См. Enc. I. § 227.

„абсолютному“ — самобытное „относительное“ и пантеизмъ разложится въ этомъ онтологическомъ дуализмѣ. Если же философія попытается избѣжать этого крушенія тѣмъ, что включитъ конкретное-эмпирическое въ подлинную ткань Божія пути, то концепція пантеизма будетъ спасена, но *сущность абсолютной субстанціи воспримет въ себя великую ирраціональную сферу, именуемую чувственнымъ міромъ.*

Отверженіе эмпирическаго міра оказывается неосуществимымъ, во первыхъ, потому, что его *непосредственная наличность, интенсивность существованія, самобытность* и *содержательное богатство заставляютъ* признать его; во вторыхъ потому, что метафизическое заданіе Гегеля состоитъ именно въ не-отрицаніи, въ *пріятіи* его.

И вотъ глубочайшая сила вещей—голосъ предметнаго обстоянія и невозможность оправдать основное метафизическое откровеніе, — заставляютъ философію искать новаго разрѣшенія проблемы.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

О дѣйствительности.

Философія Гегеля находитъ свою судьбу въ необходимости принять то, что непріемлемо для ея основного вйдѣнія и исповѣданія. Отринуть эмпирическій міръ не значитъ превратить его въ ничто: онъ остается непосредственно *наличнымъ* для самаго зоркаго и предметнаго философскаго сознанія; онъ сохраняетъ интенсивное до неотвязчивости *существованіе*, зовущее за собою и *вовлекающее въ свою жизнь* не только чувственно-растерявшееся, но *и спекулятивно-освобожденное* человѣческое сознаніе; онъ обнаруживаетъ повсемѣстно *своеобразный ходъ и самобытный законъ*, требующій признанія и научнаго осмысленія; наконецъ, онъ скрываетъ въ себѣ *содержательно-предметное богатство*, облеченное въ него и сросшееся съ нимъ такъ, что мыслитель, *отрицающій его видимый способъ бытія*, *закрываетъ себѣ доступъ* и къ самому кладу духовнаго содержанія. Отринуть эмпирическій міръ значитъ предать жизнь Идеи или *оскудѣнію* или *самообману*, ибо отринутое будетъ все-таки принято и использовано незамѣтнымъ образомъ. Отринуть эмпирическій міръ значитъ признать, что онъ *не благъ*, что онъ чуждъ Божіей силѣ и обреченъ своимъ злосчастнымъ путямъ; это значитъ подорвать въ корнѣ откровеніе *пантеизма*.

Эта необходимость принять и органически включить въ философію міръ конечный и относительный, не можетъ явиться неожиданной для психологически-вдумчиваго историка философіи. То, отъ чего душа или философія отворачивается со столь интенсивнымъ или упорнымъ аффектомъ, можетъ быть ἀρτίως признаннымъ за реальную и существенную сторону предмета; самая радикальность отрицанія даетъ основаніе предвидѣть, что убитое и ликвидированное возстанетъ въ видѣ философскаго „ревенанта“, и что судьба отрицающаго ученія слагается въ существенномъ отношеніи къ тому, что отрицается. Сущность природы, нрав-

ственности и исторіи, искусства и религіи раскрываетъ съ совершенной наглядностью невозможность исключить изъ пути Божія конкретное-эмпирическое.

Принять конкретное-эмпирическое значитъ включить его въ составъ Божія пути; значитъ снять основную дилемму, въ силу которой міръ *или* „спекулятивенъ", *или* „эмпиричень". Задача, представшая Гегелю, сводилась къ тому, чтобы *преодолѣть это взаимоисключеніе* Необходимо было показать, что міръ *не только* эмпирически-конкретенъ, *но и* разуменъ, *не только* хаотиченъ, *но и* спекулятивно конкретенъ. Силою вещей разрѣшеніе этой задачи получило центральное значеніе для всей его метафизической концепціи.

Міръ совмѣщаетъ въ себѣ силу спекулятивной мысли и чувственно-эмпирическую стихію —вотъ тезисъ, который надлежитъ раскрыть Гегелю. Это совмѣщеніе могло бы быть построено двояко: или монистически, если бы Гегель показалъ, что конкретно-эмпирическое беззаконіе при ближайшемъ разсмотрѣніи цѣликомъ сводится къ особому сплетенію спекулятивныхъ законовъ; или дуалистически, если бы было обнаружено, что міръ въ самомъ дѣлѣ имѣетъ двойной составъ, укрывая въ себѣ два, стоящихъ въ сосуществованіи или въ симбіозѣ, начала. Первый исходъ означалъ бы такое пріятіе конкретнаго-эмпирическаго, которое было бы истиннымъ и полнымъ преодолѣніемъ его и осуществило бы мечту панэпистемизма, развѣнчавъ самобытность ирраціональнаго; о такомъ полномъ и побѣдномъ пріятіи міра Гегель, повидимому, и не думалъ. Стихія „инобытія" осталась для него чужеродной и ученіе о *дѣйствительности* получило опредѣленно *дуалистическій* характеръ. Его указанія на то, что „все таки" Понятіе имѣетъ дѣло *только* съ собою, остается *философски не оправданнымъ*, религіознымъ постулатомъ и напрасно пытается скрыть за *спинозіанскою видимостью платоническій дуализмъ*.

Итакъ, принять эмпирическій элементъ, значитъ показать, что дѣйствительно въ его ткани осуществился, овладѣвъ ею и подчинивъ ее себѣ, ритмъ спекулятивнаго Понятія, и что, обратно, спекулятивное Понятіе совершаетъ свое раскрытіе именно въ средствахъ чувственнаго существованія. Это означаетъ, что въ мірѣ должна быть обнаружена *троякая конкретизація*: во-первыхъ, подлинная органичность Понятія, во-вторыхъ, способность эмпирическихъ фрагментовъ къ органическому симбіозу другъ съ другомъ, и, въ-третьихъ, возможность настоящаго „сращенія" между двумя противоположными стихіями. Всякое

иное сочетаніе свидѣтельствовало бы о томъ, что пріятіе чувственнаго элемента не удалось и не состоялось, что враждебныя стихіи *стоятъ рядомъ* въ недопустимой *дискретности* и что, слѣдовательно, *эмпирическая стихія оформила по своему встрѣчу съ Понятіемъ* и тѣмъ одержала надъ нимъ верхъ. А между тѣмъ побѣда высшаго элемента состоитъ именно въ томъ, чтобы не позволить низшему элементу навязать себѣ низшій способъ жизни и отношенія: встрѣча должна произойти на высшемъ уровнѣ, иначе осуществится побѣда низины.

Пріятіе эмпирическаго предполагаетъ, слѣдовательно, осуществимость закона спекулятивной конкретности въ отношеніи между обѣими противоположными стихіями. Должно обнаружиться, что онѣ дѣйствительно способны ко *взаимному проникновенію*, несмотря на свое разнозаконіе и на свою самобытность. Конкретное-эмпирическое должно обнаружить способность къ *осуществленію въ себѣ спекулятивной закономѣрности* и, тѣмъ самымъ, къ *органическому сращенію съ Понятіемъ*. Стихіи могутъ „срастись“ только тогда, если *низшее приметъ законъ высшаго, какъ свой собственный законъ*. Сращеніе стихій будетъ состоять именно въ томъ, что живой, творческій ритмъ высшей возсіяетъ въ терминахъ низшей и такимъ образомъ всѣ три конкретизаціи окажутся однимъ единымъ событіемъ: *земное загорится небеснымъ огнемъ*.

Для пониманія этой примиряющей, срединной концепціи, важно имѣть въ виду то отношеніе, которое слагается между наукою и міромъ. Именно: міръ *въ извѣстномъ смыслѣ совпадаетъ* со спекулятивной наукой, *но въ извѣстномъ смыслѣ не совпадаетъ*, ибо наука имѣетъ *простой* и *единый* составъ, а міръ имѣетъ составъ *сложный,—двойной*.

Все это соотношеніе слѣдуетъ представлять себѣ такъ. Каждая „конкретная“ наука (т. е. наука о мірѣ) есть рядъ категорій или состояній спекулятивнаго Понятія; эти состоянія свои Идея создаетъ „сначала“ въ безсознательно-эмпирическомъ видѣ, въ формѣ „міровыхъ вещей“, а „потомъ“ опознаетъ ихъ сознательнымъ духомъ человѣка и убѣждается, что категоріи міра образуютъ спекулятивно-связную и прогрессивно восходящую цѣпь [1]). Тѣ самыя спекулятивно-мыслящія себя (въ человѣческой душѣ) категоріи, которыя сплетаются въ научный рядъ,—обнаруживаются въ видѣ живыхъ, реальныхъ силъ *и въ мірѣ эмпирическаго бытія. Категоріи науки* и *категоріи міра* суть едино;

---

[1]) См. главы четвертую и десятую.

это тѣ же самыя творческія сущности, поднявшіяся отъ безсознательнаго самоосуществленія къ сознательному самораскрытію. Однако, въ чувственномъ мірѣ эти „категоріи-силы“ стоятъ не въ той, или, вѣрнѣе, *не только* въ той, прогрессивно восходящей цѣпи, въ которой ихъ раскрываетъ философія: съ одной стороны, ихъ спекулятивная связь *сохраняется* въ мірѣ, ибо она опредѣляется ихъ основнымъ, не измѣнившимся содержаніемъ; однако, съ другой стороны, онѣ *погружены въ безпорядокъ* чувственнаго міра и въ борьбу за самоосуществленіе. Онѣ подобны въ этомъ Валкиріямъ, которыя сохраняютъ свою индивидуальность и свое старшинство, разлетаясь по землѣ въ поискахъ за героями для Валгаллы.

Далѣе, въ низшей эмпирической реальности „категоріи-силы“ живутъ и дѣйствуютъ не въ своемъ классически-спекулятивномъ видѣ, но въ формѣ, *осложненной чувственными опредѣленіями*. Такъ, если первая категорія Натуръ-Философіи есть „пустое пространство“, то это не значитъ, что въ эмпирическомъ мірѣ *дѣйствительно* существуетъ пустое пространство. Въ мірѣ существуетъ не „пространство вообще“, но единичные, наполненные куски пространства, проникнутые, однако, какъ таковые, пространственной *всеобщностью*. Точно также „всеобщая стихія воздуха“, „всеобщая стихія огня“, „электричества“, „органичности“, „растительности“, „животности“ и „души“,— не находимы въ чувственномъ мірѣ въ своей категоріальной чистотѣ, но всегда лишь въ видѣ *единично* опредѣленныхъ, „здѣсь-теперь“ находящихся видоизмѣненій. Стихія Понятія образуетъ ту *спекулятивную* всеобщность, которая погружена въ *эмпирическія единичности*, осложнена ими и иногда ими деградирована.

И вотъ, поскольку *міръ* причастенъ „категоріямъ-силамъ“, постольку можно говорить о „*тождествѣ*“ между нимъ и *наукой*. Однако и это тождество имѣетъ свои предѣлы: *только побѣды категорій* регистрируются въ научномъ ряду, тогда какъ ихъ пораженія остаются извергнутыми. Валкирія, вернувшаяся безъ героя, какъ бы не принимается въ Валгаллу. И вслѣдствіе этого *объемъ спекулятивной науки* и *объемъ міра* не совпадаютъ [1]), подобно тому, какъ не совпадаетъ ихъ *качественный составъ*: объемъ міра включаетъ въ себя множество спекулятивно не „осмысленныхъ“ вещей и состояній.

Ясно, что то, что обычно называется „міромъ“, т. е. вся совокупность пространственно-временныхъ вещей и событій,

1) См. главу девятую

имѣетъ въ себѣ *двойной составъ*: „*внутренно-спекулятивный*“ и „*внѣшне-эмпирическій*“. Поскольку спекулятивный составъ міра преодолѣваетъ эмпирическую среду, постольку міръ включается въ путь божественнаго восхожденія; но поскольку одерживаетъ верхъ неразумная стихія, постольку путь Божій не объемлетъ міра. Необходимо, чтобы въ мірѣ состоялся праздникъ спекулятивнаго примиренія и сращенія между двумя стихіями, и только тогда *единичность эмпирическаго бытія* становится *единичностью спекулятивнаго бытія* и „построяется“ во „всеобщемъ“ видѣ спекулятивною наукою.

Это можно выразить такъ, что „міръ“ дѣлится дважды на двѣ части: одинъ разъ по составу, другой разъ по объему.

Во первыхъ, по содержанію, всѣ вещи и фрагменты міра *состоятъ* изъ двухъ стихій: спекулятивно-внутренней и эмпирически-внѣшней. Все въ этомъ мірѣ есть борьба между ноуменальною силою „логической“ субстанціи и феноменальною силою „чувственнаго“ элемента. Борьба эта имѣетъ передъ собою еще *неопредѣленно-огромную перспективу будущаго восхожденія. Освободится ли міръ когда нибудь отъ чувственнаго элемента совсѣмъ*, — на это у Гегеля нѣтъ указаній; онъ полагаетъ, что это осуществимо только *для человѣка*, и притомъ только *внутренно*, и притомъ только въ *спекулятивномъ мышленіи*; возможно ли, что „міръ“ однажды цѣликомъ претворится въ „тотальность“ индивидуальныхъ спекулятивно-мыслящихъ „духовъ“, остается неизвѣстнымъ. Невыясненнымъ до конца остается и обратный вопросъ: *существуютъ ли въ мірѣ такіе фрагменты и состоянія, которыя состоятъ только изъ одной эмпирической стихіи*. Принципіально Гегель не можетъ этого допустить и, когда философская интуиція оставляетъ его безпомощнымъ передъ лицомъ какого нибудь мірового фрагмента, онъ съ силою религіозной очевидности взываетъ къ основному откровенію: вещь, въ которой неприсутствовала бы сила Божья,—объективно невозможна, и, *если она есть,—то ея нѣтъ*. Онъ готовъ къ величайшему напряженію спекулятивнаго „объясненія“, къ самой неожиданной *минимализаціи* своего заданія, наконецъ къ отрицанію наличнаго обстоянія, но не къ допущенію „чистаго хаоса“. Естественно, что при такой концепціи, подъ изгоняемымъ „конкретнымъ-эмпирическимъ“ [1]) слѣдуетъ разумѣть именно эти упорствующіе остатки, дразнящіе философа личиною чистаго хаоса: философъ отвѣчаетъ имъ тѣмъ, что сводитъ ихъ къ познавательной иллюзіи.

---

[1]) См. главы первую и десятую.

Во вторыхъ, весь *объемъ* міра дѣлится на такіе фрагменты, въ которыхъ „спекулятивная стихія“ побѣдила и на такіе, въ которыхъ она потерпѣла пораженіе. Первые являютъ собою чистый и побѣдоносный типъ „Идеи въ инобытіи“, они легко поддаются спекулятивной „конструкціи“ въ наукѣ и слагаютъ рядъ спекулятивныхъ единичностей, входящихъ въ объемъ научныхъ категорій и разумѣемыхъ за ними, въ перспективѣ міра. Такъ, напримѣръ, каждое истинное произведеніе искусства есть „единичность“, модифицирующая ту или иную категорію Эстетики; каждое осуществленіе нравственности есть „единичность“ по отношенію къ соотвѣтствующей категоріи Философіи права и т. д. *Полному* включенію ихъ въ науку можетъ помѣшать только ихъ эмпирическая форма существованія.

Наряду съ такими фрагментами „*спекулятивной побѣды*“, слѣдовало бы поставить фрагменты, осуществляющіе *полное пораженіе Понятія*. Гегель избѣгаетъ говорить о нихъ, повидимому не усматривая ихъ или не вѣря въ ихъ возможность. За то ему приходится считаться съ множествомъ „среднихъ“ состояній въ мірѣ, въ которыхъ стихіи стоятъ въ *длящемся противоборствѣ*, осуществляя, каждая, *частичную побѣду* и *частичное пораженіе*. Въ сущности, подавляющее большинство явленій должно быть отнесено именно къ этой, средней группѣ, и судьба ихъ будетъ соотвѣтствовать ихъ природѣ: они могутъ быть „приняты“ лишь „отчасти“. *Поскольку* въ нихъ „Понятіе“ преодолѣло стихію инобытія, *постольку* наука считается съ ними, разумѣетъ ихъ въ своихъ построеніяхъ и построяетъ въ своихъ категоріяхъ. *Философія имѣетъ въ виду не все, что случится или обнаружится въ мірѣ, но только то, что осуществило сращеніе стихій*. Только это и называется *дѣйствительностью*.

Міръ во времени представляетъ изъ себя, такимъ образомъ, безконечное множество „явленій“, которыя несводимы къ пустой конкретной эмпиріи. „Явленіе“, какъ таковое, стоитъ выше того, что просто „чувственно“ [1]); ибо оно есть явленіе *чего то*, т. е. являющейся сущности [2]). Явленіе есть *спекулятивная сущность въ обличіи эмпирическаго*. Божественое начало имѣетъ въ мірѣ „удвоенную природу“ [3]) и эта *удвоенная природа явленія* дѣлаетъ его неизбѣжно причастнымъ двумъ порядкамъ: спекулятивно-

---

[1]) Срв. Phän. 112, 115 Enc. I 263. Гегель далеко не былъ послѣдователенъ въ этой „высокой“ оцѣнкѣ явленія; срв., напр., Log. III. 237—238. 241. 270. Enc. II. 17 (Z.). Hinr. 302 и др. —[2]) Напр., Идеи; срв. Diss. 21.— [3]) „gedoppelte Natur“. W. Beh. 386.

ноуменальному [1]) и эмпирическому, случайно-безпорядочному [2]). Идея какъ бы „просвѣчиваетъ“ (scheint) [3]) въ сферу инобытія и этимъ образуетъ въ ней „положительную“ сторону (das Affirmative) [4]). Такое „излученіе“ Идеи создаетъ въ мірѣ огромный эмпирическій матеріалъ, которымъ философія не можетъ заниматься [5]), ибо она изслѣдуетъ лишь спекулятивное. Она изучаетъ не вещи, но скрытый въ нихъ „Логосъ“, „предметъ“ (Sache), т. е. „истину того, что носитъ названіе вещей“ [6]). Она съ отчетливостью видитъ „за пеленою“ земныхъ вещей — „нездѣшній міръ“ безконечнаго Понятія и стремится адэкватно выразить это „*бытіе* ихъ бываніяˮ [7]).

Подобно тому, какъ человѣческіе существа (а можетъ быть и вещи) имѣли по ученію Канта двойной характеръ,—эмпирическій и умопостигаемый,—такъ каждое явленіе по Гегелю стоитъ „на порогѣ двойного бытія“. И вотъ тѣ явленія, которыя осуществляютъ въ себѣ спекулятивное сращеніе обѣихъ стихій, Гегель называетъ обычно „образованіями“ или „образами“ (Gestaltungen, Gestalten [8]). Эти „образы“,—спекулятивныя единичности міра.—существуютъ по внѣшней формѣ своего бытія во времени и подвержены временному развитію [9]). Однако, творя спекулятивный законъ, осуществляя свой скрытый ноуменъ, они участвуютъ въ спекулятивномъ ряду и причастны спекулятивной „метаморфозѣ“ [10]), пробивающейся сквозь толщу „существованія“ [11]). Естественно, что эта метаморфоза, совершаясь во внутренней, ноуменальной глубинѣ явленій, вовлекаетъ въ нее и подчиненный Понятію эмпирическій составъ и постольку движетъ его такъ, какъ это соотвѣтствуетъ пути Божію. Постольку Идея возводитъ при-

---

[1]) Срв противопоставленіе „transitorisches Phänomen“ и „Noumen“ Enc. II. 17 (Z).—[2]) Срв. напр., Enc. II. 36—37 Enc. III 119 (Z) и др.—[3]) Срв. напр., Recht 18 Enc II. 32 (Z).—[4]) Enc II 32 (Z); срв. „positives Bestehen“. Log. III. 78; срв. W. Beh. 387.—[5]) См. Recht. 18. Krug. 58. Phän. 78 и др.—[6]) Log. I. 21.—[7]) Bha. 421. Курсивъ Гегеля.—[8]) Срв. напр. W. Reh. 386. 396. Phän. 513. Log I. 64—65. Log. III 245. 271. Enc. III. 12—13. Recht. 18. 66. 346. 355 Ph. G. 75. Aesth. I. 106 и др. Термины „Stufe“ (напр., Enc. II, 32) и „Bildung“ (напр. W. Beh. 394) имѣютъ болѣе нейтральное, дескриптивное значеніе и, закрѣпляя извѣстную подвинутость „явленія“ въ ряду духовнаго восхожденія, не выражаютъ наличность сколько-нибудь адэкватнаго идеѣ спекулятивнаго сращенія. При томъ за всѣми этими терминами слѣдуетъ разумѣть не только единичные экземпляры или фрагменты міра, но и общіе, типическіе способы бытія, могущіе въ свою очередь осуществиться или состояться во множествѣ индивидуальныхъ, эмпирически-существующихъ экземпляровъ.—[9]) Recht. 66.—[10]) Enc. II. 32.—[11]) „*existirende* Metamorphose“. Enc. II. 32. Курсивъ Гегеля.

роду по спекулятивнымъ ступенямъ [1]) къ ея самопреодолѣнію, „идеализаціи“ и переходу въ духъ [2]), „создавая“ ее [3]) и поддерживая ее изнутри [4]); этимъ она и обнаруживаетъ, что она есть „вѣчная сущность (das Ewige) того, что является въ чувственномъ мірѣ въ видѣ ряда измѣненій“ [5]).

Теперь должно быть уже ясно, что́ Гегель называетъ *дѣйствительностью*. По основному логическому опредѣленію, дѣйствительно то, что состоитъ изъ *сущности* (Wesen) и существованія (Existenz) [6]). Согласно этому то, что состоптъ изъ *чистой сущности*,—философская наука вообще и Логика въ особенности,—сохраняетъ за собою высшее званіе „*реальности*“ или „*бытія*“. „*Дѣйствительнымъ*“ же будетъ называться сплавъ („конволютъ“) изъ сущности и существованія. Однако не всякое соединеніе сущности и существованія заслуживаетъ „возвышеннаго“ (emphatisch) [7]) наименованія „дѣйствительности“. „Дѣйствительно“ въ мірѣ лишь то, что *властно одержимо Понятіемъ*, т. е., во первыхъ, цѣликомъ — тѣ явленія, которыя *вполнѣ* подчинились его спекулятивному строю и закону, и во вторыхъ, отчасти,—всѣ остальныя явленія, *лишь въ томъ ихъ объемѣ*, который вовлеченъ въ жизнь спекулятивной стихіи. Все же то, что остается въ мірѣ за вычетомъ „дѣйствительности“, есть уже не реальность и не дѣйствительность, а *существованіе*. Это не значитъ, что „существованіе“ совсѣмъ оторвано отъ Понятія и *лишено* сущности. тогда оно слилось бы съ небытіемъ и превратилось бы въ „иллюзію“. „Существующее“ есть какъ бы непосредственное продолженіе „дѣйствительнаго“, примыкающее къ нему въ эмпирическомъ сопоставленіи и имѣющее раздѣлить его судьбу во временной жизни; оно не совсѣмъ лишено скрытой разумности, но не сумѣло еще побороть въ себѣ эмпирическую самобытность. Оно стоитъ какъ бы въ „единобытіи“, но *не* въ конкретномъ „тождествѣ“ съ Понятіемъ.

Онтологія Гегеля признаетъ такимъ образомъ *четыре* различныя ступени [8]): *реальности*, или чистаго спекулятивнаго Понятія (наука); *дѣйствительности*, или сущности, принявшей и побѣдившей стихію инобытія (все разумное въ мірѣ); *существованія*, или стихіи инобытія, затаившей въ себѣ и осилѣвшей силу Понятія (все неразумное въ мірѣ); и, наконецъ, *чистаго хаоса*, вовсе не скрывающаго въ себѣ силу духа (иллюзія). Если отбро-

---

[1]) Enc. II 32.—[2]) Срв. Enc. III 22. (Z)—[3]) Log. III. 26.—[4]) Enc. II. 26 (Z): срв. Beweise. 344.—[5]) Glaub. 152—153.—[6]) Log. II 184. 201. Enc. I. 281—282. 320.—[7]) Enc. I 10.—[8]) См. особенно Enc. I. 10. Recht. 22 347 (Z). и др

сить послѣднюю ступень, основанную на „недоразумѣніи“ („небытіе лишенное бытія“, въ отличіе отъ „сущаго μὴ ὄν“), то останутся *три* онтологическія ступени. Двѣ послѣднія образуютъ „міръ“, первая образуетъ „науку“.

„Реальность“, „дѣйствительность“ и „существованіе“, — всѣ три ступени,— *причастны пути Божію*, но всѣ различно Категоріи Логики, Натуръ-Философіи и Философіи Духа, образующія ступень „реальности“, слагаютъ собою *чистую теогонію*, какъ сверхвременную, завершонную систему спекулятивнаго восхожденія. „Образованія“, возникшія въ мірѣ, и спекулятивный элементъ „явленій“, составляющія вмѣстѣ ступень „дѣйствительности“, слагаютъ собою *космическую теогонію*, какъ временный, незавершонный рядъ спекулятивно-эмпирическаго восхожденія. Наконецъ, непросвѣтленные остатки инобытія, образующіе ступень „существованія“, слагаютъ собою *теогоническую космогонію*, какъ временную сферу доселѣ несчастнаго, но въ потенціи грядущаго восхожденія; каждая неудачная единичность имѣетъ заданіе: преодолѣть свою эмпирическую, конечную природу, отринуть себя, предаться зовущей его изнутри спекулятивной сплѣ и, превратившись въ спекулятивную единичность, подняться въ рядъ дѣйствительнаго бытія [1]).

Ученіе Гегеля о „разумности дѣйствительнаго“ и „дѣйствительности разумнаго“ предстанетъ въ своемъ истинномъ значеніи, если раскрыть послѣдовательно всю сложность его онтологическихъ основаній.

Во всемъ, что „*есть*“ и что „живетъ“ въ мірѣ,—*Понятіе* является *активною, творческою силою*. Понятіе есть то, что „*дѣйствуетъ*“ (das Wirkende) [2]); согласно этому, то, *въ чемъ* оно *свершило свое дѣйствіе*, оказывается *дѣйствительнымъ* (wirklich). „*Дѣйствительное*“ *есть творческій итогъ дѣйствія, совершеннаго Понятіемъ*. Гегель выражаетъ это такъ: „все дѣйствительное *есть* лишь постольку, поскольку оно имѣетъ въ себѣ Идею и ее выражаетъ“ [3]). Но, если все то, что „дѣйствительно“—создано Понятіемъ, какъ имманентной, внутренней сущностью, а Понятіе

---

[1]) Срв. замѣчательное поясненіе Гегеля. Enc. I. 320, весь второй абзацъ.—[2]) Enc. I. 320. Курсивъ Гегеля.—[3]) Log. III. 238 Срв. Enc. 319 385. Hinr. 302 Briefe. II. 117. Въ этихъ формулахъ терминъ „дѣйствительности“ иногда получаетъ значеніе того, что *обыкновенно* называютъ „дѣйствительностью“; иногда, какъ напр., Recht 17,—онъ получаетъ, напротивъ, чрезмѣрно узкое толкованіе. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что не всегда корректная терминологія Гегеля повинна во многихъ позднѣйшихъ недоразумѣніяхъ.

есть *самъ Разумъ*, сама *субстанціальная стихія разумности*,— то „все дѣйствительное“ по необходимости „разумно“ [1]).

Сказать, что все дѣйствительное разумно, не значитъ признать разумнымъ *весь міръ;* ибо въ мірѣ наряду съ дѣйствительностью есть еще недопросвѣтленное и „непроработанное“ Понятіемъ *существованіе* [2]). Но это значитъ признать, что „во временной и преходящей видимости“ творитъ свой законъ „субстанція, которая имманентна и вѣчное, которое присутствуетъ“ [3]) и предстоитъ. Разумъ разлитъ во *всемъ* мірѣ; но это *не* означаетъ, что *весь* міръ „разуменъ“. ибо разумно *только то*, что *осуществляетъ въ себѣ законъ разума*, т. е. то, что „дѣйствительно“. Понятіе *присутствуетъ* во всемъ; но это не означаетъ, что оно во всемъ *господствуетъ*, что все имъ „*поято*“: ибо „поято“ и включено въ путь теогоніи только то, что подчинило себя закону Понятія, т. е. то, что дѣйствительно. Тезисъ, устанавливающій разумность всего дѣйствительнаго, былъ выдвинутъ Гегелемъ тогда, когда отрава эмпирическаго хаоса была уже имъ извѣдана до конца; но именно поэтому въ этомъ тезисѣ нѣтъ и не можетъ быть спекулятивнаго оптимизма, характеризующаго наивный исходный замыселъ. Необходимо усвоить и помнить, что то, что „бываетъ (das Daseyn) есть отчасти *явленіе* (Erscheinung) и лишь отчасти дѣйствительность (Wirklichkeit)“ [4]); что только Богъ „во истину дѣйствителенъ“ [5]) и что философія не можетъ признать дѣйствительнымъ „все, что придетъ въ голову“, каждое „заблужденіе, зло“ или „каждое неудачливое и преходящее существованіе“ [6]). Наряду съ дѣйствительностью, „положенною самимъ Понятіемъ“ [7]), міръ укрываетъ въ себѣ цѣлые слои „преходящаго бываніа“ и „внѣшней“ [8]), „неразумной“ [9]) случайности, равнодушной и „неопредѣлимой безпорядочности“ [10]), увлекающей тварь и человѣка на путь несчастія и зла. Въ мірѣ не все дѣйствительно; и то, что въ немъ недѣйствительно, то и неразумно. Въ мірѣ не все разумно; и то, что въ немъ неразумно, то и не дѣйствительно.

---

[1]) Срв. Recht. 19.—[2]) См. Enc. I. 10. о различіи между „Dasein“, „Existenz“ и „Wirklichkeit“ со ссылкой на Логику.—[3]) „Darauf kommt es an— in dem Scheine des Zeitlichen und Vorübergehenden die Substanz, die immanent, und das Ewige, das gegenwärtig ist zu erkennen“. Recht. 17.—[4]) Enc I. 10. Аутентическое добавленіе 1827 года.—[5]) „dass man wisse, nicht nur das Gott wirklich,—dass er das Wirklichste, dass er allein wahrhaft wirklich ist“. Enc. I. 10.—[6]) „jeden Einfall, den Irrthum, das Böse und was auf diese Seite gehört, so wie jede noch so verkümmerte und vergängliche Existenz“. Enc. I. 10.—[7]) „durch den Begriff selbst gesetzte Wirklichkeit“. Recht. 22.—[8]) Recht. 22.—[9]) Enc. III. 100 (Z). —[10]) Enc. II. 36.

Отсюда ясно, что „*разумность дѣйствительнаго*“ необходимо предполагаетъ „*дѣйствительность разумнаго*“. Для того, чтобы въ мірѣ активно и побѣдоносно обнаружился разумъ, необходимо, чтобы разумъ „отпустилъ“ себя въ состояніе инобытія. Если бы разумъ чуждался міра, то міръ не могъ бы стать, хотя бы отчасти, разумнымъ. Понятіе необходимо должно вступить въ симбіозъ съ эмпирической стихіей, иначе она не будетъ и не можетъ быть „по-ята“ силою спекулятивнаго закона.

Однако Гегель утверждаетъ нѣчто большее. Онъ убѣжденъ, что „*все* разумное—дѣйствительно“, безъ ограниченій и удержаній. Разумъ не только имманентенъ міру, но онъ присутствуетъ въ немъ цѣликомъ: *все*, что онъ создалъ въ себѣ въ своемъ до-мірномъ бытіи,—онъ отпустилъ въ міръ и *внѣдрилъ въ свое инобытіе*. Все богатство, добытое Понятіемъ въ Логикѣ-начала, было сосредоточено имъ въ „Идеѣ“ такъ, какъ бѣлый цвѣтъ содержитъ въ своей простотѣ всѣ лучи спектра; и все это богатство перешло въ міръ въ моментъ „отпаденія Идеи“. Подобно тому, какъ въ Логикѣ Понятіе „предобразуетъ“ міръ, такъ оно потомъ образуетъ его изнутри, и, если бы оно, переходя въ міръ, утратило хотя бы іоту изъ своего богатства, то законъ спекулятивной конкретизаціи потерялъ бы всякое значеніе: органическое нарастаніе, его непрерывность и сплошность были бы непоправимо нарушены.

Именно поэтому Гегель можетъ установить безъ изъятій, что „то, что разумно, то дѣйствительно“ [1]). *Всѣ категоріи* „отпущены“ въ міръ и работаютъ надъ его творческимъ созиданіемъ. Разумъ цѣликомъ посвятилъ себя заданіямъ Геракла. Это *не* означаетъ, что *все*, въ чемъ *есть разумъ*, то *цѣликомъ—дѣйствительно*. Міръ *больше*, чѣмъ „дѣйствительность“ (по объему), и притомъ именно потому, что онъ отчасти есть *меньше*, чѣмъ дѣйствительность (качественно). Въ „*существующихъ*“ фрагментахъ тоже скрытъ разумъ, однако они *еще* „*не дѣйствительны*“. Спекулятивная философія приходитъ здѣсь къ тому воззрѣнію, которое присуще и „непредубѣжденному“ [2]) сознанію: „разумъ вещей не можетъ быть чуждъ самимъ вещамъ, но вложенъ въ нихъ нѣкіимъ божественнымъ образомъ“ [3]); и, несмотря на это, міръ не свободенъ ни отъ хаоса, ни отъ зла, ни отъ несчастія.

При такомъ пониманіи соотношенія между разумомъ и дѣйствительностью, эта третья, средняя концепція „міра“ примиряетъ

---

[1]) Срв. Recht. 17. Enc. I. 10.—[2]) „unbefangen“. Recht. 17.—[3]) „ratio rerum ab ipsis rebus aliena esse non potest. sed illis divinitus est insita“. *3* lat. 313.

крайній оптимизмъ спекулятивнаго замысла и *крайній пессимизмъ міро-отверженія*. Міръ не пріемлется цѣликомъ; но цѣликомъ и не отвергается. Если *пан-эпистемизмъ* состоитъ въ утвержденіи, что „весь міръ благъ, какъ онъ есть“, то этотъ замыселъ можетъ считаться не оправдавшимся. Если *акосмизмъ* состоитъ въ утвержденіи, что „міръ эмпирическій совсѣмъ не пріемлемъ и сводится къ опасной иллюзіи“, то и эта концепція должна считаться отвергнутой. Но *пан-эпистемизмъ* оправдывается въ томъ смыслѣ, что „весь міръ проникнутъ категоріями—силами“, хотя онъ и не проработанъ ими [1]) до конца. И *акосмизмъ* поддерживается въ томъ смыслѣ, что міръ, не преодолѣнный Понятіемъ и не преодолѣвшій въ себѣ своей эмпирической самобытности и самозаконности, не пріемлется въ составъ Божія пути; и, если угодно, еще въ томъ смыслѣ, что міръ, *совсѣмъ* оторванный отъ силы Божіей, есть *иллюзія*.

Эта средняя, примиряющая концепція покоится, слѣдовательно, на *возможности спекулятивнаго симбіоза между Понятіемъ и конкретнымъ-эмпирическимъ*. Здѣсь, естественно, встаютъ серьезныя затрудненія.

Въ самомъ дѣлѣ, та „форма“, или тотъ способъ бытія, та оболочка, въ которую облеклась Идея и которая должна быть „принята“. отрицаетъ и *отвергаетъ* спекулятивный строй и спекулятивный способъ жизни, имманентно присущій Понятію; какъ же возможно, чтобы Понятіе, *оставаясь собою*, измѣнило свой путь, „приспособило“ свой ритмъ, поступилось своимъ восхожденіемъ? Съ другой стороны, Понятіе *безпомощно останавливается* передъ хаотическимъ разбѣгомъ этой стихіи; какъ же возможно, чтобы чувственный элементъ оставилъ свою самобытность и свое упорство, и поддался претворенію въ чистую „духовно-внутреннюю“ сущность? Повидимому, дѣло обстоитъ такъ, что, если міръ спекулятивенъ, то онъ не можетъ имѣть конкретно-эмпирическую форму; если же онъ дѣйствительно имѣетъ ее, то онъ не можетъ быть спекулятивнымъ... И однако эти двѣ стихіи встрѣчаются и уживаются въ мірѣ,—двѣ противоположности, которыя въ самомъ сосуществованіи своемъ грозятъ остаться не то въ открытой враждѣ, не то въ скрытомъ взаимоотрицаніи. Таинственность ихъ симбіоза увеличивается отъ того, что самый способъ ихъ примиренія и сочетанія есть *истинный* способъ, т. е. *органически-конкретный*.

Показать наличность въ мірѣ ихъ симбіоза и выразить его

---

[1]) „Die Idee ihre Realität nicht vollkommen durchgearbeitet, sie unvollständig dem Begriffe unterworfen hat“. Log. III. 239

философски, значило для Гегеля вступить на путь *компромисса*. То, что онъ разумѣлъ, говоря о „Понятіи", и то, что онъ имѣлъ въ виду, говоря о „чувственномъ элементѣ", стояло дѣйствительно въ отношеніи непримиримости; но именно поэтому оба термина должны были обнаружить свою не-адэкватность предметному обстоянію міра. Для того, чтобы вступить въ творческій симбіозъ со своею противоположностью, каждый изъ нихъ долженъ былъ открыть въ себѣ способность къ новымъ, высшимъ или низшимъ состояніямъ и видоизмѣненіямъ, каждый изъ нихъ долженъ былъ какъ бы „пойти на встрѣчу" другому. Это означаетъ, что идею *разума* необходимо было *свести* съ того *максимальнаго* уровня, на который ее поставилъ Гегель, а въ *„конкретномъ-эмпирическомъ"* необходимо было *усмотрѣть хотя бы зачатки спекулятивности*. Несомнѣнно, что для „раціонализма" и „панлогизма" это являлось грандіозной уступкой и компромиссомъ; однако столь же несомнѣнно, что эта уступка и этотъ компромиссъ имѣли за себя глубокія предметныя основанія.

Этотъ великій компромиссъ, въ которомъ Идея „снисходитъ" къ чувственной стихіи, а конкретное-эмпирическое „отвергаетъ себя" ради высшаго,—въ гносеологическомъ отношеніи долженъ быть выраженъ такъ, что Гегель *де-потенцируетъ Идею* и *потенцируетъ конкретное-эмпирическое*.

Де-потенцировать Идею значитъ *свести ее* къ ея *элементарнымъ основамъ*, которыя входятъ въ нее и на высшей ступени, но въ значеніи подчиненныхъ моментовъ. Это значитъ признать, что Идея, *оставаясь собою*, можетъ утратить цѣлый рядъ чертъ и свойствъ, характеризующихъ ея *высшую сущность*, и опуститься въ низшія состоянія. Въ этомъ низведеніи Идеи ей не приписывается никакихъ новыхъ свойствъ; она не обогащается въ своемъ содержаніи. Напротивъ, она содержательно *бѣднѣетъ*; но за то *объемъ ея господства расширяется*. Оказывается, что власти ея подлежатъ и такіе явленія міра, въ которыхъ невозможно найти ея *высшихъ* спекулятивныхъ признаковъ; и тѣмъ не менѣе она „присутствуетъ" въ нихъ своею подлинною силою.

Низведеніе Идеи оказывается необходимымъ вслѣдствіе того, что *„міръ"* по своей природѣ *не есть спекулятивная мысль*. Въ мірѣ не обнаруживается ея, выдержаннаго на высшемъ уровнѣ, совершеннаго способа жизни. Спекулятивная мысль есть живой *діалектически-органическій процессъ, творимый въ себѣ объективнымъ Понятіемъ въ функціи мысли* (до-человѣческой, до-сознательной въ Логикѣ начала, и *человѣческой, сознательной въ Логикѣ конца*). Съ точки зрѣнія теоріи познанія, спекулятивная мысль есть совпа-

деніе *человѣческаго воображающаго мышленія* и *объективнаго смысла.* [1])

И вотъ, Гегель приступаетъ къ постепенному *умаленію* спекулятивной мысли и расширенію ея господства. Заранѣе можно предвидѣть, однако, что это обѣднѣніе Идеи должно имѣть строго опредѣленную границу, выходъ за которую окажется невозможнымъ для его ученія. Этой границей является идея *органической жизни.*

Уже въ самой *душевной жизни* не все есть сознательное, спекулятивное, мышленіе, хотя Гегель твердо увѣренъ въ томъ, что именно *философская мысль* есть состояніе, въ которомъ осуществляется и расцвѣтаетъ *глубочайшая сущность души.* Рядомъ съ мыслью стоитъ ближайшая ступень: всецѣло внутреннее, но уже полусознательное и полуспекулятивное *чувствованіе*, начало „сердца". Предметно неадэкватное, оно часто оказывается безпомощнымъ, движется смутно, сбивчиво, неувѣренно; оно не въ силахъ заговорить на божественномъ языкѣ самого предмета, Логоса, т. е. на языкѣ смысла; оно всегда остается субъективнымъ и не можетъ уйти *цѣликомъ* въ жизнь объекта; вѣрно чувствуя, а иногда только *предчувствуя* истину, оно *по самой сущности своей склонно къ субъективистическому искаженію* и блуждаетъ *безъ критерія.* Въ этомъ элементѣ осуществляется *религія.*

Далѣе, покидая сферу чисто-внутренняго и обращаясь къ внѣшнимъ чувствамъ и внѣшней „матеріи", работаетъ *немыслящее* или полу-мыслящее *воображеніе.* Это уже не то сверхчувственное воображеніе, которое сливается съ мыслью въ философіи. Это внутренно вынашиваемое, но вовнѣ осуществляющееся творчество созерцаетъ Божество въ чувственномъ образѣ, оно хранитъ глубокій, подземный союзъ со спекулятивною мыслью, питается *ея* духовнымъ содержаніемъ, но изливаетъ его въ матерію внѣшняго міра. Въ этомъ элементѣ раскрывается *искусство.*

Наряду съ чувствомъ и воображеніемъ, можетъ быть—еще глубже, чѣмъ они, коренится практическая, стремящая сила души—*воля.* Она родится внутри, въ душѣ, скованной своимъ тѣлеснымъ существованіемъ и выбивается съ помощью мысли изъ этихъ оковъ; поэтому гдѣ то, въ тайникахъ, она сродни мышленію, нуждается въ немъ и ищетъ союза съ разумомъ. Воля обладаетъ способностью преодолѣвать свою индивидуальную форму и, выходя во всеобщность, осуществлять спекулятивный законъ. Въ этомъ новомъ элементѣ осуществляется *нравственность* и *государство.*

---

[1]) См. главу третью

Далекими, смутными отголосками и случайными просвѣтами обнаруживается, далѣе, мысль—въ безсознательной, *естественной жизни души*. Душа, однако, обнаруживаетъ способность къ высшей жизни: она образуетъ *органическое единство съ тѣломъ*, она врастаетъ въ него на подобіе того, какъ спекулятивное содержаніе врастаетъ въ ткань мышленія, чувствованія, воображенія и въ матерію эстетическаго образа. *Душа* есть *спекулятивное содержаніе тѣла*, и, въ то же время, тѣло есть эмпирическій способъ быть, присущій душѣ. Душа есть „внутреннее“, изливающееся во „внѣшность“ тѣла; тѣло есть внѣшнее выраженіе внутренней души. Тѣло —эмпирическій „предметъ“, творимый душою, какъ спекулятивною силою. Въ этомъ элементѣ „душевно-тѣлеснаго симбіоза“ протекаетъ жизнь *высшаго естественнаго организма—человѣка* [1]).

Естественный организмъ является низшей ступенью раскрытія Идеи Здѣсь *внутренній* процессъ является на своемъ *спекулятивномъ минимальномъ* уровнѣ и получаетъ значеніе *элементарной органической жизненной силы*. Жизнь организма есть процессъ утверждающей себя субъективности [2]); это первое явленіе *самости* [3]), начало побѣды *„внутренняго“*, спекулятивнаго, надъ *„внѣшнимъ“*, эмпирическимъ. Это и есть тотъ пунктъ, въ которомъ „Понятіе вступаетъ въ существованіе“ [4]), а Идея получаетъ „истину и дѣйствительность“ [5]). Естественный организмъ есть первый „образъ“ начальный, простѣйшій и самый несовершенный. Ниже его нѣтъ „образовъ“, но одни „явленія“; тамъ уже нѣтъ „внутренняго“, органическаго, субъективнаго“, *жизни*, но лишь „трупъ жизненнаго процесса“ [6]).

Однако сила предметнаго обстоянія заставляетъ Гегеля спуститься еще дальше; правда, не съ тѣмъ, чтобы отступить отъ *органическаго сращенія множества въ единство*, какъ послѣдняго критерія „разумности“ и „дѣйствительности“, но съ тѣмъ, чтобы *выслѣдить* въ остающихся міровыхъ „явленіяхъ“ *слѣды органичности*, свидѣтельствующіе о присутствіи въ нихъ Понятія.

Уже въ органическомъ царствѣ не все стоитъ на одинаковомъ уровнѣ. Не всякій организмъ въ природѣ есть „истинный“ организмъ, ибо не у всякаго „части“ относятся къ „цѣлому“, какъ „члены“ [7]). „Внутреннее“ постепенно угасаетъ въ нисходящемъ ряду и уступаетъ главенство— внѣшнему. Связь частей ослабѣваетъ въ *растеніи*, органичность котораго болѣе „внѣшне-объективна“ и субъектив-

---

[1]) Enc. II. 558 (Z). Log. III. 208.—[2]) Срв. Enc. II. 423. См. главу двѣнадцатую.—[3]) „selbstisch“. Enc. II 423.—[4]) Enc. II. 602. 423.—[5]) Ibidem.—[6]) Enc. II. 423.—[7]) Enc. II 548.

ность котораго „непосредственна“ [1]). Плѣсень, грибы—являютъ собою переходную, „неорганически-органическую“ ступень [2]), а тѣло *земли* есть лишь „предпосылка“ субъективной тотальности [3]), внѣшній [4]), замертво лежащій организмъ [5]), не болѣе, чѣмъ „кристаллъ жизни“ [6]).

Ниже этой „мертвой жизни“ Понятіе становится поистинѣ едва узнаваемымъ. Гегелю приходится удовлетворяться „*слѣдами*“ и „*предчувствіями*“, отыскивать *аналогіи*, дорожить отдаленными *намеками*, подбирать атомы и крупицы спекулятивной сущности. Онъ указываетъ на „индифференцію“ различныхъ элементовъ въ *химическихъ* соединеніяхъ [7]), напоминающую „содержательную ассимиляцію“ спекулятивныхъ органовъ; онъ усматриваетъ въ *теплотѣ*—„непрерывную распространяемость“ и способность „сводить къ однородности пространственно-разрозненныя тѣла“ [8]), и видитъ въ этомъ ея подобіе субстанціальной Всеобщности; онъ открываетъ намекъ на спекулятивный синтезъ въ *тяжести*, построяя ее какъ „исканіе объединяющаго пункта“ у множества [9]): онъ разсматриваетъ *воду* какъ „нейтральную текучесть“, сливающую противоположности, какъ „сплошное“ внутреннее равновѣсіе, ограниченное только извнѣ [10]); онъ удовлетворяется тѣмъ, что *огонь* есть дѣятельное „безпокойство“, „пожирающая“, „отрицательная всеобщность“ [11]); что *воздухъ* есть прозрачная, какъ мысль, „во все проникающая текучесть“, улетучивающая въ себѣ все индивидуальное [12]); что *свѣтъ*—есть „чистое тождество“ съ собою, „всеобщая самость матеріи“ [13]); что *движеніе*—имѣетъ „діалектическую“ природу [14]), *время*—есть само созерцаемое „становленіе“ [15]), *пространство*—„неопредѣленно-прозрачная тотальность“ [16]). Опускаясь къ самому пустому, безсодержательному содержанію, онъ доводитъ до конца „конструкцію“ міра, примѣняя на подобіе Шеллинга то отвлеченный анализъ, то романтическое „вживаніе“ въ предметъ, но сводя все къ единству силою спекулятивнаго вйдѣнія.

Это спекулятивное „депотенцированіе“ идеи, принципіально останавливающееся на „естественномъ организмѣ“ (строго говоря на *человѣческомъ организмѣ*), а фактически уходящее къ пустому пространству, получаетъ у Гегеля подчасъ характеръ настоящаго

---

[1]) Enc. II. 470.—[2]) Enc II. 463.—[3]) Срв. „vorausgesetzte... Totalität“. Enc. II. 430.—[4]) Enc. II. 464.—[5]) „der todtliegende Organismus“. Enc. II. 455—[6]) Enc. II. 455.—[7]) Enc. II. 360—361. 366—367. 369—370.—[8]) Enc. II. 224.—[9]) Enc. II. 187.—[10]) Enc. II. 167.—[11]) Enc II. 165. 165 (Z).—[12]) Enc II. 162.—[13]) Enc. II. 129—130.—[14]) Enc. II. 62.—[15]) Enc. II. 53.—[16]) См. главу десятую.

регресса въ эмпирію. Термины „внутренняго", „субъективнаго", „единства" не разъ *мѣняютъ свое значеніе* и тѣмъ облегчаютъ этотъ регрессъ.

Гегель, какъ истинный романтикъ, обычно называетъ „внутреннимъ"—*подлинную, но сокровенную сущность* чего нибудь; понятно, что „сила тяготѣнія" является „внутренней" и „сокровенной" въ иномъ смыслѣ (пространственная интроекція), чѣмъ „душа" по отношенію къ „тѣлу" (феноменологическая интроспекція), или метафизическая Всеобщность по отношенію къ своей Единичности (спекулятивное, онтологическое тождество). То принципіальное отграниченіе *эмпирическаго* (чувственнаго-временнаго и особенно чувственнаго-пространственно-временнаго) отъ *метафизическаго*, на которомъ Гегель умѣетъ настаивать съ такою силою,—таетъ и исчезаетъ въ этомъ регрессѣ. То „субъективное" (активное, самоутверждающееся средоточіе эмпирической индивидуальности), которое для спекулятивной философіи является синонимомъ дурной дискретности, случайности и беззаконія,—становится постепенно драгоцѣннымъ признакомъ присутствія Понятія. То „единство" эмпирическихъ фрагментовъ (безсвязное, безразличное, чисто количественное соприсутствіе), которое обычно отвергается Гегелемъ, какъ деградирующее,—отыскивается въ мірѣ, какъ знакъ Божественнаго вѣянія. Въ „конструкціяхъ" Гегеля оживаетъ *гилозоизмъ* древней греческой метафизики, не знавшій различія между „эмпирическимъ" и „метафизическимъ", и *строгость раціонализма смѣнятся романтическимъ пріятіемъ ирраціональнаго*. „Разумъ",—„спекулятивное самомышленіе",—превращается постепенно въ „религіозное самочуствіе" и „безсознательную душевность" человѣка, въ „глухое самочувствіе" у животнаго, въ „органическое самосозиданіе" у животнаго и растенія, въ слѣпое тяготѣніе вещей, въ безпокойство огня, текучесть воды и воздуха, движеніе матеріи, „становленіе" времени. То, что не „разумно" *органической мыслью*, — можетъ оказаться „разумнымъ" *органическою душевностью*, или, по крайней мѣрѣ, *органическимъ самосозиданіемъ*; то, что не „разумно" цѣликомъ („образъ"), то „разумно" отчасти („явленіе"): безсознательное имѣетъ въ себѣ потенцію сознанія, неодушевленное скрываетъ въ себѣ *зачатокъ* одушевленія, неорганическое обладаетъ хотя бы *одною изъ чертъ* организма,—„текучестью", или „тождествомъ", или „тотальностью"... Именно постольку и *лишь* постольку, философія, „построяющая" *дѣйствительность*, будетъ имѣть въ виду и низшія явленія міра.

Этому *низведенію Идеи* соотвѣтствуетъ *потенцированіе конкретнаго-эмпирическаго*.

Въ принципѣ признается, что *въ ирраціональной стихіи міра не все подлежитъ отверженію*, что въ ней должна быть произведена своеобразная дифференціація, отдѣляющая пріемлемыя состоянія ея отъ непріемлемыхъ, отыскивающая зачатки высшаго въ низшемъ и завершающаяся органическимъ пріятіемъ того, что повинуется силѣ Понятія. Потенцировать чувственную стихію и значитъ *открыть въ ней „пріемлемыя“ состоянія* и *расположить эти состоянія по восходящимъ ступенямъ „спекулятивной метаморфозы“*, начиная отъ простѣйшей стихіи „пространства“ и кончая цѣлостнымъ поглощеніемъ ирраціональнаго—въ философской мысли. Разумный элементъ міра открывается какъ въ низшихъ, *не* цѣликомъ дѣйствительныхъ „явленіяхъ“, такъ и въ высшихъ, цѣликомъ дѣйствительныхъ „образахъ“. Эти „образы“, вполнѣ пріявшіе и осуществившіе спекулятивную форму и божественное содержаніе, признаются *дѣйствительными единичностями* и включаются („по-емлются“) въ рядъ Божія пути.

Такимъ образомъ *ученіе о дѣйствительности подлинно вводитъ ирраціональную стихію міра въ жизнь Божества.* Конкретное эмпирическое вводится въ нее не цѣликомъ и не на равныхъ правахъ съ Понятіемъ, но въ подчиненіи ему и притомъ въ мѣру своей *разумной мощи* („потенціи“). Вслѣдствіе этого путь Божій *расширяется.* какъ по своему внутреннему *составу* или по *структурѣ*, такъ и по своему *объему*; ибо *чувственный элементъ* не исчезаетъ въ міровыхъ состояніяхъ Божества, но *сохраняется.* Ни органическая жизнь природы и человѣка, ни идейная глубина красоты, ни содержаніе абсолютной религіи, ни объективный духъ государства и нравственности — не могутъ „быть“ иначе, какъ только въ *утвержденномъ*, *хотя и одухотворенномъ элементѣ чувственности.* Побѣда высшей стихіи *не* уничтожаетъ и *не* отмѣняетъ существованія низшей, но *заставляетъ ее принять спекулятивный законъ и организуетъ встрѣчу на высшемъ уровнѣ бытія.*

Однако, если „дѣйствительное“—„разумно“ и, въ то же время, развертывается въ рядъ спекулятивныхъ единичностей, то Гегель долженъ былъ бы признать, что *ирраціональная стихія прокладываетъ себѣ путь во всѣ „конкретныя“ науки.* Въ самомъ дѣлѣ, каждое „дѣйствительное образованіе“ включаетъ въ себя органически чувственный элементъ, и, въ то же время, въ качествѣ „спекулятивной единичности“, входитъ во „всеобщность“ научной категоріи. И вотъ, если въ отношеніи между *наукой* и *міромъ* или, по крайней мѣрѣ, между *конкретными науками* и *спекулятивными единичностями міра* осуществляется законъ „всеобщности“, то содержаніе міровыхъ „образовъ“ должно быть *цѣликомъ*

включено въ содержаніе всеобщихъ категорій науки: ибо единичное входитъ во всеобщее, какъ его живая часть, а всеобщее входитъ въ единичное, какъ его живая сущность [1]). Содержаніе единичности должно быть *ассимилировано* содержанію всеобщности; въ противномъ случаѣ отношеніе между ними получаетъ характеръ „абстрактности“ и „дискретности“.

Признать, что ирраціональная стихія органически введена въ спекулятивную науку, Гегель не могъ потому, что это придало бы самой философіи чувственно-осложненный и эмпирически-деградированный характеръ. Если конкретныя науки, слагающія „всеобщую“ ткань *міровой* жизни Бога, движутся въ элементѣ наполовину ирраціональномъ, то онѣ выпадаютъ изъ сферы спекулятивной мысли, и перестаютъ быть философскими науками, ибо *спекулятивная мысль по составу своему вполнѣ свободна отъ чувственно-неразумной стихіи*. Но въ такомъ случаѣ взаимное отношеніе между единичными міровыми „образами“ и категоріями конкретныхъ наукъ слагается не по закону спекулятивной всеобщности, а по схемѣ *разсудочной всеобщности*. *Отвлечься* отъ *содержанія единичнаго*—спекулятивное Понятіе не можетъ; это свойственно не ему, но *разсудочному* понятію: именно *разсудочное мышленіе* начинаетъ съ чувственнаго и восходитъ къ не чувственному, разрываетъ содержаніе „конкретнаго явленія“ и фиксируетъ только одну его сторону, возносится надъ нимъ, не включаетъ его въ себя и учреждаетъ свое самодовлѣющее содержаніе. Спекулятивное же Понятіе сохраняетъ въ себѣ все содержаніе элементовъ своего объема.

Все это означаетъ, что потенцированіе конкретнаго-эмпирическаго совершается Гегелемъ только въ предѣлахъ *міра*, міровыхъ „явленій“ и „образованій“, но *не доводится до спекулятивной науки*. Между спекулятивными единичностями міра и наукою остается нѣкоторое зіяніе, заполняемое *разсудочнымъ прыжкомъ*. Всеобщія категоріи наукъ оказываются включенными въ ткань міра, но міровые образы оказываются не включенными въ науку; они *только „разумѣются“ въ объемѣ категорій и схематически построяются ихъ содержаніемъ*. Конкретныя науки говорятъ о чувственной ирраціональной стихіи, но не *ею* и не *въ ней*.

Это слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, что міровые образы исключаются изъ Божія пути; но въ томъ смыслѣ, что *путь Божій остается въ раздвоенномъ состояніи*, проходя *сразу* и *параллельно*

---

1) См главы четвертую и пятую.

по *двумъ* линіямъ: *въ мірѣ* и *въ наукѣ*. Рядъ *дѣйствительности* и рядъ *реальности* не совпадаютъ; второй подлинно присутствуетъ въ первомъ, но первый не включается во второй. *Наука не объемлетъ міра*, ни въ его непокорныхъ частяхъ, ни въ его спекулятивно-закономѣрныхъ образахъ. Концепція панэпистемизма должна считаться окончательно не оправдавшейся.

Поэтому путь Божій въ мірѣ долженъ разсматриваться не только въ категоріяхъ науки, въ которыхъ онъ не укладывается и которыми онъ не исчерпывается, но *и въ своемъ самобытномъ строеніи и объемѣ*. „Категорія“ конкретной науки есть не образъ, а лишь схема его; и можетъ быть именно поэтому отъ строгости діалектическаго метода не остается и слѣда въ конкретныхъ наукахъ.

Такова скрытая побѣда ирраціональной стихіи надъ Понятіемъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Образы міра.

Философское пріятіе міра не можетъ состоять ни въ бунтующемъ изобличеніи того, что міръ „лежитъ во злѣ“ (Платонъ), ни въ восторженномъ изображеніи его мнимаго совершенства (Лейбницъ). Ученіе о мірѣ должно быть прежде всего *предметно*. На зовъ спекулятивной мысли міръ самъ долженъ совершить свое раскрытіе, изобличеніе и вознесеніе; онъ выполнитъ это безъ утаиванія и искаженія, въ строгой простотѣ и адэкватности, ибо сокровенная сущность его,— спекулятивное Понятіе, — не можетъ отозваться иначе на свой собственный зовъ. Здѣсь не можетъ быть мѣста пессимизму: Понятіе, томящееся въ безмыслін своихъ міровыхъ состояній, радостно и цѣльно поспѣшитъ на встрѣчу познающему разуму, который идетъ освободить его; *все*, что приняло въ мірѣ законъ Идеи, „оправдается“ на этомъ судѣ черезъ простое раскрытіе своей природы и не оставитъ мѣста ни преувеличеніямъ, ни унынію Но не можетъ быть здѣсь мѣста и оптимизму: то, что не вработало въ свое „*существованіе*“ „*реальнаго*“ строя, *само* не вступитъ въ рядъ Божія пути и продолжитъ среди явленій свою скрытую борьбу за очищеніе. „Пессимизмъ“ и „оптимизмъ“ — не болѣе, чѣмъ случайныя „точки зрѣнія“, всплески субъективныхъ мнѣній, тенденціозныя концепціи заинтересованной человѣческой души. Спекулятивная философія открываетъ лишь то, что *есть*, потому что она *предоставляетъ самому предмету открыть о себѣ истинное.*

Такъ понимаетъ Гегель свое ученіе о *дѣйствительности*. Именно голосъ предметнаго обстоянія, приведшій его къ *пріятію иррациональной стихіи*, руководитъ имъ и въ самомъ способѣ трактованія міровыхъ „образовъ“. Гегель стремится очистить и освободить свой „методъ“ ото всего, что не предносится ему, какъ реальный способъ жизни, осуществляемый самимъ предметомъ.

Онъ стремится „передать“ о предметѣ лишь то, что подлинно видитъ въ немъ; онъ стремится „излагать“ предметъ именно такъ, какъ предметъ самъ живетъ. Внимая предмету онъ столь многое перестроилъ въ своихъ исходныхъ воззрѣніяхъ, что по истинѣ пріобрѣлъ право на ту мудрую иронію, съ которой говоритъ нерѣдко о „мнѣніяхъ“, „субъективныхъ симпатіяхъ“, „праздныхъ поученіяхъ“, „идеалахъ“ и т. д.

Предметъ заставилъ Гегеля признать, что въ немъ скрывается не одна, а *двѣ* стихіи. Міръ *дѣйствительный* слагается изъ чувственнаго, временнаго, ирраціональнаго существованія и сверхчувственной, сверхвременной, разумной реальности. Ни одна изъ этихъ стихій не можетъ быть ни устранена, ни ликвидирована другою въ предѣлахъ *дѣйствительности*, хотя низшая окончательно „снимается“ и поглощается высшею въ сферѣ *реальности* (философское мышленіе). Отношеніе этихъ стихій въ мірѣ есть отношеніе *борьбы*, связующей обѣ стороны въ спекулятивный *симбіозъ*, или отношеніе *симбіоза*, слагающагося въ форму *борьбы*. Борьба между ними ведется за первенство и самоосуществленіе: не за исключительность бытія, но за подчиненіе противника своему закону; эта борьба ведется за то, чтобы сполна осуществился *высшій способъ жизни*.

Противоборство стихій, стоящихъ въ симбіозѣ, приводитъ естественно къ постоянному *компромиссу*; однако не къ компромиссу произвольнаго самоограниченія, а къ *преходящему равновѣсію борющихся силъ*. Вынужденное мириться съ неизмѣнною наличностью ирраціональной стихіи, Понятіе остается и въ мірѣ— дѣйствующимъ, творческимъ, поборающимъ началомъ и ведетъ „суровую, безконечную борьбу“ [1]) съ инобытіемъ, постоянно развертываясь въ *своеобразный покой достиженія*. Однако всѣ явленія міра *не окончательны*; всѣ они осуществляютъ только „перемиріе“ стихій. Понятію необходимы эти „компромиссы“ или „перемирія“ для того, чтобы *явиться*; но внутренняя природа его терпитъ здѣсь только *преходящее успокоеніе* и разрѣшаетъ его все вновь и вновь въ безпокойное самоотрицаніе. Даже явленія высшаго покоя, осуществляющіяся на землѣ,—уснувшее море, распустившійся цвѣтокъ, греческая скульптура, романскій соборъ, свободная нравственность [2]), — постигаются лишь какъ *состоянія непримирившейся примиренности*.

Уровень этого компромисса зависитъ отъ того, *насколько*

---

[1]) „harter, unendlicher Kampf“. Ph G 53.—[2]) Сравн. напр.. Enc. III. 429. Recht. 68. 172.

Понятію удалось „проработать“ стихію инобытія и подчинить ее себѣ. Въ зависимости отъ этого каждый міровой фрагментъ есть или „явленіе“, осуществляющее спекулятивный законъ *лишь до извѣстной степени*, или „образъ“, осуществляющій его *цѣлостно*. Однако и „образы“ не всѣ равноцѣнны и получаютъ свое мѣсто въ ряду Божественнаго восхожденія въ зависимости отъ той *чистоты* и *свободы*, съ которой они осуществляютъ въ себѣ законъ спекулятивнаго Понятія.

„Образъ“ стоитъ, по совершенству своему, выше „явленія“ и можетъ разсматриваться, какъ его *идеальный предѣлъ*, какъ тотъ уровень совершеннаго „вразумленія“, на который „явленію“ *предстоитъ* и, если угодно, *слѣдуетъ* подняться. „Образы“ и „явленія“, въ зависимости отъ своего характера, раздѣляются на „ступени“, ряды или группы, и каждая группа носитъ соотвѣтствующее наименованіе, принадлежащее какъ „явленіямъ“, такъ и „образамъ“, входящимъ въ нее. Поэтому „организмомъ“ можетъ быть названъ и уродливый, и больной, и несовершенный организмъ; „произведеніе искусства“ можетъ быть и „явленіемъ“ и „образомъ“; разлагающееся государство будетъ все же „государствомъ“, и извращенная религія будетъ называться „религіей“. Но къ числу *образовъ* можетъ быть отнесенъ только „совершенный“ организмъ; только „истинное“ государство, только произведеніе „прекраснаго“ искусства, только религія „откровенія“ должны быть включены въ восходящій рядъ „образовъ міра“. „Образы“ осуществляютъ собою то, чего не осуществляютъ „явленія“; „явленіе“ есть какъ бы *еще* не состоявшійся или *уже* не удавшійся „образъ“; „образъ“ есть „явленіе“ достигшее своего идеальнаго предѣла или *осуществившее свое имманентное назначеніе*.

Отсюда ясно, что „міровой образъ“ *не* есть „идеалъ“, если разумѣть подъ „идеаломъ“ то, что *должно* быть, но что на самомъ дѣлѣ не осуществляется. И, точно также, міровой образъ не есть „реальность“, если разумѣть подъ „реальностью“ то, что хотя эмпирически и осуществилось, но что *не должно* быть, или *могло бы и не быть*. „Міровой образъ“ не есть ни то, ни другое; но *и* то *и* другое, вмѣстѣ и сразу. Это есть „идеалъ“ для одноименныхъ „явленій“; и, въ то же время,—осуществившаяся „дѣйствительность“, т. е. *реальность, принявшая существованіе*. Это есть то, что *должно* быть и, въ то же время, то, что *не можетъ не быть*. „Должно“ быть не въ томъ смыслѣ, что осуществленіе его есть желанная и радостная, но случайная удача: но въ томъ смыслѣ, что это есть *цѣль* и *достиженіе* божественнаго творчества. „Не можетъ не быть“ не въ томъ смыслѣ, что

предшествующія эмпирическія обстоятельства были необходимою причиною послѣдующаго событія; но въ томъ смыслѣ, что Духъ *не можетъ не побѣдить* въ мірѣ, въ борьбѣ съ ирраціональною стихіею, созданною имъ самимъ. „Міровой образъ“ есть спекулятивно-необходимое событіе; осуществленіе духовной побѣды; идеальное достиженіе въ мірѣ; нѣчто „реальное“ и въ то же время „существующее“, т. е. „дѣйствительное“.

Характерной чертой всякаго „образа“ является цѣльное и неразрывное взаимо-проникновеніе между его *формою* и *содержаніемъ*. Если разумѣть подъ формою тотъ „*элементъ*“, въ которомъ раскрывается и осуществляется извѣстная сила, а подъ содержаніемъ ту *силу*, которая осуществляетъ и раскрываетъ себя въ этомъ элементѣ, —то въ каждомъ образованіи *формою* будетъ ирраціональная стихія, а *содержаніемъ*—спекулятивное Понятіе. Если же подъ формою разумѣть тотъ закономѣрный *строй*, который зиждетъ внутреннее и внѣшнее единство „образа“, а подъ содержаніемъ ту *матерію*, которую этотъ законъ сковываетъ въ единство,—то въ каждомъ образованіи *формою* будетъ спекулятивное Понятіе, а *содержаніемъ*—ирраціонально-чувственная стихія. Однако правильнѣе не примѣнять терминовъ „форма“ и „содержаніе“ къ чувственному элементу: *истиннымъ содержаніемъ* и *истинною формою* „*образовъ*“ является *сила Понятія*, а чувственный элементъ остается лишь *средствомъ выраженія*, или „средою“, „медіумомъ“,—способомъ „являться“, а не способомъ „быть“. Сила Понятія приноситъ *свое содержаніе* и раскрываетъ его въ дѣйствительномъ „образѣ“: это содержаніе божественно, ибо оно есть само *бытіе Божіе*. Сила Понятія приноситъ и *свою форму*, и осуществляетъ ее въ дѣйствительномъ „образѣ“: эта форма божественна, ибо она есть *діалектически-органическій ритмъ Идеи*. Въ Богѣ нѣтъ формы, отдѣльной отъ содержанія, и нѣтъ содержанія, которое могло бы оторваться отъ своей формы. Спекулятивное содержаніе есть нѣчто живое; оно живетъ и творитъ себя по своему и иначе не можетъ; его живая глубина несетъ въ себѣ и съ собой ритмъ и этотъ живой ритмъ и есть его единственная форма.

Тотъ фрагментъ міра, который не пріемлетъ спекулятивнаго содержанія *вмѣстѣ* съ имманентною ему спекулятивною формою—не есть „образъ“. Но тотъ, который пріемлетъ,—снимаетъ въ значительной степени различіе между „эмпирическимъ“ и „метафизическимъ“, столь опредѣленно установленное Кантомъ и столь остро почувствованное самимъ Гегелемъ. То своеобразное депотенцированіе Идеи, къ которому Гегель былъ приведенъ въ философскомъ „пріятіи“ міра, придало уже Понятію значеніе орга-

ническои и даже просто „физической“ сплы [1]); „метафизическое“ скрылось въ первозданной, стихійной глубинѣ „физическаго“ и исчезло въ неразличимости. Восходящій рядъ „образовъ“ осуществляетъ эту неразличимость инымъ способомъ: эмпирическое превращается въ *адэкватное выраженіе*, въ „*знакъ*“ *того метафизическаго содержанія, которое ему дано вмѣстить и раскрыть.*

Это означаетъ, что *не всякій* „эмпирическій“ фрагментъ міра можетъ вмѣстить и „явить“ *всякое* спекулятивное содержаніе, ибо здѣсь осуществляется нѣкое строгое соотвѣтствіе. Но въ предѣлахъ этого соотвѣтствія чувственный элементъ міра можетъ и долженъ принять спекулятивное содержаніе, выпавшее ему на долю, такъ, чтобы каждый уголъ, *каждый атомъ* его существованія былъ бы насыщенъ и проникнутъ наличной разумностью и „дѣйствительно“ являлъ бы *подлинное присутствіе силы Божіей.* Быть во истину „знакомъ“ высшаго, значитъ быть не „отъ себя“ и не „собою“, *но только „въ видѣ себя“*; „знакъ“, насыщенный тою глубиною, которую онъ означаетъ, загорается „внутреннимъ“, сокровеннымъ огнемъ своего Божественнаго значенія и становится его необходимою и *адэкватною видимостью.* Но и видимость эта утрачиваетъ весь одіозный характеръ, присущій всякой „видимости“, какъ таковой: видимость перестаетъ быть искажающей и темнящей, скрывающей личиной, но получаетъ значеніе соблюдающаго и свѣтлаго, *открывающаго вида.* Видъ есть не отъ лжи и не отъ тьмы, но отъ свѣта; онъ не отлучаетъ, а пріобщаетъ, и необходимъ для *очевидности* и *откровенія.* Чувственное не только становится „медіумомъ“ разумнаго содержанія, но включается въ его истинную модификацію; оно оказывается его органическою тканью, его подлиннымъ состояніемъ. „Образъ“ есть не осуществляющаяся, но осуществившаяся сущность: *Богъ принявшій инобытіе въ органическій составъ своей дѣйствительности.*

Въ результатѣ такого сочетанія обѣихъ стихій, каждый образъ являетъ собою сращенное единство, въ которомъ невозможно отличить „чисто-эмпирическое“ отъ „чисто-метафизическаго“, и, поскольку это было бы возможно, постольку данное образованіе уклонялось бы отъ истинной спекулятивной органичности. Способъ его существованія — эмпиричень, чувственень, и нерѣдко, сверхъ того, матеріаленъ; но этотъ способъ существованія самъ по себѣ, какъ таковой, не имѣетъ бытія; взятый въ отвлеченіи отъ метафизической сущности, онъ есть нереальная, условная „абстракція“,—созданіе того субъективнаго воображенія и

[1]) Срв. Diss. 21.

той субъективной мысли, которая допустила этотъ актъ произвольнаго отвлеченія; поскольку же этой абстракціи дѣйствительно соотвѣтствовало бы что нибудь въ строеніи даннаго образа, постольку онъ былъ бы несовершененъ. Чувственный фрагментъ пронизанъ и освященъ разумностью такъ, что въ его лицѣ присутствуютъ въявѣ сама Божественная сила; разумъ изливается въ стихію инобытія, захватывая ее и творя себя въ ней такъ, что *Божественная сила получаетъ чувственное бытіе.* Въ „образѣ", нѣтъ „чисто-эмпирическаго", но нѣтъ и „чисто-метафизическаго"; здѣсь можно еще говорить о различіи двухъ „законовъ" или „порядковъ", хотя одинъ изъ нихъ,—низшій,—преодолѣнъ и, въ своей самобытности, погашенъ; но реально двѣ стихіи уже не разнствуютъ. Высшая облекла себя въ низшую и стала „теперь" и „здѣсь" „этимъ существованіемъ"; низшая приняла въ себя высшую и стала вѣчною и всеобщею сущностью. Связь между ними такова, что тотъ, кто созидаетъ эмпирическую ткань „образа",— творитъ „дѣйствительность" субстанціи; и тотъ, кто разрушаетъ чувственную видимость „образа", — разрушаетъ духовное откровеніе. Въ этомъ трагедія образовъ: *дѣйствительность Божіей жизни на землѣ подлежитъ судьбѣ временныхъ и преходящихъ вещей и подвержена смертности и концу.* Безсмертное является облаченнымъ въ смертность и только вѣчная сущность „образа", — „бытіе его бываніе", — избавлена отъ этого рока.

Все развитіе такъ называемыхъ у Гегеля „конкретныхъ" наукъ посвящено раскрытію и обоснованію того, что въ мірѣ *имѣются* такіе образы: „дѣйствительные",—ибо состоящіе изъ „сущности" и „существованія"; побѣдные—ибо осуществляющіе спекулятивный симбіозъ между двумя стихіями; божественные—ибо вмѣщающіе подлинную силу Божію; временные и конечные—ибо состоявшіеся въ чувственно-эмпирической ткани міра; и, наконецъ, восходящіе по ступенямъ къ высшему и послѣднему одухотворенію,—къ абсолютной *свободѣ.*

Таково, прежде всего, Натуръ-Философское ученіе о *естественномъ организмѣ, впервые* осуществляющемъ въ природной матеріи высшій законъ духовной жизни.

Естественный организмъ есть первый и простѣйшій „образъ" міровой дѣйствительности. Онъ чувственно-матеріаленъ, пространственно-временѣнъ и, слѣдовательно,—эмпирически-ирраціоналенъ по внѣшнему способу существованія; и, въ тоже время, онъ есть созданіе внутренней субъективности и самости Понятія, впервые

изливающагося въ вещественную среду [1]). Въ этомъ его дѣйствительность. Однако эта „дѣйствительность“ имѣетъ характеръ не „явленія“, а „образа“: ибо являетъ побѣду „внутренняго“ надъ „внѣшнимъ“.

Естественный организмъ, въ силу своей матеріальной природы, неизбѣжно встрѣчается съ вещественнымъ инобытіемъ въ лицѣ окружающей его среды, вступаетъ съ нимъ во внѣшнюю борьбу и утверждаетъ свою дѣйствительность. Отдѣльныя стороны его входятъ въ отношеніе съ „другими вещами“ и вступаютъ черезъ это въ длительный процессъ измѣненій [2]). Однако организмъ обращается *противъ* притекающихъ извнѣ воздѣйствій, „заражаетъ“ собою привходящее [3]), превращаетъ его [4]) и пріобщаетъ къ своей субъективности, отождествляетъ съ собою и дѣлаетъ „чужое“ своимъ достояніемъ [5]), „идеализируя“ его [6]) и тѣмъ поддерживая въ себѣ свое „самостное единство“ [7]). Такимъ путемъ организмъ *ре*одолѣваетъ свое сплетеніе съ инобытіемъ [8]) посредствомъ усвоенія его [9]) и въ этомъ „внѣшнемъ процессѣ“ своемъ онъ сходится или „сливается“ самъ съ собою [10]). Онъ не останавливается на противодѣйствіи внѣшнему объекту [11]), но стремится вообще освободиться отъ внѣшняго процесса [12]) и обратиться внутрь. Поэтому онъ превращаетъ внѣшній процессъ въ его противоположность и направляетъ его на поддержаніе своего образа [13]). Этимъ онъ создаетъ себѣ возможность относиться къ инобытію „совершенно равнодушно“ [14]) и слагаться въ замкнутую и поддерживающую себя „вещь“ [15]). Онъ утверждаетъ себя, какъ тѣлесно-живую индивидуальность, какъ конкретное-цѣлое [16]), несущее *въ себѣ* свою всеобщность, въ отличіе отъ не-органическихъ вещей, имѣющихъ ее *внѣ* себя [17]).

Такимъ образомъ *природный организмъ* относится къ *окружающимъ его вещамъ* такъ, какъ *Понятіе* относится къ *ирраціональной стихіи міра вообще*; поэтому онъ есть первое раскрытіе или откровеніе силы Божіей въ мірѣ. Онъ есть осуществленіе Идеи въ мірѣ бываніа [18]), явленіе Идеи въ природѣ [19]), – „чувственно объективная Идея“ [20]). Онъ есть *первый образъ* и потому *про-*

---

[1]) См главу одиннадцатую.—[2]) Ph. G. 52. Aesth. I. 155—159. 177. 190—191. Beweise. A. 457. 461.—[3]) Срв. напр., Enc. II. 502 (Z) „inficiren“.—[4]) Enc. II. 531. (Z). „verwandeln“ —[5]) Enc. II 502. (Z).—[6]) Aesth I 153. 157. 158—[7]) „selbstische Einheit“. Enc. II. 549—550.—[8]) Enc. II. 630. (Z) 631. (Z).—[9]) Log. III. 228. Enc. II. 596. (Z). Beweise. 462—[10]) Enc. II. 619.—[11]) Enc. II 619.—[12]) „Diesen Process von sich wegschafft“. Enc. II. 619 Aesth. I. 159.—[13]) Ph. G 52—[14]) Phän. 210—211—[15]) Phän. 199.—[16]) Log. III. 253.—[17]) Enc. II. 278. (Z)—[18]) „Dasein der Idee“. Aesth. I 153.—[19]) „Naturerscheinung der Idee“. Aesth I. 154. 155.—[20]) „die sinnlich objektive Idee“. Aesth I. 160.

образъ высшаго. Не выходя за предѣлы матеріальной вещественности, онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что обѣ стихіи могутъ срастись въ „одушевленную тотальность“ [1]), что въ мірѣ возможенъ объективно существующій „идеализмъ“ [2]).

И при всемъ этомъ онъ сохраняетъ временное и конечное существованіе. Свойственная ему матеріальность подвергаетъ его року вещей, и процессъ его самоутвержденія имѣетъ однажды придти къ концу; неизбѣжное взаимодѣйствіе съ другими вещами дѣлаетъ его ограниченнымъ и зависимымъ; его безсознательная природа [3]) указываетъ предѣлъ его самостоятельности и свободѣ [4]): *уже* субстанція и *еще не* субстанція; *уже* самодѣятельность и *еще* зависимость; *уже* организмъ и *еще* чувственная вещь. Это есть *первое овеществленіе спекулятивнаго закона.*

Оно находитъ свое завершеніе въ душевно-тѣлесной жизни *человѣка.* Здѣсь „внутренняя сила“ получаетъ психическій характеръ: *душа* осуществляетъ себя *въ тѣлѣ*; а „внѣшняя матеріальность“ *превращается въ тѣло*; душа творитъ *себѣ* тѣло для того, чтобы раскрыть себя сначала *черезъ него*, а потомъ *независимо отъ него* и, можетъ быть, *вопреки ему.* „Человѣкъ“ есть новый „образъ“, болѣе высокій, чѣмъ естественный организмъ и открывающій новую перспективу уже не „природнаго“, а *духовнаго* восхожденія. „Дѣйствительность“ человѣка въ томъ, что онъ состоитъ изъ „сущности“,—души, и „существованія“,—тѣла. Принадлежность его къ „образамъ міра“ опредѣляется тѣмъ, что душа, какъ внутренняя спекулятивная сила, побѣждаетъ чувственно-эмпирическую косность матеріи и слагаетъ себѣ *живое* и *прекрасное тѣло*, являющее высшую закономѣрность ея бытія. Побѣда души надъ тѣломъ и выходъ ея въ самостоятельную и независимую *разумную* дѣятельность — раскрываетъ ея божественную силу: внѣшняя „природа“ проводится черезъ „смерть“ [5]), „снятіе“ [6]) и „негацію“ [7]) для того, чтобы „молнія духа ударила“ [8]) въ чувственную матеріальность тѣла; природа „сожигаетъ себя, какъ фениксъ“ для того, чтобы духъ могъ выйти въ жизнь изъ этого огня [9]). Такая героическая „негація“, завершающаяся самосознаніемъ и „бытіемъ для себя“ [10]), есть подлинное проявленіе силы Божіей. И тѣмъ не менѣе, человѣкъ, какъ таковой, сохраняетъ

---

[1]) Aesth. I. 161.—[2]) Aesth. I 160.—[3]) Срв. напр. Enc. I 377.—[4]) Aesth. I. 193. [5]) Срв. Enc. II. 691. 693 —[6]). Enc. II. 693. Срв. Enc III. 43. (Z). 46. 175 (Z) и др —[7]) Enc. III. 13 —[8]) Diff. 268. Это выраженіе принадлежитъ Шеллингу.—[9]) Enc II. 695. (Z). —[10]) Срв объ этомъ переходъ Enc II. 693. Rel. II. 50, а также главы о „сознаніи“ и „самосознаніи“ въ Phän. и Enc. III

свое чувственно-матеріальное существованіе, свою временность конечность и тѣлесную смертность, и послѣдняя практическая задача его жизни состоитъ въ томъ, чтобы придать самой смерти своей—спекулятивное значеніе.

Высшимъ „образомъ“, выводящимъ человѣка изъ его единичности и конечности и открывающимъ ему путь ко „всеобщей“ жизни и спекулятивной смерти, является *государство*. Государство „дѣйствительно“, ибо состоитъ изъ „сущности“,—всеобщаго, субстанціальнаго народнаго духа, и „существованія“, — чувственно-эмпирическаго элемента, предстоящаго въ видѣ территоріи, климата, природы, хозяйства и множества тѣлесно-душевныхъ индивидуальностей. Оно принадлежитъ къ „образамъ міра“ потому, что осуществляетъ въ эмпирическихъ условіяхъ земного общенія – органическую „кон-кретность“. Сущность государства состоитъ именно въ томъ, что множество самостоятельныхъ и разъединенныхъ, свиду, человѣческихъ монадъ ведетъ единую, сращенную жизнь: граждане пребываютъ въ „кон-кретности“ народнаго Духа, а народный Духъ живетъ въ преодолѣнной и спекулятивно-освященной средѣ эмпирически-разъединенныхъ хотѣній и интересовъ гражданъ.

Участіе въ зрѣломъ и совершенномъ государствѣ требуетъ отъ гражданина *душевной зрѣлости* и *нравственнаго совершенства*. Индивидуальный духъ долженъ, прежде всего, преодолѣть конкретную-эмпирическую форму своего существованія: онъ долженъ пріобрѣсти господство и надъ своимъ тѣломъ, и надъ своею душою. Тогда только онъ можетъ осуществить въ себѣ тотъ процессъ духовнаго и нравственнаго самоуглубленія, который необходимъ ему для цѣлостнаго вступленія въ спекулятивную жизнь. Этотъ процессъ состоитъ въ томъ, что индивидуумъ обрѣтаетъ въ себѣ таинственную сверхличную сферу непогрѣшающей, правой воли и сливаетъ себя съ нею, предавая ей свою жизнь и свои силы. Тогда личный духъ становится живымъ явленіемъ *права* и въ дѣяніяхъ своихъ начинаетъ руководиться непогрѣшающимъ, *добрымъ нравомъ*, вводящимъ его въ сферу *конкретной нравственности*. Въ немъ царитъ, имъ движетъ *воля* къ *духовной свободѣ* и эта воля есть не что иное, какъ подлинная сила самого Божества. Руководимый этою силою, личный духъ становится спекулятивно зрячимъ и открываетъ въ каждомъ другомъ личномъ духѣ ту же самую, единую для всѣхъ и всѣхъ объединяющую субстанціальную волю Божества. Сліяніе съ Божіею силою, обрѣтенною въ самомъ себѣ, уводитъ каждаго въ сферу субстанціальнаго *единства* и позволяетъ каждому найти себя во всѣхъ и всѣхъ въ себѣ. Каждый гражданинъ убѣждается въ своемъ духовномъ единствѣ со всѣми

другими гражданами и съ духомъ своего народа, т. е. съ самимъ Божествомъ въ его національномъ самоопредѣленіи. Это организованное единство спекулятивно-сращеннаго народа и есть *государство*.

Государство есть органически живущая Всеобщность; тотальность личныхъ духовъ, растворенная въ нихъ и растворившая ихъ въ себѣ; духовный организмъ, внутренно-раздѣляющій себя на отдѣльныя функціи, силы и круги. Сущность его въ спекулятивномъ тождествѣ „всеобщаго“ (народнаго духа), „особеннаго“ (сословій) и „единичнаго“ (семейныхъ группъ и личныхъ духовъ). Въ этомъ тождествѣ состоитъ свобода, ибо ни одинъ изъ элементовъ не имѣетъ въ другомъ инобытія. Въ этой свободѣ духовная сила и спекулятивная высота государства, ибо она утверждаетъ его Божественную природу: государство божественно, какъ дѣйствительность Бога въ человѣческой совмѣстности. Государство есть *организованная жизнь* нравственности и власть его есть само Добро, какъ неизмѣнная сущность всѣхъ сознаній.

Этимъ опредѣляется его строй и его дѣйствія. Каждый гражданинъ живетъ сразу въ трехъ состояніяхъ нравственности—семейственномъ, общественномъ и политическомъ. Семья воспитываетъ человѣка къ субстанціальному единенію и самоотверженію; гражданское общество даетъ ему самостоятельность въ предѣлахъ признаннаго имъ самимъ закона; политическая жизнь осуществляется высшимъ взлетомъ самостоятельнаго духа, свободно опредѣляющаго себя къ самоотверженію. Питаясь такимъ гражданскимъ духомъ, государство представляетъ изъ себя тотальность семейныхъ ячеекъ; и, въ то же время, великую систему потребностей, труда и имущественныхъ состояній; оно есть органическое единство взаимно питающихъ другъ друга сословій, жизнь которыхъ обслуживается полиціей и сдерживается корпоративной организаціей; и, въ то же время, оно есть единство раздѣленныхъ, но поддерживающихъ другъ друга органовъ власти. Государство есть органическая система учрежденій, проникнутыхъ единымъ сознаніемъ и единою волею; дѣйствіями этой системы руководитъ монархъ, творящій законъ совмѣстно съ сословіями и осуществляющій его совмѣстно съ правительствомъ. Этимъ зиждется суверенитетъ государства, опредѣляющійся тѣмъ, что оно есть высшая и самостоятельная цѣль жизни. Эта цѣль,—организованный расцвѣтъ народнаго духа, — не уступаетъ ничему высшему: государство утверждаетъ себя и свою самостоятельность войною на жизнь и на смерть, отстаивая себя и обезпечивая своему народу самобытное созерцаніе Божества въ искусствѣ, религіи и философіи.

Итакъ, государство есть образъ божественной Идеи, являю-

щійся во временномъ ряду исторіи. Отсюда его абсолютность и временность; его духовное значеніе и его предѣлъ. [1])

Въ *искусствѣ* осуществляется новое, высшее сращеніе Понятія съ ирраціональной стихіей, сращеніе въ которомъ „внутреннее“ уже не стремится высвободиться изъ „внѣшняго“ такъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ жизни организма, человѣка и государства, но зрѣетъ *замкнуто*, самозаконно, и лишь затѣмъ свободно выходитъ въ сферу инобытія, чтобы явить состоявшееся откровеніе.

Созданія искусства „дѣйствительны“, какъ *чувственныя явленія духа*. Художественное творчество имѣетъ свой особый способъ осознанія и изображенія предмета и именно этотъ способъ вводитъ его въ предѣлы эмпирически-чувственной сферы. Элементомъ Духа въ искусствѣ служитъ „созерцаніе и образъ“ [2]), „чувственное бываніе“ [3]), „внѣшній данный матеріалъ“ [4]), „внѣшнее существованіе“ [5]). Даже „самое высокое“ искусство изображаетъ „чувственно“ [6]), т.е. въ такой формѣ, которая „отчетливо противостоитъ мысли“ [7]). Изображаемое содержаніе существуетъ въ видѣ естественнаго [8]), непосредственнаго [9]) явленія [10]). Именно „чувственно-образный видъ дѣлаетъ“ нѣчто—произведеніемъ искусства [11]): этотъ способъ „раскрытія“ [12]) или „изображенія“ [13]) составляетъ самую природу его. Всеобщность является здѣсь „вполнѣ индивидуализированной“ [14]); она „поставляется передъ очами въ чувственно-единичномъ“ видѣ [15]), какъ „индивидуальный“ образъ „дѣйствительности“ [16]), какъ „воплощеніе духа“ [17]).

Именно „Духъ“ есть то, что воплощается въ образахъ прекраснаго искусства и что придаетъ ему значеніе духовнаго самопознанія. Предметомъ и содержаніемъ искусства и эстетическаго творчества является сама „истина“ [18]), Идея [19]), т.е. само Божество. Искусство есть особый способъ „выговаривать божественное“ [20]), или, что то же,—„изображать Абсолютное“; подобно спекулятивной философіи, оно есть „богослуженіе“ [21]), „живое созерцаніе абсолютной жизни и, тѣмъ самымъ, пребываніе въ

---

[1]) См. второй томъ.—[2]) Recht. 430.—[3]) Enc. III. 335 (Z).—[4]) Enc. III. 442.—[5]) Aesth. I. 39 105. 106. 206.—[6]) Aesth. I. 11 8. 47. 73. 91. 94. 102. 317. Aesth. II. 91 92 111. 115 229 243. 272. 354. 383. 465 Aesth. III. 15 27. 127. 133. 146. 150 222. 227. 243. 253. 274. 289. 311. 419.—[7]) „Dem Gedanken ausdrücklich gegenübersteht“, Aesth. I. 17.—[8]) Enc. III. 441. Aesth. I. 60.—[9]) Aesth. I. 52—53. 94.—[10]) Aesth. I. 60 206.—[11]) Aesth. I. 67.—[12]) „enthüllt die Wahrheit in Form sinnlicher Kunstgestaltung“ Aesth I. 73 132 197.—[13]) „sinnliche Darstellung“. Aesth. I. 91.—[14]) Aesth. I. 68 92—93. 96. 232; срв. 255. 316.—[15]) Aesth. I. 68. 92—93.—[16]) Aesth. I. 96.—[17]) Срв. der „Geist sich verleiblicht.“ Aesth. I. 215; срв. Aesth. II. 365. 372 Aesth. III. 220. 438. 518.—[18]) Aesth. I. 73.—[19]) 5 Rec. 213; срв. 3 lat. 313. Enc. III 335. (Z) Aesth. I. 94. 96. 97 — [20]) Aesth. I. 11. 225.—[21]) „Gottesdienst“. Diff 270.

единствѣ съ нею“ [1]). То, что̀ изображаютъ произведенія искусства, то, надъ чѣмъ бьется, страдая и радуясь, душа художника, есть само „спекулятивное Понятіе“, т.е. Духъ въ его существенной природѣ; это есть „истинное Всеобщее или Идея“ [2]), сама „метафизическая Всеобщность“ [3]), само „Разумное“ [4]), сущая конкретная духовность [5]). Каждое произведеніе настоящаго искусства постигаетъ и открываетъ нѣкое „классическое“ состояніе Духа, самоопредѣляющагося въ своемъ пути,—нѣкое „идеальное, всеобщее міровое состояніе“ [6]), выражающее природу Божества и осуществляющееся во „внутренней природѣ вещей“ [7]). Искусство родится *изъ Духа* и *въ духъ* и потому сплетается корнями своими съ природой, религіей, нравственностью и философіей [8]). *Откровеніе* есть содержаніе искусства, и человѣкъ, эстетически творящій, есть „художникъ Бога“ [9]).

Таково двойное строеніе „образовъ“ искусства Понятно, что оно сводится къ единству только благодаря тому, что чувственный и вещественный матеріалъ оказывается способнымъ къ одухотворенію. Такъ, въ истинномъ произведеніи искусства конкретное-эмпирическое является „лишь знакомъ Идеи“ [10]), лишеннымъ самостоятельности [11]) и самодовлѣнія. Рожденное въ духѣ и пребывающее въ лонѣ *Духа* [12]), оно получаетъ „духовное крещеніе“ [13]) и изображаетъ лишь то, что соотвѣтствуетъ божественной природѣ. Искусство снимаетъ съ произведеній своихъ „обманчивую видимость дурного, преходящаго міра“ и сообщаетъ имъ „высшую, духовно-рожденную дѣйствительность“, пріобщаетъ ихъ „высшей реальности“ [14]). Духъ подчиняетъ себѣ чувственную матерію, очищаетъ ее [15]) и одухотворяетъ; все то, что привнесено дурной случайностью и самозаконностью ирраціональной стихіи,—человѣческій духъ, внемля зову божественнаго Духа, отрицаетъ, „снимаетъ“ и удаляетъ [16]). Все же оставляемое „идеализируется“ [17]), насыщается значительностью Божія бытія, слагается по его закону, заживаетъ его жизнью. Чувственная наличность сохраняется [18]), но освобождается отъ оковъ голой матеріально-

---

1) „lebendiges Anschauen des absoluten Lebens und somit ein Einssein mit ihm.“ Diff. 270.—2) Enc III. 335 (Z). срв. Aesth. I. 68.—3) Aesth. I. 30 срв. Aesth III 15. 20. 580.—4) Срв. Aesth. I. 82.—5) Срв. Aesth. I. 93 103. 325 —6) См. Aesth. I. 229—252 „der ideale Weltzustand“, 252; „einen allgemeinen Weltzustand“, 253.—7) Срв. Aesth. I 232 —8) Срв. Enc III. 440—446; особенно 444—445; а также Log. III. 328. Aesth. I. 108—116 и главы о природѣ.—9) „Meister des Gottes“. Enc. III. 443.—10) „nur Zeichen der Idee“. Enc. III 441. Срв. Aesth. I. 215.—11) Срв. Enc. III 445 Aesth. I. 144. 325.—12) Aesth. I. 18—13) Aesth. I 39.—14) Aesth. I. 13.—15) Aesth. I. 200.—16) Срв. Aesth. I. 113. 200. 200. 206. 206. 227.—17) Aesth. I. 51. 111—112. 113. 215.—18) Aesth. I. 51. 65.

сти [1]), выводится изъ чащи конечнаго бытія и случайной неудачливости [2]). Произведеніе искусства остается вещью [3]) и внѣшней единичностью [4]), но утрачиваетъ свою дурную самобытность [5]) и свое равнодушіе къ духовному [6]). Чувственное одухотворяется и духовное является въ чувственномъ видѣ [7]); око зритъ „чистое тѣло внутренней красоты“ [8]).

Искусство достигаетъ того, что чувственный фрагментъ, „просвѣтленный“ [9]) Духомъ, становится носителемъ Духа, его осуществленнымъ „образомъ“, въ которомъ нѣтъ ничего, что идетъ не отъ Духа [10]), который „зачатъ и рожденъ“, незапятнанный дурной субъективностью [11]). Это означаетъ, что между Идеей и ирраціональной стихіей осуществляется великое примиреніе [12]), основанное на *взаимномъ пріятіи и проникновеніи*.

Въ образахъ „прекраснаго искусства“ ни чувственный элементъ, ни духовная сущность не представляютъ изъ себя чего то внѣшняго и самостоятельнаго [13]): чувственное не есть „только оболочка“ [14]) духа; оно не только „соотвѣтствуетъ“ [15]) или „соразмѣрно“ [16]) ему; нѣтъ, оно „проникнуто“ [17]) спекулятивнымъ содержаніемъ, оно „совершенно усвоено“ имъ [18]), такъ, что даже „случайность“ конечнаго міра оказывается одухотворенной и сохраненной, ибо образу искусства присуща „видимость ненарочной случайности“ [19]). „Матерія“ становится „адэкватною“ [20]) Духу; она вся черезъ Духъ: *его* „выраженіе“ [21]), *его* „излученіе“ [22]), *его* „манифестація“ [23]). Подобно тому, какъ глазъ есть „сѣдалище души“ и вся душа цѣликомъ свѣтится изъ его глубины, такъ искусство „дѣлаетъ каждый свой образъ тысячеглазымъ Аргусомъ, такъ, чтобы внутренняя душа и духовность“ сіяла изъ каждаго „пункта“ его поверхности [24]); и притомъ *вся — отовсюду* [25]). Тогда между Духомъ и чувственностью возникаетъ единство [26]): обѣ стороны вработываются [27]), врастаютъ [28]) одна въ другую; гармо-

---

[1]) Срв. Aesth I 51. 65; срв. Aesth. II 66 74 137. 383. Aesth. III. 580.— [2]) Срв. Aesth. I. 51 102. 109 — [3]) Aesth. I 51.— [4]) Aesth I 51.— [5]) Срв Glaub. 7 Aesth. I.150.— [6]) Aesth. I 211 — [7]) Aesth. I. 52. 115 — [8]) „der reine Leib der inneren Schönheit“. Glaub. 7.— [9]) „verklaren“. Enc. III. 441. Aesth I. 204. 205.— [10]) Enc. III. 441. Aesth. I. 110. 195.— [11]) „von subjektiver Besonderheit... und von deren Zufälligkeit unbefleckt empfangen und herausgeboren“... Enc. III. 443 — [12]) „versohnt“ Срв. Aesth. I. 91. 115 Enc III 443 — [13]) Aesth. I. 68.— [14]) „blosse Hülle“ Aesth. I 67— 68.— [15]) „entsprechen“ Aesth. I. 92—93. 94. 103 — [16]) „gemäss“. Aesth I 93. 196 199 201. Срв. Aesth III. 128.— [17]) „durchdrungen“. Aesth. I. 18.— [18]) „vollständig angeeignet“. Aesth. I 107 — [19]) Aesth I 150.— [20]) Aesth I. 200. Aesth. III. 129.— [21]) Enc. III 445.— [22]) „Scheinen“. Aesth I. 144.— [23]) Aesth. I. 107.— [24]) Aesth. I. 197. Срв. Aesth. II. 384. 392—396.— [25]) Aesth I. 197.— [26]) „Eins sein“, „Einheit“, „Ineinsbildung“. Aesth. I 53 82. 94. 103 — [27]) „ineinander gearbeitet“. Aesth. I. 94 — [28]) „ineinander verwachsen“. Aesth. I. 68.

нія [1]), согласіе [2]), созвучіе [3]) ихъ превращаются въ интимную [4]) и неразрывную [5]), неразличимую [6]) сращенность, въ „завершенное взаимопроникновеніе“ [7]), въ растворенность [8]) и поглощенность [9]). Возникаетъ спекулятивное тождество чувственнаго-индивидуальнаго и сверхчувственнаго-всеобщаго: „Всеобщее настолько же пріобрѣтаетъ черезъ единичность конкретное существованіе, насколько субъективность единичнаго и особеннаго лишь во Всеобщемъ находитъ непоколебимую базу и подлинное содержаніе для своей дѣйствительности“ [10]). Всеобщее, поглощая единичность, вноситъ въ нее свою высшую спекулятивную согласованность [11]) и превращаетъ чувственный образъ въ тотальность [12]); и обратно — чувственный образъ даетъ Всеобщности адэкватное осуществленіе и индивидуально опредѣленное бытіе [13]).

Въ этомъ высшемъ *спекулятивномъ симбіозѣ* „истинный образъ“ истиненъ потому, что „истинна выраженная имъ Идея“ [14]); чувственное освящено сіяніемъ Идеи [15]) и являетъ собою „тріумфъ сосредоточенной въ себѣ свободы“ [16]). Вотъ откуда проистекаетъ та высшая удовлетворенность [17]) и освобожденность [18]), которая присуща созданіямъ „прекраснаго искусства“. Образы его полны блаженнаго покоя [19]), свѣтлаго радованія [20]), самодовлѣющей [21]) законченности [22]). „Идеальный образъ искусства стоитъ передъ нами, какъ нѣкій блаженный Богъ“ [23]), *внутренно свободный во внѣшнемъ бытіи* [24]), безъ заботы объ иномъ [25]), чувственно-духовный; онъ есть осуществленная въ мірѣ красота [26]), „абсолютная Идея“ [27]).

И все же, несмотря на то, что искусство есть сонмъ дѣйствительныхъ „образовъ“ Божества на землѣ, оно *не* есть *высшій* способъ [28]) жизни, свойственный Духу. Самая форма существованія, противоположная мысли [29]), получаетъ ограничивающее зна-

---

[1]) „Harmonie“. Aesth. I. 200.—[2]) „Zusammenstimmung“. Aesth I. 149. 199—200 —[3]) „Einklang“. Aesth I. 201.—[4]) „Innigkeit“. Aesth. 94. 203.—[5]) „trennungslos“. Aesth. I 232.—[6]) Aesth. I. 185 —[7]) „vollendete Durchdringung“. Aesth. I. 149; срв. 188.—[8]) „Verschmolzensein“. Aesth I. 103.—[9]) „Verschlungen“ Aesth. I. 201 —[10]) Aesth. I. 231. 232. 185. Срв Aesth. II. 9. 333. Aesth. III. 249 —[11]) Aesth. I 199—200 —[12]) Срв. Aesth I. 302 —[13]) Срв. Aesth. I. 252—313.—[14]) Aesth. I. 97 —[15]) Срв. „Sinnliches Scheinen der Idee“. Aesth. I 144.—[16]) Aesth. I 202.—[17]) „Befriedigung“. Enc. III. 446. Aesth I 202. Aesth II. 129 137.—[18]) „Befreiung“. Enc. III. 446 Aesth. I. 65.—[19]) „Selige Ruhe“. Aesth. I 204. 202. 203 Aesth. II. 76.—[20]) „Heiterkeit“. Aesth. I. 202. 203.—[21]) „Sichselbstgenügen“. Aesth. I. 202. Срв. Aesth. II. 297 Aesth. II. 91. 58 —[22]) „Beschlossenheit“. Aesth. I. 202.—[23]) „Wie ein seliger Gott“. Aesth. I. 202.—[24]) Aesth. I. 218.—[25]) Срв. Aesth. I. 218.—[26]) Срв. Aesth I. 107.—[27]) Aesth. I. 120.—[28]) „Weise“ Log. III. 328; ср. о спекулятивномъ „рангѣ“ искусства. Aesth. I. 14. 93 94 102 123. 124. 131 132. 133 134. 135. 136. 201. 225. 226 и др.—[29]) Срв. Aesth. 117.

ченіе: Понятіе живетъ здѣсь *не въ видѣ* понятія [1]), оно отчуждено отъ своей настоящей атмосферы [2]) въ сторону чувственнаго и внѣшняго, гораздо болѣе даже, чѣмъ, напримѣръ, въ религіи [3]). Въ прекрасномъ искусствѣ Божество *предаетъ себя образному и созерцательному существованію*, оно облекается въ конечную и преходящую ткань, въ видимые и осязаемые облики, оно творитъ себя какъ *овеществленную* духовность, т. е. не въ истинномъ своемъ элементѣ [4]). Именно поэтому осуществленная красота остается примиряющей срединой, сочетающей въ себѣ *обѣ* стихіи, хотя и по закону *высшей*.

Религія, основанная на откровеніи, есть послѣдняя ступень дѣйствительности, сотканная органически изъ Разума и неразумной стихіи. Она есть высшая ступень въ ряду „образованій“ потому, что она не только созрѣваетъ, но, и созрѣвъ, пребываетъ въ элементѣ „внутренняго“, въ элементѣ „познающаго созерцанія“, являясь вовнѣ лишь въ стадіи исповѣдующаго культа.

Въ качествѣ дѣйствующаго „образа“ религія включаетъ въ себя, съ одной стороны, неразумныя состоянія: душа, религіозно обращенная къ Богу, *чувствуетъ* и *ощущаетъ* его [5]). Внѣ чувства нѣтъ религіи [6]); но именно поэтому религія всегда причастна *эмпирической душевности*: ибо чувство остается субъективнымъ, случайнымъ и неразумнымъ по природѣ своей.

Однако въ религіи откровенія субъективное и неразумное чувствованіе пріемлетъ въ себя *подлинную силу Божію*. Это есть *истинная* религія, и поэтому она состоитъ въ дѣйствительномъ раскрытіи Богомъ своей природы—человѣку. Богъ есть Духъ, а *откровеніе* есть самая сущность, самый *смыслъ* (Sinn) духовности [7]). Это означетъ, что „*Богъ есть* и даетъ себя“—именно „въ отношеніи своемъ къ человѣку“ [8]). Со стороны Божества нѣтъ и не можетъ быть препятствій [9]), къ тому, чтобы въ человѣкѣ состоялось богопознаніе: ибо къ самой сущности Божіей принадлежитъ то, чтобы *быть въ элементѣ сознанія и познанія*; сознаніе же принадлежитъ только человѣку [10]) и потому Богъ можетъ открыть себя только ему, который есть „духъ“ [11]).

Нелѣпо и чудовищно было бы приписывать Богу опасливое, ревнивое скрываніе отъ человѣка своей благодатной природы.

---

[1]) Aesth. I. 8. 51. 51. 34. 201.—[2]) Aesth. I. 18.—[3]) Ph. G. 39.—[4]) Aesth I. 103. 104; срв 186.—[5]) См. главу третью.—[6]) „Die Religion muss gefühlt werden, muss im Gefühl sein, sonst ist sie nicht Religion“. Beweise. 317.—[7]) Enc. III. 447.—[8]) Beweise. 328. Курсивъ принадлежитъ Гегелю.—[9]) „Von Seiten Gottes kann... nichts im Wege stehen“. Beweise 330.—[10]) Срв. напр., Beweise. 300. 318.—[11]) Срв. Beweise. 330 и др.

По преданію еще въ Аѳинахъ былъ законъ, по которому человѣкъ, не позволившій другому зажечь свой огонь объ его огонь,— присуждался къ смертной казни [1]). Даже физическому свѣту и пламени свойственно сообщаться, распространяться и предаваться „инобытію“, не теряя своей природы и не умаляясь въ своей силѣ; тѣмъ болѣе свойственно природѣ Духа пребывать вѣрнымъ себѣ и не искажаться въ откровеніи, даруемомъ человѣку [2]). Все это можетъ быть ясно и не-философскому сознанію. Духъ Божій свободенъ отъ всякой ревности и зависти [3]). Зависть есть отношеніе *одного субъекта* къ *другому*; это есть враждебность *лишеннаго* къ *обладающему*, нелюбовное, отъединенное противостояніе существа, страдающаго отъ своей скудости. И вотъ, все это мертво въ жизни Божіей и неприложимо къ единой и единственной, всеобъемлющей субстанціи. Богъ есть бытіе не скудное и не ограниченное, но богатѣйшая тотальность. Онъ не „противостоитъ“ ничему и не пребываетъ въ отъединеніи; напротивъ, онъ во всемъ видитъ и знаетъ только себя, имѣетъ дѣло только *съ собою* и даже „инобытіе“ свое, созданное имъ самимъ, онъ возвращаетъ къ себѣ властнымъ зовомъ и творческимъ, побѣждающимъ усиліемъ. Самое откровеніе, исходящее отъ него, пріемлется имъ же самимъ: Богъ есть субъектъ, открывающій себя; и Богъ есть субъектъ, воспріемлющій, *подъ видомъ человѣческаго существа*, свое откровеніе [4]). Откровеніе есть *Божіе самопознаніе*, т. е. *сознаніе имъ себя въ человѣческой душѣ* [5]).

Это означаетъ, что человѣческая душа, переживая религію откровенія, исполнена присутствія Божія. Религія есть жизнь и „только жизнью можетъ быть постигнутъ и вмѣщенъ Богъ“ [6]); ибо Богъ есть сама жизнь. Но тайна откровенія состоитъ въ томъ, что, когда человѣкъ живетъ душою „въ Богѣ“, то это самъ Богъ живетъ *въ его душѣ* и *его душою*. Истинная „вѣра въ Божественность возможна только тогда, если въ самомъ вѣрующемъ есть Божественное“ [7]), ибо „только модификація Божества можетъ познать его“ [8]). „Въ каждомъ человѣкѣ“ есть этотъ „свѣтъ и эта жизнь“; и душа его не только освѣщается этимъ свѣтомъ на подобіе „темнаго тѣла, несущаго на себѣ лишь чужое сіяніе“, но загорается сама и горитъ своимъ собственнымъ огнемъ [9]). И этотъ огонь есть сама жизнь, сама „любовь“ [10]), само Божество; ибо

---

[1]) Beweise. 329.—[2]) Beweise. 329—330.—[3]) „Gott nicht neidisch ist“. Beweise. 329. 330. Срв. Enc III 447.—[4]) См. главы третью и восьмую.—[5]) См. Enc III. 448 и др.—[6]) Nohl. 318.—[7]) Nohl 313.—[8]) Nohl. 313.—[9]) Nohl 313.—[10]) Nohl. 391.

Божество есть всепроникающая сила любви [1]). Богъ живетъ дѣйствительно въ душѣ человѣка, такъ, какъ Лоза присутствуетъ въ вѣтвяхъ своихъ [2]), такъ, какъ Всеобщее входитъ въ свои единичности; и самъ пробуждаетъ въ душѣ человѣка вѣру и восхожденіе [3]) къ богопознанію.

И все же, несмотря на это спекулятивное тождество „чувствующей души“ съ Богомъ, религія откровенія остается въ сферѣ *дѣйствительности* и не входитъ въ предѣлы *чистой реальности*. Религія есть „образъ“ дѣйствительности, соединяющій въ себѣ подлинное бытіе Божіе и *эмпирически-иррациональную форму его жизни*. Религія есть жизнь Бога въ *субъективности* [4]) *чувствующей души*; правда, „естественное чувство сердца“ оказывается здѣсь „связаннымъ“ и подчиненнымъ „свободному Духу“ [5]), но сущность Божества высказывается ею все же *на не-божественномъ языкѣ „людей“* [6]). Поэтому даже въ откровенной религіи душа живетъ *во истину* и живетъ *истиною*, но живетъ *не истинно*. Правда, религія откровенія и философія имѣютъ одно и то же содержаніе [7]); правда, религія, какъ „достовѣрная увѣренность“ [8]), какъ сознаніе „объективнаго содержанія истины“ [9]),—несетъ въ себѣ элементы знанія [10]), нуждается въ мысли [11]), ведетъ къ философскому познанію [12]);—но истинный переходъ ея отъ чувства и „сердца“ [13]) къ мысли—дѣлаетъ ее уже *философіей*. только для мысли „содержаніе религіознаго ощущенія не есть чувственное созерцаніе и чувственное представленіе“ [14]).

Такъ въ „образахъ міра“ открывается возможность примиренія между обѣими стихіями, возможность ихъ взаимнаго проникновенія, ихъ конкретнаго симбіоза, слагающагося по закону Понятія. Чувственно-эмпирическое настолько пропитывается жизнью Понятія, что вступаетъ съ нимъ въ органическое тождество. Слѣдуя голосу предмета, Гегель вынужденъ былъ признать, что Духъ можетъ стать вещью и внести въ нее законъ своей жизни, и что Духъ можетъ овладѣть неразумными силами души и раскрыть *въ нихъ* и *для нихъ* свою божественную природу. „Образы міра“ являютъ

---

[1]) Срв. Log. III. 39—40. Nohl 391.—[2]) Nohl. 391. 314 Срв. Prop. 203.—[3]) Beweise. 356.—[4]) Enc. III. 440.—[5]) Hinr. 296.—[6]) Enc. I. XXI.—[7]) Срв. Phän. 419. 509 Log. III. 328. Enc. I. XXI. 3. Enc. 3 429. 430 438. 446. 453. Recht. 333 Briefe II. 77 Prop. 203. 205.—[8]) Enc. III. 441 Beweise. 335.—[9]) Срв. Enc. III. 429. 441. Recht. 333. Hinr. 299. Briefe. II. 75—77.—[10]) Nohl. 289. Diff. 185. Glaub. 103. Phän. 419. 509. 511. Enc. III. 440. Beweise. 311. 324. Prop. 203.—[11]) Enc. I 5 14. 35. 107. Enc. III. 117—118. 359. 366. Beweise. 324. 373. Beweise C. 482.—[12]) Phän. 512. 578. Beweise. 297. Prop. 203.—[13]) Enc. III. 117—118.—[14]) Beweise. 301.

объ стихіи не „рядомъ“, но *одну въ другой*. Такъ, образъ красоты не есть „сумма“ или „аггрегатъ“ чувственнаго и сверхчувственнаго; нѣтъ, это есть *овеществившая себя Идея* или *Духъ сущій во образѣ вещи*. Образъ „души, принявшей откровеніе“ осуществляетъ не „схожденіе“, или „соприкосновеніе“, или „общеніе“ Бога и души: нѣтъ, это есть *самообличеніе Бога въ чувствующую душу* или *созерцаніе душою своей божественной природы*. Душа, пріемлющая откровеніе есть *божественная душа*.

Таковъ былъ духъ Христа. Іисусъ явилъ чувству и чувственному созерцанію осуществленіе того процесса, въ которомъ слагается весь путь Божій въ его цѣломъ [1]): Разумъ сталъ плотію и принялъ чувственно-эмпирическое, индивидуально-человѣческое обличіе; онъ осуществилъ въ этой субъективной душѣ само-осознаніе своей божественности, и, отринувъ въ тѣлесной смерти своей („негаціи“) форму конечнаго и личнаго бытія, растворился во Всеобщность Духа, проникающаго и одухотворяющаго жизнь религіозной общины, церкви [2]). Христосъ, этотъ „единичный человѣкъ, въ видѣ котораго открылась абсолютная сущность“, свершилъ на себѣ все „движеніе чувственнаго бытія“ [3]). Онъ осуществилъ собою „непосредственное“ и „чувственное существованіе абсолютно-конкретнаго“ [4]) и міръ созерцалъ въ немъ „единство божественной и человѣческой природы“ [5]). Религіозная сущность христіанской религіи, какъ религіи „абсолютной“ [6]), опредѣляется именно благою вѣстью объ осуществимости „органическаго тождества“ человѣка и Бога; это „евангеліе“ было явлено не словомъ только, но реальнымъ осуществленіемъ, actu, и притомъ въ формѣ, доступной земному зрѣнію.

Раскрыть это откровеніе въ разумной формѣ, адэкватной самому открывающемуся Разуму и утвердить божественную *сущность* того, что обычно называютъ „міромъ“, но что слѣдуетъ называть „*дѣйствительнымъ* міромъ“,—стало задачей философіи.

И, разрѣшая эту задачу, философія слагаетъ ученіе о *тройкой „реальности“ Идеи*. Понятіе, какъ таковое, *однажды* уже тожде-

---

1) Срв. метафизическое истолкованіе троичности. Enc II 22—24 (Z). Enc. III 449—450. Rel. II. 181—288 —2) см. Phän 566. 567 568. 569. 570. 571. 572. 573. 577. 583. 584. 585 587. 589. 590. 592.—3) Phän. 573.—4) Enc III 450 Срв Aesth. II. 142. 145 151.—5) Phän. 570 Замѣчательно, что въ своей первой работѣ, посвященной христіанству („Das Leben Iesu“ Nohl 73—136), Гегель пытался исключить метафизическій и мистическій элементъ въ пониманіи личности Христа и уже черезъ нѣсколько лѣтъ онъ убѣдился въ недостаточности чисто моральной концепціи —6) Phän. 569. Rel. II. 181—288

ственно съ реальностью [1]); оно, само по себѣ, есть *живая творческая сила*, единственное живое, само творчество, абсолютная сила [2]); его присутствіе равносильно бытію и реальности; его отсутствіе означаетъ объективное ничтожество. *Вторично* Понятіе сообщаетъ себѣ „реальность“ въ „Логикѣ-начала“, предвѣчно раскрывая свою сущность въ непосредственномъ самомышленіи и восходя къ исчерпывающему категоріальному богатству; оно становится абсолютной Идеей [3]). И вотъ, въ *третій разъ* Понятіе пріобрѣтаетъ „объективную реальность“ срастаясь воедино съ ирраціональною стихіей. Элементъ чувственнаго инобытія получаетъ значеніе нѣкоторой „объективности“ [4]), въ которую вработывается „субъективность“ Духа; или значеніе нѣкоторой внѣшней „реальности“ [5]), которою овладѣваетъ внутренняя „идеальность“ Понятія. Оказывается, что сфера „дѣйствительности“ реальнѣе, чѣмъ сфера предвѣчной „логической реальности“; что Идея, создавшая себя *до міра*, не есть еще „истинная“ и „настоящая“ Идея; что *истинная Идея* возникаетъ лишь въ результатѣ *третьей реализаціи: сращенія Понятія съ ирраціональнымъ бываніемъ* [6]). *Абсолютная Идея* возстаетъ, такимъ образомъ, изъ *органическаго сращенія Разума съ неразумною чувственностью.* Ирраціональная стихія является *необходимымъ* для Духа и обогащающимъ его ингредіентомъ. *реализація Духа состоитъ въ постепенномъ усвоеніи ея, въ сращеніи, побѣждающемъ ея беззаконіе, но пріемлющемъ ея качество.*

Такова окончательная и самая глубокая попытка Гегеля изобразить „переходъ“ Абсолютнаго къ относительному. Эта попытка приводитъ его къ *процессуализаціи* ихъ соотношенія и отсюда вся философія его получаетъ тотъ характеръ *историзма*, который можетъ считаться общепризнаннымъ. Однако историзмъ Гегеля получаетъ свой истинный характеръ не отъ временной послѣдовательности *безразумныхъ* и случайныхъ эмпирическихъ обстоятельствъ; и не отъ сопоставленія *полу-разумныхъ*, двоящихся явленій; но отъ *спекулятивно-необходимаго и закономѣрнаго восхожденія разумныхъ „образовъ міра“*. Историзмъ Гегеля опредѣляется восходящимъ рядомъ побѣдъ разума „на землѣ“. Эта исторія есть сверхвременная, *метафизическая исторія*; она повѣствуетъ о *теогоническомъ процессѣ въ космосѣ*; и послѣдовательность событій, о которой она говоритъ, остается всегда *спекулятивной*

---

[1]) См главу четвертую.—[2]) См. главу восьмую.—[3]) См. главу девятую.—[4]) См., напр., Enc. I. 45. Aesth. I. 121. 144. 150. —[5]) См. напр, Recht. 148. Aesth. I. 138. 148. 149. —[6]) Срв. Recht. 20. 22. 22 (Z). 66. 78; особенно Recht. 132. 366. Aesth. I. 138. 185 и др.

послѣдовательностью *духовныхъ* событій: она изображаетъ всѣ возможныя формы *органическаго сращенія двухъ стихій* и ихъ *симбіоза по закону Понятія*.

Послѣдовательность эта опредѣляется началомъ *свободы*; свобода является высшимъ мѣриломъ и критеріемъ всѣхъ міровыхъ „образовъ“. И въ этомъ ученіи о мірѣ, какъ процессѣ самоосвобожденія Божія, обнаруживается, что человѣкъ съ его волею и его нравственностью сосредоточиваетъ въ себѣ гордіевъ узелъ и кризисъ спекулятивнаго пантеизма [1]).

---

[1]) См. второй томъ: „Ученіе о смыслѣ человѣческой жизни“.

Литературныя добавленія.

1. Произведенія Гегеля.

Развивая и обосновывая такое истолкованіе философіи Гегеля, которое не пользуется общимъ признаніемъ, я считалъ необходимымъ относиться съ особымъ вниманіемъ къ текстуальному подтвержденію каждой характеристики и, по возможности, пользоваться подлинными выраженіями самого философа Методъ внимательнаго чтенія и тщательнаго собиранія матеріала, давшій столь плодотворные результаты въ комментаріи Файхингера къ „Критикѣ Чистаго Разума", представлялся мнѣ необходимымъ въ примѣненіи къ Гегелю и результаты произведенной мною работы даны въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Къ сожалѣнію условія печатнаго изданія не позволили мнѣ замѣнить всюду сухія цифры страницъ живыми и подлинными словами оригинала или хотя бы указать при каждой страницѣ имѣвшуюся въ виду строчку.

Способъ цитированія слѣдующій. Имѣется въ виду основное изданіе полнаго собранія сочиненій Гегеля: „Georg Wilhelm Friedrich Hegel's Werke. Vollständige Ausgabe durch einen Verein von Freunden des Verewigten: D. Ph. Marheineke, D. J. Schulze, D. Ed. Gans, D. Lp v. Henning, D. H. Hotho, D. K. Michelet, D. F. Förster. Verlag von Duncker und Humblot. Berlin 1832—1845". Изданіе это распредѣляется на 18 томовъ, распредѣленныхъ въ 21 книгѣ. Къ этому присоединяется 19-й томъ, въ двухъ книгахъ, содержащій переписку Гегеля: „Briefe von und an Hegel. Herausgegeben von Karl Hegel. In zwei Theilen. Verlag von Duncker und Humblot. Leipzig. 1887". Далѣе имѣется въ виду томъ, изданный Ноолемъ: „Hegels Theologische Iugendschriften nach den Handschriften der Kgl. Bibliothek in Berlin, herausgegeben von Dr. Herman Nohl. Verlag von Mohr (Siebeck). Tübingen. 1907". Въ это изданіе вошли всѣ отрывки, напечатанныя у Розенкранца подъ заглавіемъ „Fragmente zur Kritik der Theologie aus der Tübinger Periode" (S. 462—469), „Fragmente theologischer Studien" (S. 490—514) и подъ заглавіемъ „Begriff der Positivität der Religion 1800" (S. 532—537) Имѣются въ виду также два трактата, напечатанные впервые Моллатомъ, и затѣмъ цѣликомъ изданные Лассономъ: „Die Verfassung Deutschlands" и „System der Sittlichkeit" Въ виду того, что Моллатъ, согласно его собственному простодушному признанію (срв. „Kritik der Verfassung Deutschlands" S. VI), не придавалъ особеннаго значенія „вѣрности первоисточнику" (urkundliche Genauigkeit) и не стѣснялся „попросту исправлять погрѣшности противъ смысла", встрѣчавшіяся имъ въ рукописи Гегеля; а также въ виду того, что второй трактатъ онъ издалъ не цѣликомъ, — я цитирую объ работы по изданію Лассона: „Hegels Schriften zur Politik und Rechtsphilosophie.

Herausgegeben von Georg Lasson. Phil Bibliothek. Band 144 Verlag von Felix Meiner. Leipzig 1913. SS. 3—149. 419—503. Лассонъ приводитъ и отрывокъ „Ueber die neuesten innern Verhältnisse Wurttembergs", относящійся къ 1798 году. Имѣются въ виду также всѣ отрывки, стихотворенія и документы, сообщенные Розенкранцемъ, въ его „Georg Wilhelm Friedrich Hegels Leben beschrieben durch Karl Rosenkranz Verlag von Duncker und Humblot. Berlin. 1844"; въ частности „Hegels Tagebuch aus der Gymnasialzeit" (S. 431—448), „Arbeiten aus der Gymnasialzeit" (S. 448—461), „Thesen der Dissertation pro candidatura examinis consistorialis 1793" (S. 469—470), „Reisetagebuch Hegels durch die Berner Oberalpen 1796" (S 470—490), „Fragmente historischer Studien" (S. 515—532), стихотворенія (S. 78—80 83—84. 84—85. 260—262 359. 420), небольшой отрывокъ о тюрьмѣ (S. 85—86), „Thesen zur Habilitations disputation am 27 August 1801" (S. 156—159). „Aphorismen aus der Ienenser und Berliner Periode" (S. 537—560), и небольшая запись на Дрезденской выставкѣ (S 351—352). Наконецъ въ „Hegel-Archiv, herausgegeben von Georg Lasson Band I Heft 1 und 2" напечатаны „Hegels Entwürfe zur Enzyklopädie und Propadeutik nach den Handschriften der Harvard-Universitat", 13 неизданныхъ писемъ Гегеля и 6 неизданныхъ отрывковъ.

Историческіе отрывки 1790—1800 годовъ, опущенные Розенкранцемъ: „Kritik von Kants Tugend-und Rechtslehre" и „Kommentar zu Stewarts Staatswirtschaft",—остались мнѣ неизвѣстными. Повидимому они находились въ бумагахъ Розенкранца вмѣстѣ со многими другими рукописями Гегеля: позднѣе эти рукописи перешли во владѣніе Арнольда Генте, который увезъ ихъ въ Санъ-Франциско, гдѣ онѣ, повидимому, и погибли во время землетрясенія 1906 года.

Въ текстахъ полнаго собранія сочиненій, носящихъ авторское имя Гегеля, *не все* принадлежитъ дѣйствительно его перу.

Такъ, во-первыхъ, помѣщенная Михелетомъ въ первомъ томѣ, статья подъ заглавіемъ „Ueber das Verhaltnis der Naturphilosophie zur Philosophie überhaupt", перепечатанная изъ „Kritisches Journal der Philosophie" не принадлежитъ Гегелю, что явствуетъ не только изъ ея духа и стиля но также изъ curriculum vitae, составленнаго въ 1804 году для веймарскаго министерства самимъ Гегелемъ и совсѣмъ не упоминающаго объ этой статьѣ (см. предисловіе Нооля къ Hegels Theologische Iugendschriften стр VIII—IX). Въ литературѣ имѣется также открытое заявленіе самого Шеллинга, сдѣланное имъ въ письмѣ къ Бейссе отъ 31 октября 1838 г.: „Es ist darin kein Buchstabe von H. (sic), jener hat ihn vor dem Abdruck nicht gesehen" Срв C. Michelet. Schelling und Hegel oder Beweis der Aechtheit der Abhandlung: Ueber das Verhältnis" etc. S. 6—7. Всѣ соображенія Михелета, приведенныя имъ въ этой полемической брошюрѣ, не представляются сколько-нибудь убѣдительными

Точно также неправильно приписывается Гегелю рецензія „Ueber Friedrich Heinrich Iacobi's Werke. Erster Band" etc., составленная Фр. фонъ-Мейеромъ и напечатанная имъ въ № 50 Heidelbergische Jahrbücher der Literatur за 1813 годъ. Эта рецензія была включена въ 16-й томъ полнаго собранія сочиненій Гегеля, вслѣдствіе недостаточной освѣдомленности редакторовъ этого тома Фёрстера и Боумана.

Наконецъ, не могутъ быть признаны строго аутентичными всѣ тѣ добавленія (Zusätze), которыя были включены учениками Гегеля въ его Энциклопедію и Философію Права. Текстъ этихъ добавленій составленъ,

по большей части, на основаніи записей, сдѣланныхъ различными учениками Гегеля въ разные годы на его лекціяхъ. Педагогическая и экспликативная задача лекцій, устное изложеніе съ его часто неточными и случайными оборотами и выраженіями; неустойчивый и не всегда достаточно высокій уровень пониманія у записывавшихъ,—все это дѣлаетъ эти добавленія мало надежнымъ источникомъ. Къ тому же сами составители добавленій то признаются, что выборъ словъ (Auswahl der Worte) принадлежитъ не Гегелю, а редактору (см. Предисловіе Ганса къ Grundlinien der Philosophie des Rechts B. VIII. S. XVI); то прямо заявляютъ, что не стремились къ „дипломатической точности“ и не стѣснялись пополнять дефекты по собственной памяти. „aus seiner Erinnerung zu vervollständigen“ (см. Предисловіе фонъ Хеннинга къ Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften. Erster Theil. B. VI S VI—VII). Ввиду этого я пользовался этими добавленіями съ большою осторожностью, а добавленія къ первому тому Энциклопедіи, составленныя фонъ-Хеннингомъ, прямо исключилъ изъ цитацій Что тексты фонъ-Хеннинга не заслуживаютъ довѣрія, можно усмотрѣть хотя бы изъ добавленія къ § 151 Энциклопедіи, гдѣ въ опредѣленіи Бога вмѣсто „Subjekt“ поставлено „Person“; пунктъ раздора между правыми и лѣвыми гегельянцами получаетъ въ этомъ совершенно не аутентическое освѣщеніе. Всюду, гдѣ я привожу въ сноскахъ текстъ добавленій, я обозначаю это знакомъ (Z.).

Отсутствіе такой критической строгости у издателей заставляетъ относиться съ осторожностью и ко всѣмъ лекціонно изложеннымъ и обработаннымъ частямъ ученія Нельзя не подивиться на недостатокъ критическаго и литературно-философскаго такта у тѣхъ учениковъ Гегеля, которые не сочли нужнымъ выдѣлить въ лекціонныхъ курсахъ оригинальное и аутентическое отъ собственныхъ дополненій и привнесеній. тѣмъ болѣе, что въ ихъ распоряженіи были оригинальныя рукописи Гегеля, по которымъ онъ говорилъ съ кафедры (срв. Предисловія къ томамъ IX стр. XX, X стр VII, XI стр V и XIII стр. VI).

Необходимо впрочемъ имѣть въ виду, что лекціи по Философіи Исторіи (томъ IX) имѣютъ въ этомъ отношеніи преимущество: во-первыхъ страницы 1—73 принадлежатъ перу самого Гегеля (рукопись 1830 года): во-вторыхъ, издатель этого тома, Эдуардъ Гансъ, относился съ бо́льшею осторожностью къ своему дѣлу (срв. Vorrede. S. XVIII—XIX). Однако, и онъ, къ сожалѣнію, не отдѣлилъ оригинальнаго текста отъ лекціонныхъ записей и добавленій.

Изъ лекцій по Философіи Религіи (томъ XI и XII) перу Гегеля принадлежатъ только „Vorlesungen über die Beweise vom Dasein Gottes“ (томъ XII. Anhang. SS. 291—449) и „Kritik der Kantischen Kritik der Beweise für das Dasein Gottes“ (томъ XII. Einschaltung. SS. 368—394). Срв. Band XI. Vorrede. S. VII. Эти лекціи по зрѣлости мысли и простотѣ изложенія принадлежатъ къ самымъ замѣчательнымъ произведеніямъ Гегеля и даютъ вмѣстѣ съ генально-глубокомысленными теологическими трактатами, опубликованными Ноолемъ, подлинный матеріалъ для сужденія о воззрѣніяхъ Гегеля на сущность религіи.

Въ подстрочныхъ ссылкахъ мною приняты слѣдующія условныя обозначенія (произведенія указываются почти всегда въ хронологическомъ порядкѣ, въ которомъ, поскольку онъ можетъ считаться спорнымъ, я слѣдую Розенкранцу):

Произведеніе.	Годъ.	Знакъ.
1. Всѣ произведенія, напеч. у Розенкранца, кромѣ особо выдѣленныхъ.	—	Ros.
2. Theologische Jugenschriften herausg. von Nohl	1790—1800 г.	Nohl.
3. System der Sittlichkeit herausg von Lasson	около 1800 „	Lass II
4. Differenz des Fichteschen und Schellingschen Systems Opera B I. . .	1801 „	Diff.
5. Dissertatio philosophica de Orbitis Planetarum Opera B. XVI. . . .	1801 „	Diss.
6. Ueber das Wesen der philos. Kritik etc. Opera B. XVI.	1802 „	Krit.
7. Wie der gemeine Menschenverstand die Philosophie nehme etc. Opera B. XVI	1802 „	Krug.
8. Verhaltnis des Skepticismus zur Philosophie etc. Opera B. XVI . .	1802 „	Skept
9. Glauben und Wissen Opera B. I .	1802 „	Glaub.
10. Ueber die wissenschaftlichen Behandlungsarten des Natturrechts Opera B. I	1802—1803 „	W Beh
11. Aphorismen aus der Ienenser Periode. Rosenkranz. S 537—555. .	1801—1806 г.	Aphor. I.
12. Die Verfassung Deutschlands herausg. von Lasson.	1806—1808 „	Lass. I.
13. Phänomenologie des Geistes. Opera B. II.	1807 „	Phän.
14. Philosophische Propadeutik Opera. B. XVIII.	1808—1811 „	Prop.
15. Fünf Gymnasial-Reden, gehalten zu Nürnberg. Opera. B. XVI.	1809—1815 „	Gymn.
16. Aus einem Briefe Hegels and Niethammer. Opera B. XVII.	1812 „	Niet
17. Wissenschaft der Logik. Opera B. III.	1812—1816 „	Log. I.
18 Wissenschaft der Logik. Opera B. IV.	1812—1816 „	Log. II.
19. Wissenschaft der Logik. Opera B. V	1812—1816 „	Log. III.
20. An den königlich preussischen Regierungsrath und Professor F. v. Raumer. Opera B XVII	1816 „	Raum.
21. Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. Die Logik Opera B. VI.	1817—1827—1830 „	Enc. I
22. Encyklopädie etc. Naturphilosophie. Opera. B VII. Erste Abtheilung .	1817—1827—1830 „	Enc. II.
23. Encyklopädie etc. Die Philosophie des Geistes. Opera B. VII. Zweite Abth.	1817—1827—1830 „	Enc. III.

Произведеніе.	Годъ.	Знакъ.
24. Ueber Friedr. Heinr Jacobi's Werke. Dritter Band. Opera B. XVII. . .	1817 г.	Jac
25. Beurtheilung der im Druck.. Landstande . Würtemberg Opera B. XVI.	1817 „	Würt.
26. Vorlesungen uber die Geschichte der Philosophie. Opera B. XIII . .	1805—1831 „	Gesch Ph I.
27. Vorlesungen uber die Geschichte der Philosophie. Opera B. XIV. . . .	1805—1831 „	Gesch Ph. II.
28. Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. Opera B. XV	1805—1831 „	Gesch Ph. III
29. Aphorismen aus der Berliner Periode Rosenkranz S 555—560. .	1818—1831 „	Aphor. II.
30 Grundlinien der Philosophie des Rechts etc. Opera B. VIII. . . .	1820—1821 „	Recht.
31. Vorlesungen uber die Philosophie der Religion. Opera B XI . . .	1821—1831 „	Rel I.
32. Vorlesungen über die Philosophie der Religion. Opera B. XII. . . .	1821—1831 „	Rel II.
33. Vorrede zu Hinrichs Religionsphilosophie. Opera B. XVII	1822 „	Hinr
34. Vorlesungen uber die Philosophie der Geschichte Opera B. IX . . .	1822—1830 „	Ph. G.
35. Vorlesungen uber die Aesthetik Opera B. X. Abth. 1.	1823—1829 „	Aesth. I.
36. Vorlesungen uber die Aesthetik. Opera B. X. Abth. 2.	1823—1829 „	Aesth II.
37. Vorlesungen über die Aesthetik Opera B. X. Abth. 3.	1823—1829 „	Aesth. III
38. Wer denkt abstrakt? Opera B XVII.	между 1825 и 1831 „	Abs.
39. Recension der Schrift: „Ueber die unter dem Namen Bhagavad-Gita etc. Opera B. XVI.	1827 „	Bhag.
40. Ueber Solgers nachgelassene Schriften etc. Opera B XVI.	1828 „	Solg.
41. Ueber Hamann's Schriften. Opera B. XVII	1828 „	Ham.
42. Vorlesungen uber die Beweise vom Dasein Gottes. Opera B. XII . .	1828—1829 „	Beweise.
43. Ausführung des teleologischen Beweises etc. Opera B. XII.	1831 „	Beweise A.
44. Ausführung des teleologischen und ontologischen Beweises etc. Opera B XII	1827 „	Beweise B.
45. Ausführung des ontologischen Beweises Opera B. XII.	1831 „	Beweise C.
46. Ueber „Aphorismen über Nichtwissen. von K. F. G... l.“ Opera B. XVII	1829 „	Gösch.

Произведеніе.	Годъ.	Знакъ.
47. Recension der Schriften: „1 . 2 3 . 4 . . 5 . “ etc. Opera B XVII. .	1829 г.	5 Rec.
48. Drei lateinische Reden etc Opera B. XVII.	1829—1830 „	3 lat.
49. Ueber „Der Idealrealismus .. Ohlert“. Opera B. XVII.	1831 „	Ohl.
50. Recension der Schrift .. von J. Gorres“. Opera B. XVII.	1831 „	Gör.
51. Ueber die englische Reform - Bill Opera B XVII	1831 „	Engl
52. Briefe von und an Hegel. Opera B. XIX Abth. 1	—	Briefe I.
53. Briefe von und an Hegel. Opera B. XIX Abth 2	—	Briefe II.

Произведенія не вошедшія въ этотъ подробный списокъ мною не цитируются

2. Литература о Гегелѣ.

„Ein grosser Mann verdammt die Menschen dazu, ihn zu explicieren".
Hegel Aphor. II. S 555

Настоящій литературный обзоръ, къ сожалѣнію, далеко не полонъ. Въ библіотекахъ Парижа, Берлина и Геттингена мнѣ удалось собрать гораздо болѣе полный составъ сужденій о философіи Гегеля. Собранные матеріалы были задержаны войною за границей и нынѣ мнѣ пришлось ограничиться книгохранилищемъ Московскаго Университета. Вотъ почему я не упоминаю здѣсь о многихъ значительныхъ или, во всякомъ случаѣ, заслуживающихъ вниманія произведеніяхъ, посвященныхъ Гегелю: здѣсь нѣтъ ни Бахмана, ни Вейссе, ни Ульрици, ни Бруно Бауэра, ни Стерлинга, ни Вэры, ни Спавенты: я не могъ использовать ни многочисленныхъ журнальныхъ статей, ни новѣйшихъ опытовъ, посвященныхъ моему предмету и кратко охарактеризованныхъ мною въ замѣткѣ „О возрожденіи гегельянства" (Русская Мысль за 1912 годъ). Весь собранный нынѣ матеріалъ сужденій разбитъ мною по главамъ и каждое утвержденіе сопровождено краткимъ отзывомъ, для котораго содержаніе соотвѣтствующей главы служитъ какъ бы бо́льшею посылкою.

Глава первая. О принципіальномъ различіи между конкрѣтнымъ-эмпирическимъ и конкретнымъ-спекулятивнымъ въ литературѣ можно найти очень мало. Большинство писателей употребляетъ терминъ „конкретнаго" въ неопредѣленномъ смыслѣ „жизненной дѣйствительности". Интересны такія ошибки, какъ у Вундта: по Гегелю „die sinnliche, empirische Welt ist die einzig wirkliche Welt" (Einleitung in die Philosophie S 330) и за панлогизмомъ его скрыта „eine rückhaltslose Anerkennung der empirischen Wirklichkeit" (ibidem). Въ отверженіе конкретнаго-эмпирическаго никакъ не можетъ повѣрить и Роджерсъ (Введеніе въ философію, стр. 99. 102, 107). Даже у Виндельбанда (Die Blüthezeit der Deutschen Philosophie S. 313) можно найти допущеніе что Гегель признавалъ бытіе міра въ томъ видѣ, какимъ онъ „Sich vor unserer empirischen Erkenntniss darstellt". Напротивъ, еще Экснеръ отмѣчалъ у Гегеля нѣкоторое „презрѣніе къ опыту" (Die Psychologie der Hegelschen Schule 1842. S 112); а принципіальное расхожденіе спекулятивнаго пути съ эмпирическимъ было отмѣчено и во французской литературѣ (A. Lèbre. Crise actuelle de la philosophie allemande. Revue des deux Mondes. 1843). Hermann былъ правъ, сопоставляя отношеніе Гегеля къ чувственному міру — съ отношеніемъ

Платона (Hegel und die logische Frage der Philosophie in der Gegenwart. S. 50—51), а позднѣе Эдуардъ фонъ-Гартманнъ со своею обычною тонкостью отмѣчалъ, что конкретное эмпирическое есть въ глазахъ Гегеля не болѣе, чѣмъ „falscher, trügerischer Schein" (Geschichte der Metaphysik. Zweiter Theil. S. 218), который не представляетъ ни интереса, ни подлинности (Neukantianismus, Schopenhauerianismus und Hegelianismus. S 284). Лучше всѣхъ выразилъ это Anton Springer: чувственный міръ даетъ лишь „Trübungen"; необходимо еще „im Vorzimmer des Systems ihre Erbärmlichkeit sich zu Gewissen führen" (Die Hegelsche Geschichtsanschauung 1848 S 9).

Глава вторая. Гегель отчасти самъ виноватъ въ томъ, что позднѣйшая критика недостаточно отличала абстрактное-формальное отъ абстрактнаго спекулятивнаго: онъ анализировалъ это понятіе только въ его первомъ значеніи, не поднимаясь къ роду („абстрактное, какъ таковое") и не устанавливая специфическихъ различій. Это не даетъ однако никакихъ основаній для смѣшенія „разсудка" съ „разумомъ". Совершенно не правъ Родкерсъ, утверждая, что „самъ Гегель никогда не потрудился опредѣлить точно,.. чѣмъ его воззрѣніе отличается отъ того, которое усвоилъ себѣ такъ называемый здравый разсудокъ" (Введ въ фил. стр. 98, 99, 114). На самомъ дѣлѣ Гегель никогда не призывалъ „всецѣло погрузиться въ абстракціи" (Льюисъ. Исторія философіи стр. 614) и, съ другой стороны, никогда не отождествлялъ „le mal", „la diremtion" и „le deuxième moment de la méthode" (Ott. Hegel et la philosophie allemande p 127). Смутно различаетъ два абстрактныхъ Wallace, когда, съ одной стороны, говоритъ: „the attribute is forcibly withdrawn from its context and made an independent entity in the mind" (Prolegomena to the study of Hegel's philosophy p. 292), а съ другой стороны, „An abstract notion is onewithdrawn from everything that naturally goes along with it, and enters into its constitution" (ibidem. p. 304). Въ смыслѣ отрыва части отъ цѣлаго толкуетъ абстрагированіе и Andrew Seth: „Abstraction, as Hegel uses the term, is the tendency to take the parts of anything out of relation to the whole, and to substantiate them in that charakter as *res completae*" (The development from Kant to Hegel. p. 83). Въ русской литературѣ установилась традиція истолковывать Гегеля, какъ сторонника „отвлеченнаго понятія"; къ этому склоняются, повидимому, Вл. Соловьевъ, кн. С. Н. Трубецкой, Л. М. Лопатинъ и кн. Е. Н. Трубецкой, который возводитъ эту традицію черезъ славянофиловъ къ Шеллингу („Міросозерцаніе В С. Соловьева Томъ I, стр. 54—55, 57). Это не мѣшаетъ Вл. Соловьеву („Философія Гегеля. Прил. къ книгѣ Корда, стр. 283—284) и Л. М. Лопатину („Положительныя задачи философіи. Томъ I, стр. 387) правильно опредѣлять отношеніе самого Гегеля къ „разсудку". Вѣрно отличаетъ „мысль" Гегеля отъ разсудочной абстракціи Paulsen (Einleitung in die Philosophie. S. 318). Превосходно ставитъ весь этотъ вопросъ Lask (Fichtes Idealismus und die Geschichte, besonders S. 57—58). Исчерпывающе опредѣляетъ отношеніе спекулятивнаго понятія къ разсудочному E. von Hartmann: „Wie bei Homer die Sprache der Götter zu der der Menschen" (Gesch der Metaphysik. II. S. 231)

Глава третья. Феноменологическій анализъ Гегелева философскаго акта не осуществленъ въ литературѣ. Обыкновенно двѣ стороны этого дѣла,—спекулятивное видѣніе и критическій анализъ,—раскалываются и не соединяются; тѣ, кто видятъ *вмѣстѣ* съ Гегелемъ, видятъ только *такъ*; они какъ бы плывутъ за нимъ по его теченію (Розенкранцъ, Ми-

хелетъ, Куно Фишеръ)[1]. тѣ же, которые подходятъ къ нему *критически*, оставаясь на своей и, притомъ, болѣе обычной точкѣ зрѣнія и сохраняя по бо́льшей части вѣрность „формальной“ логикѣ, знаютъ Гегеля *только извнѣ* и разлагаютъ тотъ способъ видѣнія, который имъ самимъ чуждъ и ими не пережитъ (Фрисъ, Бахманъ, Гербартъ, Тренделенбургъ, Гаймъ, Экснеръ и другіе). Первые, если сами и *видятъ*, то не могутъ *объяснить*: вторые, если *объясняютъ*, то объясняютъ то, чего *сами не видѣли* Между гегельянцами и ихъ противниками возникаетъ пропасть, пониманіе утрачивается, философское общеніе вырождается въ нагроможденіе недоразумѣній и критическое взаимо-попираніе, а дѣло пониманіе не выигрываетъ отъ этого. Въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ стоятъ или „лѣвые“ гегельянцы, какъ Фейербахъ, продѣлавшіе сами переходъ отъ гегельянства къ болѣе обычной точкѣ зрѣнія, или же такіе интуитивно одаренные мыслители, какъ Эдуардъ фонъ-Гартманъ и Дильтей.

Именно необычайностью структуры Гегелева акта объясняются діаметральныя оцѣнки его философіи. Съ одной стороны Целлеръ признаетъ, что ученіе Гегеля есть „die vollkommenste Form des deutschen Idealismus, die reifste Frucht der Entwicklung“ (Geschichte der deutschen Philosophie seit Leibniz S 775), и Willm говоритъ, что Гегель „est à la fois le plus subtil et le plus profond des philosophes modernes“ (Histoire de la philosophie allemande depuis Kant jusqu'a Hegel t III p 383). Виндельбандъ отмѣчаетъ строгость Гегеля къ себѣ и враждебное отношеніе его ко всякому „геніальному философствованію“: это „величайшій, послѣ Аристотеля и Канта, логикъ въ исторіи“; „eine durch und durch sachliche Persönlichkeit“; мыслитель, въ которомъ „waltete siegreich der wahrhaft philosophische Geist“ (Blüthezeit S. 303, 308, 322, 332, 314). Но наряду съ этимъ литература полна сердитыми и даже злобными отзывами объ этомъ великомъ философѣ. Одни говорятъ о его „Begriffsphantasmen und scholastischen Sophismen“ (Noack Schelling und die Philosophie der Romantik. Th. II. S. 409, 412): другіе сердятся на его „berauschender Phrasengetümmel“ (Hermann. Hegel etc. S. 2); третьи жалуются на „vernichtende Langeweile und ein alles Denken negirender Kopfschmerz“ (Kahle. Darstellung und Critik der Hegelschen Rechtsphilosophie. S. 115); а Джемсъ, не опасаясь упрека за вульгарность и пошлость, сопоставляетъ подлинныя выраженія Гегеля съ записаннымъ бормотаніемъ человѣка, опьяненнаго ad hoc закисью азота (Зависимость вѣры отъ воли и другіе опыты, стр. 338—342). Есть и такіе, которые сравниваютъ Гегеля съ „римскимъ папою“ (Блунчли. Исторія госуд. права, стр. 491) или съ оракуломъ (Der Gedanke. Berlin. 1861. SS. 185, 187, 188, 189, 190). Льюисъ идетъ еще дальше и называетъ Гегеля „ненормальнымъ“, „сумасшедшимъ честолюбцемъ“, увѣряя при этомъ, что ученіе его—это „тотъ же скептицизмъ Юма“ (Ист. Фил. стр. 618, 619, 623); а Шопенгауэръ превосходитъ своею бранью все, извѣстное въ исторіи философіи, увѣряя, что Гегель не болѣе, чѣмъ „plumper, geistloser Scharlatan“ (Die beiden Grundprobleme der Ethik. Brockhaus. 1881. S. 147. XVIII—XXX).

Неспособность или нежеланіе усвоить актъ Гегеля имѣетъ въ этихъ разногласіяхъ рѣшающее значеніе. Еще въ 1842 году Экснеръ высказалъ

---

[1]) О слѣпотѣ „правыхъ“ гегельянцевъ срв. у кн. С. Н. Трубецкого. Предисловіе къ книгѣ Кэрда, стр. XXX.

пожеланіе, чтобы кто-нибудь написалъ „eine Psychologie des Hegelschen Denkens, des Hegelschen Bewusstseins“ (Die Psychologie etc. S. 26): потребность въ этомъ понятна. ибо, какъ говоритъ Роджерсъ, „философствованіе Гегеля“ слишкомъ разрушительно для нашихъ обычныхъ умственныхъ привычекъ“ (Введеніе стр. 122) Внѣ этого его ученіе дѣйствительно можетъ остаться для насъ „a sealed mystery“ (Wallace. Prolegomena p. 8), и никто не повѣритъ въ „трезвость духа“ присущую Гегелю (Noack. Schelling etc. Th. I. S. 418).

Что философія Гегеля покоится на извѣстномъ внутреннемъ опытѣ, признаютъ Windelband (Blüthezeit S 315) и Chlebik (срв. „denkende Erfahrung“: Die Philosophie des Bewussten nach Hegel und Michelet S. 14)· особенно ясно оговариваетъ это Лосскій (Обоснованіе интуитивизма, стр 159). Участіе въ этомъ опытѣ интуиціи, созерцанія справедливо отмѣчаютъ Фалькенбергъ (Исторія новой философіи стр. 408—409) и Іодль („anschauende Erkenntniss“; Исторія этики часть II, стр. 124) Lask прямо говоритъ объ „intellectus intuitivus“ (Fichtes Idealismus. S 57). Feuerlein точно опредѣляетъ: въ логикѣ—„anschauendes Denken“, въ конкретныхъ наукахъ—„denkendes Anschauen“ (Ueber die culturgeschichtliche Bedeutung Hegels Historische Zeitschrift. 1870. IV. S. 331). Въ русской литературѣ независимое отъ шеллингіанской традиціи воззрѣніе высказываетъ П. И. Новгородцевъ. „на мѣсто абстрактныхъ опредѣленій ставилось конкретное созерцаніе“ (Кантъ и Гегель, стр. 190) Вл. Соловьевъ отказываетъ Гегелю въ интуиціи (Философія Гегеля, стр. 280—284, 298). Особенно опредѣленно высказывается Л М. Лопатинъ Гегель „желалъ совсѣмъ игнорировать созерцаніе“ (Пол. задачи I. 367)

Природу этого опыта Rosenkranz видитъ въ отвлеченіи отъ субъективности и подъятіи ея „zum reinen, reflexionslosen Gefass des Begriffs“ (Hegels Leben. S 323). Гиляровъ-Платоновъ полагаетъ, что ни „уничтожить индивидуальное лицо“, ни „разстаться“ съ нимъ невозможно, и протестуетъ противъ этой затѣи отъ лица „людей здравомыслящихъ“ (Онтологія Гегеля. Вопр. Фил. и Псих. кн. 8, стр. 18—19, кн. 10, стр. 29—30). Сверхсубъективный характеръ спекулятивнаго мышленія признаютъ Кэрдъ (Гегель, стр 178—179) и кн. С Н. Трубецкой (Основанія идеализма. Соч. т. II, стр. 184). Ерузалемъ напрасно упрощаетъ вопросъ, сводя все къ „умственному воспроизведенію самого развитія понятій“ (Введеніе въ философію. стр. 166). Гораздо тоньше описываютъ это состояніе Janet et Seailles: „s'abandonner au mouvement dialectique de la pensée“ (Histoire de la philosophie. p. 161). E. von Hartmann опредѣляетъ еще лучше: „das individuelle Bewusstsein schaut passiv dem Schauspiel zu, das der aktive und produktive Geist vor ihm aufführt“ (Geschichte. S. 218). Хорошо у Rehmke: „diesem Gange der Selbstbewegung der Idee denkend nachgehen“ (Grundriss der Geschichte der Philosophie S. 281) и у Seth: „The true speculative method consists in allowing this function free play .. It must be looked in the face“ (Development p. 74).

Результатъ спекулятивнаго самоотреченія изображается въ литературѣ различно. Виндельбандъ, со своей обычной ясностью, говоритъ объ „Evidenz der immanenten Sachlichkeit“ (Erneuerung des Hegelianismus S 12) Хорошо у Тренделенбурга: мышленіе становится „schöpferisch wie das Göttliche und insofern ist es das Göttliche Denken selbst“ (Zur Geschichte von Hegels Logik. Neue Jenaische Allg. Literatur-Zeitung. 1842 № 97. S 406)·

Такъ же понимаетъ и Willm· „elle est la pensée divine elle même“ (Histoire etc p. 317) Михелетъ приравниваетъ философское мышленіе восприятію откровенія Божественнаго (Entwicklungsgeschichte der neuesten deutschen Philosophie S. 241), а Springer сопоставляетъ движеніе понятія съ греческой мистеріей (Die Hegelsche etc S. 8).

Напротивъ, кн. С. Н. Трубецкой продолжаетъ и здѣсь говорить о „нашей“, человѣческой мысли (Соч т. II стр. 334. 335. 336. 339), а Вл. Соловьевъ не усматриваетъ въ такомъ мышленіи даже никакого содержанія (Кризисъ западной философіи 1874. стр. 116); при этомъ онъ страннымъ образомъ отождествляетъ „понятіе“ съ „самымъ актомъ пониманія“ „т. е. съ этой моей мыслью“ и, въ результатѣ этого совсѣмъ утрачиваетъ доступъ къ Гегелю (Кризисъ стр. 54. 109). Другіе, напротивъ, приписываютъ Гегелю обожествленіе собственной эмпирической личности и тѣмъ выдаютъ предѣлъ своего философскаго проникновенія: такъ у Janet et Seailles: „Dieu c'est Hegel“ (Histoire etc p. 877. 771), или у М. М. Рубинштейна: „Гегель хотѣлъ быть абсолютнымъ духомъ“ (Логическія основы системы Гегеля и конецъ исторіи. Вопр. Фил и Псих кн. 80 стр. 759). Романтическое геніальничанье усматривалъ у Гегеля, повидимому, Haym (Hegel und seine Zeit. S. 185), который не видѣлъ тождества между мышленіемъ и созерцаніемъ и тѣмъ, до извѣстной степени, обезцѣнивалъ свою тонкую и подчасъ блестящую критику (срв S. 104. 173. 193 244).

Глава четвертая. Гегель предполагаетъ въ дальнѣйшемъ, что его читатель дѣйствительно осуществилъ актъ спекулятивнаго самоотреченія и увидѣлъ тотъ предметъ, который открывается „спекулятивно-прозрѣвшему“ взору. Поэтому онъ увѣренъ, что его утвержденія будутъ восприниматься адэкватно, въ созерцательно-оправданномъ видѣ и встрѣчать глубоко-серьезное отношеніе. И тогда „всѣ увидятъ“, что мысль есть нѣчто объективное. реальное, что она есть *сама* реальность и *единственная* реальность. Отсутствіе такого созерцательнаго „оправданія“ внесетъ, конечно, цѣлую систему недоразумѣній.

Геффдингъ превосходно описываетъ состоявшееся измѣненіе такъ: „когда мы мыслимъ бытіе то бытіе мыслитъ въ насъ;“ въ нашемъ мышленіи бьетъ пульсъ самого бытія, причемъ сохраняется ритмъ, повсюду ему свойственный“ (Ист. новѣйшей фил. стр. 149. 150) Онтологическій характеръ категоріальнаго движенія признаетъ и Noel (La Logique etc p. 18)· субъективному духу открывается доступъ къ вещи въ себѣ: „la vérité diffinitive réside dans le nouméne“ (Ibidem. p. 152). Hinkel характеризуетъ „reines Denken,“ какъ „Urbasis der Welt“ (Die speculative Analysis des Begriffs Geist etc. 1840. S 42). Hermann называетъ Гегеля „ein Dramatiker des objektiven Gedankeninhalts oder des geistigen Wesens der Dinge selbst“; это ученіе есть „Idealrealismus“ (Hegel etc. S. 39. 49. 50).

Напротивъ цѣлый рядъ писателей пытается понять это обстояніе— гносеологически Такъ еще Тренделенбургъ усматриваетъ здѣсь „nur eine Geschichte der Subjektiven Erkenntniss“ (Logische Untersuchungen. S. 92. 94—95) и притомъ толкуетъ „чистое мышленіе“ Гегеля, какъ противоположное „образному и нечистому“ (Zur Geschichte etc. S. 409). Роджерсъ увѣряетъ, что Гегель совсѣмъ не „признаетъ реальность одной чистой мысли“ (Введеніе стр. 109), а Льюисъ пытается свести ученіе Гегеля къ тому, что „наши мысли“ суть „реальность предметовъ“ (Исторія фил. стр. 618). Недостаточною представляется формула кн. С. Н. Трубецкого; „безъ мысли

и внѣ мысли ничто не мыслимо" (Соч. т. II. стр. 184). Нельзя согласиться и съ Л. М Лопатинымъ, когда онъ пишетъ: „абсолютная идея Гегеля— только мысль, только отвлеченіе разума" (Пол. задачи т I стр. 360): „только отвлеченіе разсудка" (стр 361). Willm не доводитъ дѣло до конца, рисуя его такъ „ma pensée... est la reproduction fidéle de la pensée, qui a produit l'univers" (Histoire IV. p. 152), а Ott превращаетъ ученіе Гегеля въ какой то крайній релятивизмъ; „l'idée, c'est le rapport" „lui même", „Hegel ...fait du monde un jeu de rapports" (Hegel etc. p. 66—67.) Hermann также останавливается на „Einstimmigkeit" между мышленіемъ и опытемъ (Hegel etc. S. 35. 36).

О сближеніи Гегеля съ Аристотелемъ можно найти у многихъ, напримѣръ, у Тренделенбурга, Гайма, Гейдера (Heyder, Kritische Darstellung und Vergleichung der Aristotelischen und Hegelschen Dialektik Erlangen. 1845); у Паульсена, Сета и другихъ.

Глава пятая. Идеѣ „всеобщаго" не удалось привлечь къ себѣ особеннаго вниманія въ литературѣ. Очень хорошо, хотя совсѣмъ коротко формулируетъ проблему Эд Фонъ Гартманъ; Гегель „verachtet die allgemeine Vorstellung, durch Abstraktion vom Besonderen entstanden, als hohlen und leeren Schemen und Schatten"; понятіе есть „das sich selbst Spezifizierende konkret Allgemeine" (Geschichte etc. S. 231). Lask съ проницательностью отмѣчаетъ, что всеобщее есть по Гегелю „ein reales Ganzes", и что Гегель признаетъ „Identitat von Umfang und Inhalt" (Fichtes Idealismus S. 58. 61). Hermann (Hegel etc. S. 294) и Вл. Соловьевъ (Кризисъ стр. 99) указываютъ на сродство между „понятіемъ" Гегеля и схоластическими „сущностями". Willm не совсѣмъ опредѣлительно различаетъ между „Simplement commun" и „le général véritable, l'universel" (Histoire. IV. 187) Такая же недоговоренность остается у Куно Фишера (Geschichte der neueren Philosophie B. VIII. Th 1. S. 530). Михелетъ (Entwicklungsgeschichte etc. S. 273) и Штааль (Geschichte der Rechtsphilosophie S. 425) признаютъ „единство" всеобщаго и особеннаго, но *содержательнаго тождества* между ними не усматриваютъ. Noel совсѣмъ не оцѣнилъ значенія категоріи Всеобщаго въ философіи Гегеля (La Logique etc. p. 89—90), а Гейеръ напрасно пытается приписать Гегелю воззрѣніе, что „единичное есть ничто" (Краткій очеркъ исторіи философіи права стр 101). Наиболѣе грубую ошибку сдѣлаетъ Ott: „Pour Hegel le mot de généralité ou d'universalité ne se rapporte jamais à la relation du tout et des parties" (Hegel etc. p. 73); интересно, что тотъ же авторъ тонко черезъ нѣсколько страницъ разъясняетъ терминъ „Urtheil" въ смыслѣ „un partage primitif", а терминъ „Begriff" въ смыслѣ „Une idée complète" (Ibidem. p. 79. 90).

Глава шестая. Можно считать, что время переоцѣнки значенія діалектическаго метода въ философіи Гегеля окончательно миновало. Когда, еще въ 1835 году Вейссе характеризовалъ эту систему словами „gediegene Trefflichkeit der Methode" и „trostlose Kahlheit ihrer Resultate" (Grundzüge der Metaphysik. Vorrede), то это было естественно; діалектическое „развитіе" понятія вначалѣ прямо ослѣпляло умы. Но уже тогда положеніе дѣлъ скрывало въ себѣ нѣкій внутренній юморъ; по замѣчанію Виндельбанда (Blüthezeit. 313) тому же Вейссе удалось изобразить „den sachlichen Gehalt" гегелева ученія „ohne die Methode", и притомъ такъ, что „der Gegenstand dabei zu Vieler Erstaunen nicht nur nichts verlor, sondern oft noch gewann". Конечно и позднѣе можно было встрѣтить въ литературѣ такую

же слѣпую переоцѣнку діалектики, напримѣръ, у Штааля: „das dialektische Gesetz nemlich ist der alleinige Inhalt des Systems“ (Geschichte etc. 455 срв. 442), или въ наше время у М. М. Рубинштейна, полагающаго, что „діалектическое“ является въ ученіи Гегеля критеріемъ всякой „цѣнности“ (Логическія основы etc. 734. 749).

Незабываемою заслугою Тренделенбурга является критически обоснованный призывъ сбросить „das falsche Staunen vor dem dialektischen Methodismus“ (Zur Geschichte etc. 414). Къ общимъ отрицательнымъ выводамъ Тренделенбурга, предуказаннымъ еще Шопенгауэромъ, вскорѣ присоединились Kopp, H. Ritter, E. Reinhold, Strümpel, а потомъ Stahl, Wirth и даже Weisse (Срв. Trendelenburg „Die Logische Frage in Hegels System. Neue Jen. All. Litter.—Zeitung 1843 № 45. 46. 47): а позднѣе Ueberweg принципіализировалъ это теченіе своей прекрасной формулой, гласящей, что ученіе Гегеля надо критиковать „durch scharf festzuhaltende Unterschiede“ (Grundriss der Geschichte der Philosophie Th. III. B. II. 49 Anm). Chalibaeus (Historische Entwicklung der speculativen Philosophie 1837) еще ранѣе пронизировалъ надъ „болѣзнью сочлененій“, которою поражена философія Гегеля, а Kahle развивалъ этотъ образъ такъ: „Unmethode, nach welcher er der gesunden Vernunft die Glieder erst entzweibricht, um sie schief zu heilen, und wieder sie zerbricht, um sie wieder ungrade zusammenzurecken“... (Darstellung etc. 110). Позднѣе отрицательные отзывы въ литературѣ становятся частыми (срв. напр. у Bluntschli. Исторія гос. права etc. 486 или у Feuerlein ueber die culturgeschichtliche etc. 314 и т. д.). Тонкій анализъ Макъ Таггарта и Эд. фонъ Гартмана завершаютъ это дѣло. Гартманъ прямо говоритъ объ „absurde dialektische Methode“; ея „unfruchtbares, eintöniges Geklapper“ ведетъ къ тому, что „bei keinem einzigen Schritt der Hegelschen Logik ist mehr geleistet, als eine geschickte oder ungeschickte Sophistik“ (Geschichte etc. 212. 236).

Критика Тренделенбурга, конечно, не во всемъ убѣдительна; такъ, онъ напрасно толкуетъ Гегеля разсудочно и превращаетъ его метафизику въ простую логику (срв. Alexis Schmidt. Beleuchtung der neuen Schellingschen Lehre von Seiten der Philosophie und Theologie 110—127. 161—213); напрасно изображаетъ „движеніе“ понятія въ созерцательно-пространственномъ смыслѣ (Logische Untersuchungen. I. 38—42. 47. 108 и др.); напрасно упускаетъ изъ вида, что Гегель *сознательно* вышелъ изъ формальныхъ противорѣчій въ сферу реальныхъ противоположностей (срв. Barth. Die Geschichtsphilosophie Hegels und der Hegelianer 6). И тѣмъ не менѣе, критическая заслуга Тренделенбурга несомнѣнна и гнѣвъ Габлера, укорявшаго его за „убійственную свирѣпость“, психологически понятенъ (срв. Trendelenburg Die Logische Frage etc. 186).

То обстоятельство, что діалектика Гегеля имѣетъ не чисто логическій, но, можетъ быть, именно *органическій* характеръ, было нѣсколько разъ отмѣчено въ литературѣ. Такъ еще Stahl писалъ, что діалектическій методъ найденъ „nicht auf logischem Wege“ (Geschichte etc. 427). Куно Фишеръ сближалъ Гегеля въ этомъ отношеніи съ Гераклитомъ, Николаемъ Кузанскимъ и Джордано Бруно (Geschichte etc. VIII. Th. 1. 497). Mc. Taggart указываетъ: „There is only development, the rendering explicit what was implicit, the growth of the seed to the plant“ (The Changes of method in Hegel's dialectic. Mind. 1892, p. 70, 71); а Гартманъ настойчиво подчеркиваетъ „das immanent Unlogische der dialektischen Idee Hegels“ (Neukantianismus etc. 308).

Объ отношеніи Гегеля къ *закону противорѣчія* мнѣнія расходятся. Многіе оказываются некомпетентными въ этомъ вопросѣ потому, что, идя по стопамъ Гегеля, смѣшиваютъ законъ противорѣчія съ закономъ тождества (такъ у Michelet. Entwickelungsgeschichte. etc. 267; у Гилярова-Платонова Онтологія etc. ст. первая стр. 23) Вл. Соловьевъ вѣритъ, будто Гегелю удалось отвергнуть законъ противорѣчія и полагаетъ даже, что философъ застраховался этимъ отъ „внутреннихъ противорѣчій“ (Кризисъ etc. 55). Напротивъ Льюисъ „(Исторія etc. 614, 616). Hermann (Hegel etc. 268) и Noël (La Logique etc 15) думаютъ, что Гегелю дѣйствительно удается мыслить логически-противорѣчивыя содержанія. Зато Willm правильно отмѣчаетъ, что Гегель самъ разсуждаетъ не иначе, какъ по законамъ обычной логики (Histoire IV. 314).

Геффдингъ (Исторія etc. 151) и Роджерсъ (Введеніе 121) напрасно пытаются истолковать діалектическій процессъ субъективистически, какъ если бы все сводилось къ „произвольнымъ“ измѣненіямъ „въ области нашихъ идей“. Напротивъ кн. С. Н. Трубецкой (Соч. II. 337) и Кэрдъ (Гегель. 155, 158) открыто признаютъ *объективный* характеръ діалектическаго процесса; и въ этомъ они вполнѣ правы. Zeller также указываетъ на „objektive Bewegung des Begriffs“ (Geschichte etc. 781) Л. М. Лопатинъ превосходно отмѣчаетъ у Гегеля „принципіальное отсутствіе различія между субъективнымъ и объективнымъ діалектическимъ процессомъ (Полож. задачи I. 383). Михелетъ формулируетъ самое существенное: „der göttliche Gedanke ergeht sich für sich selbst in dem philosophischen Subjekte, als seinem Substrate; und diese objektive Bewegung der Sache selbst, der wir nur zuzusehen haben, ist die Methode der Hegelschen Philosophie“ (op. cit. 243). Розенкранцъ сообщаетъ, что въ іенскихъ лекціяхъ 1806 года Гегель самъ характеризовалъ діалектическое движеніе Понятія, какъ „Lebenslauf Gottes“ (Hegels Leben. 192).

Глава седьмая. Природа „спекулятивной конкретности“ остается почти не выясненной въ литературѣ. Большая часть писателей говоритъ о „конкретномъ“, какъ о чемъ то само собой понятномъ и не нуждающемся въ дальнѣйшихъ поясненіяхъ. Такъ обстоитъ дѣло даже у Эд. фонъ Гартмана; можетъ быть именно поэтому онъ протестуетъ противъ того, что „der positive Zweck des Logischen, den es rein aus sich selbst erzeugen soll, bleibt unklar bei Hegel“ (Neukantianismus etc. 268). Нѣсколько глухо говоритъ Розенкранцъ über „das Concrete im engeren Sinn“ (Hegels Leben. 287): также Lask: „das Metaphysisch-Konkrete“ (Fichtes Idealismus etc 63). Кэрдъ опредѣленнѣе указываетъ на то, что „идея есть органическое единство всѣхъ другихъ категорій“, но почему то не характеризуетъ этого обстоянія терминомъ *конкретности* (срв. Гегель. стр. 183, 43, 47, 157, 164, 190, 191, 227, 228, 229). П. И. Новгородцевъ правильно пользуется терминомъ „конкретности“ въ смыслѣ „полноты опредѣленій“ (Кантъ и Гегель. 201, 202.); однако этимъ еще не затрогивается вопросъ о характерѣ ихъ внутренней связи.

Цѣлый рядъ писателей связываютъ идею конкретнаго съ высшими ступенями процесса. Такъ обстоитъ у Ибервега (Geschichte Th. III. B. II. 55): также у Ласка (Fichtes Idealismus. 62); у Miraglia: „procedere dall'astratto al concreto“ (I principi fondamentali dei diversi sistemi di filosofia del Diritto. 85). Wallace опредѣляетъ: „the same selfidentical thought is set forth

from its initial narrowness and poverty on to its final amplitude and wealth of differences" (Prolegomena. p. 380).

Истинное положение дѣлъ вѣрно предчувствуетъ Noël: „La synthèse est l'unité de la these et de l'antithese, mais une unité qui préexiste à ses élêments et en certain sens contient plus qu'eux". (La Logique etc 16). Къ сожалѣнію авторъ не развиваетъ эту концепцію. Правильно отмѣчаетъ Геффдингъ: богатѣйшее понятіе „содержитъ въ себѣ предыдущее". (Исторія etc. 150). Kahle, иронически и негодующе, даетъ совершенно вѣрное опредѣленіе, отождествляя „объективную всеобщность" съ „конкретной тотальностью" Darstellung etc. 12. Anm 28 и 30) Столь же мимоходомъ даетъ вѣрное опредѣленіе и Wallace: „A concret notion is a notion in its totality, looking before and after, connected indissolubly with others a unity of elements, a meeting-point of opposites" (Prolegomena. 304)

Наряду съ этимъ литература содержитъ также немало недоразумѣній Еще Тренделенбургъ усматривалъ въ логикѣ Гегеля „не мощное единство конкретнаго, но плоскую однаковость абстракціи", это становится понятнымъ, если принять во вниманіе, что подъ „конкретностью" авторъ разумѣетъ богатство *мірового* содержанія (Logische Untersuchungen I. 66. 94—95. 108). Ту же ошибку повторяетъ и Haym (Hegel etc. 237, 289, 290, 315, 319, 322, 324, 409, 410, 428, 429). Опредѣленно смѣшиваетъ „конкретное—эмпирическое" съ „конкретнымъ—спекулятивнымъ" Гиляровъ—Плагоновъ (Онтологія etc., статья I 3) Полнѣйшую пустоту усматриваетъ въ логикѣ Гегеля — Ott· „Dieu et l'univers, c'est le rien, déterminé par une série de non" (Hegel ets. 112 срв. 72) Неправъ Fester, утверждая, что у Гегеля развивается только форма, но не содержаніе (Rousseau und die deutsche Geschichtsphilosophie. 272). Нельзя согласиться съ Л. М Лопатинымъ, когда онъ говоритъ, что у Гегеля „болѣе конкретныя" опредѣленія суть „болѣе частныя" (Положит. задачи I. 345). Ehrenberg считаетъ возможнымъ свести конкретность понятія къ его „опредѣленности" и „единственности" (Die Parteiung der Philosophie. Studien wider Hegel und die Kantianer 1911. S. 38). Интересная книга J. Hutcheson Stirling. The secret of Hegel извѣстна мнѣ, къ сожалѣнію, только изъ вторыхъ рукъ и по журнальнымъ рецензіямъ

Глава восьмая. Ученіе Гегеля о божественности понятія настолько необычно и, при неадэкватности созерцанія, настолько невообразимо и непонятно, что мало кто изъ комментаторовъ соглашается серьезно отнестись къ нему, или, тѣмъ болѣе, раскрыть его систематически. Именно поэтому въ ученіи о Богѣ communis opinio doctorum заставляетъ себя ожидать и досетъ.

Такъ, по вопросу о „субъектности" Божества, разногласія существуютъ со времени раздѣленія гегеліанства на правую и „лѣвую". Классически разрѣшалъ эту проблему Розенкранцъ: Божество по Гегелю не есть „Person", т.е. „Beschränktheit, raumlich-zeitliche Endlichkeit", но есть творческая „субъективность" и, въ смыслѣ нераздѣльной цѣльности — „in-dividuum" (Hegels Leben 206, 401). Въ пользу такого же пониманія высказывался и Эрдманъ старшій: „der allgemeine Geist, dieses grosse Individuum" (Grundriss der Geschichte der Philosophie II. 597). Куно Фишеръ признавалъ, что Абсолютное есть Субъектъ въ томъ смыслѣ, что оно „Selbstunterscheidung" „Selbstthätigkeit" (Geschichte VIII. Th 1. 291); или иначе, „selbstbewusste Vernunft oder Geist" (Ibidem. 305); „Selbstverwirklichung des

Begriffs“ (292); „moralische Weltordnung“ als „Liebe“ (293). Столь же вѣрно формулируетъ и Гартманъ: „Begriff, das eine absolute subjekt des logisch-dialektischen Prozesses“ (Geschichte etc. 241, 245). Хорошо и у Seth: „the determination of the Absolute as Subject or Spirit; „a process of self-creation“ (Development etc. 68, 78)

Склоняясь въ этомъ вопросѣ скорѣе къ лѣвымъ гегельянцамъ, Л. М. Лопатинъ отказывается видѣть въ Субстанціи нѣкое живое „существо“ (Полож. задачи I 358) Аналогичное воззрѣніе особенно настойчиво развиваетъ Stahl: разумъ есть „substantielles Denken ohne denkendes Subjekt“, „unpersönlicher Weltgeist“, „Subjektloses Denken“, „Traumwelt .. noch ohne einen Träumenden“ (Geschichte etc. 415, 424, 433, 456). Генеръ отказываетъ Абсолютному даже въ „дѣятельности“ (Краткій очеркъ etc. 100).

По вопросу о „пантеизмѣ“ у Гегеля — въ литературѣ существуетъ также не мало разногласій. Большая группа писателей опредѣленно признаетъ Гегеля пантеистомъ, хотя и не всѣ сходятся въ основаніяхъ для такой характеристики Ближе всѣхъ къ истинѣ тѣ, кто говоритъ о логическомъ пантеизмѣ или *панлогизмѣ*. Напримѣръ у кн. С. Н. Трубецкаго мы читаемъ: „есть ли вообще на свѣтѣ что нибудь, кромѣ логики? По Гегелю, строго говоря, слѣдовало бы отвѣчать рѣшительнымъ нѣтъ“ (Cor. II. 340). По мнѣнію П. И. Новгородцева, Гегель видитъ въ логикѣ „самое существо абсолютнаго духа“, „наука“ есть сущность духа, „то царство, которое онъ создаетъ по самой своей природѣ“ (Кантъ и Гегель. 200, 199) Паульсенъ характеризуетъ философію Гегеля, какъ „logischer Pantheismus“ (Einleitung etc 317). Къ этому же воззрѣнію примыкаютъ Janet et Seailles: „c'est le panlogisme“ (Histoire 161, 877, 878) и другіе (см во второмъ томѣ примѣчанія къ 22-й главѣ) Блунчли (op. cit. 493). и Градовскій (Политическая философія Гегеля. Журн Мин. Нар. Просв. 1870. Іюль. стр. 42) говорятъ о „пантеизмѣ“ Гегеля безъ дальнѣйшихъ опредѣленій. Willm совершенно вѣрно характеризуетъ ученіе Гегеля, какъ „panthéisme idealiste“, согласно которому Богъ не есть „l'ensemble des choses finies (Histoire. IV. 326).

Въ противоположность этому вдумчивому подходу, другіе комментаторы приписываютъ Гегелю именно тотъ вульгарный „пантеизмъ“, который онъ отвергалъ подъ именемъ „Allesgotterei“ Вундтъ непонятнымъ образомъ приписываетъ Гегелю и „панлогизмъ“ и грубый эмпирическій космизмъ: „die sinnliche, empirische Welt ist die wirkliche Welt“ (Einleitung etc. 328. 330). Ott полагаетъ, что Гегель вмѣстѣ съ Шеллингомъ исповѣдовалъ „l'identité de Dieu et de toutes choses“ и, въ довершеніе, „le fatalisme“ (Hegel etc. 65). Stahl высказывается особенно опредѣленно: „Gott ist das All, die ganze erfüllte Welt, wie sie ist“. согласно этому, старанія Гегеля направлены къ тому, чтобы „die Welt in ihr selbst ohne Gott begreiflich zu machen“ (Geschichte etc. 415. 424). Невѣрно излагая § 50 и § 537 Энциклопедіи, Stahl увѣряетъ при этомъ, что Гегель самъ настойчиво защищался отъ упрека въ пантеизмѣ (Ibidem 464—465) Неосторожныя формулы даютъ, далѣе, Hinkel (Specul. Analysis etc. 107) и Іодль: „сила Божія есть все и вся“ (Исторія этики II. 124). Гегель не разъ, открыто и недвусмысленно, причислялъ Спинозу и себя къ истиннымъ пантеистамъ, т. е. къ акосмистамъ. Поэтому неправъ Lask, утверждая, что Гегель избѣгалъ и избѣгъ „метафизическаго акосмизма“ (op. cit. 60). Неправъ также Гартманъ, когда говоритъ: „Spinozas Monismus teilt er, aber nicht seinen Akosmismus“

(Geschichte etc. 207.). Точно также напрасно Michelet отрицаетъ пантеизмъ Гегеля на томъ основаніи, что въ его философіи категорія „цѣлаго-части“ не есть высшая (op. cit. 270), а Noel на томъ основаніи, что Гегель „приравниваетъ“ Бога не міру, а разуму (La Logique etc. 141, 146). Наконецъ Lèbre объявляетъ, что система Гегеля „avec son vêtement sacerdotal et la pompe religieuse de sa parole, n'est .. qu'un athéisme emphatique“ (Crise etc. 15).

Глава девятая. Несмотря на всѣ старанія Гегеля показать *подлинность* и *содержательность* созерцаемой имъ реальности, цѣлый рядъ писателей жалуется на формальность и пустоту его Логики. Рѣзче всѣхъ это выражено у Вл. Соловьева: онъ сводитъ ученіе Гегеля къ тому, что „формы нашего мышленія суть истинно сущее“, и, далѣе, договаривается до того, что Милль и Гегель суть одинаково формалисты въ Логикѣ, но только одинъ признаетъ „первенство“ за „логическими понятіями“, а другой за „чувственными состояніями сознанія“ (Сог. I. 127, срв. 99, 128, 129). Пустоту перваго „Sein“ признаетъ и Гиллировъ-Платоновъ; это „ничто“, о коемъ и „сказать нечего“ (Онтологія etc ст I. 12). Къ этому пониманію приближается и Hermann Логика есть не болѣе, „als eine erweiterte Kategorieenlehre“ (Hegel etc 29, 199 и др.). Напротивъ Эрдманъ старшій подчеркиваетъ то, что Логика разсматриваетъ совсѣмъ не только „die Form des Realen“, но „das wahrhaft und einzig Wirkliche“ (Grundriss etc. 601).

Наум превосходно, но не исчерпывающе, опредѣляетъ Логику Гегеля, какъ ученіе о „вещи въ себѣ“ (Hegel etc. 295): *религіозное* значеніе ея остается не вскрытымъ. Wallace напрасно пытается свести это религіозное содержаніе Логики къ тому, что она даетъ „only a phantom Deity— the bare possibility of a God or of absolute reality“ (Prolegomena. 380, 381). Noël гораздо ближе къ истинѣ, когда сводитъ „le contenu entier de la Logique“ къ démonstration dialectique“ de „l'existence de Dieu“ (La Logique etc. 99). Поэтому совершенно правъ П. И. Новгородцевъ, когда говоритъ о „пантеистическомъ значеніи Логики“ (Кантъ и Гегель. 203). Превосходно описываетъ содержаніе Логики Розенкранцъ: это есть спекулятивная теологія (Hegels Leben 286).

Связь между Логикой и „конкретными“ сферами вызываетъ еще болѣе разногласій. Кэрдъ напрасно увѣряетъ, что Гегель „просто“ разсматривалъ категоріи сами по себѣ прежде, чѣмъ примѣнить ихъ къ объектамъ (Гегель. 182). Еще большее искаженіе допускаетъ Фалькенбергъ. „Логика разсматриваетъ идею въ абстрактномъ элементѣ мышленія, лишь такъ, какъ она мыслится, а не такъ, какъ она созерцается“ (Исторія etc 411). Соотношеніе между Логикой и конкретными сферами Вл. Соловьевъ сводитъ къ „логическому пріоритету“ (Сог. I. 110, 111), а Janet сравниваетъ съ отношеніемъ „плана“ къ „городу“ (Janet et Séailles. Histoire etc. 546). Вундтъ окончательно упрощаетъ всю проблему, усматривая здѣсь „eine Classifikation der Gesamtheit der Wissenschaften (Einleitung. 53): при такомъ пониманіи отъ философіи Гегеля не остается ничего.

Интересно сообщеніе Розенкранца о томъ, что въ лекціяхъ 1806 года Гегель самъ называлъ Идею „die Nacht des Göttlichen Mysteriums, aus dessen ungetrübter Dichtheit die Natur und der Bewusste Geist zum Bestehen für sich freigelassen würden“ (Hegels Leben 192). Тѣмъ не менѣе Zeller колеблется въ признаніи здѣсь мистико-историческаго оттѣнка (Gechichte etc. 792—793); Noel прямо отрицаетъ его (La Logique etc. 133—134); а Michelet утверждаетъ, что Гегель имѣлъ въ виду исключительную и пол-

ную имманентность Божества—міру и духу (op. cit. 243—256. 282—283. 303 304).

Нѣкоторые писатели указываютъ на то, что Логика что то „отображаетъ“ или „построяетъ“; почти никто не хочетъ серьезно повѣрить, что по Гегелю Логика есть *сама реальность*: подлинно присутствующее Божество. Тренделенбургъ думаетъ, что категоріи Логики построяютъ конкретную—эмпирическую вещь (Zur Geschichte etc. 411). Hinkel принимаетъ ее за „Abbild des Lebens“ (Speculative Analysis etc. 55): Ehrenberg за „Abbild des Selbstbewusstseins“ (Parteiung etc 9); Геффдингъ за „основу бытія“ (Исторія etc. 152): и т. д.

Hermann дѣлаетъ иную ошибку, истолковывая категоріальный рядъ Логики, какъ *временный*, раскрывающійся „Zu einem Nacheinander“, „nach einer einzigen Dimension, der der Zeit“ (Hegel etc. 306). Напротивъ, Куно Фишеръ совершенно правильно усматриваетъ, что категоріи „sind alle zugleich, also Zeitlos oder ewig“ (Geschichte etc VIII. 1. 444).

Двукратное появленіе Логики, въ началѣ теогоническаго процесса и въ концѣ его, отмѣчаютъ Stahl (Geschichte etc. 415—416) и Чичеринъ (Исторія политическихъ ученій IV. 577—578). Понятно, что о *знаніи* можетъ быть рѣчь только примѣнительно къ Логикѣ—конца Однако Франкъ считаетъ возможнымъ утверждать, что Гегель отождествлялъ „абсолютное съ знаніемъ, какъ таковымъ“. (Предметъ познанія. 502 503).

Къ сопряженію различныхъ частей Логики съ отдѣльными сферами подходитъ только Noel (La Logique etc 22)· но, къ сожалѣнію,—неувѣренно и неопредѣлительно.

Глава десятая. Высказываясь по вопросу о „выведеніи“ или „обнаруженіи“ эмпирическаго міра изъ глубины Идеи, отдѣльные мыслители не удовлетворяются прикровенно-мистическими описаніями Гегеля. Геффдингъ называетъ этотъ переходъ—„однимъ изъ труднѣшихъ пунктовъ Гегелева метода“ и, вслѣдъ затѣмъ, сводитъ дѣло къ „устраненію абстракціи“ и „возвращенію къ даннымъ опыта“ (Исторія etc 152). Rehmke указываетъ осторожнѣе, что опредѣленіе природы, какъ „Idee im Anderssein“, есть лишь „ein neues Rathselwort“ (Grundriss etc. 283). Lask характеризуетъ Гегеля какъ „эманатиста“ „die empirische Wirklichkeit, als Ausfluss seines (des Begriffs) überwirklichen Wesens“ (Fichtes Idealismus. 25. 56. 60—61); однако, на мистической сторонѣ этого событія и онъ не останавливается. Превосходно излагается эта дедукція у Куно Фишера, имѣющаго въ виду еще франкфуртскія работы Гегеля: абсолютное бытіе есть абсолютный духъ: т.-е. самопознаніе; т.-е. саморазличеніе; т.-е. самоудвоеніе (Срв. Geschichte VIII. 1. 53).

Раціоналистическую мечту Гегеля о томъ, что природа не искажаетъ Понятія, Noack характеризуетъ такъ: Гегель предпосылаетъ das reale Kunstwerk des Universums, den schönen lebendigen Kosmos“ (Schelling etc. I. 425). Lask также отмѣчаетъ у Гегеля „Verlangen nach absoluter Begreiflichkeit alles Einzelnen“ (op. cit. 62). Mac Taggart пишетъ: „in the universe is realised the whole of reason, and nothing but reason“ (Mind. 1892. 205). Alexis Schmidt выражаетъ то же самое не совсѣмъ точнымъ гносеологическимъ оборотомъ: „Die Natur hat für Hegel nur sofern Werth und Bedeutung, als der Gedanke sich darin erkennt“ (Beleuchtung etc. 120).

Однако еще Эрдманнъ старшій отмѣчалъ, что Гегель „сердился“ на природу за ея ирраціональность (Grundriss etc. 601). Janet et Seailles вѣрно

констатируютъ, что l'idée „dans la nature ne trouve qu'une expression imparfaite, inadéquate“ (Histoire. 741). Wallace также признаетъ „the inevitable imperfection of reality“ (Prolegomena etc 477). Exner иронически замѣчаетъ: „Es ist gewiss eine originelle Wendung den Gegenständen es zur Last zu legen, wenn die Begriffe des Denkens auf sie nicht passen wollen“. (Die Psychologie etc. 70—71). Въ связи съ этимъ надо признать, что то уважительное отношеніе къ эмпирическимъ наукамъ, которое Розенкранцъ приписываетъ Гегелю (Hegels Leben. 153) появилось у него лишь въ болѣе позднюю эпоху Отвращеніе къ ирраціональному было у Гегеля такъ велико, что доводило его до своеобразной слѣпоты; поэтому утвержденіе Ласка, что ни одна философія не была такъ далека отъ „Verkennung der Irrationalität“, какъ философія Гегеля, слѣдуетъ признать сильно преувеличеннымъ (op cit 67) Ott дѣлаетъ другую ошибку, увѣряя, что міръ превратился у Гегеля въ эмпирическій хаосъ, или, что то же (?), въ отвлеченную пустоту: „l'etre abstrait“, „le néant“, „un mouvement de va et vient dans le vide“, „il n'est pas question ici de but, de prévision d'harmonie“. (Hegel etc. 130). Это, несомнѣнно, одно изъ самыхъ курьезныхъ недоразумѣній изъ всѣхъ, которыя существуютъ въ литературѣ о Гегелѣ.

Глава одиннадцатая. Можетъ быть, ни одно понятіе въ философіи Гегеля не вызвало столькихъ недоразумѣній, какъ понятіе „дѣйствительности“. Большинство писателей не обращало вниманія на то своеобразное и глубокое значеніе, которое вкладывалось Гегелемъ въ этотъ терминъ и, въ результатѣ этого, терминъ истолковывался въ обычномъ, повседневномъ смыслѣ, а полемика утрачивала всякій смыслъ.

Въ такомъ псевдо-полемическомъ искаженіи повиненъ, прежде всего Наум, доходившій до утвержденія, что Гегель исповѣдовалъ разумность *эмпирической* дѣйствительности (Hegel etc 368). Rosenkranz былъ совершенно правъ, замѣчая, что Гаймъ толкуетъ слово о „разумности дѣйствительнаго“ „ganz in dem vulgären Sinn einer Vergötterung des gemeinen empirischen Daseins, als eine Taufformel der Restauration“.. (Apologie Hegels gegen Dr. R. Haym. 45). Тонкую и убѣдительную защиту Гегеля даетъ П. И. Новгородцевъ (Кантъ и Гегель. 29—42). Напротивъ, Блунчли движется по стопамъ Гайма и усматриваетъ въ ученіи Гегеля источникъ „вялаго квіэтизма“, „беззавѣтнаго подчиненія“, „обманчивой идеализаціи“ и т д (Исторія etc. 492). „Такъ то въ центрѣ мірового духа возсѣдалъ Гегель“, заканчиваетъ онъ свою мнимую критику, „поддерживая равновѣсіе между разумнымъ и дѣйствительнымъ. Притязаніе необычайное, безграничное“ (Ibidem 501). Самое вульгарное толкованіе Гегелевой „дѣйствительности“ даетъ Шершеневичъ (Исторія философіи права стр. 568—569 и др).

Paulsen дѣлаетъ обратную ошибку отождествляя по Гегелю „Wirklichkeit„ и „Wahrheit“ (Einleitung 29) Подобную же ошибку можно найти и у Rehmke: „reines Denken“ (разумность) и „wahres Sein“ (дѣйствительность) содержательно покрываютъ другъ друга (Grundriss etc. 282). Въ связи съ этимъ нельзя не отмѣтить, что Noel (La Logique etc 75 и сл.) и Willm (Histoire IV 178 и сл.) напрасно передаютъ нѣмецкое „Wirklichkeit“ французскимъ „La réalité“. Крайнее упрощеніе въ толкованіи гегелевой „дѣйствительности“ можно найти у М. М. Рубинштейна (Rubinstein. Das Wertsystem Hegels etc. Kantstudien 1910. 264).

Нѣкоторое колебаніе въ толкованіи этого термина можно найти даже

у Эд. фонъ Гартмана, что объясняется, впрочемъ тѣмъ, что Гегель самъ говорилъ *иногда* „Wirklichkeit“ вмѣсто „Realität“ (Hartmann. Geschichte etc 243). Willm вѣрно подходитъ къ различенію между дѣйствительностью и эмпирическимъ существованіемъ (Histoire etc. IV 114). Вѣрно разъясняетъ и Miraglia: „per Hegel non è ideale tutto ciò che accade, bensì quello che accade“ (I principi etc. 87). Куно Фишеръ безошибочно указываетъ, что „Wirklichkeit“ есть результатъ „der Wirksamkeit der Vernunft“ (Geschichte etc. VIII 1. 516) Хорошо у Градовскаго: „Дѣйствительность есть единство бытія и понятія, когда идея осуществилась въ явленіяхъ, а явленія вполнѣ соотвѣтствуютъ идеѣ въ понятіяхъ“ (Полит. Фил Гегеля 67. 51.). Спекулятивную и эмпирическую дѣйствительность прекрасно противопоставляетъ П. И. Новгородцевъ, подчеркивая различное и нерѣдко прямо противоположное отношеніе Гегеля къ той и къ другой (Кантъ и Гегель. 183 210).

Глава двѣнадцатая Спекулятивный оптимизмъ Гегеля, выражающійся въ томъ, что онъ созерцаетъ только совершенныя осуществленія Божества, находилъ себѣ не разъ признаніе въ литературѣ. Это не просто тотъ „optimismus der Kultur“, о которомъ говоритъ R. Eucken (Die Lebensanschauungen der grossen Denker 462—464), но тотъ оптимизмъ, въ силу котораго Гегель видитъ только „l'idéal réalisé, transporté dans les faits, incarné dans la matière“ (Beaussire. Le centenaire de Hegel. Revue des deux Mondes 1871. 149.). Сущность его предмета, по превосходному опредѣленію П. И. Новгородцева, въ томъ, что „норма представляется уже осуществленной въ вѣчномъ образѣ абсолютнаго“ (Кантъ и Гегель. 182). Философія Гегеля посвящена именно тѣмъ совершеннымъ осуществленіямъ Божества, которыя Эрдманнъ старшій называетъ „geistige Gestalten“ (Grundriss etc. 612; срв. 598); Куно Фишеръ сопоставляетъ ихъ съ „потенціями“ Шеллинга (Kuno Fischer op cit. VIII 1. 229), а Іодль называетъ ихъ „идеальными ступенями“ (Исторія этики II. 98).

Имѣя въ виду то содержательное богатство, которое Гегель развертываетъ, восходя по этимъ ступенямъ,—нельзя не понять, ни оправдать заявленія Штааля, согласно которому Гегель признаетъ только дедуктивную діалектику, „ignorirt das Wesen der Dinge selbst“, и создаетъ „diese Monotonie und den inneren Lebensmangel“ (Geschichte etc. 432). Подобно этому не соотвѣтствуетъ ничему и утвержденіе Hermann'a, согласно которому Гегель ищетъ всюду только „eine formale Definition oder abstracte Begriffsbestimmung“ (Hegel etc. 161. 164) Неправъ и Эдуардъ фонъ Гартманнъ, когда говоритъ: „In Hegels Optimismus hat die Welt in der That gar kein Interesse daran, sich zu entwickeln, da sie sich in jedem Moment ganz befriedigt findet“ (Schellings positive Philosophie als Einheit von Hegel und Schopenhauer. 34); на самомъ дѣлѣ прогрессивный динамизмъ заложенъ въ самыхъ корняхъ гегелева ученія. Понятія суть творческія силы, ведущія борьбу за адэкватное бытіе: „die Begriffe sind die ewigen Seelen der Dinge“ (Hinkel Speculative Analysis. 43). Именно поэтому панлогизмъ Гегеля ведетъ не къ статическимъ построеніямъ, а къ раскрытію жизненно-духовнаго процесса.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе . . . . . I—X.

Часть первая. Ученіе о сущности Божества.

Глава I. Конкретное-эмпирическое 1
II. Абстрактное-формальное 19
III О спекулятивномъ мышленіи вообще. (Ученіе о разумѣ). 37
IV. Реальность мысли 65
V. Всеобщность мысли. 90
VI. Діалектика. 118
VII. Конкретное-спекулятивное. . . . . 141—170

Часть вторая. Ученіе о пути Божіемъ.

Глава VIII. Понятіе и Наука 173
IX. Логика. 192
X. Мірозданіе 217
XI. О дѣйствительности. 238
XII. Образы міра . . . . . 258—277

Литературныя добавленія.

1. Произведенія Гегеля . . . . . 281—286
2 Литература о Гегелѣ.

Глава I. 287
II 288
III. 288
IV. 291
V. 292
VI. 292
VII. 294
VIII. 295
IX. 297
X. 298
XI. 299
XII. 300